

Василий Гриневич

ЗАЧЕТ ПО ВЫЖИВАЕМОСТИ

...Тридцать лет назад количество аварий и катастроф в космосе внезапно — и неизвестно почему — приняло чудовищные размеры. С тех пор «выживаемость» стала обязательной дисциплиной в курсе обучения будущих звездолетчиков.

Василий Гриневич

Зачет по выживаемости

Зачет по выживаемости

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Но в скафандре своем белоснежном
Нет, не сдался смертям астронавт.
И опять по просторам безмежным
Разнеслось слово звонкое «Старт!»

Алексей Гонак, 10 лет

Скажи мне, чему ты рад?
Постой, оглянись назад!
Постой, оглянись назад,
И ты увидишь, как вороны кружат
И вянет листопад
Там, где раньше был цветущий сад!

Андрей Макаревич, 26 лет

10 мая 2189 года, воскресенье. Вечер.

До зачета — 35 дней и 14 часов

Перед заходом солнца мы разбили лагерь в неглубоком распадке. Вокруг — сумрачные высокие ели. Выше елей — только снежные вершины. Сегодня мы оставили позади последний перевал и спускаемся к базовому лагерю, расположенному на одном из притоков Роны. Остался еще один дневной переход.

Кожа на пальцах рук потрескалась, ломит спину. Лица почернели от горного ультрафиолета, и лишь там, где были солнцезащитные очки, кожа имеет более или менее нормальный оттенок. Холодно. Впрочем, холодно было и вчера, и позавчера, и всю последнюю неделю, пока мы шли через зону вечных снегов. Не верится, что где-то в мире существует теплое море, жаркое солнце, и раздетые люди играют в пляжный волейбол на горячем песке. Невозможно представить. Это что-то из области фантастики. Прекрасно представляется метель в лицо, ледяное крошево под ногами, пар, толчками вырывающийся изо рта, и Алексей, который скользит вместе с рюкзаком в расщелину.

Сейчас Алексей сидит, прислонившись спиной к моей спине, и греет ладони об чашку с обжигающим кофе. Потрескивает костер, и, когда пламя вспыхивает сильнее, из темноты выступает наша палатка. По другую сторону костра ужинают Юра и Валентин. Гриша отказался от ужина, пробормотав сквозь сон, что от нашего варева у него желудок сводит, и завтра в лагере он поест, как белый человек.

Инструктор курит. Он вышел к нам по пеленгу сегодня днем у границы ледника и подсказал место, где лучше разбить лагерь. Он сидит у костра длинный, как жердь, худой, такой, как часто изображают Дон Кихота: костистое, удлиненное лицо, уголки губ опущены. Я знаю его пять лет — он всегда один и тот же: невозмутимый, худой, в профиль похож на Ламанчского рыцаря Печального Образа. Возможно, это прозвище, Дон Кихот, в конце концов, приклеилось бы к нему, если бы он не исповедовал совершенно другую, отличную от дон-кихотовской философию. Впрочем, некоторое время, я помню, за ним ходило прозвище Идальго, скорее, по созвучию: Виталий — Виталька — Идальго. Звали его Виталий Брониславович Поль и был он в Днепропетровской Астрошколе инструктором по выживаемости.

Иногда я ловлю себя на том, что среди суеты, толкотни, напора жизни стоит на мгновение отвлечься, оглянуться вокруг, и покажется все как будто впервые увиденным, полуреальным. Как правило, это чувство возникает в начале или в конце какого-то цикла. Например, сейчас, когда мы последний раз греемся около костра, а завтра будет базовый лагерь, стратоплан, а потом выпускной зачет по выживаемости. Я помню, пять лет назад, на следующий день после поступления в Днепропетровскую Астрошколу, я впервые пережил подобное ощущение, и пробудил его во мне именно Поль. Было второе сентября 2184 года...

Я никогда не слышал голоса такого густого тембра.

— Задумаемся об общем принципе, по которому живет и действует человек во враждебном ему окружении. Практика выживаемости — всего лишь инструмент в достижении цели.

Несмотря на крайнюю худобу, голос у него такой, каким обычно пугают малышей. Закрой глаза — и можно ясно представить себе такого Карабаса Барабаса, огромного, с

горящими, как уголья, глазами, повелителя кукольного народца. Но нет: я открываю глаза и вижу все тот же худощавый профиль, никакого напора во взгляде, взгляд вообще направлен куда-то на тополя за окном, словно он не лекцию читает для курсантов, а рассуждает сам с собой о вещах банальных, тысячу раз уже обговоренных, а потому никому не интересных.

— В масштабе Управления Косморазведкой у вас нет индивидуальности. Вы представляете собой безликую статистическую единицу. В худшем случае — несколько строчек в сводке потерь. Никого не интересует, как вы выглядите, что любите или ненавидите, с кем дружите. Однако, получив диплом, вы становитесь определенной материальной ценностью, стоимость которой постоянно возрастает. Цена опытного пилота, повторяю, *опытного* пилота, включающая в себя образование в Астрошколе, курсы переподготовки, ежегодную страховку и так далее, соизмерима с ценой небольшого ракетоплана. Через десять-двенадцать лет вы будете стоить дорого, очень дорого. — Он переводит взгляд с начинающих желтеть тополей на нашу аудиторию и делает небольшую паузу. Ничего нельзя прочесть в его глазах, как в темном выключенном экране — безмятежная пустота какая-то, как в небе, как ничего нельзя прочесть в деревьях или в закате. А как было бы здорово написать: «В его глазах угадывался ледяной холод пространства, затаенная скорбь» или что-то подобное в этом роде, не менее эффектное. Неопределенного камуфляжного цвета были у него глаза, и не сквозил в них ни пронизывающий вселенский холод или ураганные порывы, и не накатывал звездный прибой.

— Главное в практике выживаемости — горький опыт. К сожалению, его нельзя преподать. Его можно только нажать. То, что можно преподать, — это навыки, стереотип поведения, которые помогут приобрести этот опыт. Мы будем учить вас умению мгновенно концентрироваться в любой ситуации, переносить жару, холод, жажду, голодать по двадцать дней, лазить по скалам, прыгать с высоты, задерживать дыхание на пять минут, не бояться боли, будем тренировать вашу память и мышцы. Но это — тренаж тела, а высшей степенью защиты является понимание внутренних законов мира и взаимосвязи явлений, — все это излагается ровным голосом, и про скалы, про жару, холод и жажду. А за стеной — начало сентября, теплое солнце, и не верится ни в какую чертовщину, и жизнь кажется прекрасной и вечной.

— Мы начинаем наши занятия с освоения навыков психофизической реанимации. Это — до определенной степени искусство, как и вообще вся наука выживаемости. Мы начинаем курс с реанимации, чтобы вы лучше поняли, что человек смертен. К сожалению, в вашем возрасте в это верится с трудом, однако каждый из вас рано или поздно... умрет. Если дошло дело до реанимации, значит, вы полностью провалили хрестоматийную программу выживаемости, которую я постараюсь в вас вложить.

Лицо его отличалось скупостью мимики и какого-то странного оранжевого оттенка загаром, словно все эмоции выгорели в нем, оставив на коже несмываемый оранжевый отблеск. Если бы не этот оттенок — ничем не примечательное лицо, человек из толпы, на улице скользнешь по такому взглядом и тут же забудешь, словно и не было его никогда в твоей жизни. Никаких обезображивающих шрамов, повязки через слепой глаз, как я раньше себе представлял профессионала по выживаемости, — очень заурядные черты.

Рассказывали, что четверть века назад, когда он сам сдавал зачет по выживаемости, его, в составе стандартной группы из пяти курсантов, сбросили над джунглями Гондваны с легким вооружением римских легионеров без запасов воды и пищи. Сначала они ели моллюсков и крабов и пили дождевую воду, пробираясь вдоль побережья. А через несколько

дней на их след напал белодонн. Пока он не был голоден — не спешил, днем дремал в густом подлеске, просыпаясь после заката и жадно принюхиваясь к незнакомому запаху человека, смешанному с запахом прелой листвы. Изредка по ночам он приближался к лагерю с подветренной стороны, щурясь от света костра и роняя нити слюны на рубчатые отпечатки ботинок на сырой земле. А потом белодонн напал на них...

Трое из той пятерки погибли, а кое-кто уверял, что погибли все. Медицинская бригада, которая опоздала на несколько часов, смогла реанимировать только Поля, потому что умирал он последним и на его теле не было сильных увечий. Остальные просто не подлежали оживлению, так как представляли собой просто растерзанные куски человеческого мяса.

Однажды, перед очередным занятием по практике выживаемости на восточном полигоне, Гриша Чумаков спросил Поля об этом. Лицо Идальго не изменилось, осталось таким же, как и всегда, как маска.

— Нет, конечно. Никто не погиб. Хотя сдавал я тяжело.

И все. Никаких эмоций. Никаких превосходных степеней. Никаких комментариев больше. «Сдавал тяжело». Все.

— Мы так и полагали, — сдержанно кивнул Гриша, защелкивая на груди лямки «тянитолкая».

Ну лицедей! Слышите, «полагали»! Ни черта он так не полагал. Он сам же рассказал нам эту историю, выпучив глаза и растопыривая пальцы, и даже поспорил с Юрой на том Лукиана. Юра подмигнул нам.

...Над кронами елей сквозь разрывы низких туч проглядывает горбатая луна. Ветер, порывами налетающий с ледника, стряхивает на палатку обломки сухих веток, прошлогоднюю хвою и шишки, прижимает к земле пламя костра. Поль не отворачивается от ветра, воротник у него расстегнут, худая шея открыта. И не холодно ему? Нет, не холодно. Мне вообще кажется, что он одевался по сезону, дабы просто не отличаться от остальных людей. Обычных. В летний зной, когда на солнцепеке пот лил с нас градом, а мир представлялся огромной духовкой, Поль выглядел таким же, как всегда: ни капли пота, сухие жесткие черты, словно только что вышедшие из-под пера дона Мигеля Сааведры.

«Офицеры не потеют, — повторял он в ответ на наши жалобы, — они покрываются испариной. Вперед».

Поль докуривает сигарету и бросает окурки в огонь, обводит нас взглядом. По его лицу невозможно догадаться, о чем он думает.

— Через месяц у вас выпускной зачет.

Хотя он говорит негромко, голос его рокочет. Из палатки выползает Гриша и, моргая спросонок, садится около костра. Валентин протягивает ему чашку с горячим кофе и плитку шоколада.

— Вам дадут подписать несколько бумаг, в том числе медицинский страховой полис и копию об отсутствии претензий к Астрошке, и сбросят на мезонаторе примерно за сто десять световых лет от Земли около звезды Хиллиан, чуть ярче Солнца, южнее созвездия Стрельца.

Его голос звучит ровно, никаких эмоций, никаких превосходных степеней, как у хирурга, который объясняет пациенту, что именно ему завтра вырежут на операционном

столе.

Капкан... Сто десять световых лет! Через месяц. Чувствую, как откуда-то снизу живота начинает подниматься и захлестывать меня холодная тоскливая волна.

С тех пор как я поступил в Днепропетровскую Астрошколу, наверное, не было и дня, чтобы я не думал о предстоящем зачете. На первом курсе мне исполнилось семнадцать лет. В моем воображении зачет представлялся одновременно дверью в таинственную комнату Синей Бороды и клятвой на верность ордену звездoproходцев. Поэтому меня поразило однажды услышанный диалог...

— Душ смывал с кожи пыль и пот после двадцатикилометрового кросса.

— После распределения — в Дальнюю Косморазведку, — услышал я голос Юры сквозь шум падающих струй.

— Элита? — уточняет Гриша Чумаков. — Шевроны на плече, мужественный прищур, 8g на разгоне? — Голос его звучит достаточно бодро для человека, почти два часа бежавшего под палящим солнцем. У меня, например, не было сил стоять, и в своей кабинке я сидел под струями душа, прислонившись к стеклопластовой стенке. В груди саднило, и при каждом глубоком вдохе казалось, что десятки иголок впиваются пониже ямки между ключицами.

— Не понимаю твоей иронии, — отвечает Юра.

— Рыцари тела. Извини, дотянуть до пенсии у тебя будет шансов семьдесят-восемьдесят из ста.

— А ты кто? Рыцарь духа?

Пауза затягивается. Я наконец поднялся с кафельного пола, не без некоторого удивления обнаружив, что ноги мои не отпали, а все еще прицеплены пониже спины и даже шевелятся слегка.

— Слышал о Внеземном Отделе Глобального Информатория? — спрашивает Гриша.

— Серьезная организация. Туда не так просто попасть. Отработаю три года и подам рапорт о переводе туда.

— У тебя там, кажется, дед? — спрашивает Юра.

— Ну и что? Через три года у меня будет отличный послужной список и блестящие перспективы в отделе, где мало кто летал дальше спутников Юпитера.

— А ты, Алексей, где хочешь работать?

Кабинка Алексея от меня дальше всех, и его голоса почти не слышно. По крайней мере, слов никак не разобрать.

— А ты, Валик?

— Знаешь, — летит из-за матовой перегородки голос Валентина вместе с брызгами и хлопьями мыльной пены, — в детстве я был хулиганистым мальчиком, не уступал место старшим, дергал девочек за волосы, ну и сам понимаешь... Так что в архиве или в твоём Отделе Информации я все равно не прижился бы.

— Ген авантюризма? — фыркает Гриша.

— Возможно.

Алексей что-то говорит, но сквозь шум воды снова ничего не понять.

Гриша вдруг возмущается:

— Ребята, мне кажется, у вас превратное мнение об Отделе Информации.

— Перекладывание бумаг, — басит Валентин.

— Отнюдь. На основании подборки материалов из Информационного Отдела принимаются важные решения, в том числе и решения Высшего Координационного Совета.

— Можешь привести пример? — интересуется Валентин.

— Пожалуйста. — Гриша надолго замолкает, наверное, регулирует напор и температуру воды.

— Ну? — не выдерживает Валентин.

— Пожалуйста. В 2159 году, в конце первой волны Звездной Дисперсии, начался обвальное падение статистики аварий и катастроф, на первый взгляд никак не связанных между собой, но которые при определенной доле воображения можно истолковать так: Вселенная сопротивляется продвижению человека к звездам. Тогда и был введен во всех Астрошколах курс по выживаемости. Несмотря на это, джентльмены, статистика внеземных смертей продолжает расти до настоящего времени. Есть предположение, что лет тридцать назад на рубежах Звездной Дисперсии произошло событие, которое осталось вне поля зрения Косморазведки и которое активизировало процесс сопротивления внедрению человека в Галактику. Часть сил Косморазведки до сих пор направлена на поиск следов этого гипотетического события, хотя с каждым годом сторонников этой теории остается все меньше и меньше.

— Погоди, — перебил я, — не совсем понял. Какое-то событие, влияние которого распространяется на десятки световых лет вокруг?

— Чувств собачья, — басит Валентин.

— Отнюдь. Этим занимаются серьезные люди. Очень серьезные. Как говорит мой дед, это событие должно было нарушить высшие этические законы взаимосвязи явлений во Вселенной. В одно время по косвенным признакам пытались вычислить расстояние этого события от Земли, сто — сто пятьдесят световых лет, и туда направить все силы поиска, но...

— Что? — не выдерживает Валентин.

— Ничего. Не получилось.

— Это почему?

— Простодушный ты, Валик, — вставляет Юра Вергунов.

Гриша держит паузу, но, даже не видя его, можно без труда представить, как его распирает чувство собственной значимости.

— Не простодушный, а дотошный, — поправляет Валентин.

— Валик, — наконец говорит Гриша, — ты можешь себе представить сферу поиска толщиной около пятидесяти световых лет? Ну, хотя бы приблизительно?

— Ясно, — басит Валентин.

— Погоди, — не могу успокоиться я, — и что за событие это может быть? Достижение Косморазведкой границ Рая или Ада? Гибель неизвестной цивилизации на рубежах Звездной Дисперсии?

— Тут, не иначе, потревожены высшие силы Черной Магии, — смеется Валентин.

— Неизвестно. Но смеяться не надо.

Некоторое время мы моемся молча. Я чувствую, как ко мне постепенно возвращаются силы, появляется упругость в мышцах ног.

— А ты, Алексей, что думаешь об этом? — интересуется Гриша.

Вода громко шумит, Валентин фыркает за перегородкой, как морж, короче, я снова ничего не слышу. Алексей что-то односложно отвечает, наверное, «не знаю».

— Не знаю, — передразнивает Гриша. — Чучело ты, Леша. Джентльмены, может, дадим друг другу прозвища? А, как вы? Водный обряд крещения?

Юра выключил душ, как всегда, первый, и теперь голос Алексея звучит более ясно.

— Если на то пошло, зовите меня Длинным, — после небольшого раздумья отвечает Алексей.

— Хорошо, — соглашается Гриша. — А Валика мы будем называть Конан-варвар.

— Как-как?

— Конан-варвар, — повторил Гриша. — Для этого у тебя есть полный набор качеств.

Валентин хохотнул:

— Я не такой варвар, как кажусь.

— Ну, Конан-киммериец.

— Не слишком ли много чести?

— Тебе не угодишь, — не отстаёт Гриша. — Вообще-то ты у нас философ, Валик. Давай тебя так и наречем. Будешь у нас Философ Хома Брут.

Валентин смеется:

— Ладно, можете звать, как хотите.

— А Юра у нас будет Заяц или Блоха. — Гриша тоже закрутил воду.

— Почему Блоха?

— Потому что ты маленький и прыгаешь дальше всех и выше.

— Сам ты блоха. Пусть тогда уж я буду Зайцем. Заяц тоже прыгает отлично. Кроме того, меня так называла мама в детстве.

— Идет.

— Вася, а тебя как называть?

— К-хм, называйте меня Васич: первые три буквы имени и две последние — фамилии.

— Отлично. А меня...

— А тебя мы будем называть Швейцарец, — басит сквозь шум падающих струй Валентин.

— Швейцарец?

— Да. Уж больно ты нейтральный — и вашим и нашим. Да и физия у тебя похожа: волосы светлые и глаза голубые... Ну, словом, Аполлон Полведерский.

...Сейчас у костра Швейцарец меньше всего напоминает Аполлона. День назад он неудачно упал на колено, поскользнувшись на леднике, и последние километры дались ему тяжелей, чем остальным.

— Южнее созвездия Стрельца, — повторяет Поль, — вас выбросят в пространство со спейсфага на мезонаторе. После этого спейсфаг уйдет.

— Авария мезонатора? — быстро спрашивает Валентин.

— Нет.

Алексей отлепил свою спину от моей.

Спокойнее, спокойнее. Что это Валентину взбрело в голову? Какая авария мезонатора? Мало ста десяти световых лет?

Поль протягивает ладони над костром, прищурившись, смотрит на пламя.

— Запаса пищи и воды в мезонаторе в обрез — на неделю. Правда, в нескольких миллионах километров от вас будет кислородная планета, бывшие частные владения, но вы особо на нее не рассчитывайте. В системе этой звезды дрейфует в беспилотном режиме звездоскаф. Он полностью запрограммирован, с исправными системами ориентации и движения. Вы его должны найти и на нем вернуться на Базу. Все.

— А почему не рассчитывать па планету?

Некоторое время Поль колеблется, а может, просто думает, прикуривать ему новую сигарету или нет.

— Потому что, курсант Гопак, за неделю в этом секторе вполне реально найти звездоскаф. В любом случае вы должны уложиться в семь дней. Это — максимальный срок. На восьмой день вы заостенеее в своих ошибках.

Я не могу сдержаться:

— У нас много шансов погибнуть?

— Чем меньше времени вы потратите — тем лучше.

Исчерпывающий ответ. Звучит он совершенно в том же духе, что и знаменитая фраза Джона Сильвера: «А через час те из вас, кто останутся в живых, позавидуют мертвым». Нормально.

Снова наступает тишина, только потрескивает костер и шумит ветер в кронах елей. Я чувствую, как глаза мои начинают слипаться: дело идет уже к полуночи, устный отчет о переходе сдан, выслушаны замечания, инструкции; вроде бы самое время спрятаться в палатке и забыться.

— Вы сегодня какой-то особенный, — говорит Алексей.

— Особенный? — Поль тянется за сигаретой, вытряхивает последнюю из пачки, прикуривает от уголька, бросает пачку в огонь. — Особенный?

— Да.

— Может быть. — Поль затягивается, от чего его худые щеки становятся еще более впалыми, а кончик вислого носа подсвечивается красным.

Я ловлю себя на мысли «а курил ли настоящий Дон Кихот?» Пожалуй, нет. Тогда еще табак не завезли в Европу.

— Может быть. Сегодня ровно год, как погиб мой друг. Мы вместе с ним заканчивали Астрошколу в шестьдесят четвертом.

У меня язык не поворачивается спросить, как он погиб.

— С тех пор, как человека изгнали из Рая, он вынужден вести войну, — Поль снова затягивается, — войну с природой. За выживаемость. Эту войну мы называем прогрессом и гордимся ею, вкладываем в нее все силы, изощренность и талант. Завоевываем новые и новые высоты, отбрасывая неизведанное все дальше и дальше за горизонт, и оставляем после себя на поле боя выжженную землю и небо и гордимся собственным мужеством, волей и упорством.

Мы изумленно слушаем Поля. Тот ли это стальной Идальго, что безжалостной рукой насаживал нам жизнеутверждающие принципы покорителей пространства? Или это просто эпитафия по ушедшему другу в минуту слабости?

— Павшие герои, — говорит Поль. — Война. Мы вынуждены оправдывать себя, чтобы во всем этом видеть смысл, потому что как же иначе? Хотя война недостойна оправданий и тем более гордости. — Глаза Поля устремлены в костер, в них играет отблеск пламени, взгляд словно стекленеет. — Но мы зашли на этом пути так далеко, что уже представить не можем, есть ли какой-то другой. — Поль снова вспоминает о сигарете, несколько раз затягивается, чтобы выбросить окурок в огонь.

— А он есть, этот другой путь? — неожиданно спрашивает Валентин.

Поль, не отрывая глаз от костра, кивает, протягивает к огню руки, и нельзя понять, собирается он отвечать или нет.

Наконец, после достаточно длительного молчания он говорит:

— Если вы не очень устали, ребята, я вам попытаюсь кое-что объяснить.

Не очень устали? Шутить изволите, Виталий Брониславович? У меня веки налить свинцом, и лицо совершенно онемело, как во время испытаний на перегрузку. Вряд ли остальные чувствуют себя лучше, хотя... Валентин грызет сухую иголку, Гриша налил себе вторую кружку кофе, Алексей снова прислонился к моей спине. Юра? Как всегда в тени, но не спит, в глазах мерцают отблески пламени.

— Есть два альтернативных пути познания мира. — Поль подбрасывает в костер полено (в черное небо летят искры), и снова его голос звучит почти как в аудитории. — Два пути: интуитивный и научный. Как следствие, мы имеем веру и знание. Результаты научного познания можно пощупать и увидеть, а результаты интуитивного познания — неосязаемы и потому даже как-то вроде бездоказательны. Не думаю, что процент ошибок больше у интуитивного, чем у научного познания. — Поль обводит взглядом темные силуэты елей. — Вспомните хотя бы, сколько раз развитие физики казалось законченным, и верхом совершенства объявлялись постулаты Нильса Бора или Альберта Эйнштейна, и вспомните, что те же понятия о боге и о душе остаются неизменными вот уже тысячи лет. Более того, к вере в бога пришли независимо друг от друга сотни разрозненных народов и племен, бродивших в допотопные времена по огромной тогда еще Земле.

Я думаю о том, что наша группа, наверное, последняя, бродит по зачетному маршруту, и что остальные, наверное, уже давным-давно на месте, сдали уже всю амуницию... Я почувствовал, что засыпаю, ибо разговор как-то внезапно переметнулся на проблему контакта, и я, чтобы не заснуть, слегка прикусил кончик языка. И вдруг мне перехотелось спать. Почти то же мне однажды излагал отец.

— Доктрина поиска высокоразвитых цивилизаций до сих пор крайне примитивна, — продолжает Поль. — Слава богу, уже давно никто не ищет Сферу Дайсона и не направляет все усилия на поиски мусора, в том числе и радиомусора... А между тем, по здравому размышлению, суть контакта можно выразить одним словом, это — обмен. Обмен знаниями, материальными ценностями и — я не буду сейчас этого объяснять — эмоциями. Вступив в контакт, мы надеемся получить знания о неземной технологии, философии, этике. И, соответственно, тем же поделиться. Но, если исходить из этой аналогии, возникает пугающая картина. С нами долго и безуспешно пытаются вступить в контакт — здесь, на Земле, — поделиться эмоциями, знаниями, материальными ценностями. А мы этого вот уже столько поколений не хотим замечать. Ибо плод дерева — это подарок, летний день — это подарок; мелодия, рожденная в голове музыканта, — это подарок. Даже сама жизнь... И вот тут-то на вопрос, кто стоит за всем этим, научное познание никак не может нам ответить. Хотя, если исходить из наших собственных этических аналогий, настоящий подарок должен быть анонимный. Человек, который делает добро и при этом бьет себя в грудь, чтобы все узнавали его на улице... Настоящее добро анонимно. Если можешь, догадайся кто, если хватит ума.

— А если не хватит? — спрашивает Гриша Чумаков.

Поль кивает:

— Убогому простят. К сожалению, человечество сделало ставку на научное познание и получило войну, потому что наука имеет существенный недостаток, она разрушает все, что изучает: живую клетку, атом — все. — Поль усмехнулся, уголки опущенных губ дрогнули. — Разрушая, не станешь мудрее. Что может рассказать об уюте дома гряда кирпичей и черепицы?

Мы молчим, и Поль продолжает:

— С некоторых пор я ясно представляю себе начало этого пути. Ева, растрепанная, с испачканным лицом и глазами, опухшими от постоянного сна, срывает и дает попробовать Адаму яблоко с дерева Познания Добра и Зла... Только было там, мне кажется, два сорта яблок. И Ева спросонок ошиблась... Так что все это, ребята, не так просто. Наговорил я вам тут, а? Ну а теперь спать. У вас впереди зачет.

Спать... Но заснуть я еще некоторое время не могу. Казалось, стоит закрыть глаза, и Морфей подхватит мое брэнное тело и унесет куда-то на берег Леты, на этот берег, откуда я еще смогу вернуться завтра утром. Но мысли о зачете и презумпции выживаемости будоражат мое воображение, пока шум елей не сливается с шумом ветра, поднятого крыльями Морфея надо мной, сознание тускнеет и отключается.

Утром мы не застали Поля. Он ушел к базовому лагерю, оставив на тлеющих углях котелок с завтраком для нас. Зачем он поднимался к нам навстречу в горы? Чтобы последний раз побыть с нами вне Школы и помянуть своего друга?

В свете утреннего солнца все кажется по-другому. Тучи за ночь рассеялись. Сырое тепло поднимается от усыпанной хвоей земли, как бывает в апреле. После завтрака мы сворачиваем палатку, грузим последний раз рюкзаки и начинаем спускаться к базовому лагерю сквозь зону весны к зоне лета, навстречу цивилизации.

Спуск занимает часов шесть, которые мы преодолеваем большей частью молча, изредка перебрасываясь отрывочными фразами, чтобы выбрать более безопасный путь.

Я думаю о зачете. Собственно, не поздно пойти на попятную, это лучше, чем подвести свою пятерку за сто десять световых лет от Земли, но мысль эта так зыбка и держится на такой далекой периферии сознания, что я ее почти не замечаю, лишь чувствую ее присутствие. Она где-то здесь, она никуда не делась от меня, только за пять лет тренировок спряталась поглубже, ушла с кожи, потерявшей способность братья пупырышками от страха, в кости и костный мозг. Пятерка сдает зачет вся вместе или проваливает его как один человек. Если кто-то оказывается слабее и не выдерживает, диплома не получает никто. Правда, ситуационное тестирование на девяносто процентов исключает отрицательный результат, однако...

За годы учебы в Днепропетровской Астрошколе я наслушался самых разных баек о зачете предостаточно, обычно лежа после отбоя в темноте с широко раскрытыми глазами. Перлы курсантского фольклора... Большинство сюжетов с параноидальным упорством вращалось вокруг Красной кнопки. Эти два слова произносились с уважением чуть ли небольшим, чем имя Президента Академии Наук. События рассказов могли разворачиваться где угодно: в ядовитых болотах Плейстоцена-2, где в сумерках из бездонных трясин вместе с пузырями поднимаются слепые членисторотые черви, а от гнуса нет спасения ни днем, ни ночью... В кольцах Зевса или Эмморана, где визуальные датчики мезонатора к концу недели сходят с ума от нестерпимого блеска ледяных скал... Или в окрестностях Белой Дыры... Но Красная кнопка оставалась как бы моментом истины. Я услышал о ней чуть ли не в первый день занятий.

Все группы, сдававшие зачет по выживаемости, оснащались нейтринным импульсатором с Красной кнопкой. Использовать его можно было только однажды — в критической ситуации, чтобы вызвать рейдер спасателей. Соль заключалась в том, что группа, воззавшая о помощи, считалась зачет не сдавшей, а поскольку повторного зачета не предусматривалось, могла либо довольствоваться дипломами техников, либо искать себе другую профессию. Но это еще не все про Красную кнопку. Помощь приходила с большим опозданием, как правило, через трое-четверо суток. Сюда входило время распространения сигнала, время на разгон и торможение спасательного рейдера. Поэтому нажимать Красную кнопку, вдыхая последние литры кислорода или дрейфуя над гравитационным горизонтом сферы Шварцшильда, совершенно бесполезно.

С другой стороны, я слышал о трагедиях, когда, например, группа, оставленная на экваторе Ферры, отчаявшись уйти с пути миграции Королевских Шершней, рой которых стекает на равнину подобно грозовому облаку, включала аварийный импульсатор, а то

оказывались не Шершни, а безобидные трутни, гонимые по краю зоны миграции Королей. Или случай, когда мезонатор зачетников наткнулся в системе Антареса на Берсеркер. Дежурный пилот, парень, ничуть не лучше и, наверное, ничуть не хуже, чем я, нажал Красную кнопку, а потом, опомнившись, включил тревогу по кораблю. Каким-то чудом ребятам удалось подбить этого допотопного кретина и выйти в зачетный сектор, но диплома они так и не получили. По неофициальной статистике, каждая десятая группа нажимает Красную кнопку, предпочитая дипломы техников братской могиле. Примерно столько же — десять процентов курсантов — получают жестокие травмы или даже увечья на зачете.

— Васич! — услышал я окрик Алексея.

— А?

— Что ты думаешь по этому поводу?

— По поводу чего?

— Привала. Ну, ты даешь! Витаешь в облаках, что ли? Последний привал в горах.

Я оглянулся вокруг.

— Отличная поляна. Привал так привал.

Мы сбросили рюкзаки и улеглись головами внутрь круга, закинув на рюкзаки ноги, чтобы дать отдых измученным мышцам. Некоторое время мы молчали, подставив лица под солнечные лучи и наслаждаясь ощущением того, что мир перевернулся и ничто не давит на позвоночник и плечи.

Мы достигли уровня смешанного леса, оставив позади сумрачные хвойные гиганты, значит, высота была никак не больше тысячи двухсот метров, и оставалось идти совсем немного.

Воздух заметно потеплел. Разнотравье и цветы пестрым ковром покрывали склон. Ветер смешивал тонкие струи запахов, от нескольких глубоких вдохов которых начинала кружиться голова, а может, голова просто кружилась от обилия кислорода.

Чего-то явно не хватало на этом лугу для полной идиллии. Жужжания насекомых! Ни тяжеловесные шмели, ни легкие бабочки не могут подняться выше километра над уровнем моря. Но, если закрыть глаза и погрузиться в нирвану запахов, вполне можно представить себя где-то около Аскании-Новой. Отец мне однажды сказал, что растения разговаривают с нами языком ароматов. Цветущий весной сад поет от счастья, а мы не понимаем этого, не слышим и летим к другим звездам, чтобы там раскопать какую-то трижды мертвую пирамиду, исцарапанную полустертыми символами, и остаток жизни ломать над их расшифровкой голову.

Гриша закатал штанину и начал аккуратно сматывать эластичный бинт с колена. Лицо при этом у него было сосредоточенное, словно он занимался работой, от которой зависело, по меньшей мере, благосостояние человечества. Я с удивлением поймал себя на мысли, что Гриша, как ни странно, выглядит сейчас, пожалуй, лучше, чем кто-либо из нас. Никакой печати изможденности на лице, лишь легкая небрежность в прическе (сами понимаете, походно-полевые условия), темный румянец на чистой коже... Когда ж это он успел? Умывался снегом, что ли?

— Как твоя нога? — спросил Алексей.

— Лучше.

Гриша сматывал бинт до конца и некоторое время придирчиво рассматривал огромный сочный синяк рядом с коленной чашечкой. Аристократический мраморный лоб (который еще вчера был скрыт под вязаной шапочкой типа «любимому внуку от бабушки») сейчас

наклонен именно в той пропорции, что безотчетно выражает уважение вассала перед сувереном.

— Лучше, — повторил он.

— Вот что значит современная медицина, — сказал Алексей, не поворачивая головы. Взгляд его бродил где-то в небе среди перистых облаков. Думал он о чем-то другом.

— Говорят, — Алексей приподнялся на локте и сорвал травнику, — что иногда на зачете группы сбрасывают в районе... э-э, как бы выразиться... недостаточно исследованном.

— И что? — спросил Юра.

— Группы просто исчезают. — Алексей откусил верх у стебелька и обвел взглядом нашу пятерку.

— Да? И какие ж это группы исчезли? — после некоторого раздумья лениво поинтересовался Валентин.

— Ну, какие именно, я не могу сказать...

Валентин сочувственно кивнул.

— ...Но сто десять световых лет от Земли, согласитесь, это далеко для обычного зачета. По крайней мере, я не слышал, чтобы хоть одну группу сбрасывали так далеко. Кто-нибудь из вас слышал?

Валентин пожал плечами.

— Я слышал, — сказал Юра.

— Сто десять световых лет? — Алексей перевернулся на живот.

— Не сто десять, конечно.

— А сколько?

— Шестьдесят. Группа Сувораса в позапрошлом году.

Алексей хмыкнул:

— О Суворасе слышали все. Красный карлик, землеподобная планета. Созвездие Южной Гидры, если не ошибаюсь.

— Хамелеона, — поправил его Юра.

— Я знаю, кого сбрасывали дальше, — неожиданно сказал Гриша.

— Дальше, чем сто десять световых лет? — переспросил Алексей.

— Точно не скажу. Это тоже было в позапрошлом году. Я знаю, что их сбросили очень далеко, гораздо дальше Сувораса. Может быть, сто световых лет, может девяносто, но не меньше.

— И что? — Алексей сел и начал растирать икры.

— Я слышал, что была такая группа, но чем там у них все закончилось, я не знаю, — Гриша переложил раненую ногу так, чтобы на синяк падал максимум солнечных лучей, и снова прилег, закрыв глаза.

— По-моему, принципиальной разницы нет, — сказал Юра, — что сто световых лет, что шестьдесят. Обратно пешком все равно не дойти. Да хоть десять световых лет! Все равно придется искать звездоскаф, чтобы вернуться домой. Пусть будет сто десять световых лет. Кроме того, там рядом, если не ошибаюсь, какие-то бывшие частные владения.

— Частные владения... — пробормотал Алексей. — Это мне как раз меньше всего и нравится. Это вполне может быть заброшенный полигон, на котором произошла катастрофа, и теперь нас сбрасывают туда, как пробный шар, чтобы выяснить, что к чему.

— Да брось ты, — Юра выплюнул травнику, которую до этого жевал, и, не раскрывая

глаз, некоторое время старался обломать кусочек проволоки, что подсунул ему в траве Валентин.

Наконец Юра открыл глаза и изумленно уставился на проволоку у себя в руках, а потом на наши ухмыляющиеся лица.

— Ну оголоднел, парень, — пробасил Валентин, — проволоку собирается есть. Может, перекусим, ребята?

Остаток пути к базовому лагерю мы прошли в более веселом настроении, может, сказывалось то, что мы отогрелись, а может, просто конец маршрута был близок, предстоял месяц отдыха, а там... Стоит ли загадывать наперед?

Я помню, как к концу первого семестра, наслушавшись курсантских баек о зачете, я уже не знал, чему верить, чему — нет, по ночам иногда просыпался от кошмаров и всерьез подумывал над тем, не забрать ли мне документы назад.

Проверить хотя бы часть подобных историй было положительно невозможно. Те, кто сдавал зачет, становились пилотами-стажерами и навсегда уходили из курсантской среды. Зачет был как Рубикон. Перешагнувшие его оказывались на другом берегу. До них было не докричаться. При случайных встречах они смотрели на нас, как на детей, и отделялись односложными ответами типа: «да — нет». А если их просили рассказать подробнее — как правило, улыбка в ответ, дружеское похлопывание по плечу: «Нет-нет, извини, не могу. Спешу. Да скоро сами увидите. Не дрейфь». И несколько сочных выражений в напутствие. Все. Более или менее связанных рассказов добиться было невозможно. «Скоро сами увидите». Вот так.

Эти отрывочные фразы и односложные ответы потом обрастали неиссякаемыми подробностями, как какое-нибудь Чудо-Юдо обрастает после зимней спячки косматой свалявшейся шерстью, за которой уже не разобрать ни глаз, ни клыков, ни ушей, ни копыт, ни хвоста. Зато все это подразумевается. В неограниченном количестве. Простор для разгула фантазии беспредельный.

Безусловно, отчеты групп, прошедших через зачет, должны были где-то храниться. И, хотя я не помню, чтобы кто-то из преподавателей обмолвился словом «архив», он где-то существовал в недрах Днепропетровской Астрошколы. Архив был предметом вожделения всех курсантов. Во-первых, там содержалась бесценная информация, а во-вторых, поговаривали, что количество сценариев зачета ограничено и тот, кто сумеет до него добраться, будет иметь стопроцентно гарантированный диплом. На моей памяти было не меньше десяти попыток вычислить место нахождения архива. Все они заканчивались провалом. В конце концов я начал относиться к идее архива так же, как к рассказам о философском камне. Возможно, он и существует в природе, может, с его помощью можно озолотиться, однако тратить силы, чтобы добыть его, — бесполезно.

После года тренировок на занятиях по выживаемости я начал спокойнее относиться к рассказам об ужасах зачета. На третьем-четвертом курсах я сам сочинил несколько подобных историй. Стравливал я их, как правило, первокурсникам, которые смотрели на меня и на моих товарищей — завтрашних стажеров — снизу вверх, почтительно внимая каждому слову, или японцам, которые, казалось, напрочь были лишены чувства юмора. Как ни странно, девушки-курсантки были не самой благодарной аудиторией. Гораздо позже я слышал собственные истории невероятно перевернутыми так, что узнать их можно было лишь с огромным трудом.

К базовому лагерю мы добрались поздно вечером. Базовый лагерь — это несколько двухэтажных корпусов на заросшем лесом альпийском склоне. Расположен он достаточно далеко от цивилизации и центров туризма, чтобы чувствовать себя здесь на краю света.

Плотный ужин, который нам приготовили, остался почти нетронутым. Двенадцать часов сна. Горячий обед. «Эх, хорошо я отдохнул, ребята». — «Вот она — деревня, вот — мой дом родной». — «А я еще поспал бы». — «Home, sweet home!» Легкая разминка в спортзале. Сауна. Плотный ужин, который съеден без остатка. «Еще колы?» — «Нет, спасибо». Бильярдная. Мягкий свет над зеленым сукном. «Ну, кто ж так играет, Леша?» — «Ха, а вот еще один анекдот!» — «Номер второй в правую лузу... Yes!» — «Да, уважаю верный глаз и твердую руку». Старинные песни под гитару.

*Во французской стороне,
На чужой планете
Предстоит учиться мне
В университете.
До чего тоскую я —
Не сказать словами!
Плачьте ж, милые друзья,
Горькими слезами!
На прощание пожмем
Мы друг другу руки,
И оставит отчий дом
Мученик нау-у-уки... —*

особо прочувствованно подвывает Алексей...

— Дайте-ка мне. — Валентин завладел гитарой и, прикрывая ее от Алексея локтем и корпусом, как хоккейный нападающий шайбу, взял несколько аккордов. — Американская народная песня, — наконец объявил он. — Автор мелодии и текста неизвестен. Называется...

— «Слово о полку Игореве», — мстительно вставил Алексей.

— Я же сказал *американская...* народная! «Баллада о «Фантоме» называется. Средине двадцатого века. Слушайте. — И Валентин с воодушевлением запел:

*Я бегу по выжженной земле,
Гермошлем захлопнув на ходу.
Мой «Фантом» стрелой белой
На распластанном крыле
С ревом набирает высоту.
Вижу голубеющую даль,
Нарушать такую просто жаль,
Жаль, что ты ее не видишь,
Путь наш труден и далек,*

Что там говорить, песня в исполнении Валентина впечатляла. Соло у него всегда звучало очень сильно.

«Извините, курсант, я не мог вас слышать в офицерском клубе в Дананге? Нет? Странно...»

Я уже не помню дословно всех перипетий, заканчивалась баллада приблизительно так:

*Вижу в небе белую черту,
Мой «Фантом» теряет высоту.
Катапульта — вот спасенье
И на стропах натяженье,
Сердце в пятки:
В штопор я иду.
Где-то там вдали родной Техас,
Дома ждут меня отец и мать.
Мой «Фантом» взорвался быстро
В небе голубом и чистом,
Мне теперь их больше не видать!*

— Ну, как? — Валентин обвел нашу команду взглядом.

Несколько секунд мы молчали. Надо сказать, что прозвучавшая ария как нельзя более соответствовала характеру Валентина.

— Юмор у тебя, Валик, как бы это помягче выразиться, совершенно кладбищенский, — наконец сказал Юра.

— Ну на, на! — Валентин протянул ему гитару. — Пойте свои детские песни.

— Чего нам не хватает, джентльмены, для полного счастья, так это женского общества, — сказал Алексей, принимая гитару.

Мне показалось, что вот сейчас разговор окончательно перейдет на легкие и необязательные темы, благо атмосфера к тому располагала: съеденный вкусный ужин, рассеянный свет над бильярдным столом, пальцы, задумчиво перебирающие струны гитары, — общая атмосфера какой-то ленивой расслабленности, что наступает обычно после удачно выполненной работы, когда из мышц уже успел выветриться адреналин, но еще живы, толкаются в воображении воспоминания о пережитых минутах напряжения и... И? (А почему нет?) Опасности, пусть и не смертельной, но оставшейся уже в безвозвратном вчера.

Но я ошибся. Да и, действительно, куда еще мог бы повернуть наш разговор, как не к той самой одиозной теме зачета? Казалось, о нем уже было обговорено все. Оказывается, нет. Было в этой теме какое-то неисчерпаемое множество сторон.

— А что такое счастье, по-твоему? — спросил Гриша Чумаков.

Алексей бросил настраивать гитару.

— Ну, на этот вопрос я могу ответить более или менее точно.

Валентин подхватил кий и начал обходить бильярдный стол, пригибаясь и оценивая расположение шаров на зеленом сукне. Походка у Валика, несмотря на без малого

двухметровый рост, как у кота: закрой глаза — и в жизни не догадаешься, что он подошел и стоит рядом с тобой.

Алексей подвигал бровями:

— Счастье — это гармония.

— Ого, — присвистнул Валентин.

— Каков вопрос, таков и ответ, — сказал Юра Заяц.

— Понятие счастья можно выразить формулой, — сказал Гриша.

Валентин хлестким ударом загнал шар в лузу.

— Я алгеброй гармонию проверил, кажется, так? Или постиг?

— Зря смеетесь.

— Ну, извини. — Валентин оперся на кий. — Так что там за формула?

Гриша обвел наши лица взглядом. Никто не улыбался. Глаза смотрели серьезно, ни у кого не вздрагивали уголки губ. Гриша Чумаков прокашлялся:

— Формула предельно простая: счастье — это максимум эмоций в единицу времени. Все.

— «Остановись, мгновенье, ты прекрасно», — сказал Юра Заяц.

— Погоди, — сказал я, — эмоции могут быть как положительными, так и отрицательными. Максимум отрицательных эмоций никак не может составить счастье.

— Могу поколебать твою уверенность, — заявил Гриша Чумаков.

— Оч-чень интересно, — пробормотал Алексей, перебирая гитарные струны.

Гриша погладил пальцем переносицу:

— Недавно в одном альманахе я наткнулся на любопытный персонаж из девятнадцатого века — некто Волк Ларсен, моряк, капитан промысловой шхуны.

— В девятнадцатом веке все было другое, — сказал Юра Заяц.

— Темные вы, ребята, — беззлобно констатировал Гриша. — Впрочем, чего от вас ожидать, машин по выживаемости?

Валентин коротко хохотнул.

— Ну и что? — спросил я.

— Да, этот самый Волк, крутой дядька, между прочим, рассуждает о человеческом счастье и несчастье. — Гриша на секунду запнулся. — Так вот, в понимании Волка Ларсена противоположности сходятся. Полнота жизни, а это и будет счастьем, осознается лишь в состоянии крайнего напряжения. Самые яркие минуты в жизни — это оно и есть. Ярость, отчаяние, боль — будут такой же пищей для счастья, как и, скажем, любовь.

— Странная точка зрения, — пожал плечами Алексей.

— Отнюдь.

— Ну, хорошо, — Алексей отставил гитару. — Давай конкретно. Риск, страх, боль, одним словом, зачет по выживаемости чрезвычайно насыщен в единицу времени совсем не положительными эмоциями. Просто об обратном я как-то не слышал.

— Да, — Гриша кивнул. — Если мы его сдадим...

— Переживем, ты хотел сказать, — вставил Алексей.

— ...Это и будет счастьем, — сказал Гриша Чумаков. — Типун тебе, Леша, на язык, как говорит моя прабабка.

— Ерунда, — сказал Алексей. — С зачетом это как раз тот вариант, когда крайности не сходятся. Я посмотрю на тебя, что ты запоешь, когда в мезонаторе кончатся консервы и выйдет из строя регенератор воды. Извини меня, Гриша, но от счастья не умирают, а от

выпускного зачета вполне можно сыграть в ящик. Зачет — не счастье.

— А мне этот Волк Ларсен понравился, — сказал Валентин. — Что-то в нем есть.

— Очень даже умирают от счастья, — сказал Гриша.

— Ты это серьезно? — спросил Алексей.

— Вполне.

— И ты даже можешь привести пример?

— Могу, — кивнул Гриша. — Александр Филиппович.

У Алексея брови полезли на лоб.

— Какой такой Александр Филиппович?

— Македонский. Он умер на обратном пути из Индийского похода, хотя, казалось бы, он достиг всего, о чем мечтал. Он завоевал весь известный ему мир, большего и пожелать было нельзя. Достигнув всего, он сделал дальнейшую жизнь бессмысленной. И умер.

— Я не знаю, отчего умер Македонский, — сказал Алексей. — Зато я могу предсказать, отчего можем погибнуть мы.

— Уволь, — сказал Гриша Чумаков.

— Ерунда, — сказал Алексей. — И я берусь доказать, что все эти рассуждения не стоят потраченного времени. Иначе ты б не собирался через три года уходить из Косморазведки — вот уж где полнота жизни — в какой-то отдел Глобального Информатория.

— В нашей жизни есть две настоящие трагедии, — медленно сказал Гриша Чумаков. — Первая, когда наши мечты не сбываются. И вторая, гораздо более глубокая и тяжелая трагедия, когда наши мечты все же сбываются. Бернард Шоу. Все.

— Ну ты это брось, — сказал Алексей.

— Поживем — увидим, — сказал Юра.

— Каша у вас в голове, — сказал Валентин. — Бардак. Дети.

— Отбой, ребята, отбой.

Наутро — заключительный разбор всех горных маршрутов. Мы были последней предзачетной группой, которую ждали. Впрочем, остальные семь групп оторвались совсем не намного. Все мы по разным маршрутам должны были пройти несколько перевалов и вернуться к базовому лагерю. Разбор ошибок, напутствия. К вечеру уже аэропорт. Зажигающиеся в сумерках огни взлетно-посадочных полос. «Твой рейс. Ну, увидимся еще». — «До скорого. Встретимся на выпуске». Жаркие братские объятия, хотя мы расстаемся всего на три дня. «Передавай привет родителям». — «Взаимно». — «Спасибо. Пока».

Я поднимаюсь по трапу в салон. Мягкие ковры, кресла телесного цвета, как огромные теплые ладони, едва ощутимый запах озона, соснового леса и моря. Около подлокотника маленький верньер, который меняет спектр ароматов в струе кондиционированного воздуха. Впрочем, почему бы и не запах соснового побережья после грозы?

Меня всегда поражал этот переход из одного мира в другой. Я расстегиваю пуховку, пропахшую дымным запахом костра, и сажусь около иллюминатора, пытаюсь рассмотреть в сгущающихся сумерках фигуру Алексея среди других провожающих около аэровокзала. Через три дня наша пятерка встретится на выпуске, потом месяц каникул, а потом... Через месяц, в июне, мы должны прибыть на космодром в Найроби для получения последних инструкций. Оттуда мы вылетаем на сдачу зачета по выживаемости.

После недолгого колебания я снимаю свою достаточно потертую пуховку и запихиваю в крохотное багажное отделение над креслом. До Днепропетровска два часа лету с небольшим. Отец будет встречать меня в аэропорту, если учитывать разницу во времени, — поздней ночью. Я представляю себе эту встречу. Залитая ярким светом площадь около аэровокзала. Крепкое рукопожатие, обмен сдержанными мужскими комплиментами. «Как мама, сестренка?» — «Спасибо, заждались тебя. Отлично выглядишь». Отлично выглядишь? Ну что ж, возможно. Только для этого надо сейчас постараться заснуть и проспаться, по возможности, до самого приземления. Я закрываю глаза и чувствую, как стратоплан мягко трогается с места и начинает разбег.

15 мая 2189 года, пятница. Полдесятого утра.

Выпуск в Днепропетровской Астрошколе.

До зачета 30 дней и почти 22 часа

Из окна спортивного класса, с шестого этажа, прекрасно виден внутренний двор Астрошколы, залитый ярким майским солнцем, столпотворение курсантов, слышен приглушенный разноголосый шум, и, хотя нельзя разобрать отдельных слов, слышно, что голоса эти звонкие, возбужденные, веселые. Выпуск. Сюда, в стены Астрошколы, никто из пятикурсников больше не вернется, вне зависимости от того, сдадут они зачет или нет. Сегодня все произойдет в последний раз. Последние встречи в стенах Alma mater, последние слова и пожелания.

В косых солнечных лучах, что падают сквозь стекло, танцуют мелкие пылинки, за баскетбольными щитами сложены борцовские маты; под табло, где обычно высвечивается счет матча, рядом с судейским креслом на жидкокристаллическом экране нарисован странный шестирукий человек. Лицо его небрито и угрюмо, волосы всклокочены, в углу

слегка перекошенного рта окурков, под глазами фингал. Чувствуется, что человек этот с глубокой похмельюги. Впрочем, плечи его широки, руки мускулисты, грудь выпукла, а талия узка. Спортсмен. В похмельном синдроме. Серьезный дядя. Крутой и свирепый. Шутить, по всей видимости, не намерен, потому как во всеоружии: в многочисленных руках своих он сжимает холодное и стрелковое оружие от двадцатидюймовой финки, больше напоминающей ритуальный самурайский меч, до короткоствольного пулемета системы «Мюрат». Пулемет выписан с особой профессиональной любовью до мельчайших подробностей. За спиной шестирукого ранец, из которого выглядывает переносная пусковая ракетная установка. С ног до головы он увешан полевыми аптечками и разнокалиберными флягами с живой и мертвой водой, жидким кислородом и какими-то подозрительными растворителями, обозначенными черепом с костями. На груди и волосатых руках татуировки. Одна из них, над сердцем, выделяется среди других: на фоне синего диска три буквы DAS в обрамлении черных крыльев, коронованных звездой. Днепропетровская Астрошкола.

Однако не все так страшно и безысходно. В стволе пулемета кто-то нарисовал ромашку, не иначе девчонки-выпускницы. Под шестируким подпись: «Профессионал выживаемости-89». И ниже еще одна подпись, другим почерком: «Профессионал И. В.» У нас на курсе я знаю по крайней мере троих ребят с инициалами И. В., один из них — Валик Иваненко из нашей пятерки. Очевидно, неизвестные доброжелатели не были настолько уверены в чувстве юмора неизвестного И. В., чтобы уточнять его имя или фамилию. Впрочем, если они имели в виду Валика, то их осторожность не кажется излишней. Валик за годы учебы в Астрошколе приобрел репутацию мальчика достаточно обидчивого и легкоранимого, а с обидчиками своими Валик расправлялся круто.

На этом экране обычно рисовались тактические схемы проведения матчей. Повинуясь неожиданному импульсу, я взял стило и, чувствуя себя первобытным пещерным художником, после инициалов И. В. дописал ниже дядьки: а также Г. А., В. Ю., Ч. Г. и Г. В. — инициалы всей нашей пятерки — такое маленькое дополнение-пояснение к наскальному рисунку. Мы как раз люди не обидчивые.

На лестнице послышались шаги. Двери из спортзала были открыты, так что была видна часть лестничной площадки и двери грузового лифта, отключенного по причине окончания учебного года. Я думал, что это Алексей или Юра Заяц, но это оказался не Алексей и не Юра, а Лена Галактионова — выпускница из параллельной группы.

— Что это ты здесь делаешь? — Она остановилась на пороге, замерев, как кошка, на полудвижении.

Я пожал плечами:

— Алексея жду.

— А это кто? — Лена подошла к экрану и некоторое время молча рассматривала произведение неизвестного художника.

— Выпускник-89, — пояснил я. — Шедевр наскальной живописи.

Лена хмыкнула.

Только сейчас я обратил внимание, что волосы ее уложены в какую-то особенную завитую прическу, и хотя одета Лена была, как того требовал выпуск (этикет выпуска), в темно-синий жакет и юбку до колен, белоснежную рубашку и темный галстук, однако кое-что все же выходило за рамки стандарта. На ногах у нее (а у Лены очень красивые ноги) были какие-то невообразимые супермодные туфли; в волосах тусклым золотом блеснула

заколка-бабочка, в ушах — сережки с бирюзой. И когда Лена прошла мимо меня к экрану, оставляя после себя едва уловимый терпкий шлейф духов, я подумал, что такой обворожительной я, пожалуй, не видел еще Лену ни разу.

Лена выглянула из окна на залитый солнцем внутренний двор Школы и, повернувшись, оперлась ладонями о подоконник, встряхнула прической и, как мне показалось, насмешливо посмотрела на меня.

— Ну как ты?

— Что как? — не понял я.

— Ну, как жизнь? И вообще...

— Нормально жизнь.

— Как прошли Альпы?

— Нормально прошли.

— Ничего себе... не отморозил? — Уголки ее губ дернулись, слегка приподнявшись и обнажив белоснежные зубки.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, говорят, в этом году май в Альпах был очень холодный. Как никогда.

— Май как май.

— А мне говорили...

— Что?

Лена снова встряхнула волосами.

— К зачету готовишься? — Теперь она, откинувшись назад, откровенно насмешливо рассматривала меня.

— Готовлюсь, — ответил я, немного раздосадованный ее насмешливым тоном.

— Ну-ну, — Лена откинулась назад еще больше, опершись затылком о стекло и закинув ногу за ногу. — И как?

— Что как?

— Как готовишься?

— Молча готовлюсь, — как мне показалось, решительно отрезал я.

Лену, кажется, это развеселило еще больше.

— Боишься?

— Зачета? — Я посмотрел на Лену. — Не боюсь.

— Ух ты, даже так?

— Даже так, — буркнул я, не понимая, куда Лена клонит.

— Скажите пожалуйста, рыцарь без страха и упрека. Так ты вообще, что ли, ничего не боишься?

Я промолчал.

— А если, скажем, на спор пригласить после выпуска девушку в ресторан, не забоишься? Хочешь, с тобой поспорим под пол стипендии, что не сможешь?

— Слушай, Лена, ну что за глупости? — сказал я, мысли мои в тот момент были заняты совершенно другим. — Конечно, пойдем. Давай я тебе перезвоню завтра днем или вечером. А лучше послезавтра.

— Или послепослезавтра?

— Ты понимаешь, Лена, — пробормотал я, плохо соображая, — я вернулся всего-то два дня назад...

— Ну, конечно, родители соскучились, маменькин сыночек. — В глазах у Лены

появился странный блеск, она даже заморгала, точно смотрела на яркий свет.

— Лена, созвонимся обязательно.

— А ей глаза выцарапаю, — пообещала Лена.

Я опешил:

— Кому это?

— А знаешь, — спросила Лена, — что делали друиды перед битвой?

В голове у меня сделался легкий сумбур, потому как я знал, что делали друиды перед битвой.

На лестнице послышались торопливые шаги, и в класс, чуть запыхавшись, вбежал Алексей.

— Ну что? — спросил я.

— Ничего, по нулям. Не получилось, пошли скорей. Привет, Лена, — сказал Алексей, не обратив внимания на то, что Лена в ответ промолчала.

— А где остальные? — спросил я.

— Уже внизу. Пошли, Васич, покуда нас не хватились. Увидимся, Лена. Потрясно выглядишь.

— Пока, пока. — Лена прыгнула с подоконника и отвернулась к окну. — Рыцари, — и добавила еще что-то шепотом, но я уже не разобрал.

Мы с Алексеем сбежали по лестнице на первый этаж, в холл, где в обширном зале, подсвеченные люксоидами, молча взирали со стенных барельефов герои-звездoproходцы XXI и XXII веков: Максим Титов, Валерий Ларионов, Элизабет Макбейн, братья Бадеры, Я Херек, Ясухиро Одзава, Лю Дехуай, три десятка лиц — серьезных, насмешливых, сосредоточенных. Молодых. Ясухиро Одзава сейчас под девяносто, братья Бадеры уже давным-давно сами не летают, основав транспланетную монополию по производству гиперпространственных двигателей, став одними из самых богатых людей Земли, Элизабет Макбейн, женщина невероятно популярная на пике своей карьеры (в свое время ее фотографиями пестрели обложки журналов «Перейд», «Лайф», «Тайм»), после завершения контракта со Спейс-транс-лимитед возглавила директорат экономической взаимопомощи. Судьба большинства этих людей сложилась счастливо: Аюб Хан Шастри, лорд Маунбеттен, Аристарх Кроссовски... Из этих трех десятков не вернулись из полетов только двое, один из них был испытателем первых гиперпространственных кораблей — Эдвард Коннорс, а второй — Леонид Ремез — стал так называемым белым астронавтом.

Во дворе уже заканчивалось построение: сто шестьдесят курсантов-пятикурсников, которые сегодня в последний раз переступили порог Астрошколы. Ни одного озабоченного лица — все возбужденные, веселые, счастливые. Молодые. Темно-синяя форма, шитые золотом шевроны с маленькой буквой «К», все девушки-выпускницы, которые только что были окружены ребятами, их засыпали шутками, теперь на правом крыле, — все выглядят потрясно. Просто сплошной Голливуд, как сказал Алексей, Калифорния в разгар сезона. Я вспомнил Лену в спортзале, насмешливая улыбка, ладони на подоконнике, тусклое золото в волосах. Кстати, где она?

Мы отыскиали свою пятерку в центре построения: Юра Вергунов, Валик Иваненко Гриша Чумаков.

— Опаздываете, джентльмены, — сказал Гриша.

До открытия церемонии оставались считанные минуты. Мы стоим в тени, которую отбрасывает здание Школы. С нашего места отлично видно противоположную солнечную

сторону двора с трибуной, где уже начали собираться преподаватели. Сегодня, в восемь часов утра по средневропейскому времени во всех Астрошколах Восточной Европы начинается церемония выпуска курсантов — Люблин, Краков, Сегед, Братислава, Яссы, Минск, Днепропетровск, Оренбург... Сейчас должен состояться вынос знамени Астрошколы, потом по программе — выступление директора.

Я смотрю на часы: без трех минут. Кстати, наш директор — один из тех немногих людей, о которых я слышал, что встречались они с белым астронавтом. Все это совершенно невероятные истории, в которые, кто хочет, может верить, а кто не хочет... Вольному воля.

Сам Леонид Ремез погиб при весьма странных обстоятельствах. Вот же есть люди, которые рождены для подвигов, — ладные, неутомимые, удачливые, отмеченные какой-то особой печатью, сделанные из материала, который, по слухам, отпускается только небожителям. Всеобщие любимцы. И все у них получается, за что бы они ни брались. Именно таким и был Леонид Семенович Ремез. Он выходил невредимым из совершенно невозможных передраг, а погиб, когда ему не было и тридцати при испытании двигателя, работающего по какому-то совершенно новому принципу. Этот двигатель можно было бы назвать гипер-гиперпространственным, и, опять же по слухам, с его помощью корабли бы могли материализоваться в параллельных мирах. Что это за миры, я, например, представить абсолютно не могу. Но тем не менее... Потом принцип, на основании которого был разработан и построен этот сверхновый двигатель, был признан ошибочным, но Леонида Ремеза уже не стало. Мне претит слово «погиб». Корабль, который он пилотировал, все же вернулся из этих самых параллельных миров. Это невозможно, но это было так. Вернулся. Но уже без пилота. Остался ли он в этих самых пресловутых мирах или действительно погиб, но с той поры появились люди, которые якобы видели его своими глазами, наяву, Леонида Ремеза — в белом скафандре и совершенно седого. Как правило, он появлялся за несколько минут до катастроф. И, опять же по слухам, его вмешательство спасало жизни. Каждый раз.

Сам директор видел его так близко, что смог заметить, добавив ко всем прочим описаниям еще одну небезынтересную деталь, что глаза его были тоже под стать ему совершенно белые. Радужка имела чистый белый цвет, не красный, как у альбиносов, не выцветший, как пепел, а белый, как только что выпавший снег. Молодой парень в белом скафандре зашел в рубку управления звездоскафом и якобы предупредил экипаж о неисправности защитных полей двигателя. На старте это должно было привести к взрыву через несколько секунд. Старт отложили, начали разбираться. Да, действительно. Причем авария корабля повлекла бы неминуемое его падение на только что приземлившийся пассажирский транспорт, а это уже сотни жертв. Дальнейшее разбирательство ни к чему не привело. Что за парень? Откуда взялся? Кто-то из технического персонала? Почему в скафандре, как пилот? Кто-то из дублирующих экипажей? Тоже нет. Да и скафандр не совсем пилотский, а такой как был у испытателей много лет назад. Вопрос этот так и остался невыясненным, пока директор (тогда еще никому не известный пилот) не услышал о похожих случаях и не нашел в архиве фотографию Леонида Ремеза. Это был он, тот самый парень, только седой и с белыми глазами. Белый астронавт.

Конечно, все это звучит невероятно. Но, как говорят, вольному — воля, спасенному — рай. Вон он — директор — без нескольких секунд десять, поднимается на трибуну, живой, во плоти, тоже заметно седой, прихрамывает, тоже, кстати, Леонид — Леонид Донатович. При желании можно после торжественной части выпуска подойти к нему и спросить об этом. Может быть, мой вопрос прозвучит странно, но другого случая уже, наверняка, не

представится.

Я скашиваю глаза, чтобы увидеть парадный вход. Знамя уже там. На часах ровно десять.

На третий или четвертый день, после выпуска, одним прекрасным утром перед самым завтраком, когда мама и сестренка накрывали на стол, зазвонил видеофон.

— Васич! — окликнул меня отец. — С тобой хочет поговорить Алексей.

— Минутку!

— Хватит бриться. Дырку протрешь в подбородке.

— Счас. Все! Иду... Привет, Алексей. Как отдыхается?

— Говорят, зачет собираются отменить, — выпалил Алексей без всяких предисловий.

Я уставился на экран.

— ...Возможно, в самое ближайшее время, — уже не так уверенно добавил Алексей.

— Откуда такие слухи?

— Да-а... — Алексей загреб над головой растопыренными пальцами, словно собирался выхватить из воздуха вещественное подтверждение своих слов.

— И что?

— Возможно, наш выпуск уже не будет сдавать зачет. Останется курс по выживаемости, но зачет в Астрошколе как будто отменяют. — Алексей пристально посмотрел на меня. Зрачки его начали сужаться, словно фокусирующийся луч лазера.

— Так откуда такие сведения?

— На следующей неделе намечено заседание ректората, им будет рассматриваться этот вопрос.

— С чего бы это?

Алексей пожал плечами.

— Я так полагаю, что это удовольствие обходится слишком дорого. Поломки кораблей, травмы... ну, сам понимаешь. Кроме того...

— Что?

— Говорят, что космические программы в недалекой перспективе будут сокращаться. Я имею в виду разведывательные программы в новых звездных системах.

— Почему?

Алексей хмыкнул.

— Тебе не кажется, что человечество накопило достаточный потенциал новых планет, которые необходимо освоить? Понимаешь, просто освоить. Поселения, линии связи, доставки, разработка полезных ресурсов, — когда Алексей хотел, он мог говорить чрезвычайно убедительно. — Одних кислородных миров к сегодняшнему дню открыто больше сорока. Зачем переться к черту на рога, когда...

— Понял, понял. Все. Не волнуйся. По-моему, у тебя просто предзачетный мандраж.

Алексей замолчал и снова впился в мое лицо глазами. Зрачки его сузились и стали похожими на булавоочные головки.

— Не надо на меня так смотреть. Я понял. Никто не против, если зачет отменят. Но, Алексей, что касается космических программ, ведь мы с тобой поступали в Астрошколу не затем, чтобы работать на линиях доставки, а?

— Да, — кивнул Алексей, — но это теперь от нас с тобой не зависит.

— Ну, что там? — спрашивает отец, когда я возвращаюсь в гостиную.

Идиллия. Распахнутое в сад окно. Солнечные блики на белоснежной скатерти. На столе свежая клубника, черешни в капельках воды, оладьи со сметаной, печенье, сливки. Одурачивающий аромат кофе смешивается с запахами майского утра. Так было вчера и позавчера, и я знаю, что так будет завтра и еще много дней подряд, как в старых добрых книжках: «К завтраку вся семья собралась за столом». А вечером неспешный разговор, за окном жужжание майских жуков в кронах деревьев, ночные бабочки, комары — деловая суета насекомых в саду...

— Что молчишь? — повторяет отец, когда я усаживаюсь на свое место.

— Кофе со сливками? — спрашивает мама.

— Только не говори, что тебе надо срочно куда-то бежать, — насмешливо щурится сестренка. Она сидит против окна, и солнечные блики падают ей прямо на веснушчатый нос и щеки.

— Не надо мне никуда бежать. Спасибо, ма. Я сам возьму. Счас... М-м-м, прелесть. Это звонил Алексей по поводу зачета.

— Зачета? — Отец складывает газету, которую намеревался просмотреть.

— Да, есть слух, что зачет собираются отменить.

— Ох, дай бог, — вздыхает мама. — Дай бог им ума.

— Ну, мама!

— Что мама? Это же смертоубийство, а не зачет! Все пять лет, что ты проучился, в этой своей ужасной Астрошколе, я бога молила, чтобы отменили этот зачет. Это же надо, пацанов, которые только-только разобрались, на какие кнопки надо нажимать, чтобы посадить корабль, бросают их, заставляют их...

— Ну, мама!

— Что?

— Ничего. Все проходят через это и, как видишь, ничего. Или ты думаешь, что я хуже других?

— Ох, — вздыхает мама.

— Хуже?

— Ты лучше других, — щурится сестренка. — Ты самый, самый, самый!

Я поперхнулся горячим кофе и не успеваю возразить, потому что я знаю, какое будет продолжение.

— Ты самый хвастливый, — загибает палец сестренка, — Самый самовлюбленный...

— Сейчас получишь, — тихо сообщаю я.

— Но я тебя все равно люблю. — Она морщит нос и, метнув взгляд на маму — не смотрит ли, — показывает мне кончик языка.

— Сколько раз тебе повторять про язык, — вздыхает мама и, подперев щеку ладонью, отворачивается к окну.

— Я больше не буду, ма, — сопит сестренка и, потянувшись, за клубникой, неожиданно роняет большую спелую ягоду прямо в миску со сметаной. Брызги сметаны летят на белоснежную скатерть.

— Выдумщик твой Алексей, — говорит отец и разворачивает газету.

Ночью ко мне пришла мама. Не ночью — было начало двенадцатого, — села на край кровати. Я закрыл книгу.

— Что это ты читаешь? — Она глянула на обложку. — Ну да, конечно. «Два часа ночи... Не спится... А надо бы заснуть, чтобы завтра рука не дрожала. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно».

Я промолчал.

— Вас далеко... — она запнулась, — собираются забрасывать?

— Нет, — насколько возможно честно глядя ей в глаза, соврал я. Я был готов к тому, что рано или поздно мама задаст этот вопрос, и потому постарался приготовить заранее. У меня даже были готовы конкретные числа (в километрах) с соответствующими ссылками (на серьезные прецеденты). Очень серьезные.

— Ты сумасшедший, — сказала мама. В свете ночника ее лицо показалось мне грустным.

— Ты такая красивая сейчас, ма.

— Снова врешь.

— Честное слово, не вру. Прямо как девушка.

— Какая там девушка. Сорок пять скоро.

— Волосы, как у принцессы.

— Какая принцесса? Седых вон уже сколько...

Помолчали немного. Я уже начал тяготиться паузой и открыл было рот для невинного вранья о зачете, вроде: понимаешь, ма, это совсем недалеко, нам обещали Каллисто, а это рядом с Юпитером, почти ночной Бродвей. Ну какой может быть зачет по выживаемости на Бродвее? Ну, огни слепят, ну, движение напряженное... При этом во мне одновременно толкались, стараясь опередить друг друга, две мысли, первая: какой я мужественный и благородный, прямо Конрад Медвински в роли вечного Джеймса Бонда, а вторая: не переигрываю ли я? У мамы на подобные вещи — очень тонкое чутье. И лишь это удержало меня от скользкой вступительной фразы в сдержанно героическом стиле.

— Ты у меня тоже красавчик, — неожиданно сказала мама. — У тебя хоть девушка есть?

Честно говоря, я вздохнул с облегчением. Про себя. Отлично, поговорим о девушках. По крайней мере, не придется врать.

— Как тебе сказать, ма. Мне многие нравятся.

— У вас в Астрошколе много красивых девчонок?

Я вспомнил анекдот про Бабу Ягу, как его рассказывал Хазар: тащит Баба Яга ступу в Астрошколе, пыхтит, надрывается, а ее и спрашивают: «Бабушка, вы это куда со ступой?» — «В Астрошколу поступать, милоч!» — «Так на такой же технике давно не летают». — «Да? — бросает ступу, — Ну и черт с ней. Зато буду там первой красавицей!» Глупый анекдот.

— Много, — ответил я. — Все красивые.

— У них тоже есть курс по выживаемости?

— Да, конечно.

— А зачет?

— Что зачет? — не понял я.

— Они тоже сдают зачет?

— А-а... нет. Ситуационное тестирование и все. — Я подумал немного. — Но у нас исключительно боевые девчонки.

— Я верю.

— Да может, действительно, еще и не будет никакого зачета.

Мама ничего не ответила.

— Оля уже спит? — спросил я.

— Давно уже.

— А ты?

— Что я?

— Не спится?

— Глупый ты, — сказала мама. — Глупый сумасшедший. Впрочем, мужики все такие — глупые дети, которые играют с огнем. На сеновале. Знаешь, что такое сеновал?

Я отрицательно мотнул головой.

Мама улыбнулась. Впервые, за несколько дней на лбу ее разгладились озабоченные морщинки, словно она вспомнила что-то хорошее.

— Эх ты. Дитя сеновала.

Честно говоря, я не совсем понял, что она имела в виду.

— Я буду молиться за тебя, — вдруг очень тихо сказала она.

— Ну, что ты, в самом деле, ма...

— И вот еще что, — рука ее скользнула в карман халата, и она достала миниатюрный медальон на цепочке. — Возьми.

— Что это?

— Оберег. — Она вложила медальон мне в ладонь. Он был теплым на ощупь, еще хранил тепло ее тела. — Я хочу, чтобы ты всегда носил его с собой. На шею.

— Талисман? — спросил я. Я не посмел улыбнуться даже краешком губ. Во-первых, мне стало слегка не по себе. Жутковато даже как-то. Словно моя мама, моя милая славная мама пыталась против моей воли приобщить меня к какому-то запретному таинству. И почему она передает его сейчас? Днем не могла отдать, что ли? Вон полночь скоро.

Она угадала мои мысли. Или прочитала? Я был настроен так, что готов был поверить всему.

— Все женщины немножко ведьмы, — улыбнулась она. — Бери, бери, не бойся. Ему двести лет. Он будет хранить тебя.

— Я и не боюсь.

— Вот и славно, бери.

Оберег с цепочкой были из какого-то тусклого белого металла (серебро? платина?), приятно тяжелые, цепочка уютно свернулась в углублении моей ладони, словно маленькая ручная змейка. А на обереге, я присмотрелся, повернув его в свете ночника так, чтобы выпуклости на лицевой стороне лучше обозначились тенями... Да, точно. На лицевой стороне, полустертое временем, виднелось изображение двух ангелов, взявшихся за руки на фоне восходящего солнца. Или заката? Странный рисунок. Оберег. Я посмотрел на маму.

— Надень его сейчас, — сказала она. — Так, чтобы я видела.

На мой взгляд, цепочка была слишком короткой, и оберег лег чуть пониже ямки между ключицами. Я подумал о том, что скажут ребята, когда его увидят, а потом решил, что здесь, в самом деле, такого? Ну оберег, ну ангелы, да мало ли носят украшений? Вон в одно время Валентин ходил с золотой серьгой в ухе и ничего — никто не смеялся. Правда, над Валиком не очень-то посмеешься. Характер у него еще тот. И кулак, слава богу, как копыто у мула.

— Спасибо, ма, — сказал я.

Первые настоящие тренировки по выживаемости у нас начались на втором курсе. Это была уже не теория и не восточный полигон.

Полярная база над Антарктидой называлась «Южный Крест». На мой взгляд, название не слишком удачное. Какое-то метельное, вьюжное завывание слышится в нем, я уж не говорю о предостерегающем слове «крест». Алексей однажды попытался пошутить над этим, но, встретившись со мной взглядом, осекся.

Приблизительно раз в месяц, а иногда и раз в два месяца нас доставляли на полярную базу, где мы пересаживались на учебный звездоскаф. Как правило, это был вечер в субботу, или ночь с субботы на воскресенье, или очень раннее воскресное утро по средневропейскому времени. Такое время выбиралось потому, что на эти часы приходилась наименьшая интенсивность движения над Землей. Мне кажется, именно эти тренировки отбили у меня всякое желание радоваться уик-эндам. Первый год с приближением субботы, в пятницу, иногда даже в четверг вечером я начинал бороться с неприятным сосущим ощущением под ложечкой. Аппетит пропадал начисто. За завтраком я ковырялся в тарелке больше для вида, и Валентин, глядя на меня, обычно сочувственно-иронично спрашивал: «Что, опять предчувствия?» Судя по всему, у него самого с предчувствиями обстоял полный порядок, как и с желудком, по крайней мере, приближающийся уик-энд не сказывался на его аппетите никак. Нервы Валика были, не иначе, сплошь из стальной проволоки. Истинный философ. Хома-киммериец, то есть Конан Брут.

Нас крайне редко сбрасывали две недели подряд. Правда, бывало и такое. График «черных суббот» был абсолютно непредсказуем. Делалось это, наверное, не столько для того, чтобы держать нас в хроническом напряжении, сколько наоборот, дабы научить наши нервы расслабляться, несмотря ни на что. В конце концов, нельзя же жить в постоянном страхе.

Да. Но, как правило, уик-энд проходил за уик-эндом, и, наверное, это свойство человеческой психики — склонность к самообману (да, пожалуй, одно из основных свойств, без этого вообще невозможно было бы жить), через две-три спокойные недели мне начинало казаться, что эти упражнения по катапультированию сами собой подошли к концу, исчерпались и можно забыть о полярной базе как о страшном сне. В самом деле, рассуждал я, меланхолически пережевывая воскресный завтрак и запивая его соком, если последние разы нас последовательно сбрасывали все с уменьшающейся высоты сто пятьдесят — сто — пятьдесят километров, то на следующий раз приходится высота ноль километров, а это невозможно. (Алексей с энтузиазмом кивал в том смысле, что да, невозможно.) Как бы не так! Еще и как возможно! Не ноль, конечно, но есть еще высоты в сорок километров и тридцать пять, тридцать.

Предстаньте себе звездоскаф — стальное яйцо десяти метров в поперечнике, что, включив все аварийные огни, рушится с заоблачной высоты на ледяные пики Земли Королевы Мод. Первый раз нас просто оставили в звездоскафе, он отстыковался от станции на высоте тысяча километров и начал падать вниз со все возрастающим ускорением. Мы должны были взять под контроль управление и либо вернуться на базу, либо приземлиться на полигоне. После третьего-четвертого раза задание стали усложнять: то в систему управления и координации вводилась небольшая неисправность (каждый раз разная), то

вместо того чтобы мирно и благопристойно падать, звездоскаф вдруг заваливался в штопор (при этом надо было еще добраться до рубки управления). И не забывайте, что с каждым разом высота становилась все меньше и меньше.

«Скорей, скорей!» — кричит над ухом Гриша, подталкивая меня к аварийной шахте лифта. Я его все равно почти не слышу. Сзади несутся по коридору Валентин с Зайцем. И я кожей чувствую, как вместе с секундами уходят зачетные очки. И если бы только очки! С каждым мгновением истончается под ногами спасительный слой километров и метров между моими пятками, печенью и мозгом и жесткими, как железобетонные надолбы, ледяными склонами полярного полигона. И сердце бьется где-то в горле.

Впрочем, обратный отсчет, который сначала вызывал бешеное сердцебиение, через два года тренировок превратился лишь в причину досады на себя за опрометчиво съеденный плотный обед. Или ужин. И это тоже, наверное, одно из основных свойств человеческой психики: мало того что человек привыкает ко всему, через некоторое время это начинает казаться ему чуть ли не нормальным! Но то была Антарктида. Приземляя звездоскаф на заснеженном высокогорном космодроме, мы всегда знали, что нас ожидает горячий ужин. Или обед. Или завтрак. И сутки законного отдыха. Кроме того... Да, было еще и кроме того Алексей рассказал об этом, когда нас начали запускать с высот менее пятисот километров. И до конца испытаний я так и не смог решить, правда это или нет. Алексей утверждал, что управление звездоскафом находится под дистанционным контролем аварийно-спасательной службы Астрошколы, и даже если мы не справимся с ситуацией, нас всегда подстрахует диспетчер на Земле. Кто его знает, может и так, но проверять на практике это совсем не хотелось.

Как не покажется странным на первый взгляд, отчисляли из Школы редко, несмотря на сложность предметов, изматывающий тренаж и перспективу зачета, — процентов десять за пять лет учебы.

Проснувшись перед утром, я некоторое время смотрел через распахнутое окно, как высоко надо мной гаснут в небе звезды, потом перевернулся на живот и постарался снова заснуть.

В основном курсанты отсеивались после первого курса. На втором курсе, когда после многочисленных тренировок и тестирований стало ясно, что состав нашей пятерки уже не изменится, Гриша Чумаков впервые заговорил о том, что зачетное задание при определенной доле везения можно узнать заранее. Вот тогда-то впервые и прозвучало слово «архив». Как до него добраться, Гриша представлял весьма смутно, в основном напирая на то, что шанс, так или иначе, представляется, надо только не упустить его. Было разработано несколько проектов, большинство из которых рухнуло под собственной тяжестью еще на стадии обсуждения, однако не все. Среди этих полубредовых, полуфантастических идей (как-то: подкуп должностных лиц или применение парализующих волю наркотиков с целью дознания) встречались поистине перлы. Рождались они, как правило, в голове у Алексея и, как правило, в самый неподходящий момент.

Одна из таких идей состояла в том, чтобы установить в кабинете декана звукозаписывающую аппаратуру — «жучок». Декан вызывал к себе в кабинет курсантов достаточно редко. Обычно для этого надо было серьезно провиниться. Или наоборот, отличиться так, чтобы удостоиться рукопожатия и короткой беседы в святой святых Школы — Большом кожаном кресле под сенью портретов Коперника, Циолковского и Гагарина. Злые языки поговаривали, что на самом деле портреты там висят совершенно другие: Никколо Макиавелли, Игнация Лойолы и графа Дракулы, очевидно, намекая на методы преподавания, но этому, кажется, никто не верил, разве только абитуриенты.

Счастливых, удостоенных высокой чести, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Это были люди недостижимого для нас уровня: капитан футбольной команды Астрошколы, которая дважды, в прошлом и позапрошлом году, выиграла первенство среди вузов Восточной Европы, или Сергей Подпальный по прозвищу Паленый, отличившийся при аварии мезонатора «Волна». Короче, более простым и приемлемым для осуществления этого плана, представлялся путь морального падения. Декан для последнего душещипательного разговора перед отчислением с курса, скажем, за неуспеваемость, вызывает одного из нас к себе «на ковер», дабы по-отечески пожурить и попенять, и вовремя этой душещипательной сцены, когда слезы и сопля льются рекой, и происходит это самое — мы «прижучиваем» декана, как выразился Гриша.

Отличный план. Осталось только выбрать «камикадзе», который ради общего блага готов был пожертвовать своим добрым именем, рискнуть, став на скользкую дорожку, ведущую напрямик за ворота Астрошколы в никуда. Неопределенность этой части плана усугублялась еще и тем, что доподлинно никто не мог сказать, где проходит та грань, по одну сторону коей туманной перспективой маячит разговор с деканом (может, состоится, а может, и нет), а по другую сторону — отчисление с курса становится неминуемым.

Посвящать кого-то постороннего в наш план представлялось верхом легкомыслия, так

как в случае провала последствия становились совершенно непредсказуемыми, поэтому «камикадзе» должен был стать один из нас.

Гриша Чумаков тут же занял позицию, что, поскольку он является техническим руководителем проекта (Гриша брался достать «жучок»), его кандидатура должна быть автоматически исключена из претендентов на. Для ясности я хочу пояснить, что «жучок» представляет собой просто кусочек микронной пленки размером сантиметр на сантиметр, и достать его может любой. На самом деле — это деталь разведывательного зонда, рассчитанная на работу в течение сорока лет в диапазоне температур от минус двести до плюс двести и при соответствующих перепадах давления. Дело чуть не дошло до драки. Решили тянуть жребий, потом вспыхнул спор о выборе пути падения для кандидата в. Валик предложил дебош в баре напротив Астрошколы, чем окончательно подорвал проект. Похоронил.

Какая странная судьба идей! Не менее странная, чем человеческая судьба. Этим утром, лежа без сна и глядя, как разгорается за окном небо на востоке, я думал о том, как причудливо могут сплестись нити фортуны. В конечном итоге события повернулись так, что Алексей получил возможность попасть в кабинет декана, более того, даже приклеить «жучок» у него под столешницей, но это стало следствием совершенно новой идеи. Шансов на успех она имела не больше, чем все предыдущие. Алексей вдруг загорелся мыслью выиграть у декана крупную сумму денег. Очень крупную. В преферанс. Эта игра имеет несколько разновидностей, и Алексею в одно время начало просто фантастически везти в «ленинградку с призами и бомбами». В «ленинградке» можно очень крупно выиграть, как, впрочем, и крупно прогореть, если фортуна вдруг не возлюбит вас. Но для того чтобы сыграть с деканом за одним столом, надо было попасть в высший круг игроков, карточную элиту города Днепропетровска. О проекте «жучок» к тому времени забыли почти безвозвратно. Суть новой идеи состояла в том, что декан, проиграв сумму, которую не в состоянии будет отдать, расплатится с нами информацией.

Алексею надо было подняться на несколько ступеней в картежной иерархии, дабы попасть в лигу «А», где бы он смог сесть за один стол с деканом. И Алексей настолько рьяно принялся за дело, что забросил учебу и тренировки, и начал быстро катиться к той опасной черте, за которой ему грозило реальное исключение. В мире карточных отношений он поднимался гораздо медленнее, чем скатывался вниз в учебе. Причем непонятно, куда девались все его многочисленные выигрыши. Со слов Алексея можно было понять, что суммы эти соизмеримы с годовыми окладами вице-президентов крупных банков.

Карточная авантюра едва не обернулась для Алексея катастрофой. Об учебе он теперь и слышать не хотел, в глазах появился лихорадочный блеск, целыми днями вместо того чтобы заниматься, он разбирал какие-то карточные комбинации, ел торопливо, оставляя после себя грязную посуду, от наших увещаний он отмахивался рукой и бриться начал через день. Ночами он исчезал из общежития.

В конце концов, все закончилось разговором в кабинете декана. С ним Алексей так и не сыграл. Зато пронес и приклеил под уголком стола «жучок». Нетрудно представить наше разочарование (это мягко сказано), когда выяснилось, что «жучок» не передает из кабинета никакой информации, то есть вообще никакой, даже температуры воздуха. Это остается для меня загадкой и по сегодняшний день. «Жучок» был исправен и работал достаточно надежно, мы успели его испытать. Скорее всего, кабинет был защищен от прослушивания неизвестным нам способом. Горечь поражения отнюдь не скрашивала та мысль, что мы

переживаем стандартную для Косморазведки ситуацию, когда заброшенный на неисследованную планету зонд отказывался по непонятным причинам работать.

О чем разговаривал декан с Алексеем неизвестно, но после встречи с ним Алексей навсегда забросил карты (если вы с этим не сталкивались, поясню, что излечить втянувшегося картежника так же тяжело, как втянувшегося наркомана), на неделю исчез из Школы, по-моему, он просто пропил остатки своих выигрышей (подозреваю, что к тому времени фортуна уже отвернулась от него и он стал не столько крупно выигрывать, сколько крупно проигрывать)... Наверное, действительно пропил остатки выигрышей, потому что явился в понедельник на занятия со слегка опухшим лицом и мешками под глазами, но взялся за учебу и через две недели догнал группу.

Следствием всей этой возни вокруг декана стало рождение идеи абсолютно нового направления. Первым ее высказал Юра Заяц. Это была, без преувеличения, идея следующего поколения. Суть ее лежала на поверхности, просто ни у кого не хватило то ли ума, то ли духу ее подобрать.

У декана была секретарь. Звали ее Женестьева. Фамилии, пожалуй, не вспомню. Если в сейчас представили зеленоглазую красотку с белозубой голливудской улыбкой, должен вас разочаровать. Все женское обаяние ее приходилось на имя и еще голос. Когда вы слышали по телефону: «С вами говорит секретарь декана Женестьева» (с непередаваемыми обертонами), в воображении без особого труда тут же возникали самые разнузданные картины. Встреча с оригиналом оборачивалась для большинства шоком.

Во-первых, ей было около тридцати пяти (против наших семнадцати — восемнадцати на втором курсе). Бледная кожа со следами оспин на висках, бесцветные волосы, такие же бесцветные, неопределенного цвета глаза, низкий лоб, плоская грудь — одним словом, картина малопривлекательная. Говорят, она родилась на Марсе, в возрасте трех лет родители перевезли ее на Землю, но до конца к земному притяжению она так и не приспособилась. Походка ее слегка напоминала утиную, а когда Женестьева куда-то спешила, сходство возрастало до гротеска. Попятно, что мужским вниманием она была не избалована.

На этом и был основан план Юры. Безусловно, через руки Женестьевы проходила поистине бесценнейшая информация. Оставалось только протянуть руку и взять ее. Я имею ввиду Женестьеву. Но если вам кажется, что это так просто — протянуть руку, смею вас уверить, попробуйте, это не каждый сможет. А ситуация между тем складывалась почти как в классике — чем дальше, тем страшней. И начался выбор кандидата...

За окном совсем рассвело. Часы на столике у кровати показывают 6:10. Я перевернулся на бок и включил радио. Передавали блюз в исполнении оркестра под руководством Жана Пейгано. Под такую музыку хорошо танцевать в полутемном баре, зарываясь носом в душистые волосы и обнимая ее все крепче и крепче. Я вздохнул. Сегодня в три часа дня у меня назначена встреча с Женестьевой...

Оля умела задавать отнюдь не детские вопросы. Это был у нее настоящий талант или бич? Бывало, как спросит что-нибудь и смотрит на тебя по-детски ясным, невинным взглядом, только в уголках губ подрагивает не то что усмешка — легкая тень усмешки, да в глубине глаз, если присмотреться, видно, как прыгают веселые искорки-чертики. Пока мы с ней гуляли по зоопарку, переходя от клетки к клетке, она молчала, с одинаковой сосредоточенностью изучая как зверей, так и надписи над клетками, от названия животных до запрещающих надписей: «Близко НЕ подходить!», «НЕ кормить!»

В центре зоопарка — площадка молодняка. Время приближалось к двум часам.

— А когда они вырастут, тоже будут жить в клетках? — спросила Оля, рассматривая резвящихся братьев-медвежат на песчаном склоне.

В мою сторону она даже не покосилась.

Я выбрал уклончивое: «Наверное».

— До самой смерти? — Теперь она повернула ко мне свою головку (солнце светит сквозь растрепавшиеся волосы, просвечивает ухо) и смотрит на меня не по-детски серьезными глазами.

Я прочистил горло.

— Откуда я знаю?

Оля молчит, не мигая, смотрит на меня. Такой же взгляд у мамы, когда она пытается уличить меня в невинной лжи.

— Здесь им хорошо, — выдал я первое, что пришло в голову. — Здесь их кормят и поят. Ухаживают, — добавил я после небольшого раздумья.

— Но ведь им, наверное, ужасно скучно: жить вот так в клетке до самой-самой смерти. Пожимаю плечами.

— Я бы не смогла, — говорит Оля и снова смотрит на меня.

— Они могут помечтать, — отвечаю я и гляжу на часы. 14:05.

Оля долго смотрит на меня, очевидно, пытаюсь представить, о чем можно помечтать, если всю жизнь провел взаперти, понятия не имея ни о лесах, ни о реках, ни горах, ни о бескрайних степных просторах.

— Хорошо, что ты станешь косморазведчиком, — неожиданно говорит она.

— Почему?

— Не как в клетке, — говорит Оля не совсем понятно. А впрочем, все понятно. Действительно, хоть выглянуть за пределы тесного мирка, в котором тысячи и тысячи лет жило человечество. Ради этого можно многим пожертвовать.

— Это опасная работа, — говорю я. — Можно погибнуть.

В каком-то смысле с Олей говорить легче, чем с мамой или даже с отцом. Можно не притворяться и не следить за каждым словом. С ними я никогда бы не позволил себе этого «можно погибнуть».

Оля кивает, не спеша, задумчиво, как взрослая.

— Я бы тоже убежала, если бы меня держали в клетке, даже если б... — Некоторое время она думает. — А косморазведчики часто гибнут?

— Не чаще, чем звери, которые убегают, — говорю я. «В ста процентах случаев», — добавляю я про себя.

Но Оля не знает этой статистики. Лицо ее озаряется улыбкой.

На часах 14:10.

— Вот что, Оля, у меня тут недалеко назначено свидание с одной тетей. Дамой. Так что я, пожалуй, отправлю тебя домой на такси, а сам...

— Ты ее любишь?

Я поперхнулся.

— Если ты ее любишь, значит, вы будете обниматься и целоваться, и тогда, конечно... — она поковыряла пальцем забор, — а если нет, я тоже пойду с тобой.

Терпеть не могу, когда меня заставляют лгать и изворачиваться.

В глубине сознания я понимал, что сам себя поставил в такое положение, нечего пенять.

— Дело в том, что встреча может затянуться, — наконец выбрал я уклончивое, чтобы не врать ни себе, ни ей. — Домой я вернусь часов в двенадцать, так что сама понимаешь...

Оля вздохнула.

— Если так...

Красивые женщины обычно опаздывают на свидание. Этот порок не относился к числу недостатков Женева. Я увидел ее издали, когда она подходила ко входу в парк Шевченко, торопливая, чуть переваливающаяся походка, неброский макияж. Я помахал рукой.

— Привет, Женева.

— Добрый день, — она слегка запыхалась.

— Жарко сегодня. — Я протянул ей розу, которую купил после того как отправил Олю домой на такси.

— Спасибо.

— Может, пойдём сегодня на пляж? — Убийственное предложение, учитывая телосложение Женева. Увидев, как на мгновение застыло ее лицо, я понял, что сморозил глупость.

— Н-нет, пожалуй. Вода в Днепре, наверное, еще очень холодная. Да и потом, о таких предложениях надо предупреждать заранее. Я не взяла с собой купальник.

Я мысленно обругал себя. Женева виновато улыбнулась. Улыбка очень красила ее лицо, делая почти привлекательным.

— Тогда посидим где-нибудь.

Мы спустились по аллее мимо гуляющих пар (большинство из них, как и мы, шли к Днепру), повернули к пешеходному мосту, недалеко от которого на террасе в тени расцветающих акаций были расставлены столики летнего кафе. Посетителей в это время было немного. Мы заняли свободный столик и подождали, пока официантка подойдет за заказом.

— Коктейль с каплей вина? — спросил я Женеву.

Женева улыбнулась.

— Почему же с каплей? Можно и чуть-чуть больше.

Если не смотреть на нее, а слушать только голос, можно даже «ловить определенный кайф», как инструктировал меня Алексей, провожая на одно из первых свиданий с Женевой в позапрошлом году. А если... Наверное, это просто дело привычки. Интересно, за кого нас принимает официантка? Женеву — за попечительницу богатого фонда, а меня? Черт, кому какое дело, в конце концов?

В общем, если быть объективным, Женевьева выглядела неплохо. За последнее время, с тех пор как я начал встречаться с ней, она даже вроде помолодела. Ухищрения современной косметики? Кончики светлых волос слегка завиты, модные сережки — можно польстить себя мыслью, что в этом часть и моей заслуги. Ничто так не красит женщину, как толика счастья, сказал кто-то. Ну, может быть, не счастья, не будем так самоуверенны, а хотя бы внимания.

— Что это у тебя на шее?

— Оберег.

Принесли коктейль в высоких запотевших бокалах с кубиками замороженного сока и долькой лимона. Я отпил через соломинку глоток из верхнего слоя, где толкались, позванивая, льдинки и коктейль был самый холодный.

— Можно посмотреть?

— Там тугая застежка. Смотри так. — Я придвинулся к Женевьеве; она наклонилась, взяв медальон двумя пальцами. От порыва ветра ее волосы попали мне в лицо, захлестнув запахом духов.

— Старинный?

— Да, мама подарила.

Женевьева пригубила коктейль. Я рассматривал противоположный зеленый берег Днепра, утопающий в солнечном свете.

— О чем ты все время думаешь?

— О зачете. — Я взглянул на Женевьеву. Ничего не изменилось в ее лице, но я понял, что она ответит. Если она скажет, что не узнала ничего нового, можно будет со спокойной совестью встать и уйти и больше не вспоминать о Женевьеве никогда. Может быть, не сразу уйти, посидим еще немного. Так что я испытал почти облегчение, когда она после небольшой паузы подняла на меня свои бесцветные глаза и сказала:

— Мне не удалось узнать ничего нового.

Ну что ж, по крайней мере, больше не буду морочить ей голову, и мысли не будут двоиться в голове. Я отпил большой глоток и подумал, что от Женевьевы, собственно, уже никто ничего не ожидал. Валентин сказал еще до Альп, что, если мы до сих пор не получили от Женевьевы никакой информации, ждать уже нечего. Теперь это известно точно.

Меньше всего мне хотелось услышать, как она сейчас начнет оправдываться, но Женевьева сказала совсем другое.

— Я не дура, — сказала она. — Я прекрасно понимаю, что, если б я не была секретарем декана, ни ты и никто из твоих друзей не обратил бы на меня никакого внимания. Но, поверь, я вам, — она повторила, — вам хотела помочь совершенно искренне. Ко мне обращались многие, я достаточно давно работаю на этом месте.

— Не надо, Женевьева, — я почувствовал, что краснею.

— Не перебивай меня, пожалуйста.

Я присмотрелся: щеки Женевьевы тоже разгорались слабым румянцем. Она поправила выбившийся локон прически и виновато посмотрела на меня:

— Ну вот, ты меня сбил с мысли. Если бы кто-то из вас встретил меня на улице... А тебя я заметила еще, когда ты только подавал документы па поступление. Не знаю, существует ли любовь с первого взгляда, но что-то, безусловно, есть в этом мире. Я всегда хотела, чтобы ты подошел ко мне и заговорил. Просто заговорил. А когда ты однажды, помнишь, подошел ко мне и сказал... Знаешь, я после этого часто просыпалась по ночам и

думала, что мы живем в мире, который устроен так, что в нем сбываются только самые искренние, самые заветные желания. Мне совсем не хочется, чтобы с тобой что-то случилось, поверь. И то, что я не смогла вам помочь... Может быть, я недостаточно сильно хотела? — Женестьева посмотрела на меня.

Вот кто мне подскажет, что мне надо было ответить? Я допил коктейль (в голове — ни единой мысли) и отодвинул бокал. Женестьева помешивала соломинкой кубики льда (льдинки трутся друг о друга, позванивают о край бокала). Весь разговор занял у нас минут пять.

— Не уходи, — попросила Женестьева.

Закончил я этот день совсем не так, как планировал. Но, в конце концов, на что не пойдешь ради человеколюбия, верно? А как надо было поступить — встать и уйти?

«Слабак», — сказал бы Валентин.

«Свинство», — сказала бы мама.

«А что здесь такого?» — сказал бы Алексей.

«Цель оправдывает средства», — сказал бы Гриша.

«Невозможно всех пожалеть», — сказал бы Юра Заяц.

«Это тебе зачтется», — шепнула на прощание Женестьева.

Посмотрим, как говаривал слепой.

Отец проводил меня до Найроби.

Мы стояли на краю саванны, в шаге от нас начинались взлетно-посадочные полосы космодрома. Сзади в высокой траве стрекотали цикады, а впереди в волнах знойного ветра, поднимавшегося от нагретых за день бетонных плит, дрожал и словно отплясывал в воздухе, над самой землей, главный корпус космодрома. Заходящее солнце наполняло миражные лужи на бетоне алым отсветом. Отец мог минутами, не щурясь смотреть на заходящее солнце. У меня, например, от этого начинали бежать слезы и плыли черные круги перед глазами.

— Все вещи имеют тот смысл и ценность, которые мы в них вкладываем, — сказал отец. — Это один из психологических парадоксов. Бриллиант мог бы цениться, как простая стекляшка, если бы в него не был вложен такой огромный труд десятков людей. И чем большие силы мы прилагаем для достижения чего-то, тем больше это ценим.

Отец посмотрел на меня.

— Удачи тебе, — отец улыбнулся, — рыцарь.

— Рыцарь?

— Да. Удачи вам, рыцари.

Май. Но за окном метет пурга. Южное полушарие? Баффинова Земля? Поздний вечер. В комнате, единственное окно которой выходит на обледеневшие прибрежные скалы, сидят двое. Кресла придвинуты к горящему камину, больше комната не освещена ничем.

Стекла дрожат под напором налетающих порывов ветра.

— Погода у вас на острове, Мастер...

— Да?

— Г-кхм... мерзопакостная.

Тот, кого назвали Мастером, вынул изо рта сигару, улыбнулся. При этом дряблые щеки его дрогнули, уголки губ изогнулись. Был он невысок ростом, но грузен. Лоб с широкими залысинами, в уголках глаз складочки, как гусиные лапки. Такие складочки образуются, когда человек часто улыбается или щурится, например, от яркого света, или оттого, что в лицо ему постоянно дует резкий ветер, например, со снегом.

— Знаете, как здесь говорят? Тут зима от мая до мая. Все остальное лето. Впрочем, вы, безусловно, правы. Погода, действительно, мерзкая. Хотите немного вина?

— Пожалуй.

— Берите сигару.

— Нет, благодарю. Я лучше трубку.

Собеседник Мастера, наклонившись, достал из кармана пиджака короткую темную трубку с изогнутым мундштуком и, пока на столике рядом с камином расставлялись фужеры дорогого венецианского стекла и наливалось густое, цвета балтийского янтаря вино из пузатой бутылки, с наслаждением закурил. Облик его если не контрастировал с обликом Мастера, то, по крайней мере, отличался очень сильно: высокий бледный лоб, совершенно седые волосы, горбатый нос, короткая полукруглая борода с густой проседью. Был одет он в изысканный костюм, белоснежную рубашку, ворот которой стягивал галстук-бабочка. А одежда Мастера отличалась домашней небрежностью: длинный махровый халат с подкатанными рукавами, тапочки; было похоже, что он, Мастер, только что принял ванну и теперь, на сон грядущий... Однако тут наше предположение оказалось бы ошибочным. Часы над камином показывали начало одиннадцатого, а Мастер привык ложиться гораздо позже, и спал он не более четырех-пяти часов в сутки.

— Прозит.

— Прозит, — слегка наклонил голову седовласый.

Мастер отпил глоток и поставил фужер на низкий столик рядом с креслом.

— Старое вино. Тридцатилетней выдержки.

— М-м-м?.. — Седовласый приподнял бровь. — Отличное вино.

— Да, — Мастер снова пыхнул сигарой и, повернувшись к окну, выпустил из ноздрей дым. — Согласитесь, есть особая прелесть в том, чтобы вот так, сидя у камина, несмотря на мерзкий холодный циклон... Вы знаете, мне кажется в старых винах законсервировано само время, наши ощущения, мысли, эмоции. Да, именно наше мироощущение. — Мастер немного помолчал, глядя на кончик сигары, словно прислушиваясь к изменениям, происходившим у него внутри. — Да. И, выпив несколько глотков, мы можем хотя бы на несколько часов вернуться в собственное прошлое.

Седовласый, казалось, не расслышал, глядя на огонь сквозь полупустой бокал. Нет,

расслышал.

— Вы оказывается в душе поэт, Мастер.

Голос Мастера внезапно утратил ленивую расслабленность.

— Мне больше импонировало, если бы вы ответили «совершенно сумасбродная мысль», потому что тогда я был бы уверен, что вы абсолютно откровенны со мной. А так... Профессия наложила на вас слишком сильный отпечаток. Вы когда-нибудь сами себе говорите правду?

Седовласый снова приподнял бровь.

— Ладно, можете не отвечать. Сколько мы с вами не виделись?

— Года два, пожалуй.

— Подозреваю, что вы можете назвать более точную дату, вплоть до часов и минут.

Седовласый улыбнулся и снова пригубил вино.

— Вы редкий собеседник, Мастер. Позвольте мне высказать к вам свое самое глубокое уважение. Совершенно искреннее.

Мастер помолчал.

— В последнее время я все яснее чувствую, как оно, время, буквально протекает у меня между пальцами. Все быстрее и быстрее.

— Это опять тест?

Мастер допил вино и некоторое время рассматривал бокал в отсветах пламени.

— Нет, не тест. Снова не угадали. Насколько я помню, это, несмотря на блестящие профессиональные качества, всегда было вашей ахиллесовой пятой — слабая способность... не к прогнозу, а к интуитивному восприятию, что ли. Логика довлеет в вас.

— Довлеет над вами.

— Что? А я как сказал?

Седовласый снова пригубил вино.

— Извините. Вы, конечно, совершенно правы. Поэтому я и приехал сюда.

Некоторое время оба молчали. Ветер порывами бросал в окно пригоршни мокрого снега.

— Вы хотите все-таки получить мое «добро»?

— Да, Мастер.

— А если нет?

— Задание еще не поздно изменить.

— Никогда не поздно и всегда рано...

Седовласый промолчал, не иначе опасаясь новых подвохов в разговоре. Впрочем, не очень-то верилось, чтобы он когда-нибудь в жизни чего-то опасался. Уж очень выразительное было у него лицо. Было похоже, что он и родился с этим лицом, играл в песочнице, женился, дрался на дуэли, ходил на абордаж, сжигал мосты, подавлял бунт в самом зародыше, покидал последним капитанский мостик, и за все эти долгие-долгие годы оно ни на йоту не изменилось. Как маска.

— Вы думаете, они справятся?

— Уверен, Мастер.

— Два года назад вы тоже были уверены, однако...

— Это лучшая пятерка среди многих выпусков.

— А как же ваша французская группа в восемьдесят седьмом?

— Эта лучше.

Мастер вздохнул.

— Остаются соображения морального плана, не так ли? Хотите еще вина?

— Да, пожалуй.

Мастер снова наполнил бокалы.

— Как метет, а? Погода все равно нелетная. Оставайтесь-ка ночевать у меня.

— Даже не знаю, что ответить.

— Дела?

— Да. Пожалуй, придется лететь. Завтра надо быть уже в Найроби.

Мастер покивал.

— Я вот о чем хочу вас спросить. Вы не боитесь судебной ответственности, если вся эта затея кончится трагически?

— Нет, Мастер. Задание поставлено так, что приземляться они и не должны. Более того им несколько раз категорически и недвусмысленно указывалось, что на планете им делать нечего.

— И все-таки они вынуждены будут приземлиться?

Седовласый развел руками.

— Запасов пищи у них на неделю. А подберем мы их, если все это кончится ничем, недельки через три-четыре. Ни с какой экономией они не продержатся столько. Придется приземляться.

— Значит, никакого звездоскафа в пространстве нет и не было?

— В том-то и дело, Мастер, что был и есть. Но со звездоскафом — это совершенно отдельная история. И если они его найдут... Уж не знаю, что лучше. Я имею в виду, для них.

— Дом с привидениями?

— Если не хуже.

— НЛО?

— Да, и уже давно. Более чем.

Мастер кивнул.

— Самые мудрые решения — самые добрые. Не самые изощренные, заметьте. Изощренные решения могут быть умными и только. Но мудрые решения, по своей сути, всегда добры. Вот чего вы никогда не могли понять. Тот, кто создал наш мир, имел огромную доброту. Огромную, трудно представимых масштабов.

— Вы слишком суровы ко мне, Мастер. Ведь я, смею надеяться, ваш любимый ученик.

— Учитель и должен быть суров к своему любимому ученику.

— А как же концепция доброты и всепрощения?

Мастер улыбнулся:

— Bravo. Но это лишь один из уровней: бить противника его же оружием. Это прием. Он хорош в короткой схватке. А для далеко идущих решений... это не годится.

— Я понимаю, о чем вы хотите сказать. — Седовласый наклонился, чтобы выбить трубку о решетку камина. — И все-таки позвольте не согласиться с вами, хотя бы в частностях.

Мастер молча смотрел, как седовласый снова набивает трубку, раскуривает.

— Хотя бы в частностях, — повторил седовласый. — К сожалению, мы живем в мире, который далек от этического равновесия. Мы живем в мире, где нас обманывают. Более того, в мире, где мы вынуждены обманывать друг друга. Более того. В мире, где мы обманываем сами себя, ибо не можем отличить истины от...

Мастер предостерегающе поднял палец:

— Концепция этического равновесия в вашей интерпретации представляется более чем сомнительной, мой друг. По-моему, это — вообще уровень «око за око, зуб за зуб».

Седовласый улыбнулся:

— Вы все время стараетесь меня поставить в такое положение, чтобы я оправдывался.

— Отнюдь. Я просто хочу, чтобы вы сами для себя уяснили ценность собственных решений.

Метель за окном начала как будто бы немного стихать. В облаках появились редкие просветы. Выглянула луна.

— А если этот ваш импульсатор...

— Красная кнопка?

— Да. Выйдет из строя?

— Это невозможно, Мастер.

— Скажем, взорвется. И вы их вообще не сможете найти?

— Ну, что ж. Тогда мне придется подать в отставку. Но еще раз повторю, Мастер: трагический исход м-маловероятен.

— Сколько это в процентном выражении?

— Примерно один к двадцати.

Мастер покивал:

— В общем-то это не так и мало, если речь идет о твоём собственном сыне. Или, скажем, внуке, а? — И он пристально посмотрел на седовласого.

Тот промолчал.

— Ну, хорошо. Еще раз объясните мне, почему все-таки не направить туда обычный звездоскаф Косморазведки?

— О, на это есть несколько веских причин, Мастер. Во-первых, да и во-вторых тоже: утечка информации по официальным каналам, которая может привести...

Мастер, наклонив голову, молча слушал и, еще минут пять после того как седовласый выдохся, задумчиво смотрел в огонь, поигрывая ножкой бокала. А потом сказал:

— Расскажите-ка мне поподробней об этих ребятах.

— Поподробнее? Пожалуйста...

**11 апреля 2188 года, пятница,
накануне Дня Звездопроходца**

Это случилось в апреле восемьдесят восьмого. До зачета оставалось еще больше года. В тот день очередная попытка — теперь я могу сказать, что она оказалась самой последней из попыток «выйти на архив», — принесла наконец результат. Это вовсе не означает, что мы проникли в святая снятых Школы, просто наряду со множеством совершенно бесплодных, более того, небезопасных попыток, сопряженных с риском быть с позором отчисленными из Школы, эта попытка дала хоть какой-то результат. Мы наткнулись на характеристики курсантов Астрошколы. Частично нам помогла Женеваева, кое-что подсказала, а в общем, большей частью это была удача чистой воды.

В эту пятницу занятия окончились на три часа раньше. В актовом зале Астрошколы должно было состояться торжественное собрание, после чего начинался концерт, дальше по программе — бал, на который традиционно приглашались выпускницы Сичневого института. Коридоры Школы после полудня обезлюдели, и мы без особого труда, никем незамеченные, проникли в аудиторию, где был установлен один из периферических компьютерных терминалов, связанных с Вычислительным центром Школы.

Юра Заяц, как мне показалось, невероятно долго копался, пока, взламывая один за другим коды защиты, добрался до вожделенной эмблемы «DAS» в обрамлении черных крыльев, коронованной звездой. Эмблема — на фоне синего диска.

Конечно, хотелось бы иметь код-допуск самого директора, однако и это тоже неплохо; Женеваева сумела снабдить нас идентификационным кодом декана: БВЕ 1100785/к. Едва Юра нажал последнюю клавишу, как на экране высветилось приветственное: «ДОБРЫЙ ДЕНЬ, ВЛАДЛЕН ЕВГЕНЬЕВИЧ» и вспыхнул новый запрос. «БУДЬТЕ ДОБРЫ, ВВЕДИ ДАТУ ВАШЕГО РОЖДЕНИЯ».

— Чьего рождения? — переспросил я.

Валентин присвистнул.

Этого не мог ожидать никто. Об этом не предупреждала Женеваева, об этом не рассказывал никто из старшекурсников. В правом нижнем углу экрана не спеша начали сменяться цифры: 59, 58, 57... означающие, что терпение компьютера не безгранично и что по истечении минуты, не получив ответа, программа отключится, мало того, наверняка включится охранная система перехвата, могли, например, заблокироваться двери...

— С-с-с... уходим, — прошипел Гриша Чумаков.

— У нас еще п-почти минута, — сказал Юра Заяц.

— Ну и что? Тебе известен день рождения декана?

— Он Водолей, — неожиданно сказал Валентин.

— Уходим, — повторил Гриша.

— Ст-тойте. — Юрины пальцы запорхали по клавишам.

В течение нескольких тягостных секунд я чувствовал, как от пяток все выше и выше царапают по ногам невидимые холодные коготки.

Отсчет вдруг остановился. Вспыхнуло: «ЖДУ УКАЗАНИЙ».

— Как ты это сделал? — восхищенно спросил Алексей.

— Соединил две п-программы.

Валентин хохотнул.

— Дальше, дальше, — снова занервничал Гриша Чумаков. — Ищи список курсантов.

На экране последовательно сменилось: 2184 год поступления; мастер-класс Поль Виталий Брониславович... Это было похоже на сказку, на выигрыш в лотерею, маленькое чудо...

— Да вот же, вот! — Гриша ткнул пальцем в экран со столбцами перечней файлов. — Куда вы смотрите? Вот наша пятерка!

— Спокойней, спокойней, курсант. — Валик похлопал его по плечу.

На дисплее высветился код нашей группы: 184-RD-1000012/Восток и сразу: «ЛИЧНЫЕ ДЕЛА. ВЕРГУНОВ ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ. ХАРАКТЕРИСТИКА.

ВЕРГУНОВ Ю. В., 29.09.68 г. р., 0 (I) группа крови, «охотник». Акцентуация стерта. Средний уровень невротизации. Эмоционально-мотивационная сторона личности скомпенсирована. IQ по Стенфордской шкале: 120. Психологическая совместимость: В, D, G, S».

— Это все не то, — пробормотал Валентин. — Глупости.

— Погодите, — Гриша оттеснил Юру и сам сел за пульт. — Это важно, тем более характеристики короткие. — К нему вернулась прежняя уверенность, даже голос изменился. — Так, дальше...

«Важной особенностью личности является смена гипертимических (эйфорических) и дистимических состояний. В фазе дистимии возможна озлобленность и подавленность, в крайнем состоянии — замедленность реакции и мышления. Физическая форма: отличная. Красный пояс до-шин-кан. Реакция на опасность адекватная. Надежен. Отличное знание техники и компьютерных технологий. Имеет педагогические наклонности. Может быть использован как в Косморазведке, так и, в дальней перспективе, как преподаватель Астрошколы». Дальше шло несколько фотографий, на которых Юра Заяц был запечатлен во время тренировок и сразу начиналась характеристика Алексея.

«ГОПАК Алексей Камиллович, 14.03.68 г. р., В (III) группа крови, «кочевник». Скрытая акцентуация. Средний уровень невротизации. Высокая социальная адаптация. IQ по Стенфордской шкале: 125 — высокий. Психологическая совместимость: В, D, Q, R.

Тип личности близок к гипертимическому, сочетается с высокой активностью, жаждой деятельности. Характерны общительность, повышенная словоохотливость, эрудиция. В критических ситуациях склонен к аферам. По биоритму — сова. Физическая форма: отличная. Красный пояс до-шин-кан. Реакция на опасность адекватная, склонен к предчувствиям. Отличное знание социологии, а также истории. Может быть использован как в Косморазведке, так в перспективе и в координационном звене Дальразведки». В конце — тоже несколько фотографий.

— Я не совсем понимаю, при чем тут аферы, — сказал Алексей.

— Дальше, дальше. — Гриша нажал смену страницы.

«ДРОБИЧ Василий Михайлович, 27.09.67 г. р., 0 (I) группа крови, «охотник». Эмотивный тип акцентуации. Стертый уровень невротизации. Склонен к сентиментальности, сочувствию, эмпатии. IQ по Стенфордской шкале: 125. Психологическая совместимость: В, Q, R, S.

Физическая форма — отличная. Красный пояс до-шин-кан. Реакция на опасность адекватная. Отличный пилот. Самый высокий балл за пилотирование на курсе. Спокоен, целеустремлен. Отличное знание биологии, физиологии и журналистики. Уравновешен.

Может быть полезен как пилот в Косморазведке, так и в перспективе — в отделе по связям с общественным мнением».

Традиционные несколько фотографий в конце. На одной из них я был рядом с Женевьевой.

— Когда это они умудрились? — пробормотал Алексей.

— Дальше...

«ИВАНЕНКО Валентин Валерьевич, 3.01.67 г.р. 0 (I) группа крови, «охотник» Возбудимый тип акцентуации. Скрытый уровень невротизации. Преимущественное развитие эмоционально-волевой стороны личности. Психологическая совместимость: Л, В, Т, Z. IQ по Стенфордской шкале: 115.

Ум — практического склада. Упрям. Склонен к психопатическому развитию реакций. Насторожен. Реакция на опасность часто неадекватная. В критических ситуациях может быть неуправляем, опасен. Физическая форма: отличная. Неутомим. Черный пояс до-шин-кан, первый дан. Отличное знание боевых искусств. С высокой эффективностью может быть использован как в Косморазведке, так, в перспективе, и в теневых отрядах».

На фотографиях в конце Валик запечатлен во время поединка. Можно даже рассмотреть его противника в различных планах — некто Хазар. Фотография сделана на соревнованиях в прошлом году. Зрелище действительно впечатляющее, я имею в виду Валентина. Он повернут лицом к объективу, голый по пояс, рот оскален, все мышцы напряжены. А вот он в момент удара. Да, зверь.

— Я не понял, что такое теневые отряды? — спросил Алексей.

Мы переглянулись.

— Можно спросить Поля, — сказал Юра.

— Нет, здесь что-то другое. — Гриша потер переносицу. — Ладно, потом. Дальше.

«ЧУМАКОВ Григорий Николаевич, 6.05.67 г. р., АВ (IV) группа крови, «кентавр» Демонстративный тип акцентуации. Уровень невротизации — выше среднего. Главной особенностью является постоянное стремление находиться в центре внимания. Высокая социальная адаптация. Психологическая совместимость: А, D, Т, Z. IQ по Стенфордской шкале: 130.

Обладает всеми качествами лидера. Подсознательно старается произвести наиболее благоприятное впечатление. Обидчив, замечания воспринимает болезненно. Физическая форма отличная, зеленый пояс до-шин-кан. Вынослив, во время зачетного 20-километрового кросса показал первый результат на курсе. Отличные успехи в социологии и лингвистике. Может быть с успехом использован как в Косморазведке, так в перспективе и в руководящем звене Дальразведки».

Несколько фотографий в конце, на которых Гриша запечатлен во время соревнований по прыжкам с трамплина — гибок, скоординирован, целеустремлен — ну прямо рыцарь без страха и упрека. Почти что полубог.

Свою характеристику Гриша пробежал глазами так быстро, что вряд ли кроме него еще кто-то успел ее полностью прочитать, и сразу же набрал новый запрос:

«ВЕРОЯТНАЯ СЛОЖНОСТЬ ЗАЧЕТА ДЛЯ ПЯТЕРКИ 184-RD-1000012/ВОСТОК?»

Ответ пришел через мгновение:

«СЛОЖНОСТЬ ЗАЧЕТА ВЫШЕ СРЕДНЕЙ. ПО ШКАЛЕ GRAMM-HOLLINGS НИЖЕ 65, ВКЛЮЧАЯ ОТДАЛЕННОСТЬ И СТЕПЕНЬ РИСКА».

— Кто-нибудь слышал о такой шкале? — Гриша повернулся к нам.

— Задавай конкретные вопросы, — посоветовал Алексей.

«ВЕРОЯТНЫЙ СЦЕНАРИЙ ЗАЧЕТА?» — послал запрос Гриша.

Несколько секунд, которые мне показались вечностью, запрос висел на экране, потом вспыхнуло десять столбцов шестизначных чисел, занявших все свободное место; последний из столбцов окрасился фиолетовым.

Откуда-то из невообразимой дали, словно из другого мира, донеслись до нас звуки гимна Астрошколы. 14:00. Это в актовом зале, расположенном в дальнем крыле, началось торжественное заседание. Никто не обернулся.

Я ожидал, что на экране сейчас возникнет что-то вроде, ну, например, «Доклад-отчет курсанта имярек от такого-то числа»... Просто очень, наверное, мне хотелось хоть краешком глаза заглянуть туда, в пресловутый архив. Но это был не архив. Снова высветились столбцы чисел, на этот раз какие-то градусы, изогравы, эксцентриситет, расстояние до цели в парсеках и астрономических единицах, примерные расчеты по времени и жизнеобеспечению; расход кислорода, топлива, энергии...

— Оно, — тихо сказал Алексей. — Копируй.

— Надо проверить, — Гриша наугад открыл еще несколько файлов в фиолетовом столбце, везде было одно и то же: координаты, расчеты по жизнеобеспечению, в некоторых фигурировали имена звезд, а в некоторых кроме сухих цифр стояли еще и кодовые названия (я понял так), например: «Ориноко», «Сокол», «Рабиндранат».

— Копируй, — повторил Алексей. — Время. Потом разберемся.

Но после команды «копировать» вдруг высветилось:

«ДОКУМЕНТ НЕ ПОДЛЕЖИТ КОПИРОВАНИЮ, ВЛАДЛЕН ЕВГЕНЬЕВИЧ».

Валентин чертыхнулся.

Гриша попробовал еще раз — результат тот же.

«ДОКУМЕНТ НЕ ПОДЛЕЖИТ КОПИРОВАНИЮ, ВЛАДЛЕН ЕВГЕНЬЕВИЧ».

— Пусти меня, — Юра сел за пульт, но и у него тоже ничего не вышло. Истекли еще несколько минут. По нашим расчетам, мы могли располагать четвертью — третью часа. Время подходило к концу.

В коридоре послышался шум приближающихся шагов. Кто-то остановился и начал возиться около дверного замка. Запасного выхода из комнаты терминала не было, секунд десять или пятнадцать мы, затаив дыхание, прислушивались к возне у входа, потом Валентин встал и распахнул дверь.

За дверью, наклонившись в неудобной позе, стоял Монах, староста нашего потока. От неожиданности он отпрянул, попятился и едва не упал.

— А ты здесь что делаешь? — спросил Валентин. — А, Дьяченко?

Было непонятно, говорит Алексей серьезно или шутит. Каждый год во время традиционного апрельского бала он доставал меня одними и теми же разговорами. Начинал он приблизительно так:

— Глянь, какие ягодки из Сичневого! Вон одна стоит. 90-60-90. Да не там, около окна. В розовом платье. Рядом с подругой. Конфетка, персик! Какие глаза! Макияж от Спейс-фактор. Подруга тоже, кстати, ничего. На тебя смотрит. Пригласи ее на танец. Ну, улыбнись хотя бы. Васич, ну у тебя не сердце, а камень. Не все ж с Еленой танцевать, — Алексей топтался и начинал сопеть. — Ты разобьешь девочкам сердце.

— Отстань, слышишь.

— Давай их тогда пригласим в бар. У тебя от стипендии должна была большая часть остаться. По моим подсчетам. Самым скромным, — при этом Алексей понижал голос — Ты же свободный человек. Лена простит.

Пары начинали кружиться в танце.

— Шкура у тебя, Васич, как у слона, — говорил Алексей. — Скажи, мама в детстве случайно не роняла тебя в Лету, чтобы сделать неуязвимым для стрел Амура? Нет? Ну, ничего, сейчас будет белый танец, они тебя сами пригласят. Обе. Твоя совесть перед Еленой будет чиста. А может, женишься, а? Если бы у меня были твои внешние данные, я бы даже и не раздумывал. На богатой и красивой. Снова смотрит. Она ресницы себе готова откусить, лишь бы с тобой потанцевать. Ну, подойди к ней, не стой, как столб.

Объявляли белый танец. И, действительно, меня обязательно кто-то приглашал. Не помню случая, чтобы было иначе. После того как я провожал даму на место, Алексей возобновлял свои усилия. И даже удваивал.

— На хрен тебе эта Астрошкола? — Чувствовалось, что, пока я танцевал, Алексей успевал обернуться в бар и обратно. От Алексея приятно пахло фруктовым коктейлем. — Все это девочки из богатых семей. А некоторые не просто богатых, а очень богатых. Супербогатых. Будешь обеспечен до конца жизни. Кататься как сыр в масле. Правда, придется быть под каблуком у жены и ее семейки. Никаких подружек на стороне и вообще... Чуть что — коленом под зад. Уволят без выходного пособия. Но, с другой стороны, и не будешь рисковать жизнью каждый день. Уровень риска не выдерживает никакого сравнения. Одно дело прийти домой под утро и нарваться на скандал с женой, а другое — не успеть вовремя переориентировать крыло и на выходе из разворота попасть во флаттер... Все-все, молчу. Не надо на меня так смотреть. Дурак ты, Васич, прости господи. Сколько можно тренироваться на Женевьеве? Все-все, не буду. А то женился бы, нарожали бы детей, — добавлял Алексей, выдыхая мне в ухо фруктовые испарения, — и жили бы долго и счастливо, — заканчивал он уже с совсем непонятной тоской.

В Днепропетровской Астрошколе соотношение курсантов юношей и девушек было никак не больше 1:8, а то и 1:10. Важно другое — девушки тоже учились. Их было немного, они составляли маленький обособленный клан в Астрошколе, но забывать о нем, сбрасывать со счетов, было бы ошибкой.

Конечно, это была маленькая школьная элита, слегка избалованная общим вниманием, предупредительностью и незначительными всевозможными побрякками. Но не снисхождением. Снисхождение (и тем более показное снисхождение) стало бы

оскорблением для представителей этого маленького, но гордого меньшинства.

Нетрудно себе представить, что ежегодные приглашения на бал выпускниц Сичневого института («Зимнего», как сказал когда-то Алексей) создавали легкую напряженность в рядах прекрасной части Астрошколы. Не то, чтобы это была женская ревность, однако кому приятно, если даже один день в году твои верные паладины и менестрели вдруг все свое внимание переключают на представительниц конкурирующего вуза, которые от тебя практически ничем не отличаются, у которых такие же две руки и ноги — все такое же, один к одному. Ну манеры у них более утонченные (так их же учат специально этому, у них предмет есть такой!), ну макияж у них, ну духи другие (один «Бархатный сезон» чего стоит — без слез цену нельзя назвать), бальное платье, рядом с которым твое платье... лучше не будем об этом. И если бросают взгляд в твою сторону или в сторону других курсанток, то это взгляд любопытства из-под опущенных ресниц, в танце, над плечом кавалера — опасливого любопытства, снисходительно-оценивающего или рассеянно-самодовольного.

Можно, безусловно, утешать себя тем, что такова мужская природа, что мужчине неважно, лучше она или хуже, важно, что *она* другая! — еще одно звено в цепи побед, но ведь это унижительно — заниматься самооправданием и самоутешением.

Неизвестно, чем бы кончилась наша встреча с Дьяченко 11 апреля на пороге аудитории — о Дьяченко рассказывали разное, и я даже не берусь его осуждать — каждый выживает в этом мире, как может. Не все, правда, обладают подобной терпимостью, говорят, что Дьяченко бивали и не раз. Но, с другой стороны, и зачет он сдавал не так, как все, так что... А куда после выпуска попал Дьяченко, я, честно говоря, не знаю, след его затерялся. Да, так неизвестно, чем бы кончилась наша авантюра, если бы в этот день не вспыхнула совершенно безобразная драка в женском туалете Астрошколы рядом с Бальным залом. Можно, конечно, представить себе всякие ужасы: разбитые зеркала и растоптанную бижутерию на забрызганном кровью кафельном полу — ох уж эти очевидцы! — но я думаю, что если бы дело дошло до крови, то без исключения виновных из Школы не обошлось, а так — пара-тройка порванных платьев (ушибы и царапины не в счет), пара-тройка испорченных причесок — все это для декана факультета хоть и было крайне неприятно, но не выходило за рамки административного инцидента, который удалось замять с помощью дипломатии. Виновную в драке тут же и без труда нашли. Ею оказалась небезызвестная Лена Галактионова с четвертого курса: рост метр шестьдесят, вес пятьдесят кг с тапочками. Против супермоделей из Сичневого, среди которых ниже метра семидесяти пяти не было (даже не будем вспоминать про 90-60-90), она выглядела просто восьмиклассницей.

Так и осталось неизвестным, донес Дьяченко на нас или нет, — может быть, все-таки побоялся. Администрация в тот день была в запарке, улаживая инцидент, а когда страсти немного поулеглись, прошло уже достаточно много времени, за сроком давности проводить какое-либо расследование было малоперспективным, да, наверное, никому особо и не хотелось, хотелось отдохнуть от расследований, на носу был май и очередной зачет. Вообще у этой истории с кодом декана, неизвестно как открывшимся классом, запашок был еще тот, ворошить ее — себе дороже. Чего стоил один только Гриша Чумаков, внук Зиновия Филипповича Чумакова. Если кто-то что-то и узнал... да нет, не думаю, наверное, все же промолчал Дьяченко.

Маленькое авторское отступление. В этой истории — первое, будут еще. На самом деле, это *последнее* авторское отступление, самые *последние* слова в романе. И это хорошо, потому что, как мне кажется, нельзя какие-то важные слова произносить под занавес, когда

публика в партере, что, затаив дыхание, внимала каждому слову спектакля, начинает выходить из оцепенения и шевелиться в креслах и, уже мысленно оттаптывая ноги соседям, спешит в гардероб и дальше на улицу, где под дождем придется ловить такси. И хотя в зале уютно и тепло, и звучат еще какие-то реплики, слушает их от силы одна треть...

...Представляя своих бабушек и дедушек, мы видим их степенными, убеленными сединами и обремененными жизненным опытом. О том, что они тоже когда-то были молодыми, как-то не вспоминается. О том, что им тоже когда-то было по двадцать лет, что они любили, ненавидели, ошибались, целовались под лестницами и не только целовались, ревновали, дрались за друзей до крови, пугались до дрожи в коленях, летали во сне, по ночам писали стихи, рассказывали пошлые анекдоты, были пьяны без вина и смеялись над глупыми шутками, как-то не думается. А ведь все это... было.

6 июня 2189 года, вечер субботы.

До начала зачета 8 дней и неполных 16 часов.

На сорок четвертом километре автострады Ковель — Луцк перед указателем «Заповедник» такси свернуло с автострады на узкий проселок, слегка чиркнув на съезде днищем о песчаный край обочины, и через минуту, не успев углубиться в лес, остановилось перед запрещающим знаком.

— Приехали, — сказал шофер. — Ты уверен, что тебе сюда? — Мотор он не глушил.

— Уверен, — ответил Валентин.

— Может, тебя подождать? Мало чего, вдруг деда не окажется дома, лесника этого? Ночь скоро.

— Не стоит, пожалуй. Спасибо.

— Ну-ну, — неопределенно хмыкнул таксист, рассматривая тонущую в вечерних сумерках дорогу за знаком. Под нависающими кронами реликтовых сосен было совсем темно. Дорога едва просматривалась до поворота и то лишь благодаря тому, что была покрыта очень светлым кварцевым песком.

— Мрачноватое место, — таксист покосился на Валентина.

— Спасибо, — еще раз сказал Валентин.

— Ну-ну, тебе видней. Желаю удачи.

— И вам тоже, — Валентин захлопнул дверцу. — Счастливо.

Таксист зажег габаритные огни и, не рискуя разворачиваться в песчаной колее, сдал задним ходом до края обочины, пока не оказался на твердом покрытии. Валентин махнул ему рукой.

Некоторое время Валентин стоял неподвижно. По шоссе навстречу друг другу проносились редкие автомобили. Бледная, полупрозрачная луна в последней четверти успела подняться над далекой линией электропередачи. Валентин прислушался к ощущениям внутри. Ощущения ничем не выдавали себя. То есть, если таковые и существовали где-то глубоко внутри Валентиновой души, не было никаких признаков, что в ближайшее время они хоть как-то себя проявят. Никаких мурашек по коже, сердцебиения, теснения в груди... словно все это происходило не с ним, а с кем-то другим, выдуманном и ненастоящим персонажем из книжки, о котором он читает, лежа в тенечке на травке и борясь с послеобеденной дремой. «Онегин, добрый мой приятель; мой дядя самых честных правил; пустое сердце бьется ровно»...

Валик вздохнул. Бесчувственный ты кабан, однако, Валик, философ, без нервов, без воображения и эмоций — машина.

Хорошо это или плохо, Валентин задумывался редко. Впрочем, наверное, хорошо. Несмотря на бедность воображения и хладнокровие, граничившее с бесчувственностью, Валик всегда был готов к молниеносной реакции на опасность, которую трудно было заподозрить, глядя на его флегматичную физиономию. В одно время даже за ним едва не закрепилось прозвище Бритва.

Вещей у Валентина с собой не было. От автострады предстояло ему пройти вглубь заповедника четыре или пять километров, которые он надеялся проделать за час. Спешить не имело смысла. Рассказывали, что ранних визитеров дед этот, лесник, не любил.

Просыпался он поздно, не раньше полудня, если не надо было вставать с рассветом, чтобы собирать травы, пока не высохла утренняя роса, а если приходилось, то днем он долго отсыпался, часто до вечерней зорьки, так что самое время для визитов наступало ближе к полуночи. Да и не лесник это был вовсе. То есть числился он в Ковельском заповеднике лесником, но, на самом деле, это был самый настоящий ведьмак.

А воздух здесь был необыкновенный, колдовской совершенно воздух. Какой-то совершенно особенный запах витал здесь, не похожий ни на суховатый запах альпийского леса, ни тем более на влажную сырость лиственных равнинных лесов. Пройдя километра два, Валентин увидел первые признаки того, что не ошибся и идет верно. Слева от дороги, едва различимые в темноте за стволами сосен, покосились кресты забытого всеми древнего кладбища. Какая-то ватная тишина стояла здесь: плотная, слежавшаяся, совершенно глухая, как под водой. Наверное, такая тишина была до сотворения мира. На ближайшем кресте Валентин различил черную остроносую тень. Тень повернула голову, сверкнув недобрый взглядом. Ворон?

За час темнота сгустилась настолько, что Валентин едва мог различить дорогу под ногами, и, когда впереди, сквозь просветы между деревьями, блеснул далекий желтоватый огонек, почувствовал невольное облегчение.

Двор был обнесен невысоким забором. В лунном свете было видно, что от калитки и до крыльца одноэтажного сруба сплошь он зарос густой травой, в которой едва можно было различить протоптанную тропинку. Больше Валентин не успел рассмотреть ничего: раздался лай, из-под крыльца выскочила внушительных размеров псина и, растопырив лапы и оскалив зубы, бросилась к калитке.

— Тихо, тихо, Жучка, спокойней, — примирительно сказал Валентин, отступая на всякий случай от забора на шаг. — Свои, Полкан, не надо так волноваться. Полканушка... Рекс. Хороший мальчик, хороший. Это дядя Валик пришел, — еще шаг от забора. — Позови лучше папочку. Спокойней, кому сказал!

Пес неожиданно замолк и оглянулся. Валентин поднял глаза.

На крыльце, ссутулившись, стоял сухопарый старик. Возможно, из-за света, падающего со спины, руки его в первое мгновение показались Валентину какой-то непомерной длины, как у обезьяны.

— Назад, Фалег. Место!

Пес попятился и неохотно улегся поодаль от крыльца, как бы открывая дорогу непрошеному гостю. Старик сделал приглашающий жест рукой, глядя на Валентина. Не такие и длинные у него были руки, а в темноте, чувствовалось, видел он не хуже курсанта Иваненко.

— Заходите, молодой человек, раз пришли. Зовут меня Владимир Максимович. Не тревожьтесь, Фалег вас не тронет.

— А я и не тревожусь, — пробормотал Валентин, толкая калитку.

В избушке одуряюще пахло травами. По стенам были развешаны пучки чабреца, полыни, мяты и еще множество каких-то трав, о названии которых Валентин не имел ни малейшего представления. Несмотря на теплый летний вечер, пылал огонь в печи, кипело какое-то варево в музейного вида горшке. Впрочем, на этом сходство с музеем и заканчивалось: стол и стулья-полукресла имели вполне современный вид, откидная кровать, поднятая и закрепленная у стены под книжными полками, была почти такой же, на какой еще сегодня спал Валентин. Никаких черных кошек, отирающихся около блюда с молоком,

или там филинов, лупоглазо зыркающих из-под потолка, — ничего этого не было и в помине. Все очень чисто, опрятно, прилично, люминесцентная лампа под потолком, так что в первый момент курсант Иваненко даже засомневался, туда ли он попал.

— Садитесь, молодой человек. Вас, кажется, зовут Валентин?

Валик впился взглядом в лицо старика.

— Извините, я забыл представиться.

Лесник улыбнулся:

— Ничего, ничего. У меня достаточно хороший слух. «Дядя Валик пришел», — сказал он противным голосом, в котором Валентин не без труда узнал свой собственный. — Ужинать будете? Садитесь, садитесь, не стойте.

Валик машинально отодвинул стул и сел около стола.

— Ас-с...

— Что?

— А с-скажите, со зверями и птицами вы тоже так можете?

— Что именно?

— Ну, разными голосами? Разговаривать.

Лесник сел за стол напротив Валентина. Был он роста не меньше Валикового: два метра без малого; крепкие загорелые кисти, коротко обрезанные ногти, так что по таким ногтям и не видно — копается их владелец в земле или же целый день возится с точными приборами. С полминуты Валентин и старик молча рассматривали друг друга. Лицо у лесника было под стать рукам: загорелое, крепкое, совершенно нельзя было определить, даже вглядевшись в такое лицо, принадлежит оно инженеру высшей квалификации или садовнику. Да и возраст нельзя было назвать с полной уверенностью: что-то среднее между шестьюдесятью и девяноста пятью. А, впрочем, кто его знает? Может быть, пятьдесят пять, а может, и сто пять. Кто их разберет, этих ведьмаков? Волосы седые и жесткие, как серебряная проволока, но есть люди, которые седеют к сорока годам.

Лесник согнал с лица улыбку. Даже без улыбки лицо его не утратило каких-то располагающих черточек, каких-то теплых искорок в глубине глаз. Был он чисто выбрит, ровная седая щеточка усов... Не такой он и страшный был, этот ведьмак.

— Голосами, Валентин, владеть — не велика премудрость. Попугаи и скворцы, у которых мозг не больше горошины, умеют это. А человек, знаешь, — существо гораздо более талантливое, просто мало кто об этом подозревает... Так ужинать будем?

— Не откажусь.

На ужин были вареники с сыром под сметанку и стакан ряженки. После ужина лесник вышел во двор, накормить Фалега. Кстати, за ужином в разговоре выяснилось (это лесник объяснил, после того как Валентин бессовестно переврал кличку пса), что Фалег, именно Фалег, это — имя духа Планеты Марс.

Пока лесник кормил Фалега, Валентин убрал со стола. Часы на запястье показывали одиннадцатый час. За окном стояла крошечная темень. Огарок луны закрыли плотные облака. По всему похоже — собиралась непогода. Силуэты верхушек сосен, едва различимые на фоне неба, раскачивались от поднявшегося ветра. Того и гляди, хлынет дождь.

Валентин расставил посуду на полку над печкой и снова сел за стол, положив перед собой руки и размышляя, наверное, в сотый раз над тем, не совершил ли он глупость, поддавшись на туманные посулы Хазара. Хазар все очень красиво расписал, но уж слишком много было в его рассказе фантастического. И потом, одно дело выслушивать это в парке у

стен Астрошколы и совсем другое — вспоминать об этих бреднях на трезвую голову здесь. В конце концов Хазар добился-таки своего: после яростного торга Валик поменял месячную стипендию на секретный адрес и более чем туманные обещания и клятвенные заверения в вечной дружбе и солидарности днепропетровских выпускников.

В то, что рассказал Хазар, верилось с трудом. Ну, ведьмак, ну, там, заговор от огня или травы, которые дают девять сил, или еще что, но ведьмак, который может менять будущее... Ну что ж, если Хазар обманул, Валик найдет его. Хазар знает об этом. Не стоило рисковать здоровьем ради возможности так подшутить.

Откуда взялся в Ковельском заповеднике ведьмак, Хазар ничего не знал. Да Валентин и не задавался таким вопросом. Был ли это гений-самоучка либо наследник каких-то сверхдревних эзотерических знаний — Валику было все равно. Имея практический склад ума, Валик старался не обременять голову лишней информацией. Наследник учения Заратустры? Прекрасно! Один из тайных адептов Пифагорейской школы? Какая разница?! Главное, что этот человек наделен знанием или силой помочь ему.

Лесник вернулся в избушку, захлопнул дверь.

— Дождь будет скоро: летучие мыши все попрятались, да и кости ломит; так что, Валентин, так или иначе, никуда я тебя не отпущу. Ночевать придется вместе. Ночку коротать.

Глаза у него были веселые, как давеча, с какой-то сумасшедшинкой глубоко внутри. Совсем не похоже было, что может у него что-то болеть или ломить. Судя по всему, отменным здоровьем обладал он, и еще было похоже, что рад он Валентину: то ли просто соскучился он по живой человеческой душе в этой глухомани, то ли...

— Я пока займусь варевом своим, а ты, Валентин, рассказывай.

Впрочем, с варевом он возился недолго.

— Сто десять световых лет? — переспросил он, усаживаясь напротив Валентина. — Это много или мало по сравнению с другими?

— Очень много.

— Что ж это вам так не повезло?

Валик пожал плечами. За окном полыхнула молния и враз, словно только и ждал этого, забарабанил крупными каплями ливень в стекло. Прогрохотал близкий гром.

Лесник отвел глаза от окна. С полминуты они с Валентином молча рассматривали друг друга. Честно говоря, Валентину показалось, что пауза затянулась на целую вечность.

— Я вот что тебя хочу спросить, курсант Валентин Иваненко...

— Можно просто Валик.

— Да, конечно, Валик... да. Ну вот сдашь ты свой зачет, и что дальше?

— Его не так просто сдать, — буркнул Валентин первое, что пришло в голову. Ясно было, что клонит куда-то этот ведьмак, что-то хочет услышать от Валентина, что-то такое, что вот сейчас, в течение ближайшей минуты-двух может решить, судьбу этого разговора. И неожиданно Валик почувствовал каким-то звериным шестым чутьем, что нет, не соврал Хазар. Ох, не соврал!

За окном снова полыхнуло. Ливень припустил не на шутку.

— Стану пилотом, — сказал Валентин, глядя на ведьмака.

— Да, конечно, — покивал тот. — Станешь пилотом. А потом?

Что-то здесь было не так. Какой-то неожиданной стороной начал поворачиваться разговор.

— Буду летать. Новые планеты, новые корабли...

— Да, конечно. Новые планеты, созвездия...

Валентин промолчал. Ведьмак прикрыл веки, потер виски ладонью.

— Владимир Максимович, вы можете сделать то, о чем я Прошу? — При этом Валентин испытал чуть ли не впервые в жизни какое-то двойственное чувство: словно не он спрашивает, а ему задают этот вопрос. Он весь напрягся. В окно барабанил дождь. Затянувшаяся пауза становилась невыносимой. Это шаткое равновесие могло закончиться чем угодно: новым раскатом грома, удивленно поднятой бровью и насмешливым «и ты веришь во все это?» Или...

— Могу, — сказал ведьмак. — Нет ничего нового в этом мире. Над прошлым человека властвует рок, над будущим — свобода. Никогда об этом не слышал? Все события, которые происходят, происходили или будут происходить...

— Я заплачу, — сказал Валентин.

Усмехнулся ведьмак:

— И чем же?

Под его насмешливым взглядом Валентин полез в карман и положил на стол прямо против широкой, как лопата, ладони ведьмака перстень.

— Вот, Владимир Максимович.

Ведьмак покрутил перстень в руках. В его пальцах колечко с камушком казалось совсем крошечным, игрушечным.

— Редкая вещь. Старинная.

— И очень дорогая.

А дальше произошло то, о чем Валентин, эта машина без эмоций, фантазии и воображения старался никогда больше в жизни не вспоминать. Ведьмак возвратил ему перстень, глаза его сделались словно больными — потухли теплые искорки в глубине зрачков, опустились уголки рта, и между бровями залегла глубокая морщина.

— Ученик мне нужен, — не выразить словами, как он это произнес.

Будто какие-то темные тени всколыхнулись и задрожали у лесника за спиной на стенах избышки. Валентину даже показалось, что слух на мгновение изменил ему — настолько исказился голос лесника. Какое-то потустороннее придыхание вдруг почудилось в нем.

— Боюсь, я не тот человек, который вам подойдет, — сказал Валентин, с трудом договорив фразу до конца. Последнее слово он осилил в два приема. Язык во рту словно одеревенел.

— Этого ты как раз знать и не можешь.

Дождь продолжал стучать в окно.

— Мне нужен тот, которому я мог бы передать свои знания.

— Но мне нравится профессия пилота, и потом...

— Потом люди, как известно, Валентин, меняются со временем. Я ведь тоже не здесь родился. Пройдет год-два, пять, и ты другими глазами посмотришь на знакомые тебе вещи. Я тоже свои знания получил не с рождения.

Валентин облизнул пересохшие губы. Меньше всего он представлял себя учеником чародея. Ни о чем подобном Хазар не предупреждал. Только теперь Валентину пришлось в голову, что зря, ох зря, он не подумал об этом раньше, какую *настоящую* цену придется заплатить за эту услугу. И вовсе не все равно, как представлялось Валику до этого, адептом каких сил является лесник и чьи тени реют у него за спиной. А ведь обратного хода уже нет.

Нельзя сказать: извините, Владимир Максимович, я как-то не подумал, а теперь...

— ...А это уникальные знания о мире. И передать их можно только одному человеку.

— К-хм, но...

— Мы даже похожи с тобой. Положи свою руку рядом с моей.

Валентин машинально протянул ладонь через стол.

— У нас одинаковое телосложение, похожий образ мыслей...

— Вы этого не можете знать.

— Могу. Это как раз очень несложно. Достаточно давно я тоже пришел сюда просить об одной услуге. А потом вернулся. Через семь лет, потому что... И остался навсегда.

— И тем не менее, — Валентин с трудом стряхнул оцепенение, которое начало овладевать им, что-то среднее между полудремой и каким-то гипнотическим состоянием, — я не чувствую *пока* себя готовым... — Валентин осекся.

Хищные огоньки вспыхнули в глубине глаз напротив, и опять Валентину почудились, будто какие-то размытые тени сгустились на стенах избушки за спиной ведьмака.

— Да, конечно, пока. Ты сейчас без пяти минут пилот, но пройдет время, и ты вспомнишь нашу встречу. Не думай, тебе не придется продавать душу, — ведьмак усмехнулся в усы, — или подписывать договор кровью.

— А я ничего подобного и не думал.

Ведьмак кивнул:

— Вот и отлично. Вот что, Валентин, то, о чем ты просишь, лучше совершать в новолуние, когда на небе кроме созвездий ничего нет, но до новолуния неделя, а ты, насколько я понял...

— Через три дня я должен быть в Найроби.

Ведьмак еще раз окинул Валика оценивающим взглядом.

— Ничего, ты — крепкий парень, думаю, все у нас получится, — он перехватил недоуменный взгляд Валентина. — Просто в новолуние травы набирают максимальную силу, а сегодняшней ночью к травам придется добавить...

Ведьмак наклонился и достал из ниши под печкой небольшой деревянный коробок, открыл его. На три четверти коробок был наполнен, как показалось Валентину, буровой стружкой.

— Что это?

— Гриб, один из ядовитых грибов Центральной Америки. Медики считают его сильным галлюциногеном, но, на самом деле, вряд ли в мире найдется десяток людей, которые реально представляют его возможности. Может быть, еще сутки ты будешь чувствовать небольшое головокружение и слабость...

— Через три дня у нас предстартовый допинг-контроль, — сказал Валентин.

— Не волнуйся. Через три дня у тебя в крови не останется ни малейших следов.

— Надеюсь...

— Все, что ты увидишь, будет не сном и не галлюцинацией. Ты сможешь заглянуть в собственное будущее. Возможно, ты увидишь свою гибель и, если не испугаешься, — ведьмак усмехнулся, — сможешь предотвратить ее.

— А если испугаюсь?

— Значит, больше нам с тобой встретиться не судьба.

— А каким образом я смогу... — Валентин запнулся.

— В этом нет ничего сверхъестественного, как ты, может быть, понимаешь это слово.

Подобное состояние большинство людей переживают, засыпая, множество раз в своей жизни. Во сне человек видит свое ближайшее будущее. И, если он смиряется с ним, будущее реализуется именно в том варианте. Иногда говорят — я видел сегодня ночью кошмар. Ты часто видишь сны?

— Я не помню своих снов.

Ведьмак кивнул.

— Травы дадут тебе силы влиять на собственные действия и действия других людей. Но только на те, которые еще не произошли. Над событиями, что уже случились: в прошлом году, вчера, сегодня днем, ты не будешь иметь никакой власти. Ясно, курсант Иваненко? — неожиданно закончил он голосом Хазара.

— Да.

— Ну, тогда ложись вот сюда.

Ведьмак опустил откидную кровать. Все его действия, неторопливые и какие-то экономно-скупые, вызывали как бы направленную цепную реакцию, словно вещи сами слушались его. В считанные минуты были отмерены и истолчены в деревянной ступке восемь или десять трав, добавлена щепотка из деревянного коробка и все это аккуратно пересыпано в металлическую колбу с широким горлышком и двойным рядом отверстий над дном.

Дождь за окном начал стихать. Валентин посмотрел на часы. Было без четверти двенадцать.

— Расслабься. Можешь закрыть глаза. Ты почувствуешь небольшое головокружение и только.

— Хорошо.

— Поверни голову ко мне, вот так. Постарайся дышать глубоко.

Ведьмак наклонился к печке, неуловимо быстрым движением выхватил пальцами из пламени кусочек раскаленного угля и бросил на дно колбы. Над горлышком взвился легкий туман. Потянуло запахами болота, прелых листьев и мха. Ведьмак поставил колбу у изголовья кровати и отошел на середину комнаты.

Все произошло в мгновение ока. Валентин вдруг увидел себя со стороны, лежащим на откидной кровати, и ведьмака посредине комнаты, через секунду под собой — мокрую от ливня крышу избышки и черный, залитый дождем, ночной лес и сразу — грозовые облака, освещенные сверху четвертушкой убывающей луны. Почему-то в ночном небе вдруг вспыхнуло солнце и тут же превратилось в крохотную искорку посреди других созвездий. Валентин почувствовал, как его грудь начинает распирает удушливая пустота, и понял, что не дышит уже давно: по крайней мере несколько дней, а то и месяц. Глаза неожиданно резанула яркая вспышка, и ударил близкий раскат грома.

Посадка на планету обратилась катастрофой. Корабль, который чудом не взорвался в воздухе, упал в болото и затонул через несколько минут вместе с остатками консервов, питьевой водой и медикаментами. Случилось это без малого сутки назад, и сейчас они (слава богу, никто не погиб при приземлении) идут в сторону плато в шестидесяти километрах южнее места аварии, где еще вчера с орбиты были обнаружены остатки каких-то строений и космодром.

Пить хочется невыносимо. Впереди, по колено в мутной воде, идет Юра Вергунов. Время от времени приходится пробиваться сквозь наплывающий неизвестно откуда мусор:

сорванные грозой ветки деревьев, какие-то водоросли, кусты плавающих растений. Юра оглядывается. Выглядит он неважно: бледное лицо в грязных разводах с прилипшими волосками болотной тины. Волосы слиплись, на темени — сочащаяся сукровицей рана. Еще вчера это была просто глубокая царапина, полученная при падении корабля. Даже невооруженным глазом видно, что если до завтра Юра не получит элементарной медицинской помощи...

Юра останавливается около дерева с низкими, стелящимися над болотом ветками, и, наклонив треугольный лист, жадно пьет дождевую воду. Прозрачные капли из уголка рта стекают по подбородку и шее. Юра тянется еще за одним листом, и тут сверху на его голову падает огромный косматый паук. Наверное, такой же паук прыгает на Валентина, потому что вдруг наступает темнота...

15 июня 2189 года. 8:20 утра, понедельник.

Борт спейсфага «Марко Поло». Сто десять световых лет до Земли.

Все как обычно. Как всегда. Рутинка. Но только не для меня. Хотя, казалось, я видел это уже много раз. Где? Во сне? В своей прошлой жизни?

— Курсант Дробич!

— Я.

Сердце бьется чуть быстрее обычного.

— Пожалуйста, поставьте свою подпись здесь... и здесь, где дата.

Я расписался в правом нижнем углу, где уже стояли подписи моих товарищей: подпись, похожая на стремительный разбег-прыжок у Юры, широкая и размашистая у Алексея, замысловатая Гриши, небрежная, с некоторой ленцой Валентина. У меня получилась какая-то закорючка. Неврастеническая кривулька какая-то на последнем издыхании, страдающая то ли несварением желудка и от этого согнувшаяся вдвое, то ли пляской святого Витта.

Если верить графологическому тесту Гарвардского университета, человек, испытывающий наибольшие затруднения или неуверенность в себе, ставит самую короткую подпись. Судя по всему, таким человеком был я.

— Переодевайтесь. Вот сюда, прошу.

Я переглянулся с Алексеем. Вроде ничего необычного, и все же... Пять новеньких десантных комбинезонов, не пилотских, а именно десантных, типа «Хамелеон», защищающих одинаково хорошо как от жары, так и от стужи, с эмблемой Днепропетровской Астрошколы на рукаве: коронованное звездой «DAS» в обрамлении черных крыльев. Подобные комбинезоны неощутимы на теле, словно вторая кожа. Ботинки-прыгуны (джампы), невесомые, с пружинящей чешуей внутри шипастой подошвы. Такая обувь неценима при многокилометровых марш-бросках. Зачем это все нам? Неужели для пилотирования мезонатора нужна десантная экипировка? Или в последний момент сменили задание? Или... так оснащаются все зачетники?

Корабль, который мы должны были найти здесь, в системе звезды Хиллиан, назывался «Крестonosец». Со слов Поля, он дрейфовал в беспилотном режиме с законсервированными системами жизнеобеспечения, полностью заправленный и готовый в любую минуту принять экипаж.

Один рыжий прыщавый малый, курсант из параллельной зачетной группы, которого я невзлюбил всей душой, едва он успел раскрыть рот, услышав о нашем задании, сразу заявил, что нам не повезло, а вечером под большим секретом добавил, что звездоскаф этот, «Крестonosец», прошлогодние зачетники около звезды Хиллиан не нашли.

Более того, он слышал, что и позапрошлогонья группа на мезонаторе «Сент-Мартен» потерпела неудачу и уж совершенно точно поза-позапрошлогонья. И вообще, «Крестonosец» этот должен был бы называться «Летучим Голландцем», потому что оставили его лет десять назад, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

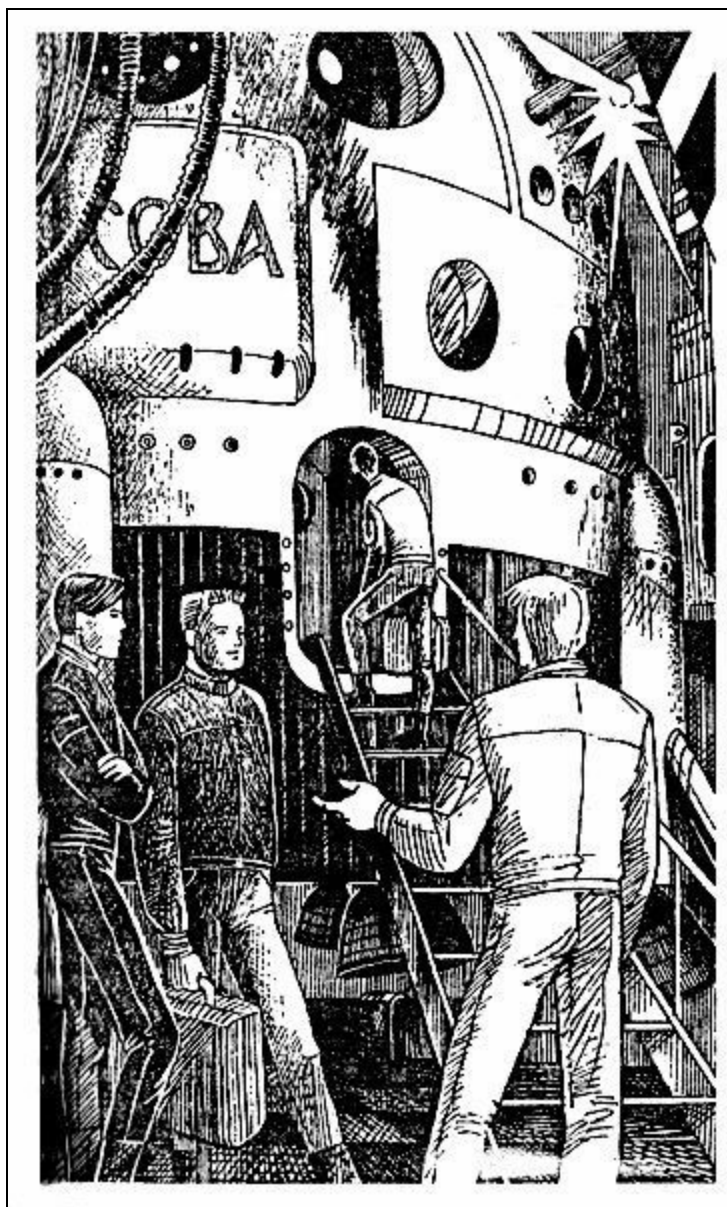
— Враки, — очень веско, глядя рыжему в глаза, сказал Валентин.

— Может, враки, а может — нет, — смутился рыжий. — За что купил, за то и продаю. На вашем месте я бы обратился с апелляцией в Административный Совет Школы.

Я натянул комбинезон. Был он приятно прохладным изнутри. От него исходил едва

уловимый не выветрившийся запах тетраволокна. Отлично. Теперь джампы. Рядом Алексей с сопением затягивал пояс, как всегда, на последнее деление.

— А оружие? — спросил Валентин.

Поль словно запнулся на секунду.

— Вы не будете приземляться. Оружия в мезонаторе нет. Готовы? Так. — Поль обвел нашу команду взглядом. — До выброски осталось полчаса. Прежде чем я повторю задание, небольшая формальность. Последняя. По традиции, я обязан предоставить вам последнюю возможность... отказаться от зачета. Тому, кто чувствует себя недостаточно здоровым или же не совсем уверен в своих силах, Астрошкола предоставляет отсрочку. Вы получите возможность в августе пересдать зачет, но уже не с группой, а как одиночка, по индивидуальной программе. Это — не легче и не труднее, просто по-другому. Другая специфика. Можете быть спокойны — отказ никоим образом не отразится на вашей характеристике. Мезонатор, на котором вас сейчас сбросят, рассчитан на двух сменных пилотов, так что отказаться может не один, а сразу трое. Этим вы никого не подведете, не сомневайтесь. Но через полчаса у вас обратной дороги не будет, мальчики. Если у кого-то не выдержат нервы, и зачет придется прервать, не сдавшей посчитается вся группа. Подумайте еще раз.

Алексей прокашлялся.

— Да, курсант Гопак?

— Нет, ничего, — Алексей подвигал бровями. — Просто в горле запершило.

Пока Поль повторял задание, я вглядывался в его бесстрастное лицо. Честно говоря, я уже не помню, что хотел там отыскать. Сочувствие? Подсказку?

— Срок сдачи зачета не ограничен, — закончил Поль.

С едва слышным шелестом открылся люк шахты, ведущей в ангар.

— Все. Удачи вам, ребята. До встречи на Базе.

Спуск в шахту показался мне спуском в преисподнюю. Из тускло освещенной глубины воздухопроводы гнали навстречу холодный затхлый воздух с примесью дезактиваторов.

Мезонатор назывался «Сова». Был он стар, и, как тяжело представить собственного прадеда сопливым мальчишкой, так тяжело было представить «Сову» новеньким кораблем, только что сошедшим со стапелей, сверкающим хромированными частями, с бортовым номером, наведенным свежей эмалью. Был он приземист и неказист, с древними локаторными надстройками в носовой части и телескопическими опорами на корме. В свое время он на совесть послужил космофлоту. Летали на нем между базовыми кораблями и планетами и за долгие-долгие годы укатали, надо сказать, изрядно. Летный ресурс его давным-давно вышел, но мезонатор не списали, а, основательно подремонтировав, передали в учебный парк Астрошколы. В общем, «Сова» выглядела как музейный экспонат, коим, собственно, и являлась, и пахло внутри нее, как в музее, пылью и нежилым помещением.

Алексей снова сопит, устраиваясь в пилотском кресле справа от меня. В полутьме рубки мезонатора наши хамелеонистые комбинезоны темнеют, как бы сливаются с креслами, так что из темноты выступают одни лица, освещенные отблесками шкал приборов.

Обратный отсчет времени. Медленный вдох-выдох в такт убывающим секундам, чтобы успокоить сердце.

В момент катапультирования «Сова» кувыркнулась несколько раз так, что бортовые огни «Марко Поло» на обзорных экранах слились в разноцветные хвосты, наконец с опозданием сработали инерционные стабилизаторы, полет «Совы» выровнялся. На панораме задних перископов стало видно, как удаляющийся пирамидальный силуэт «Марко Поло», сверкая бортовыми огнями, разворачивается на фоне Млечного Пути. Ну, махина! Летящий остров. Мастодонт! Настоящий символ земной тверди. Тридцать шесть палуб, четыре спасательных рейдера торчат, как пара сдвоенных клыков, тройной слой броневой защиты.

Удаление от «Марко Поло» пять тысяч метров. Кольцо гигантских кормовых двигателей спейсфага подернулось спиральными струями тумана, подсвеченными изнутри. Очертания навигационных мостиков смазались. Расстояние между «Совой» и «Марко Поло» начало возрастать в геометрической прогрессии, словно расходились края пропасти между нами, черной бездонной пропасти с миллионами звезд. Все. Не допрыгнуть назад. Через сутки спейсфаг совершит гиперпространственный прыжок и высадит следующую зачетную пятерку в созвездии Скорпиона. Удачи и вам, ребята. До встречи на Базе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Страх стальными пальцами
Сжимает яйца.

Алексей Гопак, 22 года

Раз на свет родившись,
Заплатить изволь
На земном базаре
Вместо денег боль.
Вместо денег боль!

Пабло Неруда, 48 лет

— Триста тысяч километров осталось, — сказал Юра, — через пару часов выйдем на круговую орбиту.

Алексей пробормотал что-то вроде: «Это радует, бур-бур-бур-бур». Больше никто ничего не сказал.

Не секрет, что сознанию одинаково вреден как недостаток, так и избыток впечатлений. В последнем случае воображение и эмоции как бы тупеют, все воспринимается, словно через толстый слой поролона. Называется это запредельным торможением. До некоторой степени это опасно, да нет, просто опасно, особенно для пилотов, поскольку одновременно снижается способность к концентрации и принятию быстрых правильных решений. А за последние трое суток на нас обрушилось столько информации и впечатлений, что все тренажеры Астрошколы показались нам детскими игрушками, возней в песочнице...

С расстояния в триста тысяч километров кислородная планета выглядела в нижних перископах мезонатора как мутно-зеленый серп, охваченный над самым горизонтом тугим кольцом серебристого гало. При максимальном увеличении становилось видно, что гало было не чем иным, как поверхностью необъятного сетчатого поля, покрывавшего планету на высоте пятисот километров. И в этой сети почти над самым экватором, как муха в паутине, застрял... корабль.

Это были те самые частные владения, о которых говорил Поль. Их покинули много лет назад, иначе корабль не висел бы над планетой, как мертвая муха, высосанная пауком.

Я слышал о подобных сетях и раньше. Размеры ячеек в ней были не намного больше, чем в противолодочном заграждении времен второй мировой войны, а прочность — неизмеримо выше. Прорвать мезонатором такую сеть совершенно невозможно: легче протаранить бетонную стену. От значительных усилий она может растягиваться, но чем с большей скоростью пытаться ее растянуть, тем большую жесткость она приобретает. Врезаться в нее на орбитальной скорости — означает верную смерть для экипажа.

Теоретически при определенном упорстве можно было найти замаскированные проходы в такой сети, оставленные хозяевами для собственных звездоскафов, практически же на это можно было потратить всю жизнь. Кроме того, такие сети оснащались охранной сигнализацией, напрямую связанной с самонаводящимися роботами-патрулями, автоматическими спутниками-истребителями типа «Вервольф». Попытка прострелить такую сеть обычно не заканчивалась ничем хорошим.

Именно в такой сети и застрял неизвестный корабль. Очевидно, он пытался то ли разогнаться в гравитационном поле планеты, то ли, наоборот, шел на посадку, но по какой-то причине не рассчитал траектории и задел необъятное сетчатое поле. Впрочем, возможно, что-то сбilo его с курса: например, случайное столкновение с тем же патрульным катером-перехватчиком.

На наши запросы он не отвечал. Безмолвный, темный, с потушенными бортовыми огнями, он висел над экватором, дрейфуя над поверхностью вместе с сетью. «Крестonosец», у которого вышли из строя навигационные приборы? Странно.

Была у него еще одна странность, которую мы смогли рассмотреть приблизительно с расстояния семидесяти тысяч километров. Был он покрыт какими-то бесформенными цветными наростами, отливающими глянцевым металлическим блеском в лучах далекой

Хиллиан. Из-за них разобрать, что это за судно, не было никакой возможности. Наросты покрывали его корпус от носа до кормы: кораллы не кораллы, лишайник не лишайник. В общем, корабль имел такой облик, словно пролежал на дне морском многие и многие годы, потом вдруг какая-то чудовищная сила зачерпнула его оттуда и вытолкнула в космос на орбиту. Если это и был звездоскаф, который нам следовало найти, отправиться на нем можно было разве что в преисподнюю. Меня не оставляла в покое одна мысль.

— Слушай, Гриша, помнишь, ты как-то рассказывал о выходцах?

— О выходцах?

— Да.

— Что именно?

— Ну, что твой дед принимал участие в запуске кораблей в черные дыры. Потом те корабли выходили неизвестно где. Возможно, это один из них?

— Н-нет, не думаю, — Гриша покачал головой. — В черные дыры запускали сферические беспилотные зонды, а этот... Нет, больше всего он похож на...

— На что?

— На «Мерссер» какой-то допотопный. «Спейс-Гну»... — Гриша криво улыбнулся уголком рта. Предполагалась, очевидно, легкая ирония. Похвально. В лучших традициях, так сказать. «В критической ситуации всегда остается место юмору». Я подавил в себе невольное раздражение. Еще не хватало, чтобы мы перегрызлись в самом начале.

По мере того как «Сова» на полных парах мчалась к планете, поступали все более подробные данные телеметрии.

Планета, над которой завис неизвестный корабль, кислородного типа, чуть больше Земли, почти полностью покрыта облаками. Сутки — шестнадцать часов, из-за высокой скорости вращения — частые ураганы. Влажность атмосферы на экваторе — сто процентов. Туманы, болота, почти постоянные дожди, — В общем, приятного мало. Безусловно, на ее поверхности водилась какая-то живность. Какие-нибудь скользкие бородавчатые перепончатопалые твари, которые нежились под ливнями в болотах, пожирали болотные корни и грибы и друг друга, если представлялась такая возможность, и были, очевидно, съедобны и для людей. Этакие пятирылые семижопы местной йоркширской породы.

Неповоротливые, но достаточно жирные. Если вспомнить, что наши собственные запасы консервов подходили к концу, совсем нетрудно представить, какие соображения руководили экипажем злополучного «Мерссера», застрявшего над экватором частных владений. Заполучить на завтрак если не местного лежебоку-йоркширца, то хотя бы пару ведер придонных моллюсков, на худой конец — кольчатых червей, кои, запеченные в высокочастотном поле с листочками водорослей, могут поспорить с самыми изысканными деликатесами после недельной голодовки.

...«Сова» по нисходящей дуге догоняла планету, стремительно приближаясь к ней со стороны полярных созвездий. В течение нескольких часов нас, наверное, прекрасно можно было рассмотреть с поверхности в более или менее мощный телескоп, направленный сквозь редкие просветы в облаках в глубину ночного неба. Для случайного наблюдателя «Сова» выглядела бы как маленькая искорка, спускавшаяся от полярной звезды к горизонту северного тропика. Время от времени искорка озарялась вспышками тормозных двигателей, и тогда она становилась заметна просто невооруженным глазом.

На расстоянии двадцати двух тысяч километров мы оказались в плоскости экватора планеты над ее ночной стороной. В нижних перископах «Совы» растущий серп планеты как

бы двоился, охваченный над горизонтом ажурным полуниimbusом, сверкавшим в лучах Хиллиан подобно далекой снежной вершине. «Сова» неслась в сторону восточного терминатора, и вместе с тем как восходящая Хиллиан все выше поднималась над двойной макушкой планеты, неизвестный корабль яснее и яснее выступал из темноты.

Ни по очертаниям палуб, ни по размерам он не был похож на зачетный «Крестonosец», по крайней мере, я не слышал, чтобы со стапелей спускали такие миниатюрные звездоскафы. Цветные струпыя, покрывавшие его, тянулись вопреки законам невесомости в сторону мутно-зеленого серпа планеты, утончались, сплетаясь между собой, пока не образовывали сетчатую воронку.

Теперь, присмотревшись, мы заметили, что такая же сеть образовала нечто вроде вакуоли вокруг неизвестного корабля, и, опять же присмотревшись, можно было отметить еще одну, очередную, странность: вакуоля вся колыхалась, как оболочка полуспущенного дирижабля, словно дышала под ветром, хотя никакого ветра на высоте пятисот километров не могло быть и в помине.

До сих пор у нас не было причин жаловаться на «Сову». Несмотря на свой неказистый вид, она отлично слушалась команд. После непродолжительного маневрирования мы смогли уравновесить дрейфующую «Сову» рядом с сетчатым пузырем, внутри которого застрял злополучный корабль. Это был явно не звездоскаф. Нечто старинно-уродливое, больше всего похожее на наш собственный мезонатор. Вблизи поросли ноздреватых кораллов на его корпусе утратили карнавальные оттенки и казались подтаявшими снежными наносами, запачканными пятнами краски.

В лучах восходящей Хиллиан корабль являл собой совершенно фантастическую картину: длинные тени тянулись от кораллов, делая поверхность его похожей на лунный ландшафт. Да, почти как лунный, если бы не колыхающаяся тень сетчатой вакуоли, как рябь по воде, пробегавшая время от времени по нему от носа до кормы. И вдруг какая-то закорючка на обросшем корпусе брызнула отраженным светом.

— А! — взвизгнул Юра.

В небольшой, похожей на кляксу пропелшине, в зарослях около стабилизаторного кольца можно было ясно различить букву А, а перед ней еще нижнюю часть буквы М. Ни буквы М, ни буквы А в названии «Крестonosец» не было.

Юра метнул взгляд на альтиметр.

— Давай на пару метров ниже, Васич.

Вглядываясь в спеленатый сетью корабль, проплывающий под нами, я осторожно подкорректировал дрейф «Совы» так, чтобы мы зависли точно над стабилизаторным кольцом.

Минуту или две мы с сомнением разглядывали сквозь сетчатую вуаль «снежные наносы» на корпусе корабля.

— Больше ничего не разобрать, — наконец сказал Алексей.

— Подожди, — Юра сделал неуверенный жест рукой перед самым экраном. — Вот здесь... как будто бы... буква Р.

— С чего ты взял? — спросил я. — Ничего не видно. Все в коросте. Лишайник не лишайник...

— Оттенок наростов над буквами меняется.

— Смотрите, вот буква Р, а следом за ней, — неужели не видите? — проступает зеленоватым Т. М — А — Р — Т... Потом, кажется С, нет, Е. М — А — Р — Т — Е... Е

«Сент-Мартен»! Это французская группа, о которой рассказывал рыжий!

Гриша присвистнул.

Я вспомнил, какое выражение лица было у Валентина, когда он говорил рыжему: «Враки». Я посмотрел в сторону Валентина. Валик сохранял выражение лица самое невозмутимое, словно думал о чем-то другом. По крайней мере, мне тогда так показалось.

Некоторое время мы молчали.

— Все-таки непонятно, что здесь произошло, — сказал Алексей. — То ли у них что-то случилось с двигателями, то ли отказали радарные системы.

С таким же успехом можно было предположить все что угодно. Например, столкновение зачетного мезонатора с НЛО. Или, например, курсантам удалось-таки приземлиться на планету. (Не верю я в эти самонаводящиеся роботы-перехватчики, наверняка все сгнило здесь давно.) Причем на планете что-то произошло. Что-то до такой степени изменившее облик корабля, что теперь в нем с трудом можно узнать зачетное судно. Что-то, что помешало на обратном пути прострелить сеть и выйти в космос.

После недолгого спора мы решили состыковаться с «Сент-Мартеном». Я уже не вспомню точно, кто что тогда говорил — слишком много событий навалилось на нас, — помню только, что Валик занял в споре какую-то странную позицию. Он вообще на какое-то время словно выключился. А когда спросили его мнение, состыковываться ли с мезонатором или нет, он пожал плечами и сказал, что, ему кажется, это не имеет никакого значения. Ответ озадачил меня и потому я его запомнил. Но тут вмешался Алексей с идеей, что на борту «Сент-Мартена» могло остаться не только топливо, но и бортовой журнал, в котором, если повезет, можно найти информацию о том, какие сектора курсантами были прочесаны и где искать «Крестоносец» уже не имеет смысла. Конечно, это значительно облегчило бы нам задание, и мы состыковались с «Сент-Мартеном».

На борту «Совы» остались Юра и Валентин. Я, Гриша и Алексей молча прошли сквозь двадцатиметровый стыковочный туннель, пропущенный «Совой» между ячейками сети, и оказались в пустой рубке управления. До последней секунды я не был уверен, что сработают механизмы тамбура «Сент-Мартена». Приборы, поддерживающие нормальные условия внутри мезонатора, давно отключились. В рубке управления стоял собачий холод. Из рта шел пар. Толстый слой изморози покрывал потолок, стены, кресла вдоль пульта, разбитые экраны. Тусклым отраженным светом блеснула аварийная клавиша на дальней стойке пульта, точно так же, как и в рубке «Совы». Если бы клавишу нажали, чтобы вызвать помощь, она горела бы ровным ярким светом. Никаких признаков людей. Никаких признаков иссохших желтых мумий в креслах. Не нашли мы и бортжурнала.

Немного позже мы догадались, в чем дело. Очевидно, команда спасателей, которая забрала экипаж, изъяла все документы и снова вернула Красную кнопку в исходное положение, дабы не засорять эфир.

В кладовой был обнаружен запас консервов на двое или трое суток — отнюдь не вожделенные окорока йоркширской породы. Значит, авария произошла до приземления. Баки оказались на четверть заполнены горючим. Никакой подсказки, где же искать «Крестоносец». Ни единого намека.

— Я так и с-с-знал, — прошипел Алексей, оглядывая разбитую рубку, — я чувствовал, что все эти разговоры о «Летучих Голландцах» ничем хорошим не кончатся. Ну, где же твой «Крестоносец», Гриша?

— Мой? А при чем тут я?

— Ну а кто больше всех надрывался, что зачет нам будет сдать — пару раз плюнуть? А?

— Ты что-то путаешь.

— Я путаю? А кто говорил, что дед устроит так, что нам достанется одно из самых легких зачетных заданий?

— Я?

— Ну, дал понять...

Я глянул на Гришу. Гриша наливался ядом. Лицо его побледнело, край губы начал дергаться.

— Ты достал, слышишь? Ты всех достал! Все три дня, с тех пор как нас сбросили, от тебя только и слышно...

— За эти три дня мы успели обшарить десять процентов системы! — Алексей обвел пальцем разбитые экраны. — Вместе с консервами... — Алексей поперхнулся, — «Сент-Мартена» у нас жратвы на неделю. А дальше?

— Что дальше?

— У тебя нет ощущения, что нас сбросили просто не там?

— Не там? Что ты мелешь?

— Ошибка в два-три градуса для «Марко Поло» — это миллиарды километров для нас!

— А «Сент-Мартен» как же?

— В том-то и дело! Ошибка может повторяться из года в год. А как иначе можно объяснить, что в течение десяти лет никто не смог найти даже следов «Крестоносца»? Что ты молчишь, Васич?

— Уходим, — сказал я.

Обратно я возвращался совершенно подавленный. По-моему, у остальных настроение тоже было не лучше. Никакого другого выхода, кроме как продолжать планомерно обшаривать всю систему, никто предложить не мог.

Юра и Валентин встретили нас в тамбуре «Совы».

— Никаких следов экипажа. — Гриша развел руками.

— Мы нашли «Крестоносец», — сказал Валентин.

Алексей открыл и снова закрыл рот.

Я сглотнул всухую.

— Как ты сказал? — переспросил Гриша Чумаков неестественно высоким голосом.

— Мы н-нашли «Крестоносец», — повторил Юра. Глаза у него сверкали лихорадочным блеском, а щеки поши пятнами.

В голове у меня зашумело победным колокольным звоном, и тысячи голосов на разный лад запели: «Крестоносец», «Крестоносец!» Ангельский хор.

— Где?

— На планете. Если бы не такие густые облака, мы бы обнаружили его сразу. — Следующие несколько фраз Юра выпалил, едва успевая за нами, пока мы с нижней палубы протискивались в рубку. — Огромный корабль. Раз в тридцать больше «Совы». Около тысячи километров к востоку от нас. Если судить по тому, как застрял «Сент-Мартен», зачетники летели именно к нему.

Валентин, наверное, из опасения, чтобы в толчее ему не отдавили пальцы, даже и не пытался успеть за нами. В рубке я споткнулся о комингс люка и чуть не упал, подталкиваемый сзади Алексеем. Никому и в голову непришло вспомнить в тот момент о словах Поля, что «Крестоносец» нас ожидает в пространстве. А если б и вспомнили?

Ну, сказал. Да мало ли? Возможно, нас специально хотели сбить с толку. Этакое дополнительное условие зачета. Мы видели только одно: в центре нижних экранов, переключенных на диоптрическое сканирование, тускло мерцал на поверхности планеты крохотный металлический пузырек. Над ним несся мутный облачный поток, изредка прорезаемый вспышками молний, которые слепили детекторы «Совы».

Алексей шумно дышал мне в ухо и колол небритым подбородком. Я отодвинул плечом его физиономию.

— Побрейся, что ли. Через сутки будем на Базе. Снизят балл за внешний вид.

— Ну ты, Васич, как не родной, — хохотнул Алексей. От сумрачного пессимизма, что еще пять минут назад бил из него фонтаном, осталось одно воспоминание. Лицо Алексея лоснилось от самодовольства. — Во-первых, это будет не через сутки, а через двое, а во-вторых, плевал я на балл за внешний вид. Зачет или сдан, или нет.

— Считай, что сдан, — сказал Гриша. — Прострелим сеть противометеорной пушкой и домой.

Мы отстыковались от «Сент-Мартена» и взяли курс на восток, к «Крестоносцу». При этом произошла заминка, которую никто из нас в спешке не смог оценить по достоинству. Сеть, опутавшая «Сент-Мартен», словно приросла к стыковочному туннелю. С большим трудом мы оторвались от кокона, опутавшего злополучный мезонатор. Истончающиеся нити паутины еще долго тянулись за краем туннеля, что втягивался в брюхо «Совы»...

«Крестоносец» стоял на плоскогорье, окруженном тропическими лесами. С севера плоскогорье граничило с совершенно необъятным, фантастическим по своим размерам болотом, ничуть не меньшим, чем Азовское море. Звездоскаф стоял без движения, очевидно, давно: стартовая площадка вся сплошь заросла подлеском. Нависающие ветви деревьев частично скрывали корабль от наблюдения с орбиты. Легко можно было представить многотонные плиты из армированного бетона, сдвинутые по краям площадки корнями

деревьев, и покрытое плесенью лишайника броневое покрытие звездоскафа, по которому стекают капли бесконечных дождей. Километрах в семнадцати у подножия плоскогорья виднелись полускрытые лесом какие-то постройки: огромный дом, то ли замок, от которого поднималась дорога к космодрому. Покинутые частные владения.

Неужели так просто? Тогда почему никто не смог добраться до звездоскафа, хотя бы тот же «Сент-Мартен»? Из-за сети? Сброшенные на краю света зачетники без достаточного запаса консервов и свежей воды, должны были так или иначе попытаться совершить посадку на кислородную планету, а попытавшись, неизбежно наткнулись бы на «Крестonosец».

Что-то здесь было не так. Не укладывалось все в стройную схему: голод не тетка, курс на кислородную планету, да вот же он, звездоскаф! И счастливое возвращение на Базу. Занавес. Хэппи, так сказать, энд. Тот корабль, что стоит внизу, весь прирос корнями к стартовой площадке. Не меньше десяти лет к нему никто не прикасался. Все равно никакого другого выхода из этой ситуации, как попытаться приземлиться, у нас не было.

Над «Крестonosцем» бушевала гроза. Пик ее уже давно миновал. И, хотя порывистый ветер с прежней яростью продолжал гнуть мокрые вершины деревьев, дождь пошел более мелкий, сполохи молний сверкали все реже и реже, а паузы между лиловыми вспышками в глубине туч и раскатами грома становились все длиннее и длиннее.

С высоты пятисот километров гроза выглядела отстраненной картинкой в окулярах нижних перископов. Спиральная клякса циклона лениво сползала к югу, унося в сторону экватора ливень и оставляя после себя редкие просветы в облаках.

Высота над сетью тридцать метров. Она серебрится под нами в лучах Хиллиан правильными шестиугольниками, уходящими к горизонту. Алексей заметно нервничает, настраивая противометеорную пушку. Никаких признаков роботов-истребителей, самонаводящихся перехватчиков, однако...

Мне не так часто приходилось видеть залп противометеорной пушки, воочию — всего два раза, оба — со звездоскафа... От залпа мезонатор вздрогнул, как испуганное животное. На мгновение экраны ослепил ярко-синий сполох разряда, а когда изображение снова обрело четкость... Силы небесные! Я почувствовал, что подо мной разверзается пропасть. Оплетенный коконом «Сент-Мартен», звездоскаф на поверхности планеты, до которого так никто и не смог добраться, — все стало на свои места. Какие, к черту, истребители-перехватчики! Все намного проще и страшней. Я и представить не мог, что существуют такие сети!

— Вперед! Назад! — взвыли одновременно два голоса у меня над ухом. В сети образовалась широкая пробоина с рваными краями, раскаленными до малинового свечения, и эти края неудержимо стягивались на глазах. В том месте, где нити вновь срастались, вспыхивали множественные искры, как от короткого замыкания. Одновременно необозримая площадь сети под нами, отброшенная разрядом, начала стремительно вспучиваться навстречу мезонатору гигантским языком сетчатого протуберанца.

Это запечатлелось в моем сознании в десятые доли секунды: суживающаяся дыра, протуберанец, смыкающийся вокруг «Совы». По-моему, Алексей пальнул еще раз или два полновесными зарядами, которые ухнули в закрывающийся проход без всякого видимого вреда для сети. Экраны опять на секунду ослепли, и если бы я ждал, пока изображение прояснится...

Наверное, ребята с «Сент-Мартена» колебались на мгновение дольше, и именно этого

мгновения им не хватило, чтобы или проскользнуть в суживающуюся щель, или же отвернуть в сторону. Крик «Назад!» еще звенел у меня в ушах, когда «Сова» сделала рывок вниз, в центр стремительно срастающейся пробоины. «Проскочили!» — мелькнуло в голове, но «Сову» внезапно перекошил страшный крен, толчок бокового ускорения едва не вырвал нас из кресел. Пике перешло в беспорядочный штопор, от которого тошнотворный комок подкатил к горлу. Я кожей чувствовал, как наматываются на стабилизаторы крепчайшие путы, замедляя падение «Совы» все больше и больше, скручиваясь в тугую пуповину, которая сейчас остановит мезонатор и отбросит назад, туда, где через четверо суток его найдет аварийная команда: с разбитыми экранами, может быть, не так экзотически обросшего, как «Сент-Мартен» — не успеем, — но также совершенно беспомощного, спеленатого сетью, как младенец. А внутри — четырех маменькиных сынков, которые хотели когда-то быть пилотами. Рыцари тела.

И вдруг «Сова» провалилась в пустоту. Секунду или две длилась невесомость, — нормальная задержка, после которой должны были включиться тормозные двигатели, но вместо этого взвизгнула фальцетом сирена, на всех экранах вспыхнуло: «режим катапультирования», «борьба за выживание корабля невозможна», и что-то с треском взорвалось над ухом...

Вдалеке затихает гром. Гром? Сквозь ветви деревьев в такт шагам слепит глаза косою луч заходящего солнца. Однако с наступлением вечера духота не уменьшается, а кажется, возрастает еще больше. Небольшой ветерок, который хоть чуть-чуть разгонял болотные испарения и охлаждал наши лица, стихает, и становится нестерпимо душно. Комбинезоны липнут к спине, и пот катится градом по лицу.

Сделать бы привал, но рано, да и негде: наша команда пробивается сквозь лес, утопающий в плавнях. Воздушные корни деревьев в этом лесу похожи на гигантских черных осьминогов, восставших из трясины для смертельного поединка. Поднялись они на дыбы, да так и застыли, одеревенели, дав начало черным, узловатым стволам, покрытым колючей чешуей.

Странно, но я совершенно не помню, как мы приземлились. Я абсолютно ясно представляю, куда мы идем, но никак не могу вспомнить, ни как я катапультировался, ни как отстегивал парашют, ни что случилось с «Совой», в которой осталась красная кнопка. Антероградная амнезия. Я уже собираюсь догнать Валентина, широкая спина которого маячит впереди, и расспросить обо всем, но он сам останавливается и, наклонив треугольный лист, жадно пьет дождевую воду. Лицо его в грязных разводах с прилипшими волосками болотной тины. Костистый кадык ходит вверх-вниз, прозрачные капли из уголка рта стекают по серым разводам на подбородке и шее. Волосы его слиплись сосульками и тоже в болотной тине. Последние несколько капель он стряхивает на ладонь и размазывает по лбу и вискам. От этого его лицо отнюдь не становится чище. Валентин тянется еще за одним листом, и тут сверху на его голову падает огромный косматый паук. Наверное, такой же паук прыгает на меня, потому что вдруг наступает темнота...

Я очнулся оттого, что какая-то тварь, высунувшаяся из клочьев тумана, обнюхивала мое лицо. Морда твари была покрыта зелеными костяными пластинами, переходившими на макушке в перепончатый, похожий на рыбий плавник, гребень. Гребень тянулся вдоль спины, как у пеликозавра, и заканчивался на хвосте покосившимися роговыми иглами.

— Кыш, ящерица, — сказал я негромко.

Тварь отпрыгнула. Желтые глаза ее еще несколько секунд настороженно изучали меня, потом она развернулась и, тяжело доковыляв до топкого берега, плюхнулась в воду, сплошь заросшую пятнами какой-то плесени. По поверхности пошли круги. Несколько пар желтых глаз, увенчанных перепончатым гребнем, скрылись под водой.

— То-то же, — пробормотал я, оглядывая туман вокруг. При первом же движении затылок и шею пронзила острая боль. Осторожно, очень осторожно я приподнялся на локте и ощупал голову. Ничего серьезного: увесистая шишка за ухом, запеклась кровь. До свадьбы заживет. С благополучным приземлением, рыцарь. Что же, однако, с остальными?

Вокруг из-за нависающих ветвей исполинских деревьев стоял полусумрак. Вон оно, то место, где я пролетел: концы ветвей были обломаны, и в сплошном зеленом своде образовался широкий колодец. Судя по тому, что я не завис на парашюте метров за десять от земли, падал я с солидной скоростью — то ли «Сова» меня катапультировала последним, то ли ветки у местной флоры оказались слишком хрупкими. Парашют лежал тут же, рядом. По нему уже успели потоптаться грязными перепончатыми лапами — не иначе та тварь,

которую я спугнул.

Туман вокруг снова сгустился. Я отстегнул лямки парашюта и сел. Дышалось, несмотря на густые испарения, легко, только невыносимо воняло болотом.

— Ничего, — пробормотал я, — это можно стерпеть.

Комбинезон мой нигде не был порван, с тупым самодовольством повторяя линияльные оттенки мха неопределенного грязного цвета, на котором я сидел.

Болотная живность, напуганная моим падением, стала постепенно приходить в себя и подавать голоса, сначала робкие, потом все громче и громче, и скоро туман вокруг наполнился кваканьем, плеском, какими-то скрипами... Что-то пронзительно застрекотало у меня над головой. Со звоном налетела мошкара, комары не комары, однако, покружив надо мной, быстро разочаровалась и исчезла в тумане.

Как же, однако, найти ребят? Было бы хорошо знать, куда упала «Сова» — там запасы консервов, медикаменты. А еще лучше найти дорогу, ведущую к космодрому, которую мы видели с орбиты. Десять-пятнадцать километров вверх по дороге, — я представил у себя под ногами растресканный искрошенный бетон, сквозь который пробивается колючая трава, — полдня пути, и я на космодроме. Ночью корабельный прожектор в зенит, днем — сирену на полную мощность, сутки-двое, и мы в полном сборе.

На всякий случай, я попробовал покричать. В кисельном тумане мой вопль тонул, словно я кричал в подушку. Даже каким-то незнакомым показался мне собственный голос. Наверное, здорово нас разбросало, на несколько километров. «Сова» падала по расширяющейся спирали... Я облизал пересохшие губы и вдруг услышал слабый, словно далекое эхо, ответный крик.

Я часто в мыслях возвращаюсь в это время, на нашу планету без названия, особенно, когда не спится по ночам. Чаще это приходит под утро, на грани сна и бодрствования, когда перед глазами с болезненной ясностью всплывают картины из прошлого, и оживает память тела: мышц, сухожилий, старых травм, что глубоко гнездятся в нас. И я слышу мелодию.

Она звучит негромко и монотонно, как дождь за окном. Просыпаясь, я не могу вспомнить ее. Остается ощущение чего-то единственного, ускользающего сквозь протянутые вдогонку пальцы, как туман.

Мне никогда не приходило в голову получить профессиональную консультацию по этому поводу. Скажем, у психолога, который специализируется на слуховых галлюцинациях. По-моему, это совершенно лишнее. Да и что будет снами, когда в самые сокровенные уголки души мы разрешим вторгаться специалистам? А во-вторых (с моей точки зрения, как дилетанта), если мелодия рождает определенные эмоции и мироощущение, то почему, наоборот, эмоции и воспоминания не могут рождать мелодию?

Эта планета осталась в наших дневниках, отчетах, нашей памяти. Быть может, когда-нибудь мой сын приземлится там, и его ботинки примнут тот же мох, оставят отпечатки на той же земле, и по ночам в нем будет оживать та же мелодия.

Сначала я шел, проваливаясь по щиколотку в топь, уклоняясь, раздвигая густые колючие ветви и лианы, что появлялись из тумана навстречу мне. Потом берег немного поднялся, стало суше, и я побежал, стараясь не спотыкаться о корни, что так и норовили зацепиться за мои ботинки, и перепрыгивая лужи. Потом мне показалось, что я заблудился, и я снова начал кричать. Ответный крик раздался неожиданно близко, точнее, это был не крик, а стон. Я метнулся в сторону, чуть не угодил в какую-то совершенно чудовищную паутину, натянутую между черными, скрученными в штопор стволами, и выбежал на поляну, заросшую колонией дырчатых полуметровых губок. На другом краю поляны, прислонившись спиной к поваленному дереву, сидел Алексей.

Парашют его висел в метрах семи над землей, запутавшись в густых ветвях, трепетал и лениво пузырился в слабых порывах ветра.

— Я так и знал... что это ты, — сказал Алексей. — Помоги.

— Ты ранен?

— Сухожилие потянул. — Алексей поднял исцарапанное лицо к парашюту. — Высоко застрял, а? Чуть глаза не выколол, когда спрыгивал. Ну-ка, посмотри, не вывих?

Я расстегнул и начал снимать ботинок с ноги Алексея.

— Ай-й-й-йо!

— Больно?

— Ну ты коновал! Ну, что там?

— Нет там никакого вывиха, — сказал я, рассматривая больную ногу Алексея.

Алексей пошевелил голеностопным суставом и поморщился.

— Идти сможешь? — спросил я.

Алексей ничего не ответил, молча надел и застегнул ботинок, попробовал подняться и снова сел. Я тоже сел около него.

— А где остальные? — спросил я.

— А где остальные, Васич?

— Что?

Алексей снова поморщился, устраиваясь поудобнее.

— Я видел только Валика, пока мы не канули в туман. И тебя. Ты что, ничего не помнишь?

Я покачал головой, осторожно, чтобы не потревожить шишку за ухом.

Алексей впился глазами в мое лицо:

— «Сова» взорвалась. Еще в воздухе. Тормозные двигатели ей срезало начисто. Одни обрубки остались. Полыхнула, как фейерверк.

Я вспомнил гром из моего видения.

— Что молчишь?

— Все успели катапультироваться?

— Все. Красивый такой фейерверк. Полыхнула. Вместе с Красной кнопкой. Теперь игры кончились. Все. Или мы выберемся отсюда, или...

— Что?

— Что — что? Или нет! И никто не узнает, где могилка твоя! Ясно?

Я пощупал шишку.

— Не надо орать на меня. Есть звездоскаф, на котором можно взлететь.

— Во-первых, до него еще надо добраться, — Алексей покусал губу. — А во-вторых...

Я не перебивал его.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— ...Во-вторых, еще неизвестно, что это за звездоскаф.

— То есть?

— Черт знает, что это за корабль, может, это и не «Крестоносец» вовсе! Может, мы и попали в частные владения, да не те! Может, это и не земная даже территория.

— Что ты мелешь?

— Заповедник какой-то негуманоидов. А мы вперлись сюда.

Я обалдел:

— В зачетном секторе?

— А почему нет? — голос Алексея снизился до шепота. — Ты видел эту сеть? Она была, как живая. Она хотела поймать нас, как «Сент-Мартен». Ты слышал о таких сетях когда-нибудь?

— Ты хочешь сказать, что...

— Ничего я не хочу сказать. Мы попали куда-то не туда, Васич. Я только знаю, что пробить эту сеть изнутри будет ничуть не легче, чем снаружи. Еще неизвестно, как вооружен тот звездоскаф. Может, это «Бизон» времен Первой Дисперсии. Может, он и не заправлен вовсе.

— Все равно надо добраться до него, — сказал я.

Начал накрапывать дождь.

— Паршивое у меня предчувствие. — Алексей потер ладонью глаза. — Не могли «Крестоносец» запрятать за такой сетью. Никакой там не «Крестоносец», а совершенно чужой корабль, который непонятно как попал сюда и наверняка давно сгнил изнутри. Через открытые люки ливни льют день и ночь, и на экранах плесень толщиной с палец... А главное, — Алексей тоскливо оглядел туман вокруг, — никто не будет искать нас здесь. Никому и в голову не придет. Пеленгатор вместе с «Совой» разорвало в клочья...

Это я понимал и без Алексея.

— Идти сможешь? — спросил я.

— Там, — Алексей махнул рукой куда-то за спину, — там был звездоскаф, когда мы катапультировались. В той стороне недалеко должен был приземлиться и Валентин. Пошли. — Алексей тяжело оперся о поваленный ствол.

Над головой полыхнула близкая молния, и сразу же ударил гром. Сверху хлынуло так, словно открылись все хляби небесные.

Часов через пять, совершенно выбившись из сил под проливным дождем, мы добрались до относительно сухой возвышенности, на которой росли несколько циклопических деревьев, больше похожих на выветрившиеся меловые утесы. Необъятные кроны их утопали в слезящихся волнах тумана, не кроны — второй небесный свод, небесная твердь, Олимп, уходящий на недостижимую высоту. Ствол одного из них был расщеплен у основания, словно дерево стояло на двух непомерно толстых разведенных лапах. Картину дополняли растопыренные на лапах корни, будто пальцы гигантской птицы, уцепившейся в землю. Изнутри расщелина заросла мхом. Было там сухо, мягко. Какие-то мелкие скользкие тени шмыгнули в темные углы.

Алексей упал на подстилку из мха и некоторое время лежал неподвижно, прислушиваясь, как шумит за расщелиной дождь. Тяготение на планете было лишь немногим больше земного, но этой дополнительной четверти g хватило, чтобы за пять часов вымотать любого. День подходил к концу. Минут через тридцать-сорок должно было стемнеть окончательно.

— Нет смысла искать лучшее место для ночлега, — сказал я.

— Жрать хочется... — Алексей перевернулся на бок.

С наступлением сумерек из тумана все явственнее слышалось скрипучее кваканье, прорезаемое время от времени каким-то свистом и мяуканьем.

— Во какофония, а? — зевнул Алексей.

Мимо с шумом пролетела стая не то птиц, не то летучих мышей.

— Ты уверен, что мы правильно идем? — спросил я.

Алексей промолчал.

Вдалеке раздался протяжный вой. Доносился он с той стороны, откуда мы пришли. Лягушачий концерт на секунду смолк.

За пять часов рыскания под дождем мы не обнаружили никаких следов ни Валентина, ни его парашюта. Зато не видели мы и ни одного крупного хищника. Если учесть то, что у нас не было даже перочинного ножика для самозащиты, последнее обстоятельство как-то уравнивало наши неудачные поиски остатков экипажа «Совы». Правда, в самом начале нашего путешествия мы наткнулись на обглоданный, выбеленный бесконечными дождями скелет слоноподобной ящерицы, слонопотама, как сказал Алексей, но было непонятно, то ли она умерла сама от старости, то ли мы забрели в район охоты какого-то зевлопода. На всякий случай мы выломали из скелета по берцовой кости, прежде чем двинуться дальше.

— Не знаю, — наконец сказал Алексей, — мне кажется, мы идем правильно. В конце концов, звездоскаф тоже в той стороне. Выйдем или к дороге, или к постройке. — Алексей вздохнул. — Мимо дороги не промахнемся. Она семнадцать километров в длину.

Снова раздался вой. Теперь как будто ближе. Было в нем что-то очень неприятное, тоскливое, заставлявшее вспомнить все те бесчисленные истории о ядофорах, плотоядных кентаврах, бродячих корнях и прочей нечисти, которые стравливали друг другу курсанты. Вряд ли так могла кричать лягушка.

— Добычу пытается спугнуть. — Алексей заерзал на своей подстилке из мха.

С наступлением ночи ливень еще больше усилился. Конечно, было бы безопасней переночевать на нижних ветвях олимпийской кроны, но забираться под проливным дождем

по необъятному скользкому стволу дерева до нижних веток — совсем немалый риск, а потом еще мокнуть целую ночь... Вглядываясь при вспышках молний в темноту, я думал о том, что если сейчас на этих первобытных болотах и рыщет какая-то хищная тварь, то вряд ли она под таким ливнем сможет взять наш след.

— Помнишь, — неожиданно спрашивает Алексей, — прошлое лето?

— Помнишь, — говорю я, отвлекаясь от своих бредовых болотных видений.

— Мисхор, море, жара, прямо на набережной расставлены столики и готовят шашлыки по-карски, дым тает на солнце, загорелые девушки в легких платьях спускаются к причалу. Неужели все это было? Помнишь запах шашлычного дыма, от которого весь рот наполняется слюной?

Я не отвечаю.

— Никаких декомпрессий и перегрузок. Голубое небо, чайки, в тени на скамеечке художник рисует пастелью дружеские шаржи на заказ. Сейчас мне кажется, что я это видел просто во сне. Или это плод моего больного воображения. Это действительно было, Васич?

— Что на тебя нашло?

— Это была твоя идея — Мисхор. А помнишь, как нас пригласили покататься на яхте?

Вернее мы сами напросились, уточняю я про себя.

— ...А потом мы ловили крабов около дикого берега. Помнишь, уже под конец, перед самым закатом, ты поймал огромного краба? Вытащил с какой-то невозможной глубины. Он был такой большой, что, когда его бросили в ведро с водой, он занял собой все дно, и казалось с первого взгляда, что ведро пустое, просто дно стало какое-то темное и бугристое. На дне его совсем было не различить, да уже и темнеть начало. На панцире у него росла актиния, и когда ты показал актинию наивной и доверчивой Юле, и она полезла рукой в ведро... Помнишь, сколько было визга и смеха? Юля едва не выбросила тебя за борт следом за твоим крабом. Крутая девочка — гонялась по всей яхте, — Алексей поворочался на подстилке из мха, устраиваясь поудобней. — Это невероятно.

— Что именно?

— Как человек быстро привыкает к тому, что мир перевернулся. Еще вчера мы были на солнечной стороне, было тепло, светило солнце, все ужасы казались надуманными, и вдруг мы очутились на ночной стороне. Щелк — беспросветная темень, какой-то утробный вой из темноты, холодно, мокро, льет дождь. И дневной свет отсюда, нормальные человеческие отношения и слова кажутся невероятно далекими, невозможными.

— Не преувеличивай.

— А помнишь ночное казино перед отъездом?

— Тебе нельзя играть в азартные игры.

— Помнишь, — удовлетворенно протянул Алексей, — умница ты моя. Если бы вы с Юлей тогда заранее не купили обратных билетов в Днепропетровск, пришлось бы добираться домой пешком.

Полыхнуло особенно близко почти одновременно с громовым раскатом.

— Проклятая планета, — сказал Алексей. — Знаешь, что я сделаю, как только вернусь домой? Слышишь?

— Слышу, — сказал я, не оборачиваясь.

— Первое, что я сделаю, как только сойду с трапа, — это подам жалобу в Административный Совет Школы.

Во вспышках молний заросли вокруг отливали черно-белым глянцем.

— Чего ты молчишь, Васич?

— И что ты там напишешь? — спросил я.

Валентин лежал под черными нависающими корнями старого поваленного дерева, в объёме ничуть не меньше, чем трехсотлетняя секвойя, и прислушивался к лесным звукам. Место было то самое. Солнце стояло в зените, просвечивая сквозь пелену облаков мутным белесоватым шаром. Справа начинался песчаный откос, и где-то дальше, невидимая за сплошной зеленой стеной, шумела на перекатах река. Слева, поросшие пятнами мха, выпирали из земли крутые лбы огромных валунов. Даже куст, чем-то уродливо похожий на земную омелу, что вырос в расщелине ближайшего валуна, был, кажется, Валентину знаком. Да, место то самое. Ошибиться Валик не мог. Оставалось только ждать. Если все произойдет так как и должно, ждать осталось не так уж и долго.

Терпения Валику было не занимать. Было в нем что-то от первобытного кроманьонца, охотника, наделенного бесконечным терпением выслеживать добычу и сидеть в засаде, несмотря на жару, дождь или холод. Терпения, от которого зависела сама жизнь: не спугнуть добычу, не выдать себя ничем — ни шорохом, ни дыханием, ни запахом, слиться с листвой, травой, землей, корнями; затаиться, замереть, превратиться в собственную тень, бестелесную и невесомую. Даже тяжело дать определение этому качеству, что это — следствие более грубой, первобытной душевной организации или это настоящий талант, гений, к вершинам которого поднимаются лишь единицы. Если бы Валентина спросили об этом, он бы, вероятно, удивился. Терпение было таким же его неотъемлемым качеством, как умение дышать или говорить. Умение говорить — талант? А дышать?

Над головой с тихим звоном вилась мошкара, садилась на лоб, щеки. Валентин не обращал на нее внимания. Со стороны переката доносился шум бегущей воды, какие-то всплески, что-то вроде искаженного кваканья: то ли протяжное скрежетание, то ли всхлипы. Ветер доносил запах речной сырости. Ничто не предвещало той ужасной сцены, которую Валентин увидел в своем будущем. Или все это, действительно, был только бред? Да нет. Вот это место — наяву, то самое, что он видел на Земле.

Солнце скрылось в набежавших тучах. Начал накрапывать дождь. Ожидание подходило к концу. Вот-вот хлынет ливень, а потом...

Убежище у Валентина было идеальное. Вряд ли он сейчас мог бы ясно описать свое состояние. Сказать, что у него быстрее забилося сердце, все напряглось внутри — нет, не то. А между тем эмоции в подлунном мире не настолько утонченны, чтобы нельзя было подобрать никаких аналогий. Что общего между готовым распуститься цветком и снайпером, поймавшим цель в перекрестие прицела? Или куколкой, превращающейся в бабочку, и физиком на пороге открытия? Предчувствие того, что через мгновение события примут необратимый характер. И произойдет это по твоей воле. Есть в этом мгновении скрытый пафос, беззвучный восторг, плохо осознаваемый в череде убегающих секунд, и только оглянувшись через некоторое время, мы вдруг ясно видим, что стояли в тот момент на вершине, откуда могли выбрать любой путь; но так или иначе предстоит нам теперь дорога вниз, в долину, к обычным людям и мирской суете.

Дождь начал быстро усиливаться. Лесные шумы неожиданно смолкли, шум падающих капель слился в один сплошной фон, полыхнула молния почти одновременно с громовым раскатом, и Валентин увидел то, что ожидал и одновременно боялся увидеть, — смерть в виде огромного змеевидного тела, прорезающего наискось подлесок от песчаного откоса к

выпирающим слева валунам. А следом за ним — еще одну смерть. Двигались они невероятно быстро и почти бесшумно, словно скользили над травой две струящиеся змеевидные твари в волнообразном веере мелькающих бесчисленных ног. Настоящая смерть — стремительная, бесшумная, воплощенная в два кошмарных образа. Треугольные асимметричные морды, покрытые удлиненными роговыми пластинами, как у трицератопса, оскаленные пасти, глаза без зрачков в обрамлении складчатых век. Две смерти: смерть-самец и смерть-самка в любовном экстазе.

Это был именно тот единственный вариант, который позволял Валентину уцелеть. Тяжело сказать, как эти чудовища выслеживали добычу: по звуку, запаху, чувствовали тепло, как змеи, или находили по каким-то скрытым вибрациям. Но, глядя на них, вряд ли кто-то стал бы сомневаться, что это совершенные в своем мире механизмы преследования и убийства. Безобразные в своем совершенстве и совершенные в своей безобразии. Тонны по две весом и, несмотря на это, легкие в движении, почти невесомые, скользят над землей. Влюбленные. И потому сейчас кроме друг друга ничего не видящие и не слышащие.

Около валунов, поросших мхом, они сплелись в один невообразимый клубок, клыки к клыкам, обхватив мокрые от дождя тела друг друга бесчисленными беспокойными ногами, под струями хлещущего ливня, издавая утробное урчание, покусывая один другого и сплетаясь все тесней и тесней. Даже синеватые раздвоенные языки, словно наделенные самостоятельной жизнью, жадно искали друг друга в пасти, чтобы свиться вместе. В какую-то минуту Валентину показалось, что эта пара исчадий уже не распутается никогда. Они были так близко, что он явственно ощущал их запах. Но хватка чудовищ в конце концов начала ослабевать, невероятный гигантский клубок снова распался на два полосатых тела, и две твари, два исчадия ада, две смерти — самец и самка — бок о бок заскользили прочь, в сторону наплывающего из леса тумана. Две смерти, зачавшие новую жизнь.

Некоторое время Валентин продолжал неподвижно лежать под нависающими корнями. Сердце бешено колотилось около горла. Неужели все уже кончилось? Если б на его месте был Гриша Чумаков, он бы, вероятно, перекрестился. Но Валик не перекрестился, только с трудом разжал челюсти, сведенные мертвой хваткой, как капкан, и сплюнул сквозь зубы горечь. Ливень продолжал хлестать в полную силу. Сколько времени прошло? Две-три минуты? Полчаса? Час? Какая разница, если все уже позади. За грозовыми облаками был непонятно, где находится солнце. Стояла полутьма, изредка прорезаемая вспышками молний. Дождь, не ослабевая, лил как из ведра. Валентин поднялся и, добежав до откоса, начал спускаться к реке, придерживаясь рукой за низкий кустарник.

Дождь кончился почти так же неожиданно, как и начался. Предстояло идти еще около трех часов. Вдоль реки, потом вдоль обрыва... Валик не спешил. И не потому, что надо было беречь силы, просто спешить уже было некуда. О чем он думал? О том, что действительно выбрал единственный возможный вариант для всей пятерки? Теперь уже от него не зависело ничего. Переиграть возможности нет. И неважно, какие силы стоят с той стороны событий, подпирая цепь случайностей. Просто выбор уже сделан. Все.

Не важно?

Никогда Валик ни словом, ни полсловом не проговорился никому ни о Ковельском заповеднике, ни о лесовике. Я думаю, если бы его спросили об этом прямо, например, тот же самый Хазар, Валик бы просто пожал плечами: «Не твоё дело». «Так удалось или нет, хотя бы ответь?» — «Не твоё дело». — «Так он действительно ведьмак?» — «Я же сказал, не твоё дело. Отвяжись, не ясно?» После этого самое лучшее, что можно было сделать, не

дожидаясь пояснений, исчезнуть. Потому что обычно Валик не склонен был к разглагольствованиям. Это было не в его природе. Там, где можно было вместо пяти слов обойтись тремя, он обходился двумя или одним. Если он говорил «Отвяжись», затягивать разговор особо не стоило.

За поворотом реки Валентин вышел на широкий пляж и сразу увидел вездеход.

Хуже всего одному. И дело даже не в решениях, которые ты должен принимать сам. С этим у него как раз обстояло все нормально. В конце концов, ответственность за решение ложится только на тебя. А это не самое страшное. Но все же Поль покривил душой, когда говорил, что сдавать зачет в одиночку не хуже и не лучше, чем группой. Не знаю. По крайней мере, не на такой планете, как эта. Планета дождя. Мир ливней, гроз, тумана. И отвесных скользких скал.

Насколько легче было бы в связке. В паре. Элементарная подстраховка свела бы риск подъема по вертикали к минимуму. Практически к нулю. А так...

Гриша огляделся. Вокруг в сумеречном полуденном свете, пробивавшемся вместе с моросью сквозь многоярусные кроны к подножию леса, — пятнистый хаос переплетенных лиан, чешуйчатых листьев, покрытые бородами наростами мха стволы, под ногами среди корней какие-то осклизлые, совершенно бесформенные грибы. Справа джунгли упирались в почти отвесную стену. Раза в три выше, чем самые высокие деревья. Метров сто сорок — сто пятьдесят высотой. Гриша Чумаков шел вдоль нее больше двух часов. Время от времени он подходил к ней вплотную, но там идти было значительно тяжелее. И опасней. У подножия было полно осыпавшихся камней размером от крупного гравия до валунов весом никак не меньше тридцати тонн. Ноги скользили между острых граней, покрытых во многих местах слоем плесени, почти как водорослями в полосе прибоя. Один раз он неудачно поставил ногу, и стопа, как в тиски, угодила в узкую щель между двумя каменными обломками. В течение секунды Гриша балансировал, стараясь сохранить центр тяжести, и если бы это ему не удалось... Хрум! В цепи неудач эта могла бы оказаться последней.

Сколько он себя помнил, среди сверстников ни у кого так часто не случались травмы ног, как у него. Ноги были его слабым местом. С детства. Несмотря на тренировки и футбол. Буквально проклятьем. Бесконечные занозы, которые постоянно норовили нагноиться, потертости, удар вместо мяча в подошву бутсы защитника и как результат — слезший ноготь на большом пальце — это случалось каждое лето. В прошлом году — вывих коленной чашечки. Трижды без видимых на то причин его за ноги кусали животные, одним из них была змея — не кобра, слава богу, так — среднеазиатский леопардовый полоз, но тоже достаточно неприятно; а другим — огромная самка паука-птицееда. А в позапрошлом году его ни с того ни с сего цапнул сквозь штанину молодой самец дикобраза, да так сильно, что Гриша едва сумел остановить кровь. Чем ему не понравилась Гришина нога, не смог ответить даже егерь заповедника. «Запах твой, что ли, ему пришелся не по душе», — пожал он широченными плечами в ответ на Гришин вопрос. — «Спариваются они сейчас — как бы извиняясь, пояснил он. — Нервные стали».

Да, если существует равновесие в мире, то Гришины ноги его явно нарушали. Это Гриша Чумаков понял уже давно. Блестящая сногшибательная карьера суперпрофессионала Косморазведки, о которой он бредил в детстве, едва научившись ходить на горшок, становилась недостижимой мечтой. И вовсе не потому, что Гришу воспитали в неге и холе. Совсем наоборот! Он опережал многих не только в математике и логике, но и демонстрировал превосходные результаты в ориентировании, плавании, пилотировании. В рукопашной схватке это был гибкий, как хлыст, непредсказуемый соперник. Зачетное время, показанное Гришей во время двадцатикилометрового кросса на втором курсе, вошло в

десятку лучших результатов за всю историю Днепропетровской Астрошколы. И, тем не менее, даже в самые счастливые дни в своей жизни он не был уверен, что ноги его не подведут: не подвернется в критический момент лодыжка или не соскочит вдруг коленная чашечка.

«Карьера косморазведчика не для тебя», — сказал ему как-то дед. И с этим надо было смириться. Нельзя утверждать, чтобы это случилось в один день, но последним доводом стала статистика, с которой познакомил его дед. О средней продолжительности жизни среди различных профессиональных групп. Что и говорить, цифры свидетельствовали сами за себя, вернее, разница в цифрах. Первое место по продолжительности жизни (то самое, как говорят спортивные комментаторы, с наименьшим количеством набранных очков) занимали суперпрофессионалы Косморазведки. Если верить статистике, только три четверти из них доживали до шестидесяти. «Но ты учти, — заметил дед, — что на самом деле цифра эта еще меньше, гораздо меньше, ибо в эту графу включены и люди, которые, поработав в Косморазведке три, пять, десять лет, потом переходили в другие профессиональные группы. Настоящая средняя продолжительность жизни матерого косморазведчика около сорока пяти лет. Это я тебе могу подтвердить как заместитель директора Внеземного Отдела Информатория. Подумай над этим».

И Гриша подумал. Ну что ж, вовсе не обязательно связывать себя с Косморазведкой на всю жизнь. Десять, пять, а лучше — три года. Принадлежность в прошлом к этому клану автоматически становилась гарантией успеха и продвижения по служебной лестнице. Стоило рискнуть.

Гриша вытер капли дождя (они оказались с солоноватым привкусом пота) и осторожно, выбирая куда поставить ногу, двинулся в сторону вертикальной каменной стены. Это был край плато, на котором где-то стоял корабль, «Крестonosец», который им удалось обнаружить с орбиты. Идти вдоль плато в поисках более удобного места для подъема больше не имело смысла — только зряшная потеря времени и расход сил. Через четыре-пять часов наступит ночь, а Грише вовсе не улыбалось провести еще сутки в каких-то диких дебрях на окраине исследованного мира. Правда, не было и никакой гарантии, что, вскарабкавшись на плато, он сразу наткнется на корабль, но тем не менее...

До сих пор Грише везло. И он это ясно осознавал. Это было настоящее ядреное везение. Во-первых, он уцелел при взрыве мезонатора и сумел удачно приземлиться. Никаких вывихов коленных чашечек, даже ни одного синяка. «Не иначе, кто-то молится за тебя, сынок», — сказал бы Воланд, усмехаясь кривоватой улыбкой. Во-вторых, он на своем пути не встретил пока ни одной более или менее крупной твари. Так — какая-то мелочь. Но не надо быть семи пядей во лбу, дабы сообразить, что на эту мелочь должен кто-то охотиться, какие-нибудь кривоzubые, не обремененные излишними предрассудками санитары леса. Имеется в виду, предрассудками против чужеродного инопланетного белка. В свою очередь на санитаров могут охотиться еще более крупные чистильщики. В-третьих, он приземлился недалеко от плато. И это было главным.

Насколько повезло остальным, он представлял себе слабо. При катапультировании с высоты стратосферы разброс может быть огромным. Безусловно, он ближе всех оказался к кораблю. И если он первым достигнет его, то... Что? Он сможет получить какие-то дополнительные очки? Гриша слыхом не слыхивал об этом. Курсантский фольклор об этом напрочь умалчивал. Хотя, с точки зрения логики... Нет, к черту! Какие дополнительные очки? Пятерка или сдаст зачет, или проваливает его как один человек. Нет, крышу над

головой — вот что он будет иметь, добравшись до «Крестonosца», защиту от дождя, местных хищников, время отдохнуть, обдумать положение и помочь остальным. Если они живы. Вздор, конечно, живы. А если погибли, и он остался один? Или если кроме него выжили еще один или двое? Гриша почувствовал неприятный холод в животе, потому что вдруг натолкнулся на мысль, которая раньше никогда не приходила ему в голову. Странная, совершенно дикая мысль. Даже непонятно, откуда она взялась. Могут ли так сложиться обстоятельства, что группа будет заинтересована в смерти одного из своих членов?

В этом месте стена на глаз была метров сто тридцать высотой. «Вздor», — подумал Гриша. Высота земной секвойи. Да и не все сто тридцать метров вертикальные. Он поднял голову, прикидывая маршрут подъема. Первые несколько десятков метров стена имела наклон градусов шестьдесят-семьдесят. У верхнего края плато, последние пятьдесят метров заросли свешивающимися лианами, на вид достаточно прочными, чтобы за них без особого риска можно было ухватиться, как за веревки. Настоящую опасность представляли тридцать пять — сорок метров посредине — почти совершенно гладкая голая вертикальная стена, вся в наклонных змеящихся трещинах, в которые с трудом можно втиснуть пальцы, чтобы подтянуться на руках, и смехотворно узких уступах. На таких уступах едва может поместиться подошва ботинка и та не вся. Лезть по такой стене придется, прижимаясь к ней, как к родимой маме. И это еще полбеда. Беда будет, когда на середине стены, как раз тогда, когда окажешься между небом и землей, хлынет ливень. Гриша поднял глаза к небу. Небо не сулило ничего хорошего. Морось прекратилась, но низко летящие облака были переполнены влагой, как молодой павиан чувствами во время случки, — вот-вот хлынет. «Класс, — подумал Гриша, — Я как раз успею подняться вон до той расщелины, в самый раз, чтобы не смочь повернуть назад, и начнется гроза. А насколько было бы проще с элементарным альпинистским снаряжением: несколько костылей, карабин, шнур, пара крючьев. Или присоски. По паре на запястья и локти и еще на колени и лодыжки. С таким снаряжением можно было даже ночь провести на отвесной скале, даже вздремнуть, устроившись хоть и без особых удобств, но и без риска для жизни.

Все, хватит рассуждать. Подъем займет часа три-четыре, как раз, чтобы справиться до темноты. Тянуть дальше нет смысла. Неизвестно, что будет завтра, может, еще хуже: ураган, затмение, нашествие слизняков, что начнут спускаться с плато на девственные низинные пастбища, или вывих бедра. А вот что доподлинно известно, так это то, что сил у меня завтра будет чуточку меньше, чем сегодня».

Он едва успел добраться до той самой расщелины, поднявшись над кронами самых высоких деревьев, когда хлынул ливень. К счастью, дождь продолжался недолго, считанные минуты, иначе Гришу просто смыло бы вниз, как букашку. Ветер отнес грозовые облака, и даже на несколько секунд проблеснуло заходящее солнце.

— Счастлив мой бог, — пробормотал Гриша, стараясь извернуться всем телом, чтобы дотянуться пальцами до неглубокого уступа, чуть выше и правее по склону. — А вот что плохо, что до ночи осталось всего ничего. — Гриша слегка задыхался. Сказывалась лишняя четверть g планеты. Если на Земле он весил семьдесят два килограмма, то здесь приходилось тащить на себе лишние восемнадцать килограммов. И это все по вертикальной стене.

Гриша прекрасно сознавал, что его не начавшаяся карьера может окончиться вместе с последними гаснущими лучами солнца, если он не успеет к ночи добраться до лиан, свешивающихся с края плато. Гриша подтянулся на руках и, нащупав подошвами наклонный

карниз, почувствовал себя немножко устойчивей. Теперь можно поднять голову и посмотреть, сколько еще осталось. Так... Ой, много. Не успеть. Ни за что не успеть. Метров двадцать. А до захода солнца от силы ну полчаса, много — минут сорок. Что же делать? Спускаться? Он посмотрел вниз, чтобы оцепить пройденный путь. Голова слегка закружилась. Нет, назад тем более не успеть. Он поднялся выше самых высоких деревьев. Вокруг сколько хватало глаз до самого горизонта ветер колыхал мокрые кроны. Очевидно, там, над лесом, бушевал довольно сильный ветер, от порывов которого Гришу защищал склон плато. Снова из-под полога облаков выглянуло солнце, окрасив вершины деревьев в осенние оттенки желтого с пурпурным. Картина была даже не лишена пасторального благообразия, если забыть о том, что ты висишь на вертикальной стене, костяшки пальцев содраны в кровь, кисти от того, что все время подняты, онемели, и приходится время от времени опускать их вниз и стряхивать, чтобы появилась чувствительность, прижимаясь в это время щекой к шершавому камню, дабы не потерять равновесия. И еще забыть о том, что онемела спина, и икры нет-нет, да и начинает сводить судорога. И еще не вспоминать о том, что в любой момент, если переменится ветер, тебя может оторвать от стены и швырнуть с высоты небоскреба вниз, и падать придется отнюдь не на надувную подушку, которую использовали в Астрошколе для подобных трюков. Падать придется на камни. И это будет конец.

Гриша чуть-чуть отдышался и снова посмотрел вверх. Далеко. Но выхода другого нет, надо успеть во что бы то ни стало до захода солнца. Он вдруг заметил косую наклонную трещину, что проходила немного выше того места, где застрял он. Попытка подняться вдоль нее немного удлинит маршрут, зато подниматься будет легче и значительно быстрее. Это — шанс. Можно успеть.

В глубине души он не верил, что может погибнуть. Те тридцать или сорок минут, когда шла борьба в скорости между ним и заходящим солнцем, он, цепляясь за влажные холодные неровности в скалах, обдирая кожу на ладонях о шершавые, как наждак, камни, кое-где заросшие даже здесь на высоте ползучими колючками, он не верил, что эта борьба метров с секундами может кончиться не в его пользу. До этого он всегда побеждал. Исключений не было.

Поверил он только тогда, когда солнце зашло. Еще несколько минут длились сумерки, а потом наступила кромешная темнота, изредка прорезаемая над горизонтом далекими беззвучными зарницами. Последний раз, когда Гриша поднимал голову, до нижней границы лиан, свешивающихся с края плато, оставалось метров семь. До темноты он еще успел подняться на высоту собственного тела и все. Час или около того (в темноте он потерял счет времени) он, унимая дрожь в коленях, пытался на ощупь карабкаться вверх, но дважды чуть не сорвался, а на то, чтобы удержаться, ушли остатки сил. Кроме того, переменился ветер, начало быстро холодать, и Гриша понял, что тот мизерный шанс, который оставался, у него отняли. Ночь он продержаться не сможет.

«Ну вот и все, — шепнул ему внутренний голос, — в конце концов ты сам виноват. Ты знал, на что шел».

Порывы крепнущего ветра начали отрывать Гришу от стены. Где-то далеко внизу, в невообразимой дали послышался протяжный тоскливый вой, словно в подтверждение того, что кто-то должен сегодня умереть. «Заткнись», — прошептал Гриша.

Вместе с переменившимся ветром начал накрапывать дождь, пока слабый. Капли стекали по лицу, щекам.

«Ты плачешь?» — снова внутренний шепот.

«Заткнись, сказал».

«Ты сам выбрал свою судьбу».

— За-а-ткни-ись! — заорал Гриша.

Особенно сильный порыв ветра вдруг оторвал его от скалы, одну страшную секунду Гриша балансировал в пустоте и вдруг опять ухватился за выступ в стене.

— Боже, — пробормотал Гриша. — Боже.

Дождь начал усиливаться.

— Боже, если ты слышишь меня...

Косые тяжелые струи хлестали его по щеке и плечам.

— Боже, — Гриша поднял лицо к невидимым в темноте дождевым облакам. — Если ты слышишь меня! Боже! — заорал он вверх что есть силы.

— Я клянусь тебе, боже! Ус-лы-ы-шь меня!

Он почувствовал, как по его щеке, прижатой к скале, вместе с дождем текут горячие капли.

— Я клянусь, когда я выберусь отсюда! Боже, я не хочу умирать! Если я выберусь отсюда, слышишь? Я сделаю так, если ты мне поможешь! Через десять или двадцать лет я войду в совет директоров Астрошкол! Если ты поможешь мне! Я смогу! Слышишь! Я отдам последние силы, чтобы отменить зачет! Ты слышишь меня? Я клянусь тебе! ОТМЕНИТЬ ЗАЧЕТ! ОТМЕНИТЬ! ЗАЧЕТ! ОТМЕНИТЬ!

Гриша неожиданно увидел, как тучи над ним, к которым он взывал, вдруг осветились внутренним светом.

— Боже, — прошептал Гриша, не веря своим глазам.

Это было узкое световое пятно, которое медленно смещалось по небу, пока не замерло, остановившись в зените. Отраженного от низких облаков света хватало, чтобы рассмотреть выступы и трещины в скале и свисающие лианы, которые были всего в пяти метрах над его головой.

Дождь продолжал усиливаться. Из последних сил, цепляясь буквально за тени трещин, Гриша добрался до нижней границы стелящихся по скалам лиан и начал карабкаться к краю плато. И только когда перевалился животом через каменный уступ на вершине и смог отдышаться, он поднял глаза и увидел — то, что было световым пятном, являлось не чем иным, как отражением мощного прожекторного луча, поднятого с центра плато в зенит. Это мог быть только корабельный прожектор. И это могло означать только одно: кто-то раньше него добрался до звездоскафа и включил прожектор над «Крестоносцем».

Звездоскаф был огромен и непроницаем. Сквозь просветы в деревьях не было заметно ни одного проблеска на его блестящей от дождя поверхности. Никаких навигационных огней. С расстояния в сто метров в ночи он казался лоснящейся спиной неправдоподобно огромного чудовища высотой с пятиэтажный дом. Он возвышался между деревьев темным горбатым куполом, из которого в низкий облачный зенит бил яркий луч корабельного прожектора.

Гриша остановился и некоторое время стоял, успокаивая дыхание. Тихо шелестел дождь. В прожекторном луче вились немногочисленные полуночные насекомые. Рассеянного света, который давал поднятый к облакам корабельный прожектор, было недостаточно, чтобы рассмотреть хоть какие-то надписи на борту звездоскафа. Только крутой силуэт с надстройкой локаторного мостика. «Крестonosец»? Какого лешего, в самом деле, а что ж еще? Гриша раздвинул мокрые стрельчатые листья, нависающие над землей, и, ступив вперед, едва не споткнулся в темноте. Под ногами вместо упругой почвы вдруг оказалась наклонная жесткая поверхность бетонной плиты, наполовину вывернутая из земли чудовищной силой древесных корней. До корабля оставалось, по меньшей мере, сто метров, и эти сто метров бетонного покрытия космодрома были сплошь взломаны, искрошены, наклонены под разными углами буйно разросшимся лесом. Стволы в полтора охвата, пробившиеся сквозь сочленения бетонных плит, раздвинули и частично вывернули из грунта многотонные бетонные квадраты. Лианы переплелись со стелящимся подлеском. Даже с натяжкой это не было похоже на космодром с вожделенным зачетным звездоскафом. На голограмму к сказке о Спящей царевне это было похоже. Голограмму сумасшедшего художника. Лесу, который успел проломиться сквозь бетонное покрытие, никак не могло быть всего десять лет!

Старательно выбирая в темноте, куда ставить ногу, Гриша подошел к кораблю и поднял глаза. Звездоскаф нависал над ним черным выпуклым боком, словно туша исполинского кашалота. Туша опиралась о землю четырьмя лапами на решетчатых опорах, по которым змеились, как водоросли, мокрые побеги лиан. На высоте семи или восьми метров над головой Гриша рассмотрел двойной ряд иллюминаторов, тоже темных без единого проблеска в глубине. Но должен же быть кто-то внутри! Кто-то же включил прожектор!

Гриша двинулся вдоль раструбов двигателей, в два человеческих роста диаметром, свисавших из брюха звездоскафа почти до самой земли. По одному виду этих чудовищных раструбов с достаточной уверенностью можно было утверждать, что кораблю никак не меньше тридцати лет. Дождь продолжал сеять с ночного неба, с тихим шелестом разбиваясь о мокрые листья и стволы, стекал по броневому покрытию корабля и собирался в лужах между бетонными плитами. Для полноты картины запустения и забвения не хватало только какой-нибудь уж совершенно невообразимой паутины, натянутой между опорами звездоскафа, и паука, притаившегося в темноте огромных, как пещеры, бездействующих двигателей.

Из-под ног с шумом рванулась к небу полуночная птица. Гриша отпрянул. Вокруг корабля в кронах вдруг поднялась возня, захлопали крылья, послышались свист и протяжные всхлипы. Через полминуты все стихло. Гриша поймал себя на том, что стоит на одной ноге. «Фу ты, черт, действительно «Летучий Голландец», — пробормотал он, пытаюсь определить

в темноте, где находится корабельный трап.

Неужели рыжий был прав, и это тот самый корабль, который никто не может найти десять лет? Гриша вспомнил «Сент-Мартен» на орбите и сеть, опутывающую планету. Или находили, но никто не смог на нем стартовать обратно? Тогда что выходит? Что все зачетные экипажи находятся здесь, на борту звездоскафа, уже много лет? Да нет, что за вздор? Во-первых, никто на нем никуда не пытался стартовать, а если даже и пытался, то очень-очень давно, иначе лес вокруг был бы весь выжжен стартовым выхлопом. А во-вторых, никаких тропинок нигде, птицы какие-то непуганые под ногами. И в-третьих... И тут Гриша увидел трап.

Трап был самый обычный. Он спускался от невидимого за выпуклостью борта входного люка с высоты семи метров, очевидно, от нижнего кольца иллюминаторов, но не заметил его Гриша сразу не только из-за темноты, а еще потому, что трап был весь, как декоративная беседка, увит буйной зеленью. В ночи, правда, листья зелени казались аспидно-черными с оттенками серого и коричневого. А еще Гриша увидел у подножия трапа остатки костра, и в голове снова зашевелились мысли об аборигенах, зачетниках, которые в незапамятные времена попали на эту планету и уже четверть века, как Одиссей, не могут возвратиться домой; Грише они почему-то представились такой разношерстной грязной командой оборванцев, неким средним между остатками пиратского экипажа, выброшенного на необитаемый берег, и матросами с «Летучего Голландца». Вот они только что сидели около огня бок о бок: туземцы с заросшими шерстью ушами, состарившиеся курсанты, у ног их лежали не похороненные товарищи, пустыми глазницами уставившиеся в не просыхающее облачное небо. Велась неспешная беседа, а на углях жарилось мясо. И спугнул их, безусловно, крик ночной птицы. Услышав его, Гриши, приближение, они отступили в темноту и притаились за ближайшими стволами. При слове «стволы» у Гриши возникли нехорошие ассоциации, и он невольно замедлил шаг, вглядываясь в темные промежутки между деревьями. Но ничего не было видно в отсвете корабельного прожектора: продолжал тихо сеять дождь, маслянисто поблескивали лужи на бетоне... Ничего. И только когда он подошел вплотную к трапу, то смог понять, что никакой это не костер, а то, что показалось ему тлеющими угольками, — всего-навсего светляки, которые во множестве ползали в траве у самых ступенек. Целая колония светляков. Да и, действительно, какой может быть костер при такой сырости?

Наружный люк звездоскафа поддался неожиданно легко. Совершенно бесшумно створки разъехались в стороны, открыв выходной тамбур. На удивление, он был ярко освещен, и в этом мертвенно-бледном свете Гриша увидел грязные рубчатые следы на дырчатом полу, точно такие, как мог бы оставить он сам, если бы успел полчасом раньше зайти в корабль.

— Ребята, — прошептал Гриша. Голова вдруг сделалась пустой и звонкой, откуда-то всплыла и начала вращаться по замкнутому кругу бессмысленная фраза: «В наших палестинах, в наших палестинах, в наших»... Гриша не без усилия стряхнул оцепенение. Неужели все? Кто же здесь? Валентин? Юра? Длинного с Васичем отнесло дальше других и западу. Вряд ли это кто-то из них.

С комбинезона, быстро бледнеющего в ярком освещении, стекали на пол остатки дождя. Гриша прошел в конец тамбура (до чего ж он огромный, как и весь корабль!), лепестки внутренней диафрагмы скользнули в пазы, открыв темную почему-то лестницу, Гриша успел сделать еще один шаг, и тут сбоку из темноты в его живот уперся ствол лучемета. Ни

отскочить, ни уклониться. Несколько секунд Гриша Чумаков стоял неподвижно, привыкая к изменившемуся освещению. Перед глазами плясали цветные круги. Обрывки коротких мыслей смешались в клубок. Поворот без взмаха с ударом в пах? Кто может быть заинтересован в гибели зачетной пятерки? Где же Валентин или Юра? Убиты? А когда цветные кольца перед глазами растаяли, он увидел напротив себя лицо Юры Зайца, очень напряженное и даже какое-то незнакомое, зубы криво оскалены, в уголке губ — слюна.

— Юра, ты что? Это я.

Лучемер медленно опустился.

— С ума сошел? — Гриша с усилием сглотнул. — Убери оружие.

— Извини. — Голос надтреснутый, безумные Юрины глаза начали обретать осмысленное выражение.

— Откуда у тебя лучемер?

— Извини. Впрочем, кажется, я...

— Что?

— Кажется, я уже извинился.

— Что с тобой? — Гриша прикоснулся к дулу лучемера и, сжав пальцы, осторожно потянул на себя. — Ты болен?

— Просто я ожидал увидеть не тебя. Оставь бластер, я не сумасшедший. Не трогай, я сказал!

Гриша отдернул руку.

Юра Заяц отступил на шаг и провел свободной ладонью по лицу.

— А кого... ты ожидал увидеть? Валентина? Или...

Юра метнул быстрый взгляд в открытый тамбур за спину Грише.

— Что за дурацкая мысль?

— Заяц, откуда ты взял оружие?

— Ты один?

— А ты?

Взгляды их встретились. Каждый подразумевал что-то свое под этим вопросом. Присутствовал какой-то второй смысл в обмене этими репликами, кроме явного: кто еще спасся с тобой, и насколько большие шансы у нас остаются сдать зачет? Ну, наверное, такой смысл (со стороны Гриши Чумакова): ты один тут такой ненормальный, или в корабле повальная эпидемия сумасшествия? А со стороны Юры, не совсем понятно... словно с минуты на минуту ждал он какой-то неприятности. Чрезвычайно опасной неприятности.

— Зачем тебе оружие? — повторил Гриша Чумаков.

— Тут его полно. Просто... Ты ничего не поймешь сейчас. Пошли, здесь рядом лифт.

— Это — «Крестоносец»?

— Нет.

— Это ты зажег прожектор над кораблем?

— А ты думал — капитан Немо?

— Постой, так это — не «Крестоносец»?

— Я же говорю, ты сейчас все равно ничего не поймешь.

— А что тут понимать, сволочь. — Гриша стал наливаясь яростью. — Я четыре часа полз по вертикальной стене. Сто метров по вертикали, ясно? Я уже десять раз мог погибнуть! Из-за чего угодно: из-за дождя, переменившегося ветра, из-за ничтожной лишней четверти g! А ты...

— Ну все, все. Я же извинился.

— Да ты же, ты, — Гриша набрал воздуха, но так ничего и не смог сказать.

— Ну, я, я. Может быть, хватит об этом?

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Гриша — с нескрываемой яростью и презрением, а Юра... Какой-то страх был в глубине Юриных глаз. Чего-то он явно боялся.

— Ладно, — Гриша первый отвел взгляд, — пошли. Где здесь лифт?

— Сюда, направо.

Пока они поднимались на верхнюю палубу в рубку управления, Гриша Чумаков не мог избавиться от чувства, что его, как бы поточнее сказать, конвоируют, что ли. Мерзкое совершенно чувство, когда в руках у другого оружие, а ты безоружен и вдобавок абсолютно не понимаешь в чем дело. И пусть оружие опущено дулом вниз и держит его твой друг, однако всего минуту назад он... Гриша представил себе черный зрачок бластера, нацеленный в переносицу, и по затылку пробежал невольный холодок. Юрины глаза оставались все такими же неопределенно-блуждающими, уклончивыми, глазами если и не опасного сумасшедшего, то, во всяком случае, глазами человека не совсем ясно осознающего реальность.

Лифт остановился.

— Приехали, — сказал Юра.

Огромная рубка управления звездоскафом, без малого — теннисный корт. Гриша невольно присвистнул. Кольцом нависают овальные экраны. Включены. На кронах деревьев вокруг корабля — тусклый отсвет от поднятого к ночному зениту прожектора. Гриша молча повалился в ближайшее кресло и прикрыл глаза. Ноги гудели. Как же он устал! Душ бы сейчас горячий принять. А потом завалиться спать часов так на ...надцать и чтоб кондиционированный воздух с запахом моря... Гриша открыл глаза.

— Слушай, Заяц, здесь душ горячий есть?

— Не знаю. Наверное, есть. Это десантный корабль, рассчитанный, по крайней мере, человек на сто. Шесть палуб, криптоновый привод Бадера-Бадера, — глаза их снова встретились. — Это не «Крестonosец», — сказал Юра. — Корабль времен Первой Дисперсии. Черт знает, как его сюда занесло. — Он повел стволом лучемета в сторону Гриши.

Небольшое отступление. От автора. Я не знаю, целились ли когда-нибудь в вас из стрелкового оружия. Поверьте, когда в вашу сторону движется раструб ствола, это вызывает совершенно непередаваемые ощущения. Достаточно неприятные. В этот момент хватит небольшого толчка внутреннего или внешнего, и напряженные нервы могут не выдержать.

Какие-то совершенно дикие ассоциации вспыхнули у Гриши Чумакова в мозгу, пока лучемет поворачивался к нему. Пиратский корабль с трюмами, заваленными драгоценностями, как пещера Аладдина. Дележ сокровищ. Чем меньше соискателей останется на пиратское золото, тем лучше. Необработанные бриллианты, изумруды величиной, как незрелые яблоки. В каком-то оцепенении он продолжал смотреть за движением бластера. В горле сделалось сухо. Прыгнуть?

— Ты учти, Заяц, если что, диплома тебе не видать, как своих ушей.

Бластер остановился.

— Что ты имеешь в виду?

— Если погибну я или кто-то из ребят, диплома ты не получишь никогда в жизни. — Гриша постарался придать своему голосу максимальную твердость. Параллельно у него в голове крутилась мысль, что-то вроде: на кой черт ему диплом, если он будет обеспечен до конца своих дней? И еще одна: нет, так не бывает, я не верю, — именно эта мысль удержала его, чтобы не совершить глупость: не попытаться швырнуть чем-нибудь в Юру Зайца и

выбить у него лучемер из рук. Гриша прикинул дистанцию. Нет, для одного прыжка слишком далеко. Он не в той спортивной форме. Надо продолжать говорить. Это шанс.

— Кроме того, тебе никто не поверит, почему я остался на планете, тогда как ты...

— Погоди, о чем ты? Остался на планете? С какой стати?

Гриша Чумаков мысленно вытер трудовой пот.

— О чем я? — Гриша решил дальше идти напролом. — Да вот об этом, — кивок в сторону лучемера. — Ты чем-то до такой степени напуган, что готов палить в собственную тень. Или я не прав?

— Господи, конечно, ты ведь ничего не знаешь. — Юра снова провел ладонью по лицу. — Дело в том, что мы не одни на этой планете.

У Гриши Чумакова глаза на лоб полезли. Не одни? Естественно, не одни. Есть еще Валик Иваненко, Алексей, Васич. И только секунду спустя он, кажется, понял, что Юра Заяц имел в виду. Еще одну группу зачетников?

— Ты хочешь сказать, что, кроме нас, здесь еще кто-то сдает зачет?

Юра мотнул головой.

— Нет. Не думаю. Но это такие же люди, как мы с тобой.

Признаться, на секунду мысли в голове у Гриши Чумакова просто остановились.

— Наблюдатели? — пробормотал Гриша, чтоб не молчать. В голове — ни одной мысли. Наблюдателей за выпускным зачетом просто быть не могло. О таком со времен основания Днепропетровской Астрошколы никто не слышал! Да и разве стал бы Юра Заяц подстерегать наблюдателя в тамбуре звездоскафа, чтобы упереть ему в живот дуло бластера?

— Нет, не наблюдатели. В этом я уверен.

Какая-то движущаяся тень возникла внезапно на одном из боковых экранов. Размытая тень в кроне дерева. Птица? Юра легко подхватился с кресла, не выпуская лучемер. Нет, не успел. Тень быстро скользнула в неосвещенную черноту между стволами.

— Птица, — сказал Гриша без особой уверенности в голосе.

Юра возвратился на место.

— Слушай, давай раскроем карты, — сказал он после секундного молчания. Глаза его больше не блуждали. Напротив, смотрели ясно и даже как-то вызывающе. — Мы — *попали*. Просто внаглую и без малейшей перспективы *попали*. Что с нами будет, один господь знает. Это — не «Крестоносец». Корабль настолько древний, что я даже не уверен, сможем ли мы поднять его с планеты. Другого корабля здесь нет и быть не может. Красная кнопка, по которой нас смогли бы найти, ну, сам понимаешь, нет ее больше. Кроме того, вокруг космодрома есть какие-то люди. Я не думаю, что это прошлогодние или позапрошлогодние зачетники, одичавшие и... — Юра не закончил фразу. — Но это если и не земляне, то прямые потомки землян. Как они сюда попали и что делают, пусть с этим разбирается Астрошкола. Или Косморазведка. Или президент Академии Наук.

Гриша вспомнил напряженный полубезумный Юрин взгляд в тамбуре звездоскафа, палец на гашетке лучемера и спросил:

— Тогда почему ты просто не закрыл входной люк корабля?

Несколько секунд они пристально смотрели друг другу в глаза.

— Да, действительно, — сказал Гриша. — Извини.

— А ты как бы поступил, если б знал, что в эту минуту кроме нас с тобой к кораблю идут еще три человека?

Гриша Чумаков облизнул пересохшие губы.

— Вот я и хочу *тебя* спросить, — Юра сделал ударение на слове «тебя».

— Почему именно меня?

— Именно тебя, — взгляд у Юры Зайца опять сделался болезненно пристальным. — Не может быть, чтобы ты *не знал*.

— Я? Ты о чем?

— Твой дед занимает пост, который позволяет ему курировать сеть Астрошкол в Восточной Европе от Люблина до Оренбурга. Не может быть, чтобы он хоть словом не намекнул, не проговорился...

— Да нет же! — взорвался Гриша. — У вас мания просто какая-то! Сколько можно об этом?

— Слушай, Гриша, — с проникновенной задушевностью провинциального адвоката гнул свое Юра Заяц. — Сейчас не тот момент. Или ты еще не понял, как мы залетели? Чтс мы давно уже не сдаем зачет, а просто внаглую боремся за жизнь?!

— Я так понимаю, что ты не веришь мне.

— Не верю, — помотал головой Юра. — Не может быть, чтоб единственному внуку дед не говорил, как вести себя после катапультирования под сетью. Не может быть, чтобы не сказал ни слова ни о сети, ни о возможном взрыве мезонатора. Не может такого быть!

— Я так и думал. Ну а ты представляешь, что дед тут же слетел бы со всех постов, намекни он мне хоть словом, хоть полсловом о возможном сценарии зачета? Так или иначе — это всплыло бы рано или поздно.

— И что, ты хочешь сказать, что он не рискнул бы этим ради жизни единственного внука?

Гриша Чумаков пожал плечами.

— Кто были те люди, о которых ты говорил? Ты их видел?

— Гриша, ты не ответил на мой вопрос.

— О деде?

— Да.

— Отвечу. Скажи сначала ты.

— Смотри, Гриша, ты обещал.

— Говори. Ты их видел?

— Да, — Юра кивнул, — видел. И могу голову дать на отсечение, что это не параллельная зачетная группа и не прошлогодние зачетники, и вообще они не могут иметь никакого отношения к зачету, потому что женщины от выпускного зачета по выживаемости всегда освобождались.

— Женщины?

— Или ты хоть раз слышал о другом? Хоть раз были исключения?

— Это были женщины?

— Уж поверь мне, я смогу отличить...

— Ну, понятно, — пробормотал Гриша. Некоторое время он молчал, потом обнаружил, что грызет ноготь на мизинце. Ноготь был грязный, полуоторванный, когда он цеплялся за уступы на вертикальной стене. Только сейчас Гриша обратил внимание на свои руки. Кисти были исцарапаны, пальцы в мелких занозах. «Это когда я хватался за лианы». Гриша представил, как на его месте могла бы оказаться девчонка из выпускной группы, ну, например, та же Ленка Галактионова, но представлялось как-то слабо. Хотя Ленка, безусловно, была боевой девчонкой. Чего только стоили ее пять раундов, которые она

продержалась на спор с прошлогодним призером в стиле до-шин-кан Игорем Поперечным по прозвищу Железный Дровосек. Да, если б раундов было побольше, Игорь, в конце концов, зарубил бы одним из своих коронных ударов гибкого и подвижного, как капелька ртути, противника, но вообразить Ленку на вертикальной стене, в течение четырех часов карабкающуюся навстречу ливню и стремительно наступающим сумеркам или катапультирующуюся из обреченной «Совы», не очень-то получалось.

— Женщины во все времена освобождались от зачета, — пробормотал Гриша. — Всем девчонкам, которые заканчивали Европейские Астрошколы, в конце пятого курса автоматически присваивалось звание пилотов-стажеров. И так, насколько я знаю, и в других школах.

Помолчали. Пять лет учебы в Днепропетровской Астрошколе девушки наравне с ребятами обучались всем премудростям науки выживать. В любых условиях, несмотря ни на что. Но для девчонок это был, скорее, теоретический курс. Часов практики по выживаемости у девушек было гораздо меньше. Ни о каких антарктических полигонах девчонки слыхом не слыхивали, разве кто-то из парней мог им ненароком похвастаться. Весь цикл по выживаемости для девушек заканчивался на последнем курсе в апреле где-нибудь в отрогах Альп, где инструктора у них принимали пеший маршрут, а для ребят Альпы становились лишь предварительным этапом выпускного зачета. И уж совсем дико было предположить, что девчонок ни с того ни с сего вдруг, несмотря на многолетнюю отработанную методику преподавания, попытались забросить за сто световых лет.

— Ну? — сказал Юра.

Гриша очнулся.

— Я вот чего не могу понять, Заяц. Ведь ты был смертельно напуган, когда встретил меня в тамбуре. До такой степени, что готов был продырявить мне живот из бластера. А ведь ты отнюдь, прости меня, не трус.

Юра опустил глаза.

— А как бы ты чувствовал, если бы на тебя вдруг с дерева, — Юра запнулся... — Не знаю, возможно, в темноте они приняли меня за кого-то другого.

— За кого это?

— Понятия не имею.

— И что же произошло?

Юра покусал губу.

— Их было двое? Трое?

Юра Заяц наклонил голову, и стало заметно, что волосы у него на макушке, еще не успевшие просохнуть и влажные, в одном месте значительно темнее и слиплись сосульками. На какое-то мгновение, даже не секунду, долю секунды, Грише вдруг показалось, что он уже видел такую рану, в точности такую, на голове, причем совершенно недавно, но у кого? Рану на голове, вокруг какой-то лес, то ли плавни, кто-то идет куда-то. Фу ты, черт. Никогда раньше память у Гриши не давала сбой. Переутомился? Бесовская ночь...

— Видал?

— Чем это тебя?

— Можешь потрогать.

Гриша Чумаков осторожно раздвинул у Юры волосы на макушке.

— Ого...

— Ну, что там?

Некоторое время Гриша рассматривал неровные вывернутые края рубленой раны, опасаясь, что вот сейчас в глубине увидит желтоватую поверхность черепной кости, но, слава богу, ничего подобного не увидел.

— Тебе надо немедленно обработать рану. Сыворотка, антибиотик, хотя бы самая элементарная обработка. Пару швов надо наложить. Да парой тут и не обойдешься, пожалуй.

— Кость цела?

— Вроде бы.

— Успеется.

— С таким нельзя шутить, может быть заражение.

Юра словно и не услышал.

— Я вот о чем думаю: вряд ли экипаж «Сент-Мартена» был одним из последних в своем выпуске. — Юра перехватил Гришин взгляд. — Элементарная логика подсказывает. А ведь они даже не долетели до планеты.

Гриша задумался.

— Я, кажется, понял. Ты имеешь в виду по сравнению с нами? Но никто из курсантов не знает суммы набранных очков по выживаемости на предварительных этапах. Заканчивают они пятый курс первым номером или сороковым...

— Нет, не скажи, — возразил Юра. — Официальный рейтинг курсантов, конечно, держится в секрете, но всегда можно более или менее точно сказать, кто есть кто.

— И что?

— Поверь мне, Гриша, что элементарная логика подсказывает, и я могу это подтвердить десятком фактов, что наша пятерка если и не самая первая в рейтинге восемьдесят девятого года, то одна из первых. Возрази, если это не так.

— И что из этого следует? Мне кажется, мы сейчас говорим о совершенных глупостях. Тебе рану надо зашить.

— Я не знаю, что из этого следует, но хочу узнать! Мы все силы положили, чтобы добраться до планеты, на которой нет зачетного звездоскафа. Нету! Зато есть колония одичавших землян и древний межзвездный транспортник. Это не может быть просто так!

— Твоя логика зашла в тупик. Давай, Заяц, я тебе лучше рану сейчас обработаю.

Юра пропустил это мимо ушей. Глаза его снова приобрели лихорадочный блеск.

— Слушай, Гриша, или ты сейчас же вспомнишь все, что касается твоего деда, о чем вы беседовали с ним перед зачетом, на что он просил обратить внимание во время сдачи...

— Или что?

— Гриша, ты обещал.

— Да, обещал, но мы не встречались с дедом перед зачетом! Последний раз мы виделись с ним на рождественских каникулах перед новым восемьдесят девятым годом.

— И о чем вы разговаривали с ним?

— О совершенно посторонних вещах. Пустяках...

Юрины губы искривил хищный оскал.

— И ни слова об Астрошколе?

Гриша подумал.

— Говорили о наступающем Рождестве, о последних успехах клоновой генетики, обсуждали некоторых преподавателей.

— А перед самым зачетом?

— Мы должны были встретиться, но перед самым зачетом он вынужден был спешно

вылететь то ли на какой-то полигон...

— Куда это?

— Где-то около Полярного круга. Баффинова Земля, если мне не изменяет память.

— А кого из преподавателей вы обсуждали на Рождество?

— Ты хочешь услышать фамилию Поля?

— А что, разве о Поле вы не говорили?

— Разве что как об одной из самых колоритных фигур Днепропетровской Астрошколы.

Юра на минуту задумался. За круговыми экранами тихо лил дождь, периодически усиливаясь, изредка полыхали молнии, и тогда в их отсвете было видно, как чернота вокруг корабля глянцево струится. Раскаты грома доносились на исходе силы. Гроза бушевала где-то далеко.

— Юра, — сказал Гриша Чумаков, — давай я пока поищу, чем тебе можно обработать рану. И вообще... — Он хотел добавить «утро вечера мудренее», но Юра перебил его.

— Погоди. Постарайся еще раз вспомнить, о чем вы говорили с дедом перед новым годом.

— Тебе это кажется таким важным?

— Да. Он должен был тебе сказать что-то, дать какой-то намек, который ты смог бы понять только здесь.

— Но ведь дед мог и не знать, что наша последняя встреча не состоится и придется спешно лететь на этот полигон.

— Дед? Шеф информационного отдела? Куратор и прочая, и прочая?

Гриша уже раскрыл рот, чтобы сказать нечто вроде: Юра, у тебя паранойя, но вместо этого произнес совсем другое.

— Хорошо. Но я должен тебе сказать, что думал уже над этим бесконечное число раз с тех пор как мы сдали пеший маршрут в Альпах и начали готовиться к зачету. Наша встреча с дедом в мае сорвалась, и я попробовал рассуждать так же, как и ты сейчас. Но, поверь, я много раз прокручивал в памяти наш последний разговор и так и не нашел в нем ни какого намека. Но, изволь, для тебя я снова повторю.

— Изволь.

— Тем более что я отлично помню все детали беседы.

— Буду тебе очень признателен.

— К деду я приехал довольно поздно. Он меня встретил у крыльца. В доме кроме нас с ним никого не было, и весь рождественский вечер мы проговорили о наших родственниках дальних и ближних, дед вспоминал свою молодость. На следующий день началось потепление, погода испортилась. Утром был туман, потом пошел снег с дождем. Мы с дедом поехали в колумбарий на окраине, где похоронены мои прадед и прабабка, и на обратном пути он завел разговор...

— О зачете?

— Не то чтобы о зачете. Скорее, это были какие-то философские сентенции, которые к зачету имеют самое отдаленное отношение. А потом разговор незаметно перешел на вопросы генной инженерии и перспективы, связанные с изменениями свойств человеческого тела. Ты знаешь, дед может очень интересно рассказывать, но тут он постоянно сбивался на какие-то абстрактные философские дилеммы.

— О чем именно?

— Проблемы веры и знаний, добра и зла, продолжать?

— Продолжай, — кивнул Юра.

— До ужина мы едва успели обсохнуть, а за ужином мы говорили... Несколько лет назад в системе Канопуса потерпел аварию косморазведывательный звездоскаф, и мы говорили о новых данных, которые появились в связи с этим делом.

— Канопус? — переспросил Юра. — Семнадцать парсеков от Земли.

— Да, отсюда раза в три больше.

— Действительно, в огороде бузина. — Юра поднялся и, оставив лучемер на кресле, некоторое время вглядывался в обзорные экраны, переходя от одного к другому, бормоча нечто вроде: в огороде бузина, а в Киеве дождь.

Гриша покосился на оставленный лучемер. Не схватить ли его, пока Юра стоит далеко?

— А о каких именно?

— Что о каких именно? — не понял Гриша.

— Ну, ты сказал, что вы беседовали о новых данных, которые появились в деле о катастрофе косморазведчика. — Юра вернулся в кресло.

Гриша Чумаков вздохнул.

— Вообще-то, это достаточно длинная история, Заяц.

— Ничего, время у нас есть, как ты считаешь?

Гриша уже открыл рот, но вдруг по периферии рубки под потолком вспыхнули бело-зеленые огни, какие обычно включаются при готовности корабля к взлету. То ли с опозданием сработал какой-то застарелый рефлекс на присутствие человека внутри корабля, то ли среагировали вестибулярные механизмы (тоже, надо сказать, с большим опозданием) в ответ на перемещение людей по рубке и постоянное в связи с этим изменение центра тяжести звездоскафа; бело-зеленые огни сменились на чисто белые, и надтреснутый, словно после долгого сна, негромкий мужской голос произнес:

— Двадцатое июня 2189 года. Ноль часов, сорок четыре минуты по средневропейскому времени Земли. — Гриша Чумаков и Юра переглянулись. — Кибермозг звездоскафа «Британик» приветствует вас на борту корабля. Назовите ваши имена.

Вряд ли кто-нибудь еще смог испытать такие же чувства, ну разве что кроме полунищего оборванца Аладдина, когда, потеряв рукавом халата позеленевшую от времени, ни на что не годную старую медную лампу, он вдруг услышал: «Джинн, раб лампы приветствует тебя, о господин. Приказывай!»

Валентин открыл глаза и не сразу понял, где он. Это простительно, если ты просыпаешься в субботнее или воскресное раннее утро на Земле, за окном угадывается недалекий рассвет, и ты знаешь, что как бы не повернулись события сегодня, любые неприятности, что могут случиться, — какой-то вздор, который к завтрашнему, ну самое позже к послезавтрашнему дню сотрется из памяти напрочь.

Валентина окружала полутьма, но была она неравномерной: более темной ближе и более светлой дальше и левее, где угадывалось окно. Окно?

Валентин вскочил и тут же сел снова. Неужели прошло так много времени, что уже наступила ночь? Или он так устал, что проспал до самой темноты? Валик провел ладонью по лицу. Ладонь пахла болотом, тиной какой-то пахла, но запах этот не вызвал у Валика ни раздражения, ни нетерпеливого желания как можно быстрее избавиться от него, смыв под душем вместе с грязью и потом последних суток. Это безразличие никак не было связано с усталостью, а было продолжением каких-то глубинных свойств его природы, натуры первобытного охотника, скрытых под черепной костью где-то в тончайших переплетениях нервных волокон, а может, еще глубже — в неразличимых переплетениях молекул генных структур. Запах грязи и тины? Ну, что ж. Он будет пахнуть так, как пахнут почва и ветер в этом мире. И станет неразличимым (как?), как... само движение воздуха. Да и было бы невежливо (если бы Валентина спросили, он вряд ли смог бы подобрать более точное слово) пахнуть по-другому, чем пахнет этот мир, который ничем не лучше и не хуже других.

Все это наша собственная интерпретация. Валику наверняка ничего подобного даже и в голову не пришло бы. Просто он не обратил никакого внимания на запах и все.

Ах, как часто наши неосознанные реакции, что на первый взгляд кажутся случайными, и на которые мы, сплошь и рядом, внимания не обращаем даже, как часто именно они определяют повороты в нашей жизни. И, если задуматься над этим, становится немного не по себе, потому что реакции эти достались нам из такого невообразимого далека по генной эстафете (генной лотерее) от наших прапрапредков, что и представить трудно. И, значит, именно они, эти прапрадавно ушедшие и растворившиеся в земле люди, живые только в нашей памяти, руководят нами.

Некоторое время Валентин сидел, приходя в себя там, где сморил его сон: в кресле недалеко от окна. Было абсолютно тихо, даже дождь прекратился. Возможно, именно это и разбудило Валика. Вокруг стояла какая-то звенящая, ватная тишина, которой был пропитан весь дом и каждая вещь в доме, и от которой Валик уже успел отвыкнуть за последние дни.

Валентин пошевелил одеревеневшей шеей — от долгого сидения мышцы затекли. Он попытался представить, что делают сейчас остальные. Встретились ли Васич с Длинным? Они летели рядом, совсем близко. А если встретились, то куда идут? Через зону охоты двухтонных многоножек?

Воспоминания Валика о будущем заканчивались сегодняшним днем. То ли таланта у него не хватило проникнуть дальше по времени, то ли снадобье лесника оказалось недостаточно сильным. А вообще-то, кто его знает, эти ведьмацкие травы, может, оно и к лучшему, а то еще остался бы идиотом на всю жизнь.

За окном не было видно ничего — ни неба, ни близких деревьев — однородный темный фон за стеклом.

Вот так же однажды ночью в детстве он проснулся и понял, кем станет. Было ему лет восемь или девять. Безлунное небо было все усыпано звездами. И было лето. Валик достиг уже того возраста, чтобы понять: он отличается от сверстников. И не то, чтобы разница была так сильно заметна, но чувствовалось, что с каждым годом она будет становиться все больше и больше.

К этому возрасту Валик уже трижды успел побывать в бегах. Нет, у него были заботливые, любящие его родители — очень милые люди. Мать совсем извелась, потому что никак не могла найти никаких точек соприкосновения с сыном. Все, что она ни делала, казалось, обращалось во вред. День рождения с пикником, который родители устроили ему в шесть лет вместе с друзьями, закончился тем, что в течение суток в округе было поднято по тревоге десять или двенадцать поисковых партий, которые с ног сбились, разыскивая Валика и пятерых малолетних шкетов, которых он увел за собой. Вся эта возня, буча, поднятая вокруг него взрослыми дядями и тетями, казалось, не просто веселила Валика, но приводила в восторг. Нашли его через день, грязного, оборванного, вымазанного глиной и песком с ног до головы. Да, наверное, и не нашли бы так быстро, если бы его малолетние поделельщики, что добровольно сдались один за другим, совершенно обескураженные и деморализованные той жуткой стороной, которой начала оборачиваться такая неожиданная и веселая вначале затея. Среди этих пятерых была и одна девочка, она оставалась с Валиком почти до самого конца и сдалась предпоследней. Именно она рассказала, где его искать. Валика, чумазого и ободранного, но несломленного выпавшими на его долю злоключениями, вытащили из норы, где он намеревался просидеть, пока поиски не переместятся в другой район, и доставили к родителям, которые уже потихоньку начали сходить с ума. Но это еще не конец истории. Через несколько дней Валик отыскал ту девчонку, что выдала его, и хотя она клялась, что Валика все равно рано или поздно нашли бы поисковые собаки, жестоко избил. В шесть лет. Для Валика не имело значения, кто перед ним: мальчик ли, девочка — подобные проблемы не волновали его. Или ты друг, и тогда я делюсь с тобой, всем тем, что у меня есть, или извини...

Валика несколько раз консультировали у врачей-психологов, в том числе у знаменитого Миндаль-Резовского, к которому его родители специально возили в Киев. От этих консультаций у Валика остались самые неприятные воспоминания.

Второй раз он в одиночку уплыл на лодке вниз по течению Днепра (ну их, этих слабых духом соратников), надеясь через проливы Босфор и Дарданеллы в самое ближайшее время достичь теплых лазурных вод Средиземного моря, откуда открывались совершенно уже ослепительные перспективы: остров Итака, Геркулесовы столбы, Канарские острова и острова Зеленого Мыса. Его задержал через двое суток речной патруль, около острова Воронов между Днепропетровском и Запорожьем, хотя, по самым скромным подсчетам Валика, к этому времени он уже должен был бы достичь гостеприимных берегов Турции.

Не повезло, решил он про себя, и третий раз решил бежать, воспользовавшись услугами транспортной авиации. Эта попытка закончилась совершенно сокрушительным провалом: его задержали в аэропорту, еще до того, как он успел проникнуть на борт трансконтинентального грузовика. Об этой попытке Валик не любил вспоминать. Долгое время он был уверен, что провалился из-за собственной бездарности. Гораздо позже он узнал истину — в подошву его сандалий был предусмотрительно вмонтирован крохотный радиомаячок. Это могло бы послужить еще одной причиной отчуждения между ним и родителями, если бы к тому времени Валик уже не решил, кем станет. Он определил свою

судьбу на долгие годы, и теперь все остальное уже не имело значения.

Воистину, ночью к нам в голову приходят мысли совершенно отличные от тех, которые посещают нас днем. Валик помнит эту ночь так, словно она была вчера. Он вдруг понял, что ему надо делать, и от этого проснулся. Это было великолепно, чудесно. Сон улетел с глаз долой. Ему захотелось вскочить и закричать во всю глотку — было что-то около двух часов ночи, — но в последний момент он сдержался. Валик все-таки вскочил с постели и, потрясая кулаками, испустил беззвучный крик. Сейчас, оглядываясь назад, даже не совсем понятно, что вызвало такой бурный восторг: внезапность ли озарившей его мысли или же... Я все же склоняюсь ко второму варианту, к этому самому «или». Мне кажется, что в ту счастливую для себя минуту Валик не просто понял, что ему надо делать, он *увидел* этот путь от начала до конца и, увидев, почувствовал, что ничего лучше в жизни уже выбрать не сможет. Для себя. Единственного и неповторимого. Может быть, сказать, что Валик понял: этот путь предназначен ему свыше — тоже не совсем так, а впрочем...

Профессия косморазведчика была словно придумана для Валика Иваненко. Оставалось удивляться, как эта мысль не пришла ему в голову раньше, хотя в восемь или девять лет не так много людей определяют свою будущую судьбу. Все эти блестящие перспективы, которые открылись перед Валиком в одночасье, несколько омрачала та мысль, что ждать ее осуществления придется невероятно долго — бесконечные девять лет — целую жизнь для восьмилетнего пацана.

Валентин размял ладонями затекшую шею и встал. Хорошо, если в доме работает освещение, иначе поиски оружия — а необходимо было найти надежное огнестрельное оружие — придется отложить до рассвета.

Освещение в доме работало. С полминуты Валентин стоял, шурясь и привыкая к свету, потом двинулся вглубь дома. Еще через четверть часа в одном из подсобных помещений на первом этаже он нашел то, что искал. Это был шестиствольный пулемет устаревшей конструкции, невероятно тяжелый, однако, кажется, в рабочем состоянии. Вид его впечатлял: шестиствольная вороненая сталь, гладкие матовые, блестящие и рифленые поверхности, удобный затвор. В вертикальном положении, на прикладе, он доставал Валику до плеча. Тут же лежали коробки с патронными лентами. Валик взвесил пулемет в руке. Да, однако... И тем не менее... Хотя с другой стороны... Ну да ладно. Было в Валике что-то от Ильи Муромца, примеряющего меч-кладенец, доставшийся ему от Святогора-богатыря. Валик с трудом развернулся с пулеметом в тесной кладовке и, прихватив свободной рукой коробку с патронами, направился к выходу.

За порогом его встретила ночь... — какая прекрасная фраза. Как бы было здорово продолжить: ночь встретила его теплым влажным ветром, в котором смешивались запахи леса: влаги, прелой листвы, не хвои — но смесь каких-то других, очень похожих на хвойные запахов. А, впрочем, пусть так и остается. С единственной поправкой: за порогом шел дождь, не ливень — так, сеяла водичка с неба.

Валик поморщился, минуту или две стоял, пока глаза привыкали к темноте, потом передернул затвор с уже вставленной лентой и вскинул пулемет к плечу.

Его рабочий день начинался в пять часов утра. За редким исключением. В течение последних тридцати лет исключения можно было пересчитать по пальцам. Два пальца — кризис на Ганимеде, когда его подняли с постели среди ночи, и двое суток не приходилось спать вовсе. Один палец — покушение на Омансипадиса. Один палец — катастрофа «Синдбада-морехода». Были и *приятные* исключения. Раз в два-три года он мог позволить себе отпуск, совсем небольшой, недели две, — больше не выдерживала его деятельная натура — лыжный лагерь где-нибудь на склонах Килиманджаро, или в сопровождении крохотной группы проводников восхождение на Дхаулагири или Нангапарбад. Ему нравилось, когда вокруг — снега, режущие-белые в полуденном солнце, на восходе нежно-розовые, как кожа младенца, темно-синие в сгущающихся сумерках. Было в его холодной натуре нечто, заставляющее его с восхищением относиться к этим миллионам тонн замерзших кристалликов воды, невесомым в отдельности, но представляющим грозную силу, когда они собраны вместе, на склонах бесконечных горных вершин.

И все равно, даже во время отпуска, он не мог до конца расслабиться. Многолетняя, как вьезшаяся ржавчина, привычка заставляла его утром раскрывать глаза в одно и то же время. В пять часов. Не раньше и не позже.

А этим утром он проснулся раньше обычного на целый час. Многолетняя привычка, которая из года в год будила его с точностью часового механизма, неожиданно дала сбой. Некоторое время он лежал неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям. Кто-то сказал, что, если после шестидесяти ты проснулся, и у тебя ничего не болит, значит, ты умер. Чепуха.

Чепуха. Он рывком поднялся, отбросив легкий плед. На час раньше, так на час раньше. Возможно, это подсказка свыше. Называйте это, как хотите — вмешательством провидения, ангела-хранителя, интуиции. Дело не в названии. Он верил, что такого рода подсказки бывают у всех людей, просто не у многих хватает ума им внять. Ну что ж, значит, этот час понадобится ему в течение дня. Отнесемся к нему, как к подарку, а от подарков, как известно, грех отказываться. Возможно, от этого часа сегодня будет зависеть слишком многое.

Уже несясь упругими неслышными шагами по дорожкам парка, он размышлял о том, что многие из людей ненавидят время. А ведь время — это единственное богатство, универсальная разменная монета, дарованная людям богами, монета, которую можно разменять у небожителей на что угодно. Ты им даришь свое время, а они тебе дают то, что пожелаешь: силу и могущество, золото, удовольствия, наконец справедливость. Разве можно сорить такой валютой?

На пологом подъеме он несколько замедлил темп бега, перевалил через каменистый гребень и побежал вниз, к озеру, сереющему в предрассветном освещении за кронами деревьев.

Но и нельзя ко времени относиться, как скряга. Ведь его каждому отпущено поровну. Просто насыщенность этого времени может быть разная. Можно ли за время купить здоровье? Безусловно. Это он осознал давно. Задолго до того, как понял не умом, а сердцем, что смертен. Желаете купить здоровье? Пожалуйста. На одной чаше весов здоровое сердце, мышцы и связки, а на другой — все та же валюта, которую ты обязуешься платить изо дня в

день долгие годы. И даже не надо помногу. Но зато каждый день.

Он усмехнулся про себя, добегаая до песчаного пляжа.

Этой философией владели еще древние цивилизации. Греки — вот кто старался выжать из времени все, что можно. Принцип тренировки, с помощью которой можно добиться всего, что угодно, это принцип Древней Греции. Мы научились запускать межзвездные корабли за десятки парсеков от Солнца, а этические и философские принципы у нас остались неизменными со времен бронзовых мечей и копий. Все эти бесконечные тренировки для безусых мальчиков, которых готовят для того, чтобы поместить на острие движения цивилизации Земли, имеют в своем истоке те же принципы, которыми пользовались Тезей и Ясон.

Икар и Дедал.

Озеро было сильно вытянуто в длину, так что с высоты птичьего полета напоминало голубоватый ятаган, брошенный в самую гущу корабельных сосен. Поперечник ятагана был чуть меньше ста метров. Много лет назад Мастер, которого он пригласил на уик-энд, сказал, усмехнувшись: «Уверен, что вы, при вашей педантичности, можете назвать ширину озера с точностью до миллиметров, впрочем, не утруждайтесь, мне это ни к чему, я все равно забуду».

Длинными скользящими гребками, не слишком резкими, так, чтоб не сбивалось дыхание, он доплыл до противоположного берега и только там, где на песке стояло несколько спортивных снарядов, занялся основательной разминкой. Сегодня упражнения на координацию и силу, несколько рутинных упражнений для плечевого пояса и пресса. Все, хватит, достаточно. Чтобы в этом убедиться, не стоит даже считать пульс. Оставим это докторам. Ни к чему отбирать у них хлеб.

Назад он старался бежать в том же темпе, что и к озеру. За спиной всходило солнце. Сквозь нависающие кроны корабельных сосен впереди ему были видны восточный склон Ливаз-Кая и терраса недалеко от дома, на которую он вчера поднимался поздно вечером, дабы немного развеяться на сон грядущий. Нет ничего лучше для напряженных нервов, чем вид ясного ночного неба. Он просто стоял и смотрел. Наискось пересекающий эклиптику Млечный Путь — здесь, в Украине, его называют Чумацкий Шлях: ехали чумаки из Крыма с солью, а один мешок оказался рваный... (впрочем, названий хватает: испаноязычные народы называют его Следами Святого Яго), бесконечно прекрасный Орион, Геркулес, сражающийся с Драконом, и над самым краем западного горизонта — созвездие Стрельца, рядом с которым горит едва заметная желтоватая искорка — Хиллиан. Было довольно много падающих звезд, и, если бы он верил в древние суеверия, мог бы загадать по крайней мере дюжину разных желаний, которые должны были бы непременно сбыться. Но он в подобный вздор не верил и поэтому желание загадал всего одно.

Нет, темп все-таки придется сбавить.

Он никогда не сожалел о принятых решениях. Любопытно, жалел ли Дедал остаток своих дней о собственном выборе? Ведь Икар не оправдал его надежд и разбился. Хотя цели, которую Дедал поставил перед собой, он все же достиг: сбежал от царя Миноса, но заплатил за это слишком дорогой ценой — гибелью собственного сына. Да, страшенькая история.

Когда он вышел после душа в приемную, утренний референт уже ожидал его. На маленьком передвижном столике горячий завтрак, чашка кофе со сливками. Все окна открыты — никакое кондиционирование не заменит свежего утреннего ветра с запахом хвои.

— Доброе утро, Зиновий Филиппович.

— Утро доброе, Матвей. Что-нибудь экстренное?

— К сожалению, да.

К сожалению. Ну, что ж, не первый и не последний раз. Отличный кофе. Не стоит пока что из-за этого портить себе аппетит. Так, еще глоток.

— Снова Гончие Псы?

Секундная пауза. Что же ты молчишь, Матвей? Нет, пожалуй, это не Гончие Псы. Вижу по твоему лицу. Вот он, этот лишний час. Ну же, Матвей, не тяни! Боишься огорчить старика?

— Нет, Зиновий Филиппович. Сообщение получено несколько часов тому по каналу гиперсвязи и, поскольку вы...

— Дальше, Матвей, дальше.

— Спутник «Альберт», оставленный «Марко Поло» по вашему настоянию в системе Хиллиан, около суток назад потерял объект.

Спокойнее, — он в два глотка допил кофе, но не почувствовал ни вкуса, ни аромата.

— Сообщение пришло в час ночи по средневропейскому времени.

— Погоди, Матвей. Это *совершенно* точно? Потерял? Может быть, вышли из строя системы навигации и ориентировки спутника? В конце концов могли одновременно отказать основная и дублирующая системы поиска.

— Спутник зафиксировал неяркую вспышку над атмосферой второй планеты Хиллиан, после чего пеленг объекта исчез со всех...

— Так. Когда это произошло?

— Восемнадцатого числа, в три часа утра по средневропейскому времени.

— Так. А высота? На какой высоте зафиксирована вспышка?

— Около пятисот километров.

— Выше пятисот или ниже?

— Немного ниже. Четыреста девяносто два километра.

Он прикрыл глаза. Это значит, что катастрофа произошла на восемь километров ниже сети. Невероятно! Ай да ребята! В том, что они успели катапультироваться, не может быть никаких сомнений.

— Повтори еще раз, Матвей. Четыреста девяносто два?

— Да.

Успели. Спокойнее. Десятки раз ты уже представлял, как бы действовал, окажись на их месте.

— Вот что, Матвей. В течение ближайшего часа, а может, и двух, я буду занят. Подготовь, пожалуйста, все материалы вот по этому коду, начиная с 2179 года. Понял?

— Да, но мне потребуется для этого ваш личный ключ.

— Согласен. И вот еще что — и с этого, пожалуй, начни, — свяжись с мистером Суориньями, пусть он отыщет для меня некого Станислава Линковского. Это пилот Косморазведки. Он должен быть сейчас на Земле, у него отпуск.

— Еще что-нибудь?

— Линковскому понадобится корабль, и лучше, чтобы это был не обычный косморазведчик, но этим я, пожалуй, займусь сам. И еще, Матвей...

— Да?

— Одну минуту. Я хочу, чтобы ты знал, что дело, которым ты сейчас займешься, для

меня очень важно. Очень.

С наступлением утра дождь кончился. Порывы ветра еще стряхивали с необъятной кроны целые каскады брызг, но туман уже рассеялся, и под пробившимися лучами солнца заросли слепили глаза яркой зеленью. Немного похолодало. По крайней мере, вчерашняя изнуряющая духота спала. Перед рассветом джунгли снова наполнились свистом, скрежетом, чириканьем, разбудившими нас. Рядом с деревом с трескучим звуком пролетело что-то вроде гигантской пятнистой стрекозы, держа в передних лапах остатки лягушки. Раскрашенный камуфляжными полосами питон, метров шести длиной, блеснул радужным отливом в траве, попав под солнечный луч, и бесшумно скрылся в подлеске.

— Я надеюсь, крупные хищники тут ведут исключительно ночной образ жизни, — сказал Алексей, выбравшись из расщелины, в которой мы ночевали. Берцовую кость он выволок за собой и теперь разглядывал джунгли, купавшиеся в лучах солнца.

Мышцы все еще ломило от непривычной силы тяжести, но голод донимал нас меньше, чем вчера. Вместо завтрака мы вдоволь напились дождевой воды, собравшейся в ложбинах широких листьев.

Первые часа полтора после рассвета идти было даже приятно. Жара еще не началась. Под сводами ливневого леса стоял зеленоватый прохладный полусумрак. Алексей, прихрамывая, шел рядом со мной и даже скоро начал насвистывать сквозь зубы какой-то браваурный мотивчик, — то ли «Железных ребят», то ли «К неизведанным мирам».

— Ты знаешь, — сказал Алексей, когда мы остановились, чтобы немного передохнуть и отдышаться, — как ни парадоксально, ветхая «Сова» сослужила нам хорошую службу.

Сентенции Алексея мне уже слегка поднадоели, поэтому я промолчал.

— Мне только сейчас это пришло в голову.

— Что именно? — спросил я.

— Сеть срезала двигатели, как ножом. Если бы на месте «Совы» был мезонатор поновее, не такой изношенный, и крепления выдержали, мы бы наверняка тоже застряли, как «Сент-Мартен». — Алексей сделал многозначительную паузу. Не дождавшись от меня никакой реакции, он закончил уже не так уверенно: — Можно подумать, что эту ситуацию кто-то просчитал заранее. — Алексей, прищурившись, посмотрел мне в глаза. — Что скажешь?

— Тебе бы, Леша, романы писать научно-фантастические, а не зачеты сдавать.

Алексей вздохнул.

— Ну-ну. Пошли что ли?

Шум водопада мы слышали за несколько километров. Ни я, ни Алексей не могли вспомнить, должен ли был оказаться водопад на нашем пути.

Река открылась перед нами неожиданно, и сразу же мы увидели вездеход. Это были поржавевшие останки одноместного «Скифа», десантного восьмиколесника времен Первой Дисперсии. Он лежал на боку, перевернувшись на песчаном склоне. Было видно, что лежит он тут очень давно, нижние колеса его занесло песком, сквозь который проросла густая трава. Алексей в две минуты обыскал сиденье и багажник, но не нашел никакого оружия, ни запаса галет, даже зажигалки — вообще ничего.

— Невезуха.

— И куда же делась твоя дорога? — спросил я Алексея, присев на камень рядом с

покорёженным капотом.

— Она такая же моя, как и твоя, — огрызнулся Алексей. — Подвинься, — он сел рядом со мной.

Некоторое время мы молча разглядывали дальний берег реки, густо заросший узловатыми стволами с широкими перистыми листьями. Бородавчатые воздушные корни деревьев стелились по черной воде, точнее, водяные корни.

— Как лодыжка?

Алексей промолчал.

Я встал и, запрыгнув в кабину вездехода, откинул сиденье и пошарил под ним. Хоть бы что-нибудь. Ничего. Проклятье.

— Слушай, Леша, по-моему, здесь недавно до нас кто-то побывал.

— С чего ты взял?

— На капоте свежие царапины... не ржавые.

— С-следо-пыт. Фэ Купер, — Алексей, крикнув, поднялся и провел пальцами по царапинам на борту вездехода. Потом взобрался на покатый бок «Скифа» и начал вглядываться в заросли впереди.

— Э-эгей! — закричал Алексей, — Э-эгей! Кто-нибудь!

Неожиданно сзади в ответ раздался вчерашний утробный вой. Совсем близко. Аж мороз пошел по коже. Начался он с низкого рычания и, перелившись в протяжный вой, закончился на пронзительной тоскливой ноте.

Алексей побледнел.

— Мегалодон.

Больше всего вой был похож на крик мегалодона с Гондваны, непонятно как оказавшегося здесь. Хотя, конечно, вряд ли это был мегалодон. Как бы он попал сюда, за сорок световых лет от родных джунглей? Но есть что-то общее в криках хищных тварей.

— Скорее, — я дернул Алексея за рукав.

Мы скатились к реке. Выбор у нас был небольшой. Почему-то в ту секунду мне пришла в голову мысль, что, если мы побежим по береговой отмели, тварь не сможет взять наш след. И, только добежав через десять минут до водопада, мы поняли, что попали в ловушку.

Вода срывалась с высоты метров тридцати — высота десятиэтажного дома. Внизу, там, где речной поток падал в небольшое озеро, стоял плотный водяной туман, над которым сверкала чистыми спектральными цветами двойная радуга. Каменистый обрыв, над которым нависали корни деревьев, вертикальной стеной уходил вправо и влево на сотни метров.

Никакого шанса спуститься по нему. Ни единой зацепки. Никаких стелящихся лиан или пучков травы в расщелинах — голые камни. Бежать вдоль обрыва? Возвращаться? Прыгать? Я вдруг заметил недалеко широкую промоину, оставленную, очевидно, пересохшим боковым руслом, доступ к которой перегораживало нагромождение поваленных гигантских стволов.

— Побежали в обход!

Но мы успели сделать не больше десятка шагов.

Алексей оглянулся и вскрикнул.

Бежать вдоль обрыва было поздно. Никакой это был не мегалодон. Ничего общего. В первое мгновение мне показалось, что по реке вслед за нами плывет чудовищная змея. Удав. Высоко поднятая над водой треугольная голова, покрытая роговыми пластинами, переходящими на затылке в иззубренный костяной щит; чешуйчатое невероятно длинное тело. А еще через секунду мы встретились с ней глазами. Тварь пригнула голову к самой

воде и снова испустила душераздирающий вопль.

— Прыгаем! — заорал Алексей.

Огромное змеевидное тело взвилось над водой, и стал виден веер коротеньких ублюдочных ног, бьющих в воздухе кривыми когтями.

Я попятился.

— Прыгаем, Васич!

— Что?

— Прыгаем! — заорал Алексей мне в лицо.

Мне показалось, что я это вижу в замедленной съемке со стороны: взвившееся тело твари в султানে брызг падает в воду, и мы с Алексеем бок о бок на каменистой отмели. А сзади с ревом рушится в пропасть водопад.

«...У нас много шансов погибнуть?» — «Чем раньше вы справитесь с заданием, тем лучше».

Вам приходилось бегать во сне, спасаясь от смертельной угрозы? Ощущение приблизительно то же: ты напрягаешь мышцы, но вода мешает, не дает сделать широкий шаг, брызги летят в лицо и сбивают дыхание...

Собственно, другого выхода у нас не было. Или — или... За секунду до того как водопад подхватил нас, я почувствовал, как дно ушло из-под ног. Теперь, даже если бы мы захотели, ничего изменить уже было нельзя. Мощный пенящийся поток нес нас вперед, навстречу обрывающемуся в бездну грохоту.

— Алексей!

Я вдруг подумал, что лишняя четверть g во время падения превратит тридцатиметровую высоту, по крайней мере, в сорокаметровую, и скорость, с которой мы шлепнемся вниз, будет равняться никак не меньше ста километрам в час. И хорошо бы, чтобы внизу оказались не камни. Это была моя последняя мысль. Горизонт вдруг накренился, ушел куда-то в сторону, и внутри все оборвалось, как во время испытаний на невесомость.

За многие тысячи и тысячи лет водопад вымыл под собой глубокую ложбину шириной с приличный бассейн. Упав с десятиэтажной высоты, я больно ударился коленом о каменистое дно (по-моему, это был какой-то валун, который в незапамятные времена река стащила вниз), оттолкнулся от него, вынырнул, в ту же секунду поток закрутил меня, бросил на отмель, а еще через секунду я увидел Алексея. Он что-то кричал мне, но сквозь плотный водяной туман и грохот ничего разобрать было нельзя.

— Что?! Не слышу!

Алексей на четвереньках выбрался на мель и, пошатнувшись, показал рукой куда-то назад и вверх.

Я поднял голову, в этот момент солнце скрылось за тучу, двойная радуга над потоком погасла, и сквозь водяную пыль и брызги я увидел нависшую над водопадом огромную полосатую корягу, неизвестно за что зацепившуюся на краю. Внезапно я понял, что это. Коряга шевелилась и ощупывала бесчисленными короткими корнями мокрые камни под собой, а потом вдруг встала на дыбы и исторгла пронзительный знакомый вопль.

— Вот тебе! — заорал Алексей, перекрикивая шум падающей воды. Только теперь я заметил, что одна щека у него оцарапана, и из нее сочится кровь. — Вот тебе! — Он согнул руку в локте и ударил ребром ладони по сгибу локтя. — Тварь безмозглая, скотина! Что, позавтракать захотела? Ну, что ж ты не прыгаешь? Прыгай! Кишка тонка?

Нас теперь разделяли тридцать метров вертикальной стены и тонны падающей воды.

Неожиданно тварь, зацепив хвостом за накренившееся над обрывом дерево, изогнувшись, нащупала передними лапами расщелину в вертикальной стене там, где поток воды был меньше и, цепляясь бесчисленными ногами за мокрые скользкие камни, начала спускаться.

Силы небесные!

Спотыкаясь и путаясь в лентах придонных водорослей, мы добежали до пологого берега заводи. И оглянулись.

Тварь успела добраться до середины обрыва и, судя по темпу, через одну-две минуты должна была спуститься к подножию. Совершенно невозможно было представить, что она сорвется, имея по крайней мере пять десятков ног, в разных местах стены цепляющихся за малейшие трещины и выступы. Даже если рвануть что есть духу, за это время мы успеем покрыть расстояние не больше полукилометра. Догонит.

— Ну, теперь молись, Васич, — задыхаясь прошептал Алексей.

— Бежим, — пробормотал я, хотя прекрасно понимал, что никуда добежать мы уже не успеем. Спасти нас, поистине, могло только чудо. Мы не двинулись с места. Алексей рядом то ли вздохнул, то ли всхлипнул.

Тварь спускалась с ошеломляющей быстротой. Было в ней что-то противоестественное, механическое, что-то вообще не от живого существа. На Земле ни животные, ни насекомые не двигаются так. Она не лезла, не ползла, а как бы струилась между камнями. Каждый изгиб в ней жил отдельно. Вам не представить существо более чуждое земному воображению, чем эта тварь — исчадие другого мира.

Не знаю, как описать мое состояние. Возможно, то же испытывает приговоренный к смерти за несколько секунд до гибели. В человеческом языке не придуманы такие слова. Все те слова, которые, кажется, выражают самые трепетные оттенки эмоций, тут никуда не годятся. Это чувство проще, грубее, что ли. Не обреченность — отчуждение — вот, пожалуй, наиболее верное слово: *отчуждение*. Я вдруг с необычайной простотой почувствовал, что все вокруг: скалы, и водопад, и клочки неприветливого пасмурного неба в просветах деревьев, и сами деревья — все это уже не для меня. Может быть, для кого-то другого, но... И дело даже не в том, что это — другая планета. Вчера ничего подобного мне не приходило в голову. Вот через минуту меня не станет, и ничего не изменится, не дрогнет в мире с моей гибелью, мир покатится дальше, словно ничего не случилось, словно я никогда и не существовал.

Неправильно, когда говорят, что в такие моменты душа уходит в пятки. Никуда она не уходит — отделяется от тела и еще некоторое время находится рядом с тобой. Чуть сзади и правее. И ты словно видишь себя со стороны. Очень острое чувство — пронзительное. И продолжалось оно не дольше пяти секунд.

Неожиданно дерево на краю обрыва, за которое тварь ухватилась хвостом, начало крениться: подмытые речным потоком, корни не выдержали. Обламывая ветви, ствол рухнул на край водопада, переломился с оглушительным треском, верхняя часть вместе с камнями и обломанными сучьями соскользнула вниз и, словно чудовищный веник, смела со стены извернувшуюся в воздухе тварь. Все произошло в мгновение ока.

Если нам повезло, потому что речной поток вынес нас к центру водопада и внизу мы упали в глубокую промоину, то чудовище спускалось по самому краю, где вода разбивалась о ступенчатые гранитные склоны. Голова кошмарной многоножки попала под валун, рухнувший вместе с деревом. Кр-ракх! Ствол опять раскололся, застряв среди валунов. Из раскрытой пасти брызнула кровь, перемешанная с пенистой слюной. Течение подхватило безжизненное

тело, как огромную полосатую водоросль, и потащило вниз по реке мимо нас, обдав волной запаха гнилой рыбы.

Некоторое время мы молчали, не в силах двинуться с места. От пережитого ужаса и изнеможения подкашивались ноги, и я с трудом смог удержаться, чтобы не сесть тут же в воду и не зарыдать. Рыцарь духа.

— Еще одна такая встреча, Васич, и нам с тобой конец, — пробормотал Алексей. — Всякому везению есть предел.

Я нащупал оберег у себя под комбинезоном — маленький теплый кусочек земного металла чуть пониже ямки между ключицами. «Это тебе зачтется», — сказала Женевьева.

— Что молчишь?

— Пошли.

Прошел дождь. Перебравшись через плавни, мы снова углубились в джунгли. Часа через два крейсерского хода стало заметно, что местность постепенно повышается. Маленькие болотца-змеючники, которые мы старались обходить стороной, встречались все реже и реже. Подлесок, состоявший в основном из растений, похожих на земные папоротники и хвощи, сменился редким кустарником, что рос между серыми пирамидальными стволами, возносившими кроны на высоту метров сорока. Алексей окрестил их термитниками. Они действительно напоминали бледные термитники. Сходство усиливалось из-за полчищ многоногих термитов не термитов, муравьев не муравьев, сновавших по ним вверх-вниз.

Солнце, невидимое за облаками и густыми кронами, постепенно клонилось к западу: лес темнел.

Мы пересекли неглубокий ручей, проломились через густые заросли колючего кустарника и вдруг оказались на дороге. Старое бетонное шоссе. Сквозь щели в плотно уложенных плитах пробивались пучки травы. Стелящиеся ветви лиан покрывали некоторые участки дороги сплошным ковром.

Минуту или две мы стояли, молча глядя друг на друга, на шоссе, не в силах сказать ни слова. Наконец Алексей отдышался. Глаза его в тени нависающих крон, казалось, слегка опалесцировали.

— Есть! — Алексей ударил кулаком в раскрытую ладонь. — Дошли, Васич. — Класс! Дошли! Слышишь?! Все!

Он опустился на колени и, мягко повалившись на бок (в первую секунду я испугался, не стало ли ему плохо), с хохотом упал на бетон.

— Нет, не зря все это.

— Не зря. Вставай.

— Дошли... — Взгляд Алексея был устремлен куда-то вверх мимо меня. Я стоял над ним и смотрел на него сверху вниз, а он смотрел куда-то мимо моего лица, и взгляд его блуждал то ли по кронам, то ли по низким клубящимся облакам.

— Все-таки есть правда на этом свете.

Я огляделся. Справа в метрах трехстах шоссе делало поворот, а за поворотом виднелся... забор, высокий решетчатый забор, оплетенный лианами и потому почти незаметный на фоне пятнистой лесной зелени.

Губы Алексея чуть слышно шевелились.

— Не зря. Слышишь... Устал.

— Забор, — сказал я.

— Что?

— Забор, — повторил я. — Вставай.

Алексей вскочил на колени. Переход был разительный. Переход типа суббота, вечер — понедельник, утро: мгновение назад расслабленный рот и бесцельный блуждающий взгляд счастливого кретина, и вдруг словно после снежка в лицо... Несколько секунд он, не отрываясь, вглядывался за поворот шоссе.

— Если это не мираж, Васич, — голос у него был совершенно ясный и трезвый, без малейшего драматизма, — нам просто несказанно, фантастически повезло. Просто два туза в прикупе.

— Так не бывает, — сказал я.

— Что? Два туза? Бывает и три.

— Шулер, — сказал я.

— И все три козырные. Это, не иначе, тот самый особняк.

Алексей, согнувшись, вдруг со всей силы ударил кулаком по бетонному покрытию.

— Мираж?! — закричал он — Черта с два! Судьба не бывает шулером! Просто так легла карта. Фарт это называется! Слышал такое слово? Фарт!

— Слышал, — сказал я.

— А если кто из вас, господа, — он впился глазами мне в переносицу, — смеет обвинять меня...

— Что, к барьеру? — спросил я.

Алексей, прищурившись, смерил меня взглядом а-ля Сирано де Бержерак, прикидывающим, как без лишних хлопот разделаться с наглцем коронным фамильным ударом. При этом он все так же продолжал стоять на коленях. И в этот момент сзади, совсем недалеко, опять раздался протяжный вой. Алексей вскочил как ужаленный.

— Дьявольщина!

Я резко оглянулся и едва не упал: голова пошла кругом. Ч-черт, как плохо. Только этого не хватало.

— Бежим! — закричал Алексей. — Чего ты ждешь?!

Мы рванули к повороту шоссе, за которым открылся ажурный забор с решетчатыми воротами, тоже оплетенными лианами. Несомненно, лет уже сто до них никто не дотрагивался. За воротами, полускрытый стволами бледных термитников, выросших прямо посреди двора, темнел кирпичный двухэтажный коттедж с покатою замшелой крышей.

— Туда!

Мы уже подбегали к воротам, когда нарастающий трескучий звук за спиной, похожий на шум крыльев гигантской стрекозы, заставил меня оглянуться. Алексей тоже оглянулся и закричал что-то нечленораздельное.

В сливающимся веером мелькании десятков ног на шоссе выплеснулось полосатое змеевидное тело. Мне показалось, что на мокрой коже его еще блестят капли водопада. Даже запахом знакомым потянуло: разлагающейся рыбы.

Невероятно! Монстр. Неужели тот же самый? Бич божий. Если бы не массивная треугольная голова ящера на гибкой шее, тварь можно было принять за чудовищно раскормленный хлыст. Даже окажись перед нами Красная кнопка, все равно ее было бы поздно нажимать. Никогда и ничего в жизни я так страстно не желал, как увидеть у себя под ногами брошенный лучемет. Но никакого лучемета не было, а было влажное от недавнего дождя бетонное шоссе, а впереди решетчатые створки ворот и спина Алексея, а сзади нас

настигал трескучий топот чудовищной многоножки.

Одним махом мы перепрыгнули через забор. Алексей неожиданно поскользнулся и едва удержался на ногах.

— Нога-а-й...

Я подхватил Алексея под мышку. Приземистое кирпичное здание было уже совсем близко.

— Эй!

— Кто-нибудь! — закричал Алексей, — Э-э-эй!

Вряд ли там кто-то был. Двор зарос пышным подлеском. Окна и стены здания оплетали вьющиеся чешуйчатые побеги. Никого там не было.

Я оглянулся последний раз и понял, что мы не успеем. Над забором вспузырилось, переливаясь во двор, кошмарное многоногое тело. В глазах потемнело, я уже ничего не видел перед собой, только наши окровавленные растерзанные останки посреди мокрой травы. «Этого не может быть, не может быть. За нами наблюдают!» В эту секунду я ожидал чего угодно. Например, залпа лазерной пушки с орбитального спутника.

И тут Алексей упал, и одновременно навстречу нам рванулся грохот пулеметной очереди. Я покатился по земле. Все смешалось: визг летящих над нами пуль, низкое обычное небо, извивающееся в агонии тело твари, которое рвет крупнокалиберный свинец, и тот, кто стоит, откинувшись назад, в дверях коттеджа и в руках его пляшет, изрыгая длинные очереди из бешено вращающегося шестиствольного барабана, сама смерть, больше всего похожая на вертолетный пулемет. Валентин. Хома-киммериец. То есть Конан Брут.

— Никого здесь нет, — сказал Валентин. — И непонятно даже, когда дом покинули. Несколько лет, не меньше.

Алексей стоит рядом с окном, из которого видно часть двора, заливаемого дождем, и поверженное чудовище. На спине чудовища сидят стервятники. Они поклевывают вывалившиеся внутренности, сыто переваливаясь с ноги на ногу, лениво ссорятся друг с другом. Некоторые, нахохлившись и сложив крылья, просто дремлют, закрыв глаза перепончатыми веками. Ливень им не мешает ни в малейшей мере.

Валентин сидит в глубоком кресле около стола, на коем выставлены открытые банки с консервами и трехлитровая бутылка с тоником. Все это Валентин извлек из подвала под первым этажом. С его слов, дом имеет целую анфиладу подвалов, уходящих вглубь на десятки метров. Валентин не успел осмотреть и третьей части. Он добрался сюда поздно вечером. Никаких следов ни Юры, ни Гриши он не видел, но уверен, что они приземлились дальше к западу, если не у самого звездоскафа, то на плоскогорье недалеко от космодрома. Следы на вездеходе? Да, оставлены им.

Непогода снаружи разыгралась не на шутку. Мало того, что третий час льет дождь, воздух от частых разрядов молний наэлектризовался до такой степени, что концы волокнисто-керамических штырей, выступающих из решетки ворот, начали светиться в сгущающихся сумерках голубыми огнями святого Эльма.

Кажется, мы уже обговорили все. Через девять часов наступит рассвет, и мы двинемся по шоссе вверх к космодрому. Валентин уверен, что никаких трудностей впереди не предвидится. Он устроился в глубоком кресле, а поперек подлокотников кресла лежит пулемет. Время от времени Валик поглаживает затвор или рифленую рукоять. Невооруженным глазом видно, что рядом с шестиствольной вороненой сталью он чувствует себя гораздо спокойнее. Огромный пулемет не кажется чем-то противоестественным в его ладонях. Вообще, насколько я помню, у Валентина всегда была необъяснимая тяга к оружию. В этой области он демонстрировал просто феноменальные способности: не в силах выучить логарифмические поправки изограв, он знал на зубок не только все типы лучемеров, но и все типы огнестрельного оружия, начиная с семнадцатого века, а также прекрасно разбирался в рубящем, колющем и метательном оружии вплоть до эпохи Пелопоннесских войн. Алексей как-то назвал его за это диверсантом, внуком диверсанта, чем, безусловно, польстил самолюбию Валика.

Только сейчас мне почему-то подумалось, как мало я знаю Валентина. Мы прожили с ним пять лет бок о бок в Школе, но никогда он сам не рассказывал о себе, и все, что я знаю о нем, — какие-то отрывочные сведения с чужих слов.

Не было в его лице ничего от уголовного преступника, каким его описывает с упоением доктор Чезаре Ломброзо: низкий лоб, массивная нижняя челюсть, большие уши; а между тем рассказывают, что пять лет назад Валентин был поставлен перед выбором: либо колония, либо вступительные экзамены в Астрошколу. И тут уж Валику пришлось поднапрячься, потому что, если б он провалил вступительные экзамены, жизнь бы его покатила по совсем другой колее.

Никогда я не мог поставить себя на место Валика. Никогда не мог представить, что делается у него в голове, а между тем в поведении Валика, в его поступках, мелких событиях,

причиной которых становился он, почти всегда просматривались какие-то странности, отклонения, труднообъяснимые нестыковки или, наоборот, совпадения. И, когда на это обращали внимание, вопреки деликатным стараниям Валика не выделяться, он, как правило, пожимал плечами и переводил разговор на другую тему.

Почему около коттеджа оказался именно Валик? Не Юра Вергунов, не Гриша, а именно он? Да что ж тут невероятного? Просто он шел и дошел, как дошли и мы с Алексеем. Но если бы Валик оказался здесь позже нас... об этом даже страшно подумать. Ну, хорошо, дошел он раньше, конечно, ведь он приземлился ближе к коттеджу. Но ведь создается впечатление, что он уже *был готов* выскочить на порог со своей шестиствольной смертью, что он ждал моего крика, знал заранее; что была его шестиствольная сталь еще с вечера заряжена, отрегулирована, проверена, пристреляна в конце концов. Потому что не может человек в считанные секунды, если он не знает заранее, успеть... Да мало ли! Валика могло просто не оказаться в этот момент в доме. Вскинул бы свой пулемет на плечо еще утром и двинул бы по дороге к космодрому.

Ну вот сейчас я спрошу его об этом — и что? Пожмет Валик плечами и скажет, что шестиствольная смерть в его глазах просто игрушка, которую приятно держать на коленях, носить везде с собой, чувствовать на плече ее тяжесть, а под рукой холод рифленой рукоятки. Да, зарядил и даже пристрелял. А зачем тогда вообще существует оружие, объясни мне, темному, сказал бы Валик. А не пошел утром к космодрому потому, что вчера устал и... И ничего бы я от него не добился. Устал... Кто устал — Валик? Детский лепет. Так может быть спросить?

А еще я слышал о Валентине, что встречался он перед самым началом зачета с Хазаром. О чем они говорили — неизвестно. Но после этого разговора дня три Валик ходил мрачнее тучи, а потом куда-то исчез еще на три дня.

За окном продолжал лить дождь, стучал по крыше.

— Все-таки непонятно, что за корабль стоит там, на плоскогорье, — сказал Алексей. Он отошел от окна и тоже устроился рядом со столом.

Никто ему не ответил. Алексей задумчиво пожевал какой-то деликатес из банки, а потом неожиданно начал, ни к кому особенно конкретно не обращаясь:

— Представьте себе планету. Планету-заповедник, созданную не людьми.

— А кем? — поинтересовался Валентин.

— Не важно. Не гуманоидами, разумными улитками — по вашему усмотрению. Суть в другом. Планета-заповедник. Хозяева навещаются сюда нечасто, раз в восемь-десять лет — поохотиться, подвезти новую породу. Живут эти самые улитки лет по триста. Да... И вдруг, в один прекрасный день, они обнаруживают, что их планета занята. Незваными гостями. Причем занята самым наглым образом: обтянута поверх стратосферы невероятно примитивной сетью.

Алексей замолчал. Мы не перебивали его. За окном всюду плескался ливень. Периодически гроыхало.

— Предполагается, естественно, что эти самые разумные улитки находятся на более высокой ступени развития, чем мы. Да, на поверхности свежие постройки, копошатся людишки... Что бы вы сделали на их месте?

Валентин извлек из себя какой-то совершенно нечленораздельный звук, что-то вроде «гхы», но больше не добавил ничего.

Алексей щелкнул пальцами.

— Хозяева озадачены, возмущены. Впрочем, возможно с эмоциями у них все обстоит по-другому. Очевидных вариантов два. Попытка контакта исключается сразу. Первый: оставить все как есть и уйти. Вариант второй: заставить людей самих уйти... Но есть и третий вариант, не столь очевидный. Ведь это планета-заповедник. Периодически тратятся силы и средства, чтобы подвезти сюда новые породы животных, а тут новая порода прилетела сама. Что-то вроде разумных пауков, умеющих плести гигантские сети. Ну что ж: Сеть? Прекрасно. Усовершенствуем ее немного, чтобы незваные гости не могли выбраться назад.

Кроме того, через некоторое время хозяева обнаруживают, что раз в году их заповедник становится ареной прелюбопытных сезонных... — Алексей запнулся, — поведенческих аномалий, как бы, этих самых пауков. Аномалии? Это интересно. Теперь хозяева навещают сюда не раз в восемь-десять лет, а ежегодно.

— Ты полагаешь, за нами наблюдают? — спросил я.

— В том-то и дело, — оживился Алексей. — А куда, по-твоему, делся тот НЛО?

«Действительно...» — я подергал себя за мочку уха.

Примерно через сутки после того как нас сбросили с «Марко Поло», мы пережили короткий приступ эйфории, когда на поисковых детекторах «Совы», на самой периферии зоны поиска, вдруг возник отраженный движущимся телом сигнал. Однако весь наш энтузиазм бесследно угас, едва лишь поступили первые данные телеметрии. Невозможно было определить ни размеров, ни веса тела, словно такого и не существовало вовсе, словно он был просто плодом воображения поисковых систем, машинной галлюцинацией. НЛО двигался как-то странно, рывками. «Не иначе — наши коллеги по несчастью, зачетники-инопланетяне», — пошутил я.

«Или инопланетянки», — добавил Гриша. Но едва мы попытались изменить курс и пойти на сближение, НЛО тоже изменил курс и, вспыхнув алым отсветом, начал стремительно набирать скорость, удаляясь от нас по огромной дуге в сторону Хиллиан, пока не исчез на фоне ослепительного диска звезды.

— ...Например, такой вариант. — Алексей обвел нас многозначительным взглядом. — Мы сдаем зачет не Астрошколе, у нас принимают зачет *они*. На выживаемость расы. Не больше, не меньше.

Валентин крякнул.

— А почему не зачет на разумность и способность к контакту?

— Ну, может быть, не все так мрачно, — поправился Алексей.

— А если мы не сдадим зачет? — спросил я.

— Изволь. Логика может быть такая: раса слабая, нежизнеспособная. Можно потеснить, а то и уничтожить.

— Фантазия у тебя, Леша, того... — хмыкнул Валентин.

— Что?

— Не в меру.

— Мне кажется, твоя... гипотеза противоречит сама себе, — заметил я.

— Это в чем же?

— Вот, например. До нас уже было несколько неудачных попыток. Достаточно, чтобы создать вполне определенное впечатление о способностях человека.

— Ну, была одна, может, две попытки. Зачем же делать скоропалительные выводы? Куда спешить? — Алексей помолчал, — Вам не кажется, что зачет давным-давно вышел из-

под контроля Астрошколы? Как это десять лет никто не в состоянии найти «Крестonosец»?

— И как это? — осведомился Валентин.

— Я объясню, — Алексей незаметно весь подобрался, в глазах у него появился хищный блеск, — Сценарий зачета меняется раз от разу этими нелюдями, чтобы создать как можно более полное впечатление о жизнеспособности расы. Ясно? Не исключено, что в следующем году настанет черед такого варианта: взрыв «Марко Поло».

Валентин чертыхнулся.

— Ну, это ты загнул.

— Нисколько.

— Все это фантазии чистейшей воды, — не выдержал Валентин. — Ну, НЛО. Ну, никто не смог найти «Крестonosца». Ну, сеть, недостижимая для современной технологии. И на основании этого делать выводы о нелюдах?

Некоторое время мы молчали. За окнами стемнело окончательно. Валентин нашарил около кресла сенсорный выключатель, и комната озарилась мягким голубоватым светом, вызвавшим небольшой переполох перед домом. Во дворе захлопали крылья, раздалось несколько возмущенных криков.

— Все это, конечно, маловероятно, — сказал я. — А как твоя гипотеза объясняет, куда делись люди с поверхности планеты?

Алексей пожал плечами.

— А у тебя есть своя версия?

Я задумался. А действительно?

— Тоника хочешь? — спросил я Алексея. — Нет? А ты, Валик?

Я налил себе полстакана пенящейся, душистой жидкости и с удовольствием отхлебнул несколько глотков. Спать не хотелось ни капельки. Едва я прикрывал веки, как перед глазами выплескивалось из леса в бешеном мелькании десятков ног полосатое змеевидное тело — бич божий — и сразу начинало колотиться сердце и сохнуть во рту.

— Я могу предложить гипотезу не менее фантастическую.

— Оч-чень интересно, — пробормотал Алексей.

— Пожалуйста. Как вы думаете, сколько лет деревьям, которые выросли во дворе?

Вопрос застал Алексея врасплох.

— Это зависит от того, с какой скоростью они растут, — заметил Валентин.

— А все-таки?

Валентин хмыкнул.

— Может быть пятнадцать лет, а может, и сорок.

— Допустим, тридцать, — сказал я. — Я думаю, что выросли они уже после того как хозяйева перестали следить за домом. Хозяйева либо ушли, либо погибли.

— И что же дальше? — Алексей откинулся на спинку кресла.

— Помните историю, которую нам когда-то рассказывал Гриша?

— О чем?

— Что лет тридцать назад случилось некое событие, которое повернуло всю историю освоения космического пространства. Неизвестно, что это было, но после этого началась обвальная цепь катастроф во внесемелье. Часть сил Косморазведки до сих пор направлена на поиски следов этого гипотетического события. По косвенным признакам произошло оно, — я отхлебнул глоток тоника, — на расстоянии ста — ста пятидесяти световых лет от Земли. Мы находимся как раз в пределах этой зоны.

— Ну, ты даешь, — ухмыльнулся Валентин, — зачетный сектор...

Я вспомнил «Сент-Мартен», спеленатый сетью, и то, что команда спасателей, по всей видимости в спешке, не обратила ни малейшего внимания на необычные свойства сети. А вслух сказал:

— Зона эта, очевидно, плохо исследована. Решили, что раз частные владения, значит, все нормально. Зона стала зачетной, а следовательно, закрытой. Одиннадцать месяцев в году она пустует. Косморазведка обходила и обходит ее стороной...

— Ч-черт! — Алексей хлопнул кулаком по ладони. — Я тоже только об этом подумал.

— Я вот что хочу сказать...

За окнами с регулярностью праздничного салюта полыхали молнии, освещая силуэты дремлющих стервятников, и огнями святого Эльма светилась решетка ворот. Ливень не унимался.

— Я вот что хочу сказать, — повторил я. — Дом, где мы сейчас сидим, единственный на планете. Если и искать ответы на все вопросы «как» и «почему», то только здесь. До утра времени еще много. Я, например, абсолютно не представляю, зачем под домом целая анфилада подвалов.

— Интересно, что вы собираетесь там найти? — зевнул Валентин.

Вся подземная автоматика, питающаяся от реактора, спрятанного на двадцатиметровой глубине, была в прекрасном состоянии: свет зажегся автоматически, бесшумно работали лифты...

К полуночи мы обнаружили тело того, кто жил здесь. В камере гибернации. На пятом подземном уровне, этажом ниже, чем операционная. Сквозь покрытое легким узором изморози стекло можно было рассмотреть лицо крупного мужчины лет пятидесяти, погруженного в гибернационный сон. Европейец. Удлиненный, с горбинкой, нос, рыжеватая седеющая шевелюра. В камеру гибернации он лег в шестьдесят первом году. Через сорок лет должна была сработать автоматика, и в 2211 году он бы проснулся. Звали его Виктор Харниш. Никто из нас раньше не слышал этого имени. После него остались записи, файлы лабораторных дневников. Ни одна программа не была заблокирована для считывания. Судя по всему, он не надеялся, что кто-то посторонний может оказаться здесь. Почему, мы поняли немного позже.

Чем глубже мы опускались, тем холоднее становилось. Этажом ниже мы обнаружили еще одну гибернационную камеру. В ней покоились множество женских яйцеклеток за толстым стеклом, омываемых накатами сверххолодного тумана. Это был шестой подземный уровень. В самом конце его размещался коридор, занятый длиннейшим трехъярусным стеллажом, закрытым полупрозрачной ширмой. Алексей отдернул ее и невольно сделал шаг назад. Несколько секунд он рассматривал что-то, машинально раздвигая ширму все больше и больше, потом позвал:

— Эй, идите сюда!

Полки стеллажа были заставлены рядами герметически закупоренных стеклянных банок с человеческими зародышами. Все банки были пронумерованы. На некоторых банках кроме номера стояло, очевидно, обозначение серии и еще какие-то малоразборчивые приписки, вроде: мутаг. фак. «Alpha», или м. фактор «Ariadna-2», или просто: м. ф. «Z». Вряд ли этим зародышам было больше трех-четыре месяцев. Искжаясь в выпуклом стекле, они прижимались миниатюрными ладошками и сморщенными личиками к внутренней поверхности стекла, с закрытыми глазами, незрячие и недвижимые. Законсервированные. Все женского пола.

— Стеглальдегид, — сказал Валентин.

— Что?

Валентин кивнул на ряды банок. Все эти зародыши, которые покоились в бесконечном ряду на стеллажах, были залиты гелевым раствором стеклальдегида — идеальным биоконсервантом.

Больше всего это напоминало эмбриологический музей. Только это, пожалуй, был очень странный музей. Скорее, паноптикум уродцев. Крохотных странных девочек-уродцев.

— Зачем? — спросил Алексей.

Валентин пожал плечами:

— Отбракованный материал, скорее всего.

— Почему только девочки?

Мы разбрелись вдоль стеллажа. У каждой из них просматривалось какое-то отклонение в развитии. Медленно идя вдоль ряда банок, я вглядывался в крохотные тела. Подсвеченные

люминесцентными лампами, зародыши можно было рассмотреть во всех миниатюрных деталях. У некоторых были странные остроконечные ушки, на ручках — по шесть пальцев; у других не только голова, но кожа груди и плеч была покрыта тонкими вьющимися волосками, спускающимися на спине вдоль позвоночника от лопаток до копчика. У некоторых под мышками оттопыривались пластинки жаберных щелей, а между пальцами розовели перепонки, грудь и спину покрывали мелкие, точно песок, чешуйки.

Дойдя почти до самого конца стеллажа, я невольно отпрянул, встретившись сквозь стекло с широко открытыми глазами. Нет, этот зародыш тоже был мертв, только в отличие от остальных, глаза у него были открыты. Мутно-зеленоватая радужка... Что-то в этих глазах было необычное. Я присмотрелся. Зрачки! Зрачки были щелевидные, как у кошки. Говорят, что кошки отлично видят в темноте, но мало кто знает, что это преимущество сводится на нет тем, что на близком расстоянии все кошачьи слабо различают детали. Так что, действительно, доктор Харниш спускал сюда отбракованные экземпляры? Тогда что он искал?

— Васич, — позвал Алексей.

Я подошел. Алексей стоял рядом с банкой, в которой плавал четырехрукий зародыш, крохотная четырехрукая девочка. Это была последняя капля. Я почувствовал, что сыт по горло — от всего этого паноптикума у меня уже голова шла кругом. Картина бесконечного ряда миниатюрных уродцев вводила мозг в какое-то гипнотическое оцепенение. Возможно, где-то, в одной из банок, например, тянется к своим волосикам девочка-зародыш, у которой на голове и не волосы вовсе, а крохотные змеи — уродец из некой серии, например, мут. фактор «Gorgona-3». Достаточно.

— У нас мало времени, Леша. Неизвестно еще, сколько этажей под нами.

Этажом ниже начинались складские помещения, заполненные разновеликими металлическими конструкциями, различными тренажерами, нераспечатанными контейнерами с подписями: «Fragile! Equipment» — «Осторожно! Приборы». На других: «Surgical tools» — «Хирургические инструменты». Некоторые контейнеры были помечены иероглифами или арабской вязью. На этот этаж, забитый самым невообразимым железом, попало почему-то и холодное оружие. Причем такого разнообразия я не видел ни в одном музее. Нам с Алексеем не без труда удалось оттащить Валентина от этих игрушек, и то только после того, как он захватил с собой девятидюймовый тесак с многоцелевым лезвием из какой-то особой элитной стали. Валик, не особо обращая внимания на понукания, закрепил ножны на поясе, и только после этого мы спустились ниже.

На восьмом этаже размещались аппаратура для производства биомассы и уходящие в темноту ряды холодильников. Еще этажом ниже — комплектующие каких-то ходовых частей.

Через полчаса мы вернулись на третий подземный уровень, где находился компьютерный центр. Если бы не слой пыли, покрывающий столы и пол, можно было подумать, что Виктор Харниш вышел отсюда всего минуту назад, даже дверь неплотно закрыл.

В разрозненно извлеченных сведениях из компьютерной памяти мы сначала мало что поняли. «Какие-то эмбриологические формулы, — досадливо морщился Алексей, перебирая файлы, — Все они озаглавлены «Homo Rangerus» — человек-боец, типы мутагенов: А, А-1, А-2, В, В-1, В-2, С... итак далее, вплоть до Z». Но постепенно из добытых крупиц начал складываться общая жутковатая картина.

В конце концов мы решили, что из компьютерного информатива нам больше ничего не извлечь, захватили два толстенных лабораторных журнала с записями от руки и поднялись в гостиную, чтобы получше разобраться, на что же мы наткнулись. На несколько часов забыли о зачете. За окнами лил дождь. В наэлектризованном воздухе светились голубоватым светом волокнисто-керамические штыри на воротах. Стаи каких-то мелких летучих тварей с визгом носились во вспышках молний между темными силуэтами деревьев. Где-то на плато в семнадцать километрах отсюда нас ждал корабль, отнюдь не «Крестonosец», как мы теперь выяснили. Это был один из первых звездоскафов серии «Мэй-флауэр», оснащенный только что открытым в сорок восьмом году гиперпространственным приводом Бадера-Бадера, на котором Виктор Харниш приземлился на эту планету.

Доподлинно установлено, что Виктор Харниш проводил генетические исследования по улучшению человеческой расы. Безусловно, это был чрезвычайно талантливый эмбриолог, доктор Виктор Харниш. Ему удалось очень многое. Он опередил свое время. Это было время всеобщей эйфории. Недавно был создан гиперпространственный привод, и вдруг вся огромная необъятная Вселенная сократилась до размеров Атлантического океана эпохи Великих Географических Открытий. Да, опасно... Да, непонятно, что ждет на неизвестных берегах, но вон они, неоткрытые берега, за горизонтом, в нескольких неделях пути.

Идея Виктора Харниша была проста. То, к чему стремилось человечество, идя длинным путем самосовершенствования, проб и ошибок, Виктор Харниш попытался достичь, преобразовав цепь молекул ДНК в хромосомах человека. Свою программу он назвал «Нотс Rangerus» — человек-боец, универсальный человек. То, чему нас учили в Астрошколе, добиваясь путем мучительных тренировок на выносливость, умение сосредотачиваться, нечувствительность к боли, Виктору Харнишу удалось закрепить в генетическом коде нового человека. Что произошло дальше... В этом оказалось разобраться труднее. На этот счет нами было выдвинуто несколько гипотез, из которых после жарких споров осталось всего две жизнеспособных.

Несомненно, Виктор Харниш добился практических результатов. Около трети яйцеклеток погибло в ходе экспериментов, примерно столько же было отбраковано на стадии трех-четырех месячных зародышей, но доктор Харниш сумел вырастить в инкубаторе восемьдесят два гомункулуса с совершенно фантастическими качествами. Они выросли из женских яйцеклеток. Никаких четырехруких гигантов, все — очень ладные и гармоничные девчонки. Мы видели фотографии: короткие вьющиеся волосы, смеющиеся, серьезные или озабоченные лица; глаза изумрудные, ореховые, цвета морской волны. Вот они, шести- или семилетние карабкаются, как муравьи, на высоченную мачтовую «сосну». Рыжая кора, зеленая хвоя, солнце брызжет сквозь иглы. Вот они, десятилетние, ныряют со скалы в озеро. Снято так, что видно крупно на переднем плане летящую к воде пару девчонок: глаза зажмурены, мокрые волосы дыбом, рты раскрыты. Визжат? Я невольно вспомнил наш с Алексеем прыжок с водопада. Вот они двенадцати- или тринадцатилетние катаются под дождем на огромном черепахоносороге, три из них схватили чудовище за хвост, упираются ногами в землю, смеются. Пытаются остановить десятитонного монстра?

Это были девушки с молниеносной реакцией, имеющие самые разносторонние способности универсального бойца, которые должны были дать начало абсолютно новому поколению человеческой расы, призванной завоевать всю Вселенную.

И в этот момент безоговорочного триумфа Виктора Харниша что-то произошло. Во-первых, непонятно, где жили эти восемьдесят девушек первого поколения. Во владениях

Виктора Харниша мы не нашли ничего похожего на интернат. Вели первобытный образ жизни в джунглях? Свободные охотницы? Парк выживаемости? Что ж, достаточно ярко можно представить себе такую сцену, как схватка лесных принцесс с Бичом Божьим... Сумерки. Промозглым туманом тянет с болот. Светятся трухлявые пни. Девушки разделяют тушу слонопотама. И вдруг, не вой — рев обрушивается вместе с гигантским полосатым телом на поляну... Судя по рабочим записям в журналах, ни одна из лабораторных девушек не погибла в ходе испытаний на выживаемость. Так куда же они делись? Улетели? Корабль остался на космодроме. Растворились в лесах планеты и до сих пор где-то бродят поодиночке или живут тесным кланом на побережье одного из многочисленных необъятных болот планеты?

Произошла какая-то катастрофа. Что-то надломилось в размеренном беге событий. Возможно, причиной послужили накопившиеся эмбриологические отходы многих тысяч опытов, а может, это было просто стечение обстоятельств.

Но, по всей видимости, опыты Виктора Харниша что-то серьезно нарушили в экологическом балансе планеты. Причем настолько серьезно, что над планетой образовалась сеть... В этом месте мы с Алексеем и Валентином так и не нашли общей точки зрения. Вероятнее, над планетой уже существовала сеть, которой Виктор Харниш отгородился от остального мира, и эта сеть под действием неизвестно каких причин мутировала, превратившись в совершенно непреодолимую преграду не только для проникновения извне, но также и для взлета с планеты. Неизвестно, догадался ли Харниш о конкретных причинах, послуживших толчком к мутации, но он, судя по его действиям, рассуждал так: со временем барьерные свойства сети должны ослабеть. «А почему не усилиться?» — неизменно спрашивал в этом месте Алексей. Ну, может быть, потому, что ослабеет мутагенный фактор, порожденный генетическими экспериментами. Тут нам разобраться было не под силу.

Виктор Харниш погрузился в гибернационный сон, чтобы через сорок лет проснуться и, вырастив новую партию совершенных людей, попытаться взлететь с планеты. Логика практика и экспериментатора не обманула его. Судя потому, что два года назад у зачетников на «Сент-Мартене» не оказалось ни единого шанса прорваться сквозь сеть, а у нас это получилось, правда, ценой потери мезонатора, — барьерные качества сети начали слабеть, а значит, у нас есть все шансы на корабле Харниша вырваться наружу.

— Он был очень талантливым человеком, — сказал Алексей, — этот доктор Харниш. И все-таки я не хотел бы поменяться с ним.

Я глянул на Алексея. А кто бы хотел? Положить себя в гибернационную камеру вместо того, чтобы дышать, смотреть на небо и звезды, смеяться, любить, жить...

— Почему был? — спросил Валентин. — Он проснется в 2211 году.

— Нет, вы не поняли. Он очень одаренный человек, — повторил Алексей, — более того, не так это часто бывает, по-моему, — талант принес ему счастье. Он достиг того, чего хотел. Но он взялся... Я не могу выразить это... Он взялся не за свое дело. Он замахнулся на промысел богов, — Алексей сделал многозначительную паузу, — И боги...

— Боги его наказали? — спросил Валентин.

Алексей кивнул.

— Да, Прометей, прикованный к скале, должен был служить предупреждением дерзким. Приблизительно то же случилось и с Виктором Харнишем — его приковали к планете.

— А как же твоя теория разумной расы улиток? — спросил я.

— Одно другому не противоречит, — сказал Алексей, — Исполнителями воли богов становятся смертные. Они проводят в жизнь решения небожителей.

— Прометея приковали, — после некоторого раздумья заметил Валентин, — но огонь, который он похитил у богов, остался на земле у людей.

Некоторое время мы молчали.

— Никто из экспериментальной серии доктора Харниша, — снова сказал Валентин, — насколько я понял, не погиб.

Алексей встал и, ни на кого не глядя, снова начал листать лабораторные журналы на столе.

Я смежил веки и, кажется, только теперь почувствовал, как устал. Затылок был, точно свинцовый. Ночь заканчивалась, надо было поспать хотя бы часа два. Перед глазами поплыли бесконечные, уходящие за горизонт, банки с зародышами. Сквозь облака брызнуло солнце, на берег набежала волна и вынесла огромного серо-зеленого краба с актинией на панцире. Вдоль линии прибоя навстречу мне шел Виктор Харниш, брюки его были закатаны, босые ноги шлепали по воде. В руке он держал... Я подался вперед, чтобы рассмотреть. В руке он держал спирофон. Не останавливаясь, он приладил его на голове и начал что-то говорить, обращаясь ко мне. Я попытался нащупать наушники спирофона у себя (они должны были висеть на шее) и открыл глаза.

Алексей продолжал стоять около стола и читал лабораторные записи.

Огонь выпущен на свободу. Огонь — это не только тепло и свет, но и неуправляемые ядерные реакции, лучевая болезнь, лейкоз, иссохшие руки, что стараются защитить глаза от невероятно яркой вспышки на горизонте. Но какую опасность могут представлять восемьдесят две девушки, призванные дать начало новой расе?

Дождь продолжался до самого рассвета.

Остались открытыми еще вопросы, которые у нас уже не хватило сил обсуждать. Настало утро. Дождь хотя и продолжал лить, но с рассветом утратил напор и ярость буйно помешанного. Мы положили на место лабораторные журналы, закрыли вход в подвал и дом и двинулись вверх по шоссе к космодрому. Дождь с началом дня постепенно утих, и, шагая по растрескавшимся бетонным плитам к вершине плоскогорья, я попытался хотя бы на время выбросить из головы генетические эксперименты и этические парадоксы. Если Виктор Харниш добился того, к чему так долго и безуспешно стремится человечество, создав совершенного, гармоничного человека, то почему природа против него взбунтовалась? Более того, не исключено, что планета Харниша и стала центром того самого события, следы которого так долго и безуспешно разыскивала Косморазведка...

И если Поль прав, и мы не представляем, куда движемся в этой войне за выживаемость, то может быть так: невозможно создать у человека какие-то новые качества, не утратив взамен старых человеческих, и, в конечном итоге, любое усовершенствование человеческой породы станет породить нелюдей, против которых будет восставать Вселенная?

Семнадцать километров мы прошли за четыре часа. Дождь постепенно утих. Идти стало легче. Валентин тащил на плече вертолетный пулемет, сопел, потел, но с неизменной твердостью отклонял все наши предложения о помощи.

— Зачем тебе пулемет? — смеялся Алексей. — Мог бы позаимствовать что-нибудь полегче, как мы с Васичем. Вот, старый добрый Л-100, чем не оружие?

Валентин чертыхался сквозь зубы, вытирал пот.

— Деду подарю.

— Коллекционный экземпляр? Как же, понимаю, — не унимался Алексей. — А если мы не сможем взлететь?

— Тебя застрелю! Понял?

— Понял...

— И на консервы пуцу.

— Ну ты зверюга.

Ближе к полудню жара стала просто невыносимой. Из джунглей тянуло душным туманом, от шоссе поднимался пар. На бетоне в теплых лужах нежились какие-то совершенно невероятных размеров лягушки. А у меня перед глазами снова и снова восставала гибернационная камера и лицо Виктора Харниша за стеклом, покрытым изморозью.

Если посылка верна, и появление новых качеств у человека будет отдалять его от первоначального образца, то что будет утрачиваться прежде всего у человека-покорителя беспощадного, нестигаемого, неумолимого?.. Доброта? Неужели все так просто?

Я хотел бы поговорить с ним, доктором Виктором Харнишем. К сожалению, это невозможно. И не только потому, что доктор Харниш покоится сейчас в гибернационной камере, откуда выйдет еще очень нескоро, нет, не в мире теней, но на самой краешке зыбкой границы между царством Танатоса и Морфея. Это невозможно еще и потому, что о чем бы мог поговорить убеленный сединами пятидесятитрехлетний доктор медицины и эмбриолог, выпускник престижного европейского вуза, почетный член, лауреат и прочая и прочая с двадцатилетним будущим пилотом, необкатанной машиной выживаемости? Какие точки соприкосновения мы могли бы найти? Впрочем, вздор, при желании могли бы найти, потому что, как ни мудра и далекоглядна старость, будущее за молодостью. Именно она принимает решения. От нее зависит, принимать подсазки старости во внимание или нет. Так что мы в равном положении, доктор Харниш. Мы зависим друг от друга, как зависят — я на минуту задумался — листья и корни одного растения, как зависят члены одного суперкорабля под названием «Земля». И поэтому я призываю вас к ответу, доктор Виктор Харниш, я — не бог, вчерашний мальчишка, выпускник Днепропетровской Астрошколы, будущий стажер, которого сбросили за сто десять световых лет от дома с мизерными шансами сдать зачет.

Эк я хватил! Честно говоря, шансы были не такие и мизерные. Я пытаюсь представить его — вот он сидит в кресле, голова слегка наклонена, безукоризненный костюм, белоснежные манжеты, холеные руки. Так вот какими руками делается история?

Он поднимает на меня глаза.

— История делается не руками, молодой человек, а головой.

Глаза у него темные и глубоко посаженные, пристальные. Когда он смотрит в лицо, делается неуютно, точно слепит тебя луч прожектора, хочется отвести взгляд или прикрыться от света ладонью. Но я не отвожу взгляд.

— Головой? Или головами, брошенными под нож?

— Так о чем вы хотели поговорить со мной?

Некоторое время я думаю, машинально ступая по растрескавшемуся бетону. О чем бы я хотел поговорить? О многом: о жизни и смерти, об упрямстве, удаче, о воле богов. Я вижу ясно, словно это происходит сейчас и на самом деле, как из затененного высокими кронами зеленого подлеска с криком и гиканьем выскакивают одна за другой загорелые десятилетние девчонки и россыпью мчатся наперегонки к реке. Маленьким табуном. Плеск, визг, брызги стеной.

— Дано ли людям вмешиваться в промысел богов?

Харниш улыбается, откровенно рассматривая меня.

Я сказал это вслух? Ну, конечно. Доктор Харниш кивает:

— Вы еще очень молоды и не знаете, что ничто не делается без воли богов. Даже Прометей, похитив огонь с неба, действовал по их воле.

— Но ведь он был из-за этого наказан!

Харниш снова улыбается.

— Его наказали, чтобы снять с себя ответственность за будущие, как бы это сказать... неподконтрольные побочные эффекты.

— Какие именно?

Харниш наклоняет голову.

— «Огонь — это ведь не только тепло и свет, но и неуправляемые ядерные реакции, лучевая болезнь, лейкоз, иссохшие руки, что стараются защитить глаза от невероятно яркой вспышки на горизонте». Я правильно процитировал?

Некоторое время я ошарашенно молчу.

— Но ведь это нечестно — наказывать исполнителя собственной воли!

— Честно, нечестно — это суть, человеческие понятия. Боги стоят выше условностей.

— Но, приковав его к скале, они показали, что не лишены маленьких слабостей, что им небезразлично мнение людей.

— Мне кажется, это не так.

Я жду продолжения, но Харниш замолкает. Тогда я пытаюсь выдвинуть еще один аргумент:

— По-моему, лишая их маленьких слабостей, вы тем самым лишаете их части свободы воли.

Теперь Харниш вообще не отвечает. Я пытаюсь поймать его взгляд, но он задумчиво рассматривает кончики ногтей, не обращая на меня никакого внимания.

— Вы слышите меня, доктор Харниш?

Он кивает.

— Любые изменения несут потенциальную угрозу, — наконец говорит он, поднимая взгляд, — потому что они нарушают установившееся равновесие в мире. Но без этого невозможно, никто не может остановить изменения, ибо это часть воли богов. И поэтому все эти богоборцы, ниспровергатели истин, основатели новых религий — все они действуют по их воле. Боги лишь следят за тем, чтобы равновесие сильно не пошатнулось, чтобы мир не перевернулся вверх дном.

— Зачем?

— По-моему, это ясно. Потому что мир — это они и есть или часть их.

Становится заметно жарко. Растрескавшийся бетон под ногами успел высохнуть. Я честно пытаюсь представить то, что сказал Харниш, но это выходит за рамки моего воображения. Вместо этого я почему-то представляю отца, молодого, мне пять лет, Оли нет и в помине. Отец ставит меня в боксерскую стойку перед собой и говорит: «Бори меня». Он именно так и говорит, не «дерись», не «нападай», а «бори». Это выше моего детского понимания. Отец в два раза выше меня и в три раза тяжелее. Но его снисхождение к моим силенкам кажется мне обидным и унижительным. Оскорбительным. И я нападаю. И когда мои кулачки пробивают его защиту (скорее, полузащиту), отец начинает смеяться, он доволен. И я не понимаю, почему. Я рассержен, взерошен, а отец смеется.

Харниш больше ничего не добавляет к сказанному и не прерывает моих размышлений. На меня он не смотрит. Кожа на лбу собрана в складки, между бровей — двойная морщина.

— А как же вы, доктор? — спрашиваю я. — Где ваши питомицы?

— И я тоже, — отвечает он не совсем понятно, в унисон своим мыслям. — Есть открытия, которые опережают время.

— Вы ведь, кажется, хотели улучшить мир? — (Харниш молчит.) — Как и Прометей, — добавляю я про себя.

— Откуда вы знаете, — грустно улыбается Харниш, — какие мотивы мной двигали? Да и им тоже. Возможно, жажда славы и почестей?

— Не верю! Не верю, доктор Харниш. У людей вашего масштаба может быть только один мотив — иллюзия того, что они вершат судьбы мира!

— Не надо кричать, я прекрасно слышу. Так уж и иллюзия?

— Что вам под силу богоравные задачи.

— Мне кажется, вы склонны к излишнему пафосу. Это от молодости. С годами это пройдет.

— Но вам ведь удалось создать их? Воплотить свою мечту?

— Удалось.

— И что вы...

— Что я почувствовал при этом?

— Да.

Харниш задумался.

— Что?.. Что, пожалуй... уже никогда не поставлю я перед собой такую грандиозную задачу, никогда уже не придут мне в голову такие же гениальные мысли, которые позволили вызвать из небытия этих детей. То, что я сделал, невозможно было сделать, опираясь на современную теорию наследственности. Невозможно было сделать, оставаясь в рамках старых добрых академических принципов и толчеи идей. Там не на что было опереться. И я рискнул опереться на то, что хрестоматийная эмбриология высмеивает как метабиологию и шарлатанство. Опереться... на пустоту. На параэмбриологию. И, — Харниш прочистил горло, — и у меня получилось. Такое переворачивает мировоззрение. Ощущение это невозможно передать. Чувство того, что под тобой глубины, у которых нет дна. Это пугает.

Все это изложено ровным голосом, без малейшей театральности и претензии на пафос, которым, как известно, так грешит молодость. Харниш снова замолкает. Мы продолжаем подниматься по бетонному шоссе. Изредка налетает влажный душный ветер, шумит в кронах. Жарко.

— А что случилось потом?

Харниш поднимает глаза, но смотрит он, скорее, сквозь меня. Взгляд его словно расфокусировался, утратив пронзительную настойчивость берегового пограничного прожектора.

— Вы слышите, доктор Харниш?

— Слышу, — отвечает он, — А вы?

— Что? — не понял я.

— Сирена.

С верхушек деревьев с треском и хлопанием срывается разномастная горластая стая встревоженных птиц и начинает кружиться над кронами. Алексей останавливается и говорит:

— Сирена, слышите? Это корабельная сирена.

Нарастающий далекий вой корабельной сирены теперь уже слышен отчетливо, несмотря на какофонию над кронами.

— Это «Крестonosец», — говорит Алексей, — Это наши включили: или Юра Заяц, или Гриша. Слышите?

— Или и тот и другой. — Валентин тоже останавливается, утирает пот.

Если сирену включили ребята, то это, конечно, не предупреждение о скором старте — просто дополнительный ориентир для тех, кто идет сквозь джунгли к космодрому. И это отличный знак: раз работает сирена, значит, корабль живой, не мертвый, не куча металлолома, как бредилось Алексею, и, значит, нас уже, по крайней мере, четверо.

— Идемте скорее, — сказал Алексей.

— Да куда спешить? — Валик снова вытер пот и глянул на солнце.

Если бы не Валентин, мы с Алексеем, наверное бы, припустили бегом. Оставшиеся километры до космодрома мы покрыли за час.

То, что когда-то было стартовой площадкой, настолько обросло деревьями, что сквозь сплошную зелень, в которую упиралось шоссе, мы с трудом различили силуэт звездоскафа. Нижние люки его были открыты, трап спущен, а около трапа возились, собирая миниатюрный поисково-спасательный вертолет, Гриша и Юра Заяц. Трудились они, буквально не поднимая головы, сирена выла надсадно, и, только когда мы подошли вплотную, они увидели нас.

Только на следующий день мы смогли взлететь. Старт на закате со скалистого плато, расположенного в самом сердце джунглей, прозрачный инверсионный след, рассеивающийся в косых лучах вечернего солнца — что еще может быть лучше для пролога? К сожалению, это уже эпилог. Вру, вру — к счастью, это эпилог.

Противометеорная пушка, которой был оснащен звездоскаф, проломила такую дыру в защитном экране, что никакие регенерационные способности сети не смогли остановить нас.

Корабль назывался «Британик». Это было десантно-грузовое судно. Почти нетронутый запас консервов и воды в трюмах, рассчитанный на экипаж из девяноста восьми человек, мощнейшие поисковые детекторы. Немного необычное расположение приборов на пульте в рубке управления, но это уже не имело значения. С таким кораблем нам практически не было смысла искать «Крестonosец». На «Британике» мы могли бы достичь Базы самостоятельно, пусть не за три-четыре дня, а за неделю, но ведь время зачета не ограничено.

Рубка звездоскафа непривычно просторная, явно большая для экипажа из пяти человек. Включенные обзорные экраны, как кольцо огромных иллюминаторов по периферии рубки управления. Иллюзия настолько полная, что, кажется, даже холодом тянет от блестящих, как черные зеркала, поверхностей. На задних экранах тает, обрубленный тенью, темно-зеленый диск в мучнистых завихрениях облаков. Прощай. Альтиметр нанизывает один за другим нули на дисплее.

— Расстояние триста тысяч километров, — говорит Юра, — Через пару часов выйдем на крейсерскую скорость.

Я глянул на Алексея. Он перехватил мой взгляд.

— Что?

— А вам не кажется, ребята, — неожиданно сказал Гриша, — что мы уже практически пилоты? А? Черт побери!

— Надо еще добраться до Базы, — заметил Алексей.

— Мамочка, я лечу к тебе! — взвыл Гриша, подняв руки.

— Слушайте, — сказал Валентин, — если мы зачет практически сдали, и нет даже особого повода искать э-э... «Крестоносец», то, может быть, есть смысл вернуться?

— Куда? — не понял Гриша.

— Туда, — Кивок в сторону задних экранов.

— Зачем?

— Ну, могли бы поохотиться, что ли. Небольшое сафари в джунглях. Мне кажется, что другой такой случай вряд ли скоро представится. Кислородная планета, почти Гондвана...

— Ты это серьезно? — переспросил Юра.

— Вполне.

Мы переглянулись.

— Да и потом, — Валентин прокашлялся, — если Заяц прав, возможно, по планете где-то бродят амазонки, юные э-э... красотки, которых надо спасать, а мы рванули оттуда с совершенно неподобающей прытью. Рыцари.

При этих словах физиономия у Валентина была самая невинная.

Алексей улыбнулся.

— За тридцать лет амазонки давно превратились в старух.

— Пошляк! — возмутился Валентин. — А ты, Васич, что молчишь?

— НЛЮ на боковом экране, — сказал я.

— Ну вот, — пробормотал Юра, — кажется, сейчас все разъяснится...

Что это значит? Это тело, на первый взгляд такое слабое и хрупкое — а по сути, неуничтожимое, — в основе своей состоит из ничего? Что все белки, клетки, ядра клеток — только имитация! Настоящая структура, отвечающая за функционирование... запрятана глубже.

С. Лем, «Солярис»

Ты видел свадебный зал, когда ушли молодые и гости. Что, кроме беспорядка, открыл там бледный утренний свет? Черепки разбитых кувшинов, сдвинутые с места столы, зола в очаге и пепел говорят, что люди здесь ели, пили и суетились. Но, глядя на послепраздничный беспорядок, что узнаешь ты о любви?

А. де Сент-Экзюпери, «Цитадель»

- Пошляк! — возмутился Валентин. — А ты, Васич, что молчишь?
- НЛО на боковом экране, — сказал я.
- Ну вот, — пробормотал Алексей, — кажется, сейчас все разъяснится.

Ураган налетел внезапно. Струи ливня обрушились с такой силой, что звездоскаф, зависший в сорока метрах над ночным лесом, покачнулся, осел, его повело боком, это громадину пяти тысяч тонн! Луч прожектора, нацеленного на окраину болота, увело в сторону, и теперь под нами в освещенном пространстве вздымались и опадали зелеными взлохмаченными волнами мокрые кроны деревьев. Над дырчатой рябью верхушек, как пена, сорванная с гребней волн порывами ветра, летели какие-то сучья, листья вперемешку с водяной пылью.

Звездоскаф с трудом выровнялся.

— Надо опуститься пониже, — посоветовал Гриша.

Если бы то же самое сказал Алексей, с которым мы выросли на одной улице, более того, в одном дворе, я бы, не задумываясь, огрызнулся: «Не трюнди под руку», но Алексей молчал, а отвечать такое будущему координатору, внуку координатора, не поворачивался язык.

Опуститься пониже все-таки пришлось. Прожекторный свет тонул в сплошной ливневой завесе, водяная пыль отсвечивала радужным гало, так что не видно было ни черта. Звездоскаф провалился в воздушную воронку, обломал посадочными опорами верхушку дерева, накренился... «Осторожней!» — крикнули в два Голоса Алексей и Юра Заяц; и, наконец, завис над поверхностью болота. В последний момент мне удалось уравновесить «Британик» над самой топью, еще одна или две секунды и мы бы по самое брюхо завязли в иле.

Я поднял звездоскаф повыше и включил автопилот. Ладони у меня взмокли, а пальцы противно дрожали. Тяжеловесный и неповоротливый «Британик» явно не был предназначен для таких приключений.

Теперь струи дождя летели нам навстречу, но порывы ветра стали мягче: мы опустились ниже верхушек деревьев. Ураган бесновался над поверхностью леса, а здесь было относительно тише. Прожектор снова начал шарить над топью. Неужели, потеряли? Да нет, вот же он на диоптрическом сканере, совсем рядом. В течение нескольких бесконечных мгновений, пока над нами не полыхнула молния, мне казалось, что мы его никогда больше не увидим. Безусловно, трясина затягивала его с каждой секундой, но внезапно тучи над «Британиком» озарились змеящимся сполохом, и в ту же секунду мы увидели его. Разом. НЛО.

Ни капельки он не тонул. За те пять или шесть минут, что мы сражались с ураганом, положение его на глаз несколько не изменилось. Вокруг него из трясины валил пар, тут же разрываемый в клочья порывами ветра. В резком свете прожектора корпус его отливал какими-то неуловимыми оттенками, как нефтяное пятно на воде. Больше всего он был похож на огромного жука с четырьмя суставчатыми парами асимметричных лап не то опор, не то антенн, торчащих под разными углами из-под брюха и сейчас наполовину утопленных в трясине.

Он врезался в болото у самого берега. Горбатая корма его высоко вздымалась над водой. Звездоскаф медленно, инерцией двигателей, сражавшихся против ветра, сносило к нему. Очень мне это не понравилось. Было такое впечатление, что НЛО как бы притягивает нас к себе. Если бы не странный косой наклон этого полузатонувшего шестиметрового жука, можно было решить, что никакая это не авария НЛО, а нормальное его положение для

взлета-посадки, ибо что мы в конце концов знаем о способах посадки инопланетных кораблей? Может быть, так и надо: с размаху ночью в болото, а внутри какие-нибудь слепые жабо-головастико-улитки, не то чтоб совсем слепые, но с глазами, не приспособленными для дневного света, и сейчас все они по наклонному туннелю благополучно перебираются в родную стихию, все, за исключением последнего, припавшего к прицельной рамке, в центре которой приплясывает под ударами ураганного ветра над ночным болотом наш звездоскаф? Прицельная рамка разрядника с плазменной накачкой...

Едва я подумал об этом, как на экранах снова полыхнула молния. Гром ударил с такой силой, что мы едва не оглохли, и в этом лишь отчасти были повинны внешние микрофоны. Несмотря на звукоизоляционный слой, металлический корпус звездоскафа резонировал, будто гигантская пустая раковина. На мгновение «Британик» окутался сетью электрических разрядов. В ушах стоял звон, когда я увидел, как высоченное дерево на краю болота, кажется, бледный термитник, начало крениться. Я ничего не успел сделать, даже испугаться. Сработал автопилот. Звездоскаф качнуло, и через секунду мы висели в ста метрах над лесом. Поистине, дураков и сумасшедших бережет бог. Или исправная автоматика.

Снижаться мы больше не рискнули. Верхушкой дерево накрыло НЛО, слегка еще притопив его в болоте. В глубине сплетения густых ветвей прожекторный луч нашарил корму «жука», лоснящуюся тусклыми нефтяными переливами.

— Не повезло, — пробормотал Алексей.

— Никуда он не денется до утра, — сказал Валентин.

Я сверился с курсографом.

— В двухстах километрах отсюда плато. Подождем там, пока кончится ливень, — и отключил автопилот.

Безусловно, он обладал душой. Это был старинный звездоскаф, одно название «Британик» чего стоило. Безусловно, как обладают душой любые старинные вещи, долго соприкасавшиеся с человеком и за свою длинную жизнь повидавшие много как хорошего, так и плохого, как старые портреты, взгляд которых за многие-многие годы обретает пугающий живой блеск. Где-то в недрах его металло-полупроводникового тела с армированным кристаллическим скелетом жила душа, полная достоинства и невозмутимости престарелого английского лорда, за спиной которого стоят поколения и поколения предков, верой и правдой служивших своим суверенам.

И когда два часа тому около кислородной планеты мы развернули «Британик» и вместо того, чтобы напрямик следовать на Базу, пошли на сближение с НЛО, я почувствовал, как наш звездоскаф всеми своими фибрами выражает нам безмолвный упрек. Аристократ. И едва заметное презрение.

Что выйдет из этой истории, мы представляли себе весьма туманно. В мутном водовороте коротеньких, как у Буратино, мыслей о том, что такое случается раз в жизни, в моей голове всплывали какие-то отрывки и целые абзацы из параграфов Устава, запрещающих и предписывающих, вперемешку с голосами курсантов, рассказывающих страшилки о без вести пропавших звездолетах... А вышло вот что.

— Не отставай, дистанция увеличивается, — гундосил над ухом Алексей.

— Пристегнись крепче. Сейчас будем тормозить.

— Как тормозить? Уйдет ведь!

— Не уйдет, — заверил Юра — Он через пару минут или врежется в сеть, или...

— Что или?

— Пристегнись, — повторил я. — Он или изменит курс, или сейчас затормозит.

Гриша молчал. Насколько я помню, за все время погони он произнес не больше двух-трех замечаний. Трудно поверить, но именно в его голове родился тот безумный план, что едва не погубил нас.

«Как меняются со временем люди!» — воскликнул философ. Ни черта они не меняются. Не умнеют и не глупеют. Не добреют и не черствеют. Все их качества, поступки, слова, мысли закладываются в них еще до рождения. Звездами, как утверждают астрологи. Может быть. Но я знаю только, что тот Гриша, каким он стал через тридцать лет, вальяжный, с редкой проседью джентльмен, таит в себе все того же пацана: безрассудного и нетерпеливого. Свою истинную суть. И это становится ясно, стоит несколько раз попристальней взглянуть ему в глаза в течение пятиминутного разговора. Глаза у него остались прежние: безмятежно-нагло-азартные, и сквозь зрачки проглядывает все та же черная дождливая ночь, полная неопознанных летающих объектов, инопланетных чудовищ и собственных просчетов.

Километров за тридцать до сети, покрывающей кислородную планету, НЛО начал тормозить, сбросив скорость со ста метров в секунду почти до нуля. Наше присутствие им напрочь игнорировалось. Чувствовалась в нем упрямая целенаправленность. И я ничуть не удивился, когда через несколько минут увидел, что ячейки сети перед ним разомкнулись, образовав широкий овальный проход, и в этот проход скользнул НЛО, вспыхнув ярким алым светом.

— Выхлоп маршевых двигателей, — неожиданно сказал Гриша.

— Васич, быстрее, если мы хотим успеть, — прошипел Алексей, — сеть сейчас закроется.

— Не закроется, — буркнул я, чтобы хоть что-нибудь ответить. Ни малейшей уверенности в этом у меня не было, — Лучше потрудись отметить проход на карте.

— Уже отмечено.

Для себя я решил, что, если мы не успеем, — повернем назад. Загадал. Мне эта авантюрная затея с возвращением нравилась все меньше и меньше, и если бы проход у нас перед носом захлопнулся, что ж — бунт на корабле, в конце концов триста лет он нам нужен, этот НЛО, еще пальнет по нам в облаках ни за что ни про что, разобьем звездоскаф...

Но проход не закрывался. То ли почувствовал наше приближение, то ли был настроен на пропуск караванов НЛО, то ли что-то сломалось в нем. Да нет, вряд ли. Когда «Британик» проскочил сквозь проход, быстро и без всяких осложнений, и начал падать в ночные облака, необъятное сетчатое поле еще секунду назад наплывавшее на нас, крупнея шестиугольными ячейками, оказалось вверху (ячейки мельчают, сливаясь в прожекторном луче «Британика» в серебристую рябь, словно мы погружаемся под воду), в этот момент НЛО канул в верхний слой облаков и исчез со всех экранов, словно его и не было никогда. И тогда проход за нами захлопнулся...

Мы опустились на скалистом плато, с которого стартовали четыре часа назад. Отсюда до места падения НЛО было чуть меньше двухсот километров. Ураган не утихал до утра. О том, чтобы взлететь на вертолете в такую погоду, не могло быть и речи. Не могло быть речи и о том, чтобы приземлиться на звездоскафе поблизости от топи с неопознанным летающим объектом. Между плато и бесчисленными болотами на многие километры вокруг тянулись джунгли — ливневый лес — нескончаемое переплетение гигантских стволов, ветвей, лиан.

За последние сутки мне удалось поспать не больше трех часов. Несколько раз в течение ночи нам казалось, что буря стихает, но то были только короткие перерывы между шквалами. Под утро разразилась жуткая гроза. Видели ли вы с расстояния пятидесяти метров пунктирную молнию, из которой рождается веер шаровых молний? Или перекрещенные, как буква Ж, три молнии, бьющие одновременно по верхушкам самых высоких деревьев?.. Однако с первыми лучами солнца порывы ветра начали слабеть.

Миниатюрный поисково-спасательный вертолет класса «Оса», весь в ядовитых желто-черных полосах, от вида которых через минуту начинало ломить глаза, был рассчитан на экипаж из двух человек. Общими усилиями мы выкатили его из ангарного отсека «Британика» на мокрые бетонные плиты космодрома и потянули жребий. Выпало лететь Валентину и Грише.

Алексей отбросил короткую травинку и некоторое время, прищурившись, рассматривал низкий пасмурный горизонт. И было непонятно, жалеет он о том, что летит не он, или наоборот.

— Снова невезуха, — фыркнул Алексей, не отрывая взгляда от стелящихся на севере облаков.

Пробившееся на несколько минут солнце опять скрылось за тучами. С севера надвигалась низкая облачность. Дул порывистый сырой ветер. Чувствовалось, что через час или два опять хлынет дождь. Хотелось поднять воротник и засунуть руки в карманы. В голову лезли совершенно посторонние мысли, например, что сейчас делают мама и отец? И

параллельно: какой мог бы подняться переполох, если бы стало известно, что зачетная группа наткнулась...

— Ну, — Юра похлопал по выпуклому полосатому боку вертолета, — ни пуха ни пера, что ли, ребята.

— К черту, к черту. — Валентин взгромоздился на сиденье, втиснув пулемет к себе на колени. Шестиствольный звероподобный пулемет в крохотной кабине выглядел как долговязый мегатерий в вольере молодняка: тяжеловесная покладистость в сочетании с полным отсутствием чувства юмора.

— Час туда, час назад. — Гриша покачал штурвалом, проверяя хвостовые элероны, — К обеду ждите.

— Связь, — напомнил Алексей.

— Непрерывная, — заверил Гриша.

Валентин поправил пулемет, но неудачно: край приклада врезался Грише в бок.

— Э-эй, полегче, Валик, со своей кулевриной.

— Это не кулеврина, — несколько даже обиделся Валентин.

— А что? — с неожиданным интересом спросил Алексей.

— Мультиган «Конквистадор». МГ-400 «Конквистадор». Отличная модель. Выпускалась в течение почти ста лет.

— А-а... Ага-а, — протянули одновременно Гриша и Алексей.

Валентин снова поправил оружие. Теперь дульные срезы шестиствольного барабана высунулись из кабины.

Наконец втиснулись. Все остались довольны. «Времени у вас, наверное, будет немного, ребята. Надвигается гроза», — «Поехали, поехали», — «Оружие...» «Что?» За шумом разгоняющихся винтов уже ничего нельзя было разобрать. Мы отошли подальше. «Оса» легко оторвалась от земли и, взмыв над космодромом, сразу скрылась за ближайшими кронами.

Никаких предчувствий. Никакого внутреннего голоса, нашептывающего о близкой катастрофе, о том, что мы уже не увидим возвращающуюся «Осу». С севера погрохатывало. Алексей высказался в том смысле, что неплохо бы подкрепиться, раз уж все равно никаких событий раньше чем через час не предвидится.

— Я пойду проверю гидросистему климатизаторов, — сказал Юра. И ушел.

— Не верится мне, что это звездолет, — сказал Алексей без всякой связи с предыдущей фразой.

— НЛО?

— Да, — кивнул Алексей. — Наверняка зонд какой-нибудь беспилотный.

— Это почему?

Алексей пожал плечом:

— Плюхнулось в болото, и полчаса, пока мы вертели над ним на звездоскафе, — ни малейших признаков жизни. Ни единой попытки выбраться, освободиться. Дерево чудовищное грохнулось на него... По-моему, там никого нет.

Был какой-то изъян в Лешиной логике. Совсем небольшой, соринка какая-то. Но где именно, я понять не мог.

Мы вернулись в рубку «Британика» и некоторое время слушали однообразные доклады Валентина.

— Высота... скорость... Летим над самыми верхушками деревьев... Туман

поднимается. Началась мелкая морось.

Я представил, как «Оса» с воем и свистом режет мокрый воздух над зеленым дырчатым ковром крон, время от времени врезаюсь в шапки тумана, висящие над болотами.

— Поднялись немного повыше. Высота пятьдесят метров. Припустил дождик. Как у вас погода?

— Без перемен пока, — ответил Алексей.

— У нас дождик усиливается. Минут через тридцать будем на месте.

Вернулся Юра.

— Ну как там? — Я немного приглушил микрофоны.

— Лучше быть не может. Климатизаторы как новенькие. Рассчитаны на экипаж из девяноста восьми человек, так что хоть сейчас можем отправляться к Денебу или к Бетельгейзе. И не возвращаться.

Алексею эта тема пришлась по душе и, минут десять, пока вертолет не достиг края выжженной пустоши, он развивал ее, расцветчивая похабными подробностями. Словесный фонтан восточного красноречия. Тысяча и одна ночь. Явно нервничал слегка Алексей.

— Трепло, — хмыкнул Юра.

Не долетев до места катастрофы НЛО километров шестидесяти, Валентин с Гришей обнаружили недавно выжженный, как ударом огромной молнии, участок леса, который мы не смогли увидеть с орбиты из-за плотной облачности. Расщепленные обугленные стволы, скрюченные страшным жаром ветки. Обширный участок. Несколько Гектаров испепеленных джунглей. Представить, какой силы была молния, вызвавшая пожар в вечно влажном ливневом лесу, не хватало никакого воображения. Скорее, уж квадратный километр обугленных, прижатых к земле словно ударной волной деревьев, вызывал ассоциации с килотоннами ядерного взрыва, Большой Воронкой в Аризоне и местом падения Тунгусского метеорита. Напрашивался сам собой вывод, что мы только что обнаружили место падения еще одного НЛО, более давней аварии, но все мысли наши были уже там, на окраине болота, где накрытый кроной термитника, остался полузатопленный черный асимметричный жук.

А между тем было над чем задуматься. Место катастрофы еще одного НЛО? Да помилуйте, что же это за планета? Действительно заповедник? Тогда уж, скорее, полигон. Или место паломничества каких-то фанатиков из секты самоубийц. Размышляя над этим сутки спустя, я так и не смог прийти для себя ни к каким выводам. Все это было как-то по-земному: заповедник, паломничество...

Несмотря на миниатюрные размеры «Осы», место для посадки оказалось найти не так просто: с одной стороны топь, с другой — сплошная стена леса. Некоторое время Гриша кружил над местом падения НЛО, пока не высмотрел крохотную сухую площадку на краю болота.

— Выходим, — сообщил Валентин, — До НЛО метров триста.

— Как он? — осведомился Алексей.

— По-моему, без изменений. Как и вчера. Накрыт кроной дерева. Что?

— Да, по самую шею в трясине, — подсказывает Гриша. За ветвями термитника почти ничего не видно.

Первым почувствовал неладное Гриша Чумаков. Они уже подошли достаточно близко, чтобы сквозь крону дерева, упавшего сверху на НЛО, рассмотреть странный наружный слой покрытия корпуса, состоящий из чешуйчатых пластин, налегающих одна на одну. Последовало минутное замешательство, короткая перебранка в эфире. Валентин с чем-то не

соглашался.

— Что происходит? — повторил несколько раз Алексей.

— Люк, — лаконично сообщил Валентин. — В центре корпуса НЛО, над самой водой, открыт люк.

И замолчал. И больше никаких комментариев. С ума можно было сойти.

— Валик! — закричал Алексей.

— А?

— Не молчи! Где вы?

— Около корней термитника. Сейчас я хочу по стволу подобраться поближе и заглянуть внутрь НЛО. Возможно, там кто-то нуждается в помощи.

Я представил, как Валентин, ошестившись шестиствольным «конквистадором» и придерживаясь свободной рукой за ветви, продирается сквозь крону поваленного дерева к люку, чернеющему над водой, для оказания помощи. Значит, никакой это не зонд? Действительно авария?

Было слышно, как Гриша Чумаков каркнул что-то предостерегающее. И вдруг — треск ломающихся ветвей, сквозь который ввинчивается теперь уже в совершенно беспорядочные крики шум разгоняющихся лопастей «Осы». «Осы»? Ведь она на другом берегу, Валентин и Гриша находятся по меньшей мере метров за двести от нее. Тогда кто же?..

Ударила пулеметная очередь. За ней еще одна и еще. Ровный шум вертолетных винтов неожиданно дал сбой, начал захлебываться, раздался резкий металлический треск. И вдруг все стихло, и в ту же секунду громыхнул взрыв.

— Валентин! Валентин! — заорал Алексей в микрофон.

Нет ответа.

Над космодромом поднялся сильнейший ветер. На минуту внешние экраны «Британика» совершенно ослепли от тонн водяной пыли, налетевшей вместе с ураганом.

— Валик! Что у вас происходит? Где вы? Слышишь?.. — Алексей беспомощно оглянулся. — Дьявольщина... Это бесполезно. Взлетаем, Васич.

Взлетаем. Легко сказать. Не видно ни зги. Где переключение перископов на инфракрасные сканеры? Серую мглу над «Британиком» вспорола молния. Звездоскаф качнуло. Если бы это произошло секундой раньше, нас бы отбросило на бетонные плиты. К счастью, мы уже успели набрать достаточную высоту. Внешние экраны прояснились. Корабль на мгновение завис между двумя слоями облачности — нижней, затопившей плато и джунгли, и верхней, в которой беспрерывно сверкало-громыхало, — и ринулся в сторону злополучной топи. Разгон и сразу торможение... Да, это вам, господа, не вертолет.

— Вот они!

На инфракрасных сканерах под волнами водяной пыли, накрывшей топь, плясало яркое алое пятно — пламя, весело пожирающее «Осу». Можно было различить и сам вертолет, корпус которого раскалился и виднелся в инфракрасных лучах бледно-розовым контуром на фоне темной трясины.

Юра присвистнул. Алексей чертыхнулся.

Хлынул ливень. Порывы ветра наконец разорвали мутную пелену тумана, и теперь стало видно на краю топи изрубленные лопастями вертолета верхушки деревьев и сам вертолет в клубях дыма и пара, лежащий боком в центре выгоревшей, покрытой жирной копотью проплешины.

Звездоскаф начало сносить под напором усиливающегося урагана. Я поднял «Британик» повыше. Ни Валентина, ни Гриши в поле зрения не было. Ума не приложить, куда они могли деться. С момента взрыва прошло не больше шести-семи минут. Не утонули ж они в конце концов! Проклятый НЛО. Что же было там? Нечто, пытавшееся взлететь на «Осе» и поплатившееся за это жизнью?.. Куда же они провалились?

Мы сделали круг над берегом вокруг останков «Осы» и НЛО. Усиливающийся с каждой минутой ливень ограничивал обзор несчастной сотней метров. Положение наше складывалось ни к черту. Звездоскаф надсадно взвыл сиреной. Потом еще и еще раз. Бесполезно. Даже если бы они сейчас выскочили из джунглей, мы бы все равно не смогли подобрать их — негде было опуститься. Эх, почему «Британик» не десантно-разведывательное судно! Сбросили бы сейчас над ближайшим болотом кислотно-керамитовую бомбу, и через четверть часа застывала бы под нами готовая посадочная площадка.

Больше никогда не буду катапультироваться с предельно малых высот. В жизни не буду. В сомкнутые губы и веки ударила тугая мокрая струя воздуха, мир перевернулся несколько раз вокруг неведомой Архимеду точки опоры и с размаху ударил по спине так, что дух перехватило. Во все стороны брызнула болотная жижа. Пол-лица оказалось заляпано грязью. Лучемер я едва не утопил. Рядом барахтался, проваливаясь по пояс в топь, Алексей.

Юра уводил звездоскаф к космодрому. «Британик» на прощание еще раз взвыл сиреной

и скрылся за пеленой дождя. За несколько секунд, пока корабль набирал скорость, полет его заметно выровнялся, перестало его клонить и раскачивать в завихрениях урагана.

Боковой ветер валил с ног. Ливень шел такой, что в считанные минуты, пока мы выбирались на твердый берег, нас отмыло, как под душем.

Вертолет догорал на берегу. Ветер хлопал открытой дверцей. Краска обуглилась. Одинокие язычки пламени за закопченным стеклом кабины, до которых не доставали косые струи дождя, слабо шипели и отхаркивались искрами.

— Я всегда говорил, что у Валика верный глаз и твердая рука, — отплеываясь от дождевой воды, произнес в несколько приемов Алексей.

— Как у нас связь, Леша?

— Нормально. Проклятый ливень, — Алексей дотронулся до спирофона. — Юра уже успел приземлиться... Слышу тебя хорошо... Нет, их нигде не видно. Оружие? В порядке, — Алексей снял лучемет с предохранителя. Я, на всякий случай, посторонился.

Оскальзываясь и цепляясь за прибрежные корни, мы подошли к вертолету. Длинные очереди превратили кабину в дуршлаг. Было видно, что Валентин не скупился, поливая «Осу» пулеметным свинцом. Что-то очень ему не понравилось там, в кабине. Я выставил лучемет и, выдохнув на всякий случай, распахнул дверцу «Осы». Ручка обожгла ладонь, дверца распахнулась... Никого там не было внутри. Никаких обугленных останков инопланетной твари, схватившейся за штурвал. Успела ускользнуть?

— Ничего нет, — пробормотал Алексей, защищаясь ладонью от дождя. — По кому же он стрелял?

Я стирал с ладони сажу. Так уж ничего? Вдоль обгоревшей спинки пилотского сиденья и на полу виднелись странные смолистые потеки и брызги, от пламени вспузырившиеся и успевшие затвердеть лаковой коркой. Масло? Нет, скорее кровь, но какая-то странная, отливающая густым сиреневым блеском.

— Смотри, — Алексей потянул меня за рукав.

На топком берегу, в том месте, где корпус вертолета немного защищал грунт от хлеставших струй ливня, отпечатался глубокий след босой ноги. Или лапы? Крупной пятипалой лапы, похожей на птичью. След перекрывался рубчатым отпечатком ботинка.

— Он успел выпрыгнуть из «Осы», — сказал Алексей.

— Кто?

— Откуда я знаю? Тот, кто прилетел на НЛО!

Я посмотрел на Алексея.

— Он догадывался, что мы вернемся. И ждал, — добавил Алексей. — Он наверняка видел, как мы кружили над ним ночью.

— Да, — кивнул я, стараясь разобраться в каше в голове. — Пожалуй.

Алексей, повернувшись так, чтобы хоть чуть-чуть защитить спирофон от дождя, и костеря на чем свет стоит погоду, начал объяснять положение дел Юре, а я еще раз осмотрел следы вокруг вертолета и в кабине.

Было совершенно непонятно, зачем «Оса» понадобилась пилоту НЛО. Попытался взлететь, оказался подбитым. Ранен? Скрылся в джунглях... Судя по всему, ребята бросились следом. Герои... А нам что теперь делать?

— Двинули за ними, — сказал Алексей. — Он наверняка ранен и не мог далеко уйти.

— Минутку, давай осмотрим НЛО. Это не займет много времени.

Кажется, дождь начал немного стихать. Раздвигая густые мокрые ветки термитника, я

добрался по стволу до корпуса НЛО, покрытого черной глянцевой чешуей, и заглянул в темное отверстие люка. Никого. Контуры каких-то механизмов в глубине. По краю люк был покрыт серебристым ворсом, мягким и заметно теплым на ощупь, как спина котенка. Вниз вел узкий трап с треугольными ступенями, тоже мягкий на ощупь и приятно теплый под пальцами, словно живой.

Не без некоторой опаски я перенес всю тяжесть корпуса на первую ступеньку и спрыгнул внутрь.

В ноздри ударила густая смесь запахов. Несколько секунд глаза привыкали к темноте. Никого, кроме меня, в маленькой рубке не было. Я стоял на дырчатом покатом полу рядом с раскрытым перегрузочным коконом пилота, смахивающим на огромный рыхлый абрикос, распавшийся на две половинки. Только внутри «абрикоса» отпечатался не след от косточки. Еще недавно там был пилот; нечто скрюченное или горбатое, о шести конечностях.

— Ну, что там? — Алексей перегнулся через край люка.

— Сейчас...

Меньше всего это было похоже на рубку управления кораблем, тем более звездолетом. А напоминало это внутренность примитивнейшего метеорологического зонда, наспех очищенного от дублирующей аппаратуры, дабы освободить место пилоту. Полноте, да пилоту ли? В первых космических кораблях середины двадцатого века тоже было место для космонавта, но на самом деле управлялись они огромными станциями слежения с поверхности земного шара. Дальше мои мысли понеслись вскачь. Одно из двух: или это сошедший с орбиты околопланетный зонд, или... это автоматический межзвездный корабль, рассчитанный на дорогу лишь в одну сторону. Судя по тому, с какой точностью НЛО вышел на проход в сети, траектория полета его была выверена заранее. Он следовал по кратчайшему проложенному курсу, чтобы доставить сюда... кого? Исследователя? Ссылного, приговоренного узника?

— Ну, что там? — нетерпеливо повторил Алексей.

— Ничего. Сейчас иду.

До сумерек мы успели прочесать все окрестности болота вокруг места посадки НЛО. С нулевым результатом.

К вечеру Алексей перестал стесняться в выражениях. Прихрамывая и не заботясь больше о разнообразии, он проклинал черными словами непрерывную морось, Валентина, Гришу, пришельца, проклятую планету и проклятый зачет. При этом он не забывал регулярно информировать Юру о нашем продвижении и выслушивать короткие сводки о положении на борту. Собственно, у Юры ничего не происходило на борту, как и у нас. За шесть часов блужданий под сводами ливневого леса мы не обнаружили больше никаких следов ни пилота НЛО, ни Валентина с Гришей.

Заметно стемнело. Свет и без того тусклый, пробивался к подножиям деревьев, словно на дно морское.

Воображение рисовало самые мрачные картины в стиле сумеречных фантазий Иеронима Босха: вспоротые переломанными ребрами два десантных комбинезона в густой траве, едва различимые в тени подлеска, мошкара, что слетается на тяжелый дух и оседает шевелящейся пеной на белеющие мертвые кости, отмываемые бесконечными дождями. «Скажи мне, кудесник, любимец богов, что в жизни случится со мною, и скоро ль на радость соседей-врагов...» Да.

— Слушай, Алексей.

— Что?

— Как ты думаешь, ребята не погибли?

Алексей остановился как вкопанный, прервав свои стенания и проклятия, медленно повернулся ко мне.

— Как ты сказал?

Прекрасно он слышал, что я сказал. Не стану я больше повторять.

— Погибли кто? — переспросил Алексей, — Валик со своей шестиствольной кулевриной? Или Гриша, который шагу не ступит, пока не удостоверится, что нигде не поцарапается, а поцарапавшись, сразу ищет противовоспалительную сыворотку?..

— Мне кажется, что все это кончится скверно.

— Ты это брось.

— Скверно, — повторяю я.

— Погода ни к черту. — Алексей, поморщившись, поднимает лицо навстречу морозящим каплям.

Эту фразу я, наверное, слышу сотый раз за сегодня, правда, на сей раз без обычной аранжировки «трам-тара-рам».

— Что-то мы все время не то делаем, — говорю я. — «Крестonosец» мы не нашли. Если кто-нибудь из нашей пятерки погибнет, о карьере пилотов можно забыть навсегда.

— Ты с какой ноги сегодня встал, шевалье? — осведомляется Алексей.

— С той же, что и ты.

— Давай возвращаться, — говорит Алексей.

Чудненько. Я прислонился к кривому узловатому стволу. Ноги гудели. До звездоскафа отсюда шесть дней пути. Подобрать нас среди бесчисленных болот и джунглей Юра не сможет при всем желании.

— К НЛО? — спросил я.

— А то куда же?

«Оса» представляла собой никудышное пристанище на ночь: выгоревшая изнутри, пробитая насквозь пулеметными очередями. Со стен, потолка капала дождевая вода. Кроме того, из-за тесноты в кабине негде было даже вытянуть ноги. А еще эти застывшие брызги и потеки на сиденье пилота.

В НЛО оказалось не намного комфортней: тесно, темно, распавшийся перегрузочный кокон навигатора, как яйцо диплодока. Попахивало от него изрядно. Каким-то совершенно невероятным коктейлем. Пованивало. Псиной не псиной, довольно сильный специфический запах, смешанный с запахом неорганических масел.

— Странно, — сказал Алексей. — Вряд ли это — настоящий звездолет. Какое-то здесь все... — он еще раз провел рукой по асимметричным панелям, — примитивное, что ли. Зонд это какой-то или челнок. Возможно, настоящий звездолет сейчас идет на посадку за тысячу километров отсюда.

— На посадку?

— Ну, или кружит над планетой на высоте двух тысяч километров... Жаль. Если бы это был полноценный звездолет, наша команда могла бы заработать на нем целое состояние. Представь, настоящий НЛО-звездолет, затерянный среди болот богом забытой планеты! И знаем о нем только мы пятеро. Да, конечно, вытащить отсюда его мы сами не в силах...

— Ты имеешь в виду продать?

— Угу.

— Кому? Правительству?

— Правительство скупое по своей природе. Да... Ассоциации. Хотя, — Алексей еще раз обвел взглядом внутренности НЛО, — если бы это было полноценное межзвездное судно, каждый из нас при любом раскладе мог бы получить целое состояние. Каждый! А так, материала, подобного этому, у Косморазведки накопилось за десятки лет наверняка... Слышал о Зеленом Полигоне около Фомальгаута?

Риторический вопрос. Один из ораторских приемов, так любимых Алексеем. Зеленый Полигон был основан лет сто назад указом президента Академии Наук. Имени его я, к сожалению, не помню, да и вряд ли сейчас кто-то, кроме специалистов, назовет имя человека, не запомнившегося ничем иным, кроме создания специального, тогда еще безымянного полигона на пятой планете альфы Южной Рыбы. Однако с тех пор все президенты Академии Наук, вступая в должность, начинают знакомство с делами с посещения пресловутой Зеленой Лаборатории, расположенной за семь парсеков от Солнца на полюсе песчаной планеты, пустыни которой так богаты изумрудными окислами меди и специальными ангарами, где заключены останки всех НЛО, с которыми когда-либо сталкивались земные корабли.

За десятки лет вокруг Зеленого Полигона накопилось множество легенд. Некоторые из них более или менее правдоподобны, а некоторые просто фантастичны. Например, рассказывают, что лет двадцать назад транспорт «Посейдон» отбуксировал к Зеленому Полигону почти неповрежденный инопланетный корабль, внутри которого оказалась совершенно непостижимая форма жизни, содержащая в своих генах информацию обо всех без исключения собственных предках. Более того, это было нечто вроде коллективного разума множества индивидуумов, которые жили сто, тысячу, десять тысяч лет назад. Помоему, до сих пор так и не разобрались, было ли это существо действительно пилотом.

Закончилась эта история уничтожением транспорта, едва успевшего распаковать свой грузовой отсек в ангаре.

Одна из наиболее правдоподобных, на мой взгляд, легенд гласит, что, несмотря на огромное разнообразие кораблей, заключенных в ангарах Зеленого Полигона, там нет ни одного настоящего НЛО-звездолета, за находку которого обещано баснословное вознаграждение.

Через открытый люк накрапывал дождь, но до нас долетали только редкие рикошетные капли. Против ожидания, на дырчатом полу не было никаких луж, только влажная мохнатая шерсть, как ковер. Силуэты асимметричных угловатых механизмов нависали в темноте над коконом навигатора.

— Не утонем мы ночью? Как ты думаешь, Васич?

— Помереть боишься?

— Пошел ты... В пень. Ясно?

Некоторое время Алексей прислушивался, как мне показалось, не погружается ли под нашей тяжестью НЛО. «Тебе не кажется, что крен увеличивается? Как-то странно поскрипывает корпус, а, Васич?» — «Да нет. Все нормально. Это дождь». Потом Алексей немного успокоился.

Люк мы не стали закрывать отчасти из-за опасения, что сработают неизвестные нам механизмы, и мы не сможем выбраться наружу, а отчасти из-за запаха.

Алексей в нескольких словах описал Юре обстановку.

— Спать будем по очереди, Васич?

Я пожал плечами.

— Да. Отдыхай первый.

Алексей не без удовольствия устроился в перегрузочном коконе пилота, с хрустом потянулся. Лучемер он положил у себя на груди, предварительно поставив на предохранитель. Запах, который исходил от кокона, по-моему, волновал его не сильнее, чем болотная слякоть.

Отверстие люка, серое еще несколько минут назад, почернело и слилось с окружающей темнотой, и в темноте стало заметно, что по граням асимметричных панелей, нависающих над нами, струятся крохотные бледные огоньки. Больше всего это было похоже на то, как под поверхностью пепла скользят, вспыхивают и тухнут искры догорающего костра. Черты Алексея в этом призрачном освещении приобрели отдаленное сходство с лицом Поля, каким я запомнил его в ночь с десятого на одиннадцатое мая в Альпах.

— Да, жаль, что это не НЛО-звездолет, — Алексей зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть, поморщился. — Впрочем, с самого начала у нас было не так много шансов. А если бы... представляешь, можно было бы сразу подавать в отставку, прямо через два дня на Базе. Формальности бы заняли несколько часов. Ну, пусть еще неделя на проверку и подтверждение нашей находки. И в конце этого — задержи дыхание на секунду — персональный счет в Гэлакси-Банке. «Господин Дробич, поставьте свою подпись здесь и вот здесь», — «Где-где?» — «Во-от под этим шестизначным числом. Соблаговолите».

— Представляю, — сказал я.

— Ни черта ты не представляешь! — взвился Алексей, словно я его оскорбил в лучших чувствах, — Никаких больше «я бегу по выжженной земле, гермошлем захлопнув на ходу...» Элитные курорты: голубое-небо-зеленое-море-белый-песок. Ясно? Алые-рассветы-пастельные-закаты. Девушки. Как куколки. Стройные красотки на фоне пальм и твоей

персональной трехпалубной яхты у океанского причала. И заметь, сколько бы лет тебе не исполнилось: сорок, шестьдесят или восемьдесят, красотки вокруг тебя останутся все те же — юные и свежие, не старше двадцати. Вот это я называю обеспеченной старостью.

Я слышал это уже много раз про девушек, как куколок, и персональную трехпалубную яхту у океанского причала. Из года в год эти картины с незначительными вариациями переходили у Алексея из темы в тему, олицетворяя собой, как правило, достойное завершение карьеры.

— Мне кажется, ты рано задумался о старости.

— Это почему?

— По-моему, наше положение таково, что до старости кое-кто может и не дотянуть.

— С какой стати?

— Ты знаешь, что такое «стольпинский вагон»?

— Первый раз слышу.

— Валентин однажды рассказывал. Это вагон, в котором перевозили заключенных в девятнадцатом веке.

Пауза.

— Ну? — сказал Алексей, постепенно трезвея от своих грез, — Ты что имеешь в виду?

Если инопланетный корабль не рассчитан на обратный рейс, то кто мог лететь в нем? Беглец? Фанатик-исследователь? Или... Лет за десять до нашего рождения появились «векторные звездолеты» — корабли одного направления, не рассчитанные на возвращение. Трудно сказать, какой логикой руководствовалась Косморазведка, заказывая подобные суда. Они уходили в дальний космос и... некоторые из них потом были найдены через много лет около планет — конечных целей экспедиции, а некоторые пропали, и о судьбе их ничего не известно. Возможно, мы столкнулись с таким вот «векторным НЛО»? Вполне возможно. Вряд ли этот корабль рассчитан на возвращение. Тем не менее идея, что некая цивилизация пользуется планетой как колонией для ссылки преступников, была слишком фантастичной, и я еще раз перебрал в уме все контрдоводы, а потом набрал в грудь побольше воздуха и выложил Алексею все, что я думаю об этом. Собственно, я рассказывал не только Алексею, но и Юре, потому что связь оставалась включенной, и на борту прекрасно было слышно каждое наше слово.

На удивление, меня никто не перебивал.

— Не исключено, что НЛО доставил на планету ссыльного узника...

— Графа Монте-Кристо, — с готовностью вставил Алексей. Язва.

— Возможно. Вполне можно представить цивилизацию, у которой нет понятия о смертной казни, и раз в несколько лет, может быть, реже, может быть, чаще, сюда приземляются корабли из этого странного мира. Убежать с планеты практически невозможно, поскольку корабль рассчитан только на рейс в одну сторону. И тут появляемся мы.

— Вертолет? — быстро спросил Алексей.

— Да. И звездоскаф. Узник, у которого в перспективе пожизненное заключение, может быть в сотнях парсеков от окраин родной цивилизации, вдруг получивший возможность захвата средств передвижения, немедленно попытается воспользоваться этим, чтобы вернуться к границам собственного мира. Вертолет, звездоскаф, стремление вооружиться и покинуть в ближайшее же время планету... По всей видимости, планета никак не инспектируется. Тридцать лет назад здесь приземлился земной звездоскаф и... ничего.

— Ты забываешь, — сказал Алексей, — что звездоскаф достаточно сложный механизм. Им не так просто воспользоваться. Это тебе, душа моя, не вертолет.

— Да, но сейчас на планете есть мы.

— То есть?

— Разумной инопланетной твари не так сложно при желании проникнуть в звездоскаф.

А когда мы взлетим...

— Мне кажется, ты сгущаешь краски, — заметил Алексей. — Кроме того, это существо ранено.

— Ну и что?

Алексей открыл и закрыл рот. В темноте, размытой блуждающими огоньками с поверхности кривых асимметричных панелей, нависших над коконом, мне вдруг померещилось, что белки глаз Алексея на мгновение вспыхнули каким-то красноватым отблеском.

Я потрянул головой, чтобы отогнать наваждение.

— Мы представления не имеем о его способностях, — медленно сказал я, — Возможно, оторви ему руку — за два дня вырастет новая. Регенерация. И рана его давным-давно зажила, и сейчас непонятно, кто кого преследует среди этих бесконечных болот.

Пересилив себя, я снова глянул в лицо Алексею. Мы встретились глазами. Ничего, лицо как лицо. Снова мне показалось, что оно похоже на лицо Поля.

— Что ж это, по-твоему, вурдалак какой-то? Гекатонхейр? — спросил Алексей.

Я пожал плечами.

— Откуда я знаю?

— Людоед?

Опять в отсвете скользящих бликов лицо Алексея стало как-то неузнаваемо меняться. Я почувствовал, что на лбу у меня выступила испарина. Душно, что ли? Зря мы полезли в этот инопланетный корабль, заночевали бы где-нибудь в джунглях. Черт-те что мерещится в полутьме. Я сделал пару глубоких вдохов-выдохов.

Алексей обменялся несколькими фразами с Юрой.

— Невероятно, как эта планета прошла мимо внимания Косморазведки, — наконец сказал Алексей. — Странная планета. Уродливая какая-то. И события на ней происходят какие-то уродливые, непонятные.

Некоторое время Алексей молчал.

— По всей видимости, Валентин утопил спирофон и наушники, когда бросился к вертолету, — сказал Алексею. — А потом, наверное, ребята увидели его.

Увидели, погнались за ним и... заблудились? Нет, не может быть. Представить Валентина, заблудившегося на занятиях по ориентированию, было абсолютно невозможно.

— Он может вернуться сюда ночью, — сказал я.

— Это было бы даже лучше, — после некоторого раздумья ответил Алексей. — Уложим его около люка залпом из лучемета, и больше никаких проблем. А то — регенерация-мутация.

За отверстием люка была крошечная чернота. Дождь продолжал накрапывать, но вяло, нехотя, что ли, временами совсем прекращаясь. Некоторое время с болота еще раздавалось кваканье, какие-то всхлипы, всплески, приглушенное бормотание. Потом все стихло.

— Давай спать, пожалуй, — сказал Алексей. — Через три часа я тебя сменю.

Он повернулся на бок, обняв лучемет, и вскоре мерно засопел.

Некоторое время в неверных отблесках, бродивших по стенам НЛО, я вглядывался в лицо Алексея (ничего в нем не менялось), потом принял микрокапсулу либродекса и, сев напротив открытого люка, уставился в сырую непроглядную темноту.

Он был голоден. Неприятное грызущее чувство в груди, усиливающееся с каждым днем. И голод этот не имел ничего общего с потребностью набить брюхо живым белком. Вернее, это была одна часть голода, которую он удовлетворил сегодня ночью, вдоволь наевшись в прибрежных плавнях.

Он был выродком и знал это. Ему объяснили, в чем суть его болезни, прежде чем отправить сюда. В глубину его существа, души, проникло еще одно, чужое существо, без имени, без лика, без формы — нечто. Большую часть времени оно как бы спало, но время от времени просыпалось и тогда... Это нечто питалось в душах других людей эмоциями: любопытством, нежностью, удивлением, но чаще всего страхом. Большой своей частью оно находилось в пространстве, совсем непохожем на то, в котором он сам обитал, соприкасаясь с миром его планеты какой-то тысячной своей частью. Этот другой мир был миром тьмы, высоких температур, ядовитых галогенных испарений. Это был бесконечно древний, непостижимый обычным разумом мир. Болезнь его не имела ничего общего с шизофренией. Это чужое существо убивало своим голодом окружающих и, насыщаясь, становилось все сильнее и сильнее. Однако чувство насыщения быстро проходило, и нечто вынуждало его искать следующую жертву.

С каждым разом это существо все глубже увлекало его сознание по невидимому склону. И он знал, что, когда существо полностью насытится, он исчезнет из собственного знакомого мира, из Вселенной, в которой родился и станет... кем? Демоном? Ангелом смерти? Этого он себе представить не мог.

Он чувствовал, как в нем развиваются все новые и новые качества, которые с каждым днем все больше отдаляют его от нормальных людей. Например, он мог видеть будущее, события, которые произойдут через несколько секунд или минут. Эта способность пришла к нему внезапно, однажды вечером. Очертания деревьев, облаков вдруг расплылись в наступающей темноте, стали размытыми, словно на город неожиданно опустился туман. Он перевел взгляд на здания. Линии строений и улиц остались четкими. Он испугался, что у него отказывает зрение, и усилием воли попытался стряхнуть наваждение и тут увидел летящую птицу. В небе появился туманный контур, словно бледный инверсионный след, который вопреки логике не рассеивался, а стал быстро сгущаться, превращаясь в размытый узнаваемый силуэт, и вдруг его начал стирать с неба необычайно четкий, видимый до мельчайших перышек приближающийся ночной дрозд. Несколько секунд — и «след обратной инверсии» пропал вместе с птицей, зато появился новый, потом еще один. Ночные дрозды летели к морю.

Позже он заметил еще одну особенность. Птица больная или та, что должна была скоро погибнуть, не имела ясных очертаний. А через несколько дней с ужасом увидел, что его собственное тело начало терять четкость. Но это было совсем другое: он обрел способность менять облик, превращаться во что угодно. Это пришло само собой, как приходит к ребенку способность держаться на ногах, сначала неуверенно ковылять, а потом и бегать. Он обрел способность принимать образ почти любого животного или растения. Материальное тело его постепенно как бы утрачивало стойкость, словно он уже только частично находился в собственном мире.

Его пытались исследовать, лечить, но... Все, что удалось выяснить, прежде чем он убил

двух лаборантов, то, что он не мог насыщаться душами животных. И его решили отправить сюда, где тот, другой, внутри его мозга не мог питаться, а следовательно, должен был в конце концов погибнуть, возможно, через пять или десять лет. Ему объяснили, что это будет мучительно, скорее всего, он перенесет это как тяжелую болезнь, но через десять лет за ним прилетят.

И все же ему повезло. Повезло? Он знал, что для того чтобы ускользнуть из старого мира, ему осталось совсем немного, может быть, три или четыре души. Кто же мог ожидать, что на этой первобытной планете могут оказаться разумные существа. Кто? Да хоть разведчики из другой галактики. Это ему было все равно. Это была пища, которая позволит ему закончить цикл и уйти. И он не видел особых препятствий, что могли бы помешать ему.

Перед рассветом Алексей растолкал меня. Станный сон я все-таки видел, успел подумать я. Не снились мне раньше такие сны. Черная, из клепаного железа тяжелая дверь, покрытая витым узором, в подвале какого-то здания. Странная дверь. Ржавые петли, кольцо вместо ручки. А за ней — мир без дна и света, населенный бесплотными чудовищами. Мир, где беззвучный крик застрекает в глотке и можно падать тысячу и тысячу лет в могильную темноту мимо парящих островов, проросших насквозь косматыми бородами корней. Я стоял на краю и слышал, как чей-то голос зовет меня из чернильной тьмы: «Лети! Не бойся!» И я уже шагнул было вперед, но в последний момент внезапно понял, что это лишь ветер шумит у меня в ушах, и, извернувшись, успел ухватиться за ручку-кольцо, ощущая под пятками миллионы и миллионы километров пустоты под собой. Несколько бесконечно долгих секунд (часов? веков?) я висел над пропастью, обливаясь потом, ногами стараясь найти малейшую опору, чтобы подтянуться, и вдруг услышал, как по подземному коридору кто-то приближается ко мне.

— Васич, проснись, — голос Алексея над ухом.

— Что?

Я открыл глаза. Дождь прекратился. Небо бросало внутрь через отверстие люка слабый серый отсвет раннего утра. Блуждающие огоньки на панелях погасли.

— Тише, — Алексей потянулся за лучеметом.

У меня перед глазами все еще плавала сонная пелена.

Кто-то шел по стволу термитника по направлению к нам, продираясь сквозь густые ветви кроны.

— Слышишь?

Я кивнул.

Судя по звуку шагов, был это никакой не гекатонхейр. Валентин или Гриша это был. Я уже раскрыл рот, чтобы сказать об этом, как вдруг увидел лицо Алексея — напряженное, перекошенное, как от зубной боли. Скулы побледнели, над верхней губой выступил пот. Такое лицо я видел у него лишь однажды, во время десятикратной перегрузки над Европой. Медленно, словно во сне, Алексей навел ствол лучемета на светящееся небо в отверстии люка. В какой-то момент у меня промелькнула мысль, что я все еще не проснулся и вижу сон.

Царапнули ботинки по чешуйчатой обшивке, и внутрь НЛО заглянула голова... Валентина. В ноздришибануло острым запахом псины. Никак не мог Валик так пахнуть. Я отшатнулся, и в ту же секунду Алексей выстрелил.

То ли дрогнула у него рука, то ли просто не хватило духу всадить полный заряд из лучемета в такую знакомую физиономию. Луч прошел рядом, с хищным шипением срезав

над люком ветви термитника.

Неожиданная перемена вдруг произошла с «Валентином». Черты его внезапно исказились, начали оплывать, правый глаз вдруг въехал в переносицу, а левый исчез где-то за ухом, нос провалился. Долю секунды на нас смотрела кошмарная одноглазая морда, покрытая дымчатой шерстью. Чудовище пронзительно каркнуло и отпрыгнуло назад.

Мы одновременно рванулись к люку и столкнулись на полпути. Алексей, потеряв равновесие, отлетел вглубь НЛО.

Я первым выскочил наружу.

— Стреляй! — Алексей метнул мне лучемер.

Пальцы мои автоматически поймали оружие.

По стволу термитника, перемахивая через ветки гигантскими прыжками, убегало нечто приземистое, крабообразное, паук не паук; я даже в точности не смог бы описать, сколько у него рук или ног.

— Стреляй! — не своим голосом снова заорал Алексей из темной утробы НЛО.

У меня уже не было времени целиться. Длинный залп из лучемера провалился под занавес прибрежных зарослей, за которыми мгновение до этого скрылась треугольная лиловая спина. Я внутренне напрягся, ожидая пронзительного визга. Несколько долгих секунд ничего не происходило, потом внезапно сквозь сплетение верхних ветвей с шумом и клетотом, хлопая крыльями, взмыла в небо стая пестрых птиц, покружила над джунглями и

снова опустилась в пенную зелень верхушек.

— Ушел, — Алексей, оперевшись руками в закраину, вывалился из люка вместе с моим бластером. — Ушел гекатонхейр, — и посмотрел на меня.

На нижнем этаже грузового ангара «Британика», задвинутые в самую глубину, стояли четыре тяжелых контейнера. Это был еще один поисково-спасательный вертолет, «Оса» номер два. Оценив содержимое контейнеров хозяйским взглядом, Юра заявил, что из имеющихся в наличии комплектующих он берется собрать все, что угодно, вплоть до самонаводящегося линейного истребителя, но не раньше чем через двое суток. Ну что ж, если ничего не случится, через два, максимум три дня вертолет подберет нас на полпути до плато, нас и, надо надеяться, Валентина с Гришей. Вечером Юра обещал запустить над джунглями разведывательный зонд. Мало ли что, вдруг удастся высмотреть дым от костра? В таком случае мы могли бы пойти наперерез Грише и Валентину и, при самом незначительном везении, встретиться с ними. Эта затея Алексею не слишком понравилась: «Мы отстаем от Валика с Гришей, и догнать их будет не так просто. Спешка и гонка в джунглях никому не нужны. Если всем так хочется, то наперерез пусть идут Гриша с Валиком, а он, Алексей, уж как-нибудь сам, потихоньку. В конце концов — не дети, чтобы всем братья за ручки. И если они умудрились утопить спирофон, то это еще не значит»... и так далее.

К полудню ветер разогнал облака, морось прекратилась. Алексей продолжал регулярно информировать о нашем продвижении Юру Вергунова, оставшегося в звездоскафе. Также регулярно Юра сообщал, что никаких сигналов от группы Валентина-Гриши Чумакова не поступает. Скорее всего, в разгар неразберихи со взлетающим вертолетом, они действительно утопили спирофон. Оставалось только надеяться, что с ними все в порядке и они тоже движутся к плато, на котором стоит «Британик», опережая нас на сутки.

Алексей шел впереди, прокладывая дорогу. Каждые полчаса мы менялись местами. Несколько километров, пока тянулись заболоченные низины вокруг топи, идти было особенно тяжело. Осклизлые гниющие стволы на земле, оплетенные, как венами, лианами, были похожи на бесконечную полосу препятствий. Ноги вязли в мягком грунте, часто приходилось дорогу просто прожигать лучеметом. К полудню мы успели дважды сделать привал и подкрепиться сухим пайком.

Весь день меня не оставляло чувство, что в затылок мне упирается чей-то взгляд. Холодный, как ствол бластера перед выстрелом. Крайне неприятное ощущение. Беспреданно хотелось оглянуться. Время от времени я оглядывался, но ничего подозрительного вокруг нас заметить не мог. Лес. Мшистые стволы. Может быть, действительно нервы?

К вечеру мы вышли к тонким берегам третьего и последнего за сегодня болота.

— Слушай, Алексей, кто такой гекатонхейр?

Алексей остановился.

— Гекатонхейры — сторукие и пятидесятиголовые первенцы Неба и Земли. А что?

Я ждал, что он добавит «дремучий ты, Васич», но Алексей, не дождавшись ответа на свое «а что», присел прямо на влажный мох, подвернув под себя ногу, и сказал:

— Жрать хочется, сил нет. Сколько мы за сегодня прошли?

— Километров двадцать. Еще хотя бы семь-восемь до темноты.

— А какой смысл?

Я окинул взглядом заросли вокруг.

— У тебя нет ощущения, что он преследует нас?

— Что?

— Прислушайся.

Ни с болота, ни со стороны джунглей не доносилось ни единого звука, кроме шелеста деревьев, ни кваканья, ни всхлипов, ни стрекотания, вообще ничего, словно мир вокруг вымер.

Алексей нахмурился.

— Нет у меня такого ощущения. Кроме того, — Алексей взвесил в руке лучемер, — мы вооружены.

Уже начинало смеркаться, а мы еще продолжали идти вдоль топкого берега болота на север, все дальше и дальше отклоняясь от выбранного маршрута к плато. Юра запустил разведывательный зонд, но никаких бивачных дымов и огней обнаружено не было. Но зато, когда зонд довольно низко прошел над нами, Юра сумел уточнить наше местонахождение и подсказать, что болото удобнее было бы обходить с юга, и пока мы далеко не зашли, лучше вернуться.

— Огромное тебе спасибо. А раньше ты этого не мог подсказать? — осведомился Алексей.

Возвращаться мы не стали. На ночлег мы забрались по воздушным корням на нижние ветки разлапистого хвойного гиганта, в одиночестве возвышавшегося на краю трясины.

Изредка со стороны болота порывы ветра нагоняли туман, сеяла какая-то морось. Пока мы ужинали остатками шоколада, Алексей высмотрел над нами покинутое гнездо в развилке ветвей.

— Вот что значит зоркий глаз и твердая рука, — заявил Алексей, не без риска для жизни добравшись до вожденной развилки. — Я буду ночевать здесь. Грех не воспользоваться дарами природы.

— А вдвоем нас это гнездо не выдержит? — поинтересовался я.

Алексей немедленно расценил это как грубую попытку посягнуть на его законное «место под солнцем». Некоторое время мы препирались. Я сказал, что в гнезде могут быть кровососущие паразиты. Опрометчивый ход. Алексей тут же заявил, что никаких паразитов в гнезде нет, поскольку оно покинуто давным-давно, и что я сам кровососущий паразит.

Стемнело окончательно. Юра повторно запустил разведывательный зонд над ночным лесом, снова с прежним результатом. Или Валентин и Гриша, как и мы, не разводили огня, или...

Они умирали не сразу. Его жертвы. При желании, вероятно, можно было проследить некую последовательность симптомов, начинавшихся с нарушения зрения и заканчивающихся через пять-шесть дней смертью. Сначала изменялся взгляд. Словно засасываемый невидимой воронкой, он становился как бы обращенным внутрь. Со стороны это выглядело так, будто человек становился все более и более рассеянным. Но не только. Изменялась радужная оболочка глаз. Если присмотреться, можно было заметить, что она распадается на множество движущихся пылинок, вращающихся вокруг зрачка. Глаза приобретали странный вид: черный точечный зрачок, а вокруг него — нестойкое переливающееся движение, словно воронка в воде.

А еще раньше нарушался сон.

Более чем странное ощущение переживает человек, слепнувший в собственных сновидениях. Он и сам прошел через это. Засыпая ночью, не видишь ничего, кроме бездонной черноты. Изредка в глубине этой пропасти всплывают призрачные тени, но с каждым разом все более блеклые, туманные, пока не исчезают совсем. Остаются только звуки. Голоса. Незнакомые и пугающие. Они нашептывают о радости покоя, о другом мире, где нет ни забот, ни эмоций.

У него появились телепатические способности, и, лежа по ночам с открытыми глазами, он слышал эти голоса в мозге других людей. Голоса бормотали, шелестели в темноте, как сухие листья, гонимые ветром...

И вот, когда он убил свою первую жертву, а потом еще нескольких, он почувствовал, что вокруг него образуется пустота. Его начали избегать. Он успел убить еще двоих или троих, а потом за ним начали охотиться, и он вынужден был бежать в старую часть города, оставленную сотни лет назад, чтобы, скрываясь там, иметь возможность хотя бы раз в несколько дней делать вылазки к окраинам жилых кварталов.

По ночам, глядя на низкое темное небо через провалы пустых окон, он начал понимать, что стал уже более чудовищем, чем человеком, но даже тогда, ни на одну минуту у него не возникло искушения покончить жизнь самоубийством. Ему стало по-настоящему страшно, когда он понял другое. Если он такой не один, если где-то есть еще подобные ему, может быть, десятки или сотни, то, охватив взглядом все эти маленькие трагедии преследуемых, как он, и их жертв, можно было сделать только один вывод: его цивилизация, его древняя прекрасная цивилизация подверглась вторжению извне, вернее изнутри, через мозг самых разных своих представителей. И процесс этот, очевидно, необратим.

Он чувствовал, что не ошибся. Сопоставив разрозненные, иногда краем уха слышанные факты, которые, невостребованными, услужливо хранила его память многие годы, он утвердился в мысли о том, что таких, как он, очевидно, немало. Еще с детства он знал, что существует Орден так называемых Рыцарей Духа, которые дали клятву оберегать чистоту и целостность мира. Что это за Орден, он никогда особенно не интересовался, не интересовался, каковы его методы и конкретные цели, тем более у него никогда не возникало желания вступить в него. Но он слышал, что из года в год Орден растет и, несмотря на это, работы у него становится отнюдь не меньше.

Все-таки он уже стал более чудовищем, чем человеком. Какой-то частью своего человеческого существа он ужаснулся, но тут же чудовище внутри него взяло верх. «Это не

страшно, это закономерно, как не страшно и закономерно рождение и смерть. Цивилизации тоже умирают».

«Кто ты? Откуда пришел? С какой стороны вторгся в мой мир?» — хотел крикнуть он, но понял, что все объяснения бессмысленны, как бессмысленны для слепого от рождения цвета или понятие звезд. Параллельный мир? Ад? Какая разница?

Его взяли через несколько дней. Рыцари Ордена. В специальном контейнере его перевезли в одну из подземных лабораторий около Полярного Архипелага. Его пытались исследовать, лечить, но...

— Ты не спишь? — негромко спросил Алексей.

Вместе с темнотой вокруг нас наступила тишина, словно мы находились внутри огромного заброшенного павильона. Ни огонька вокруг, ни звука, даже ветер стих.

— Васич!

— Не сплю.

— Так ты думаешь, он преследует нас?

— Гекатонхейр?

— Душно, — сказал Алексей — Ты чувствуешь?

Я не ответил.

— Ты жалеешь, что мы ввязались в эту историю?

— Да, — ответил я.

— Я сейчас тоже, честно говоря.

Некоторое время Алексей молчал.

— Лучше всех сейчас, наверное, Зайцу.

— Ни черта ему не лучше, — возразил я. — По локти в машинном масле; вместо того чтобы спать, балансирует сейчас тяги элеронов или заряжает запасной аккумулятор. Кроме того, в трюме наверняка душно, и кондиционер не работает.

— Значит, нижние люки он открыл.

Я представил себе кромешную тьму вокруг «Британика», из открытых люков падают два конуса света на серый бетон космодрома. Слышно, как Юра возится в чреве звездоскафа: доносятся звуки приглушенных ударов железа о железо, изредка шипение сжатого воздуха.

— Кроме того, — добавил я, — если кто-то из нас... не вернется, остальным гарантирована карьера техников. Так что, сам понимаешь...

— Ну, это ты хватил.

— Что?

— Ладно. А кое-кто зачет, наверное, уже сдал, — задумчиво тянет Алексей.

— Кто?

— Какая разница? Рыжий, например. Помнишь рыжего? Кто-то уже пьяный и счастливый, пишет отчет, а мы до сих пор здесь... Да. Ты что будешь писать в отчете?

Я вспомнил изрешеченную кабину «Осы», отпечаток пятипалой лапы на топком грунте, заливаемый дождем.

— Врать нам, наверное, придется в отчете.

— А вот уж нет! Не дождутся! Вот это видал?

Ничего я не видел, но, судя по всему, Алексей скрутил и протягивал в темноту кукиш.

— Я знаю, чего ты боишься. — У Алексея даже голос стал хриплым от напряжения, и он прокашлялся, — Мы обстреляли пилота НЛО, и нам могут предъявить обвинение. Только вот что я тебе скажу — это была необходимая самооборона. Без вертолета двести километров по джунглям незнакомой планеты, это, знаешь, еще неизвестно чем кончится. Фиг я буду врать. И тебе не советую. Более того, я подозреваю, что все эти зачеты шиты белыми нитками.

— То есть?

— Нас сбросили просто в неисследованном районе... Как и остальные группы, —

добавил Алексей. У Косморазведки не хватает ни сил, ни средств на планомерное исследование пространства, хотя бы в рамках той же программы поиска следов события, тормозящего наше продвижение к звездам.

— Глупости, — сказал я.

Некоторое время Алексей молчал.

— Я сейчас, — неуверенно начал он, — вспомнил одну историю.

— Уволь меня от курсантских баек.

— Нет, это не курсантская байка, — возразил Алексей. — Эту историю рассказывал Гришин дед.

— Ты знаком с Гришиным дедом?

Казалось, Алексей смутился на секунду.

— В прошлом году встретил его в Дананге вместе с Гришей. Совершенно случайно, знаешь.

— Какой он из себя?

— Дед? Классика. Седовласый, широкоплечий. Ни грамма жира. Курит пенковую трубку цвета черного кофе... потемневшую до цвета черного кофе. Лет через пятьдесят Гриша тоже будет выглядеть так.

Было заметно, что Алексей получает искреннее удовольствие от рассказа. Говорун.

— Ну и что он поведал?

— Разговор зашел об авариях косморазведывательных звездоскафов. Относительно недавно, лет шесть или семь назад, исчез косморазведывательный корабль. Название... кажется, «Ореол», нет — «Орегон». В начале прошлого года его нашли. На одной из планет Канопуса. Планета чуть больше Марса. Льды, снежная пустыня от полюса до полюса.

Экипаж корабля состоял из четырех человек. Никаких останков ни одного из них не было обнаружено. Но зато было обнаружено другое. Лед вокруг был растоплен малой тягой двигателей, корабль наполовину погрузился в него, как нож в масло. Потом верхушку его занесло снегом, словом, этот «Ореол», то есть «Орегон», еле нашли. Но речь о другом. По каким-то косвенным признакам возникло подозрение, что корабль пытался подняться с планеты не человек.

Алексей сделал драматическую паузу. Трепло. Не выпади из гнезда. Я представил, как Юра, измазанный смазкой в чреве «Британика», потеет над сборкой, одновременно прислушиваясь к нашему разговору.

— Представь: сугробы от края до края горизонта, торосы. Над самым горизонтом висит Канопус. Удаление от звезды такое, что с планеты Канопус виден, как мелкая медная монета. Засыпанный метелью корабль. Планета необитаема. По крайней мере, на ней не было обнаружено живых существ крупнее земной мокрицы. И вдруг кто-то, не землянин, пытается стартовать на нем.

— Может быть, ошиблись?

— Нет. После тщательного целенаправленного поиска в нескольких километрах от косморазведчика были обнаружены обломки небольшого инопланетного корабля. Судя по всему, это был не настоящий корабль, а так — челнок, спускаемая капсула. Упал он на планету около десяти лег тому назад. Пилот оказался жив, он смог самостоятельно выбраться из челнока и уйти достаточно далеко.

Очевидно, детекторы «Орегона» засекали с орбиты место крушения НЛО, и было решено пойти на посадку где-то поблизости.

Что случилось после этого, можно только догадываться. Возможно, произошла встреча инопланетного пилота и землян, в результате чего земляне погибли, а инопланетянин пытался стартовать на земном корабле к родной планете... Ты еще не заснул?

— Нет.

— Слышал о контактерах?

Поскольку вопрос риторический и не требует ответа, я молчу, а Алексей продолжает:

— Косморазведкой для уточнения деталей катастрофы был приглашен контактер, — Алексей замолкает.

— Имя ты, конечно, забыл, — говорю я.

— Нет, на лица и имена у меня как раз неплохая память. Звали его Майкл Мор. Он обследовал обломки инопланетного корабля, а также внутренности земного косморазведчика: рубку, предметы, за которые мог браться пришелец; и знаешь, к каким выводам он пришел? Инопланетянин этот был неизлечимо болен. Какая-то серьезная мозговая патология. Расщепление личности или что-то в этом роде. Мало того, что он был болен, он был крайне опасен. Эта болезнь в нем во время обострений могла убивать окружающих на расстоянии.

— Каким образом?

— Тут я, честно говоря, понял плохо. Что-то вроде мозгового вампиризма огромной силы. Раз в несколько дней он становился крайне опасен. Наверное, именно потому его забросили с родной планеты на самые задворки Галактики. Но это еще не все. Майкл Мор сделал еще один вывод, вернее предположение. С большой степенью вероятности можно сказать, что эта цивилизация, по всей видимости, очень древняя цивилизация, больна вся насквозь, что она подверглась, — я передаю это с чужих слов, — «атаке изнутри», нашествию из глубин, возможно, наследственной памяти. Нашествию собственных прашуров!

Майкл Мор не исключает и такой вариант, что это — атака через мозг из параллельной Вселенной. Нам с тобой это тяжело представить, но тем не менее вполне реально, что таких кораблей с изгнанниками рассеяно по окраине нашей Галактики очень много.

— Нет, почему же? Это как раз я могу представить. — Я вспомнил транспорт «Посейдон», уничтоженный на Зеленом Полигоне.

Вокруг нас по-прежнему стояла тишина, только шелестел в кроне ветер.

— Я не сказал самого главного, — слышно, как Алексей ворочается в гнезде. — Когда Майкл Мор пытался восстановить внешний облик пришельца, оказалось, что это невозможно, как невозможно представить форму, скажем, воды. Судя по всему, он мог принимать форму любого предмета, к которому прикасался, образ любого живого существа. Оборотень с необычайными способностями. И уровень этих способностей рос вместе...

— Ну!

— Вместе с прогрессией болезни.

— И они погибли?

— Кто?

— Ну, эти ребята с «Орегона»?

— Да, погибли.

Мне вдруг стало не по себе. Я уже больше не сомневался, что мы столкнулись с таким же оборотнем, как около Канопуса. Но я вдруг понял еще кое-что. *Как* погиб экипаж косморазведчика и *как* запросто можем погибнуть мы.

Я неожиданно ясно представил, что вот, через два-три дня мы встретимся, и ни у меня, ни у Алексея не будет стопроцентной уверенности, что напротив нас — свои. Более того, и у них не будет такой уверенности по отношению к нам! Запах? Чепуха. Дело решают секунды, когда вооруженные люди стоят друг против друга.

Мы все оказались разделены: я и Алексей с Гриней и Валентином и, наконец, Юрой!

Я вдруг ясно вспомнил еще что-то. Паузу, которую сделал Поль, когда Валентин перед выброской спросил об оружии. Поль словно загнулся на секунду. «Вы не будете приземляться. Оружия в мезонаторе нет». Врал? Неужели все было просчитано заранее: время падения НЛО, оборотень, и, чтобы частично обезопасить нас, нас решили не вооружать, дабы мы не погибли, как экипаж косморазведчика?

Обезопасить?

— С-слушай, Леша, ну ты просто убил наповал! Юра сейчас слышит нас?

— Да. Юра! — позвал Алексей.

Пауза. Нет ответа.

— Что за черт? Юра! Заяц!

Только этого не хватало. До звездоскафа отсюда сто семьдесят километров. Что может помешать этой твари обернуться птеродактилем, какой-нибудь летающей ящерицей и покрыть это расстояние за два-три часа? Еще утром. Еще вчера!

Мне вдруг показалось, что это дурной сон, что стоит сделать над собой усилие и можно очнуться в нормальном мире, где сейчас не ночь, а день, где нет никаких оборотней, а есть нормальные звездоскафы, База Астрошколы, мама, отец.

— Заяц!

Жарко. Нижние люки в чреве «Британика» открыты. Вокруг крошечная тьма, только из распахнутых люков падает свет на плиты космодрома. Люки открыты!

Мы полчаса трепались, а Юры, возможно, уже нет в живых. А тварь, оборотень этот, урча и взрыкивая в инфразвуковом диапазоне, пытается настроить голосовые связки, чтобы ответить нам.

— Заяц!

— Леша, дай спирофон!

— С ним все в порядке. Ты еще уронишь его в темноте.

— Дай, я тебя прошу!

Со спирофоном действительно все в порядке. Некоторое время, стараясь подавить панику, я прислушивался к шороху и потрескиванию атмосферных разрядов и вдруг услышал звук шагов.

— Юра! — заорал я так что, наверное, спирофон, лежащий в чреве «Британика» на каком-нибудь пыльном контейнере, подпрыгнул и забил хвостом, как пойманная рыба.

Шаги... Ближе.

— Юра!

— А? — шум дыхания, голос какой-то надтреснутый.

— Юра!

— Ну, я, я.

— Что у тебя с голосом?

— Ничего у меня с голосом. А почему ты спрашиваешь?

Секунду или две, чувствуя, как паника отступает, я лихорадочно соображал, что ответить.

— Ты ушел со связи, и мы начали беспокоиться. Что-нибудь случилось?

— Нет.

Небольшая странность, но он не назвал меня по имени, не удивился, почему спирофон не у Алексея.

— У тебя все в порядке?

— У меня?

— Да. Куда ты делся? У тебя грузовые люки закрыты?

И тут Юра (Юра?) замолчал. Надолго. Даже шорохи и трески исчезли из эфира. За несколько секунд время загустело, затвердело, как кристаллизирующаяся глыба льда, и тяжелой плитой с шумом обрушилось куда-то вместе с надеждой, что вот ничего не случилось и все в порядке.

— Ну? — спросил Алексей.

Я поднял глаза. Сверкнула молния. Алексей перегнулся через край гнезда и смотрел на меня. Целая вечность прошла, пока не гроыхнул гром. И в течение этой вечности я вдруг увидел, как неузнаваемо и страшно начинает меняться его лицо.

От моих дверей до Астрошколы было восемьсот двадцать шагов. Если не спешить — четверть часа в прогулочном темпе. Через старый парк, мимо пруда, по широким ступеням сквозь портал... От дверей Алексея и того меньше — семьсот девяносто. Мы выросли с ним в одном доме. Только вот созвездия из наших окон открывались разные.

Лето в детстве нескончаемо длинное. Это целая эпоха. Геологический период. Почти вечность. За один день от рассвета до заката можно прожить несколько жизней. Начиная с июня, мы бесконечными часами пропадали на Днепре.

(«Не буду я врать в отчете. И тебе не советую».)

Но вот заходит солнце. Сумерки. Разноцветные блестки скоростных глайдеров над городом. Лохматый флер облаков перечеркнут инверсионным кильватерным следом лунного грузовика. Пухлый том Герберта Уэллса на подоконнике. Споры до хрипоты. «Война миров? — издевался надо мной Алексей, — Да такое в принципе невозможно!» И все это на фоне меркнувших летних сумерек за распахнутым окном.

А потом ужин. Мама угощает печеньем и виноградом. Телефонный звонок. «Мой Лешка у вас?» — «Я здесь, здесь. Иду».

«Сколько можно пропадать? Десятый час. Что ты там жуешь?» — «Ну, м-мм...» — «Спасибо хоть сказал, а?»

(«Только вот, что я тебе скажу: это была необходимая самооборона».)

«...Спасибо».

(«Более того, я подозреваю, что все эти зачеты шиты белыми нитками».)

Никто и вообразить себе не мог такого: атака изнутри. И от кого исходит нашествие — неизвестно. Они безлики и беззвучны. Невидимы. Может быть, миллионы лет назад к окраинам нашей Галактики занесло корабль сверхцивилизации. Откуда? Из антимира? Параллельной Вселенной? Да не все ли равно? Факт в том, что они были поставлены перед выбором — двигаться дальше нельзя — или аннигиляция и самоуничтожение, или... Проникнуть в чужой мир через мозг будущих его обитателей. Проникнуть, а значит, и завоевать.

Этот сюжет мог бы показаться восхитительным Герберту Уэллсу с точки зрения профессионального литератора. Возможно, он бы даже написал на эту тему новый роман, но представить себе опасность реального вторжения изнутри, более того, вторжения через тебя самого, такое могло привидеться разве что в предсмертном кошмаре. Сражаться? С кем? С собственной тенью? С самим собой? С луной, от которой падает тень?

За тысячи лет истории вся мощь человеческого разума была направлена на оттачивание оружия для борьбы с осязаемым противником, достигаемым для стального клинка или свинцовой очереди.

Самое лучшее, что можно было придумать в этой ситуации, это рвать когти. А дальше? Взлетать с проклятой планеты. А потом? И как можно быстрее...

Лес зашумел, вздохнул тысячью глоток, под порывами ветра дерево, на которое мы забрались, закачалось и заскрипело. Над кроной оглушительно треснуло, и на мгновение сквозь эту трещину стало видно, что небо там, за пеленой облаков, никакое не черное и даже не черно-звездное, а ослепительно лиловое, бесстыдно яркое. Без малейшей паузы снова

полюхнула молния и ударил гром.

Рот Алексея перекосялся, словно он пытался что-то сказать или крикнуть и не мог. Или я не мог слышать из-за порывов ветра.

— Лешка! — Сорванный спирофон полетел куда-то в темноту.

Какой-то сотой долей сознания, оставшейся трезвой, я отметил, что связь моя со звездоскафом прерывается сейчас так же внезапно, как вчера прервалась связь с Валентином. Ведь случайно утопить спирофон практически невозможно.

— Алексей!

Вокруг его головы начал стремительно сгущаться светящийся туман, бледно-серебристый пузырь, уходивший кривым извивающимся хвостом сквозь крону куда-то наискось вниз. Еще толком не сообразив, что это могло означать, я потянулся негнушимися пальцами за бластером и, стряхнув внезапное оцепенение, полоснул лучом по извивающемуся хвосту. Вспыхнули пучки хвои, вниз полетела обрезанная ветка, через секунду темнота вновь сомкнулась плотной завесой. Лица Алексея больше не было видно. Светящийся пузырь исчез, а снизу раздался... не визг, а какой-то душераздирающий свист на грани ультразвука и слышимости.

Спирофон я нашел только утром, а еще через три часа нас подобрал Юра Заяц. К тому времени я успел уже полностью взять себя в руки.

Вертолет приземлился на берегу трясины в ста метрах от нас с Алексеем. Юра выскочил из кабины и, пригнувшись под вращающимися лопастями, побежал сквозь морозящий дождь навстречу мне.

— Васич!

Никакой это был не оборотень. Свой лучемет он бросил в кабине «Осы», так что этическая проблема «а черт его знает, стрелять — не стрелять? Стрелять первым?» отпала сама собой. Глупости все это были, выдумки. Если бы это был не Юра, а оборотень, на кой черт ему сдались мы? Помочь взлететь с планеты?

— Васич, что с тобой?

Рука у него была теплая, живая. Не пахло от него никакой псиной. Машинным маслом от него пахло. Был он небритый, и под ногтями чернела грязь.

— Не со мной, с Алексеем.

— Что с ним?

— Без сознания...

— Что, так серьезно?

— Не то слово — хреново. Помоги.

Голова Алексея лежала у меня на коленях, глаза были закрыты, и в первую минуту можно было решить, что он спит, если бы не иссиня-бледное лицо.

— Он дышит?

— Дышит, дышит. Помоги.

Мы подняли Алексея и понесли к вертолету.

— Он ранен?

Никакой это был не оборотень. Хотя бы одной проблемой меньше.

— Долгая история. На корабле расскажу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы с трудом втащили Алексея в кабину и пристегнули в кресле штурмана. Я устроился

позади, едва втиснувшись в узкое пространство между креслами и решетчатой переборкой моторного отсека.

— Он выдержит старт на звездоскафе? — спросил Юра, едва «Оса» взлетела.

Я пожал плечами. Винт надсадно шумел.

Болото пятнистой грязной шкурой провалилось вниз. Джунгли сомкнулись под нами, замелькали зеленые кроны, вспененные вихревыми потоками лопастей. В открытые дверцы бил тугий вихрь. Собственно, дверцы, как таковые, отсутствовали. Собирая в спешке вертолет, Юра, очевидно, решил, что это излишняя роскошь. В нескольких метрах под ногами проносились мокрые кроны.

Алексей был все еще без сознания. Голова его при каждом повороте или крене вертолета моталась из стороны в сторону.

Я начал рассказывать, не дожидаясь, пока мы долетим до «Британика». Надсаживая голосовые связки, хватаясь при поворотах за что попало, я за десять минут выложил Юре все. Я слишком устал, чтобы изворачиваться и хитрить. Не знаю, понял ли он подозрения относительно него самого, кажется, просто пропустил мимо ушей.

К вечеру Юра сумел найти Валентина и Гришу целых и невредимых. Невероятно грязных, несмотря на не прекращающийся в течение почти всего дня проливной дождь, по моему, Юра тащил их из болота, где они, по всей видимости, просто тонули, не чаяв уже выбраться.

Они ввалились в медицинский отсек и с порога потребовали, чтобы я отошел от Алексея.

— Зачем?

— Отойди, — повторил Валентин. В голосе его было не больше любезности, чем у робота-трубоукладчика, научившегося говорить. Под мышкой дулами вниз, тускло отсвечивал вороненой сталью шестиствольный звероподобный мультиган, «конквистадор», облепленный болотной тиной. Комбинезон Валентина вдоль бедра был порван, и в дыре проглядывало колено, тоже невероятно грязное, в болотной тине. Как это Валику удалось порвать тетраволокнистую ткань и какое усилие довелось для этого приложить, вообразить можно было с большим трудом.

Что-то они видели или знали такое, чего я не знал; или догадывались. Можно было только представить, что именно. Может быть, видели они меня шестиглазого и восьминогого, бросающегося на них с переплетения лиан или исчезающего под землей. Или Алексея... Если я видел Валентина, превратившегося за несколько секунд из фантома в многорукого краба, то почему нет? Конечно.

Я молча встал и отошел.

Самое тщательное медицинское обследование не выявило никаких патологических отклонений в организме Алексея. То есть вообще никаких. По всем законам медицинской науки должен был он сейчас быть совершенно здоров и беззаботен, травить анекдоты и вообще наслаждаться жизнью. Более того, если верить результатам тестов, мозг Алексея находился в состоянии активного бодрствования. Все это отнюдь не вселяло оптимизма. Нервные центры Алексея, словно отделенные от тела, жили какой-то своей обособленной жизнью, очень напряженной и непонятной. Это могло означать только одно — самый сложный медицинский комплекс «Британика» не в силах нам помочь.

Однако, как ни странно, результаты обследования несколько успокоили Валентина и Гришу. Совершенно непонятно, чего они ожидали.

Я настоял, чтобы мы каждый по отдельности тоже подверглись основным сериям тестов. Мое предложение было принято, хотя без энтузиазма, но с пониманием. Результат, как и следовало ожидать, оказался нулевым.

— Я предлагаю всем спуститься в кают-компанию и обсудить ситуацию, — сказал я.

Юра кивнул. Валентин неопределенно повел плечами.

— Хорошо, — согласился Гриша.

Мы с Юрой спустились в кают-компанию и минут десять ожидали ребят, пока они приведут себя в порядок.

Валентин, очевидно, до конца жизни решил не расставаться с пулеметом. Он и Гриша спустились в кают-компанию, блестя влажными волосами, вымытые, сменив десантные комбинезоны на пилотскую экипировку.

Не успели еще все рассесться по местам, как разразился совершенно безобразный скандал со взаимными обвинениями и упреками, абсурдными выводами и зловещими обещаниями и еще более зловещими намеками. Кто втянул нас в эту авантюру? Чья это была идея? Валентин, флегматично ковыряясь в ухе, вяло отбивался, настаивая, что он ратовал отнюдь не за рискованное преследование НЛО, а за безобидное, тривиальное, совершенно банальное сафари около плоскогорья.

Гриша доказывал, что во всем виноваты мы с Алексеем, когда неизвестно зачем решили катапультироваться, вместо того чтобы организовать планомерный поиск. «Планомерный поиск на чем?» — «На чем угодно!» — «Ага...» Да, потому что они с Валентином не грудные дети, и то, что мы все оказались разделенными... «Короче, это только твоя вина, Васич». — «Ну, спасибо». — «Ну, пожалуйста».

Наконец все немного утихомирились. Утомонились. Перестали сверкать глазами и сопеть. Успокоились. Один Валентин Иваненко среди разгула страстей олицетворял собой памятник хладнокровию. Сидячий монумент. С пулеметом. По-моему, он даже немного скучал, дожидаясь конца нашей перепалки. И лицо у него при этом было слегка даже брезгливое.

Выяснилось следующее. В тот момент, когда прервалась связь, подбитая «Оса» рухнула на болотный берег, из ее кабины вывалилось нечто абсолютно невообразимое и, бросившись в сторону джунглей, сразу скрылось за клубами дыма, повалившего из вспыхнувшего вертолета. Как Валентин потерял наушники, он внятно объяснить так и не смог. Не выходя из состояния флегмы, он нехотя поведал, чистя кончики ногтей, что испытал что-то

вроде секундного шока, затмения, и опомнился уже у берега по колена в воде, расстреливая в опушку последние патроны из обоймы. Все-таки они сумели ранить пришельца: в глубь опушки вели брызги маслянистой жидкости.

Остаток дня, не обратив никакого внимания на маневры «Британика» над топью, они кружили по джунглям, преследуя это существо, несколько раз видели его и один раз подверглись нападению. Это было вчера вечером. Они переходили брод и неожиданно увидели на отмели тело Алексея: десантный комбинезон, мокрые волосы, облепившие распухшее лицо...

— Все, как в натуре, — вставил Валентин, коверкая ударение.

Гриша первый подбежал к «Алексею», но едва успел наклониться над ним, как внезапно почувствовал, что его ботинки в воде словно зацепились за корягу. Ноги «утопленника» выбросили веер щупалец и сомкнулись у Гриши на лодыжках. Все было прекрасно видно в прозрачной воде. Гриша закричал и, дернувшись всем телом, попытался освободиться. Остальное произошло в доли секунды.

— Больше всего оно было похоже на пластического оборотня с беты Водолея, — сказал Гриша Чумаков, криво усмехнувшись, — Вблизи это...

Да, вблизи это было просто страшно. По-моему, будущий координатор, внук координатора просто забыл о лучемете, висящем на поясе. В отличие от Валентина. Очередь из «конквистадора» чудом не скосила Гришу, и лишь тогда он опомнился.

Невооруженным глазом было видно, что Гриша чего-то не договаривает. Да, они оба здорово испугались, но что-то было еще. Что? Мне кажется, именно в тот момент Гриша понял, с чем мы столкнулись.

Оборотень ушел под воду, и больше они его не видели.

Пластический оборотень? Как бы не так! Во-первых, они не относятся к разумной расе. Они не могут быть пилотами НЛО и угонщиками вертолетов.

Некоторое время Гриша пристально изучал мое лицо. Валентин, казалось, всецело был занят собственными ногтями. Юра, с тех пор как мы закончили спор о том, кто прав, а кто виноват, не проронил ни слова.

— В прошлом году на четвертой планете Канопуса, был найден погибший разведывательный звездоскаф «Орегон».

— Знаю, — перебил я Гришу.

— Знаешь? Откуда? — спросил Гриша.

— Алексей рассказал.

Гриша вопросительно посмотрел на Юру.

— Я тоже знаю, — кивнул Заяц.

— Тем лучше, — медленно проговорил Гриша. — Ну и что вы об этом думаете?

— То же, что и ты, наверное.

— Наверное... — повторил Гриша. — Что ж, давайте расставим точки над «и». На этой планете мы случайно столкнулись, совершенно случайно, — Гриша сделал ударение на последнем слове и обвел всех многозначительным взглядом, — потому, что если эта история благополучно закончится, нам придется писать отчет... Совершенно случайно столкнулись с существом того же типа, что погубило экипаж «Орегона» несколько лет назад. Абсолютно не представляю... — Гриша потер глаза.

— Я могу быть лаконичней, — сказал Валентин. — Короче, ни у одного из нас не может быть уверенности, что кто-то другой уже частично не человек. Например, ты, —

Валентин повел в мою сторону стволами пулемета, — не можешь быть на сто процентов уверен, что я или Гриша не несем в себе эмбрион чудовища. То же самое касается нас по отношению к тебе с Алексеем. Юра вообще ни в чем не может быть уверен: двое суток мы все были порознь.

— Мне кажется, ваши страхи преувеличены, — сказал Юра.

— Слушай, Валик, — сказал я, — буду тебе крайне признателен, если ты отставишь свой пулемет, ну, хотя бы, воон к той стенке.

— Это зачем? — Валентин покосился на шестиствольный мегатерий у себя на коленях, словно впервые его заметил.

— Боюсь, вдруг у тебя не выдержат нервы в разгар спора о том «кто есть кто».

— И не подумаю, — насупился Валентин. — Нервы у меня — что надо.

— Мы ведь с Юрой безоружны.

— Васич нрав, — неожиданно вступился за меня Гриша.

— Ладно. — Валентин нехотя поднялся и поставил пулемет рядом с выходом из кают-компании.

Все это принимало какой-то нехороший оборот. Я на глаз прикинул расстояние. В случае чего Валентину было бы достаточно одного прыжка, чтобы оказаться рядом с шестиствольной сиротинушкой. Ни одной секунды я не верил в его нарочитое спокойствие. Это было спокойствие сжатой стальной пружины. Взведенного затвора за мгновение до выстрела. Я слишком хорошо его знал. Если бы у меня был выбор между ним и гремучей змеей, я бы предпочел в противники змею.

— Нам надо возвращаться на Базу, — сказал Юра, — Тем более что Алексей до сих пор в коме.

— Представь, что мы стартуем, — Гриша потер глаза, словно их резало от яркого света, — а один из нас...

— Ты имеешь в виду Алексея?

Я метнул взгляд на Валентина. Ничего нельзя было прочитать на его лице. Или, при желании, можно было прочитать следующее: не можем стартовать — ну и не надо. Планета ничем не хуже других. Непроходимые болота и вечные дожди? Ну и что? Зато сто лет здесь можно охотиться, бродить по лесам и прожить жизнь не хуже и не скучнее, чем другие. А если один из нас оборотень... Что ж, есть камера гibernации, по крайней мере, не придется брать грех на душу. — Тогда давайте вызывать на себя Косморазведку, — сказал Юра.

— Зачет, — напомнил Гриша.

— Черт с ним, с зачетом! — взорвался Юра Заяц.

— Есть еще один выход, — Гриша снова потер глаза.

— Какой это? — поинтересовался я.

— Клонирование.

— То есть?

— В семнадцати километрах отсюда находится особняк, оснащенный генетической лабораторией. Там есть несколько операционных, диагностическая аппаратура глубинного зондирования. Если мы там не сможем разрешить вопроса «кто есть кто», возьмем от каждого по культуре клеток, через месяц в инкубаторах вырастут пять...

— Инкубов, — с готовностью подсказал Валентин.

— Клонов, Валик. Клонов, которые будут нашими двойниками — ни физически, ни памятью они ничем не будут отличаться от нас, кроме одного, — мы на сто процентов будем

уверены, что это люди. Клоны возвратятся на Базу, а мы останемся здесь.

— Ждать? — спросил я.

— Чего ждать? — не понял Гриша.

— Ну, наверное, рейдера Косморазведки, сказал я.

Гриша едва заметно качнул головой.

— Ты не понял. Никто никогда не узнает, что на самом деле случилось в этих болотах. Они возвратятся на Землю, — повторил Гриша, — и продолжат нашу жизнь, нашу карьеру, а мы останемся тут... навсегда.

— Но ведь это сродни самоубийству! — Я смотрел во все глаза на Гришу и не мог понять, говорит он серьезно или просто спятил, — Наша настоящая память, наши настоящие «я» останутся на этой планете!

— И возражать против этого плана может только... оборотень, — закончил Гриша.

— К-катастрофа, — сказал Юра.

Катастрофа? Как бы не так. Еще нет.

— Хорошо, — сказал я. — Я не буду тебе возражать. Я только напомним кое-что. Нас сбросили с «Марко Поло» без оружия, и я хочу объяснить почему.

— Это зачет, — повторил Гриша.

— Нет.

На лице Гриши появилось досадливое выражение. Валентин насторожился.

— Да, такого еще не было, Гриня: безупречная карьера ценой не только других, но и собственной жизни! — Я чувствовал, что меня понесло, но остановиться уже не мог. — Ничего не выйдет, Гриня.

— Выйдет.

— ...Потому, что отчет твой или твоего клонированного двойника не выдержит никакой критики. Нас будут искать. Настоящих. Нас с самого начала знали, куда забрасывали! И чтобы паранойя с оборотнем не довела до перестрелки, пятерку оставили без оружия. Не было никакого «Крестonosца»! (В этом я, честно говоря, не был уверен, но на попятную идти было уже поздно.) Не перебивай меня. Я тебя выслушал. И вот, когда нас найдут настоящих, сцена будет хоть стой, хоть падай! Место своего двойника ты уже не займешь, и тебе придется стать даже не техником, а посмешищем.

— Ты закончил? — холодно осведомился Гриша. — А теперь послушай, что я тебе скажу...

Под утро Алексея, так и не пришедшего в сознание, мы перетащили в «Осу» и пристегнули в кресле штурмана. Место пилота занял Гриша.

Накрапывал мелкий дождь. В луче прожектора «Британика», поднятого в зенит, летела водяная пыль, осаждаясь на лобовом стекле вертолета. Юра, как самый маленький, втиснулся в пространство между спинками кресел и решетчатой переборкой моторного отсека. Я и Валентин стали на полозья справа и слева от кабины. Лететь предстояло не больше пяти минут.

— Готовы? — спросил Гриша.

И в этот момент Алексей вдруг застонал.

До этого он неподвижно лежал в кресле, как кукла, и вдруг по его лицу прошла судорога, дыхание участилось...

Я увидел, как вокруг его головы возник туманный ореол, от которого протянулась змеящаяся нить в сплошную черноту джунглей, нависших над «Британиком».

Гриша в пилотском кресле отшатнулся от Алексея. Юра что-то крикнул.

— Стой! Не стреляй! — закричал я Валентину, но он опередил меня. Трудно опередить человека с реакцией гремучей змеи. Длинная пулеметная очередь врезалась в темноту, и то место, где терялась вьющаяся над землей нить.

— Дурак, ты куда? Чуть под очередь не попал! — услышал я сзади.

Когда мы решили лететь к особняку, то согласились, что оружие останется у одного Валентина. Мы оставили лучеметы на нижней палубе «Британика» в арсенале, но кто может уследить за миниатюрными термитными бомбами размером не больше, чем сустав пальца?

Я поскользнулся на мокрых корнях, пробившихся сквозь трещину в бетоне, и вдруг в призрачном свете корабельного прожектора, направленного в зенит, увидел его: размытый в темноте силуэт, нечто вроде огромного скорпиона с поднятым раздвоенным хвостом, от которого змеился туманный шнур к вертолету. Я метнул бомбу и сразу же зажмурил глаза и упал.

Вспышка больно ударила сквозь сомкнутые веки. Сзади вразнобой закричало несколько голосов. Я открыл глаза и поднял голову.

Я метнул слишком сильно. Бомба перелетела через него. Позади подлесок был выдран с корнем. Над краем воронки из пережженных обрывков лиан шел пар. Туманный шнур, связывающий вертолет и чудовище, пропал, а сама тварь, оглушенная взрывом, корчилась на спине среди сорванных взрывом ветвей. Она была еще жива.

— Кретин, Васич! Надо же предупреждать!

Валентин, подбежав ко мне, нажал на гашетку и, не отпуская пальца со спускового крючка (пули отбрасывали тварь все ближе и ближе к краю воронки), продолжал идти вперед. Агонизирующее чудовище неожиданно окуталось бледным свечением, контуры которого за считанные секунды вдруг повторили силуэт Алексея, какого-то осьминога, Валентина, крабообразного гекатонхейра, и, наконец, глянуло на нас туманным оскалом какого-то уже совершенно невообразимого существа. Свечение начало меркнуть, суживаться, превратившись в тонкую нить, уходящую в ночной зенит и... исчезло.

И только тогда Валентин отпустил гашетку.

За тридевять парсеков

Право же, нетрудно презирать опасность в гостинной, в компании своих приятелей. В таком случае человек проникается преувеличенным уважением к своей особе. Он удовлетворен собственной храбростью, не вспоминая при этом о малоприятном вкусе страха.

Уильям Сомерсет Моэм

Господь изощрен, но не злонамерен.

Альберт Эйнштейн

Декабрь 2190 года. Экипаж звездоскафа 0075 «Тритон».

Пилот-стажер Григорий Чумаков, двадцать три года, он же Швейцарец, исполняющий обязанности командира звездоскафа.

Пилот-стажер Валентин Иваненко, двадцать три года, он же Философ, он же Хома-Киммериец, диверсант — внук диверсанта.

Пилот-стажер Юрий Вергунов, двадцать два года, он же Заяц. Чемпион факультета по многоборью.

Декабрь 2190 года. Экипаж звездоскафа 0076 «Северный Ветер», сокращенно — «С В.». Лена неизменно расшифровывала эту аббревиатуру как Спальный Вагой.

Пилот-стажер Елена Галактионова, двадцать два года, она же Красотка. Несмотря на ангельский лик, за ней одно время прочно закрепилось прозвище Дикая Кошка.

Пилот-стажер Василий Дробич, двадцать три года, он же Васич, исполняющий обязанности командира звездоскафа.

Пилот-стажер Алексей Гопак, двадцать три года, он же Длинный.

В командной рубке звездоскафа полутьма. Светятся экраны панорамного обзора «С. В.», выхватывая из черноты звездного пространства часть огромной планеты, похожей на Сатурн. Планета опоясана величественной парой колец, которые охватывают ее крест-накрест. Дымчато-зеленый шар планеты едва заметно вращается, и, если присмотреться, видно, как струятся под напором ураганных ветров мутные языки широтных поясов облачности.

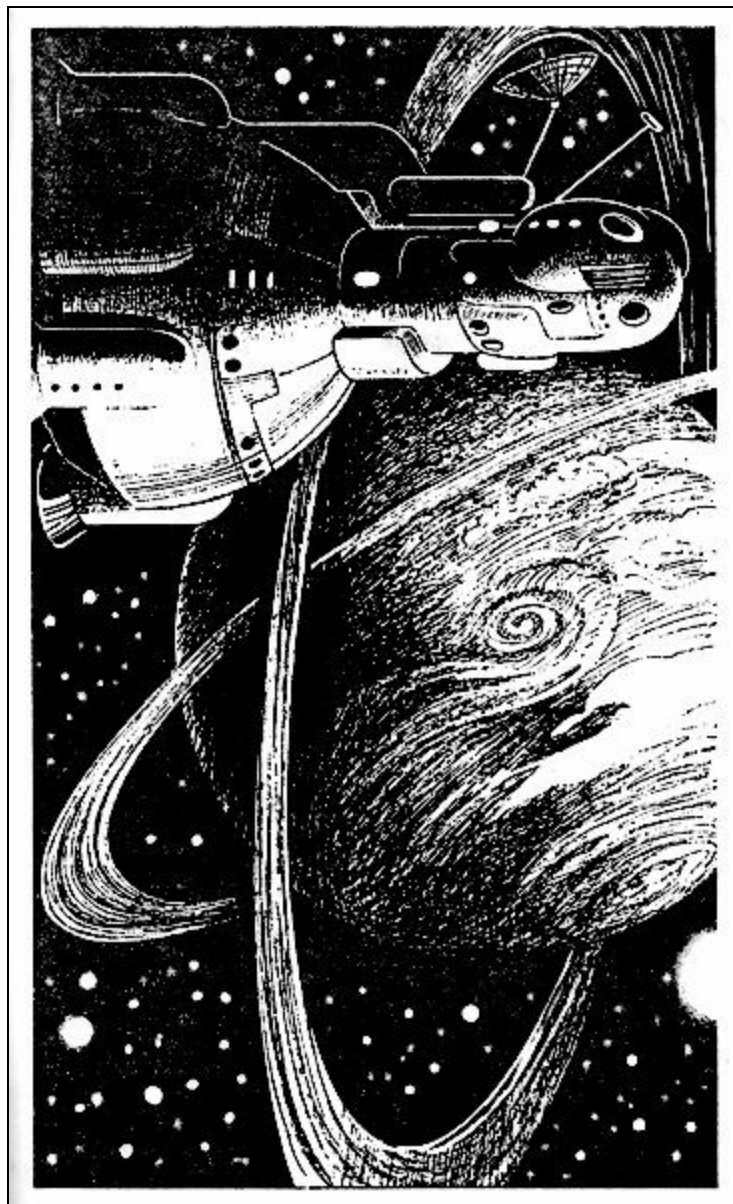
До Солнца отсюда сорок парсеков.

По бортовому времени час ночи. Если быть совсем точным: 1 час 10 минут шестнадцатого декабря 2190 года, но тем не менее ни я, ни Алексей не спим.

— Не правятся мне планеты такого типа, газовые э-э... гиганты, подавляют своим величием, — наконец роняет Алексей в полутьму, обращаясь скорее к экранам, чем ко мне.

Если не ошибаюсь, предыдущую реплику следует датировать вчерашним числом, когда Алексей зашел в рубку и, удобно расположившись в кресле навигатора, заметил.

— Это выше человеческих сил, спать больше двадцати часов в сутки, даже в полете.

Звездоскаф удаляется от газового гиганта, направляясь к центру звездной системы альфы Эридана. Через двенадцать часов мы должны пересечь орбиту следующей планеты — Чарры.

— Два месяца между небом и землей — это слишком много, — говорит Алексей, снова обращаясь к экранам панорамного обзора. — Хочу уже домой. Чтоб без вахт, и твердь под ногами, а не дырчатый металл. А по ночам — распахнутое окно в сад, а за окном луна и соловьи...

— В декабре, — говорю я.

— Что?

Сухо щелкнула входная диафрагма, и в рубку вошла Елена. В прошлом месяце на борту «С. В.» мы отметили ее двадцатидвухлетие, но она никак не соответствовала столь солидному возрасту. Невысокая, худенькая, она выглядела как девчонка-абитуриентка и страшно нервничала, когда в Астрошколе ее с первого взгляда не признавали за выпускницу.

Алексей, мгновенно преобразившись, повернулся в кресле к входу и, подняв руку, сказал:

— Привет, детка, — От дремотных сентенций, которые он только что источал, как болото гнилой малярийный туман, не осталось и следа. Я глянул на Алексея. Лицо его излучало оптимизм, радушие и галантность. И все это одновременно. Во втором часу ночи.

— Я не детка, — отрезала Лена.

— Пра-а-стите. Значит, я обознался. Сожалею, мадемуазель. Тысячу извинений, — артист, — У нас на корабле была девушка Лена, — Алексей подумал, — я еще иногда называл ее красоткой.

— Я не красотка!

— А иногда — незабудкой.

Лена прищурила глаза и начала набирать в грудь воздух.

— Понял, понял, — поспешил поправиться Алексей. — Снова ошибка, — он досадливо поморщился и щелкнул пальцами, — Что тут поделаешь?

— Спать надо меньше, — заметила Лена, усаживаясь рядом с боковыми экранами.

— Упаси бог, какой сон? — совершенно искренне возмутился Алексей, — Второй час ночи.

— ...Кстати, — спросил он после небольшой паузы, — а что вы делаете сегодня вечером?

Губы Елены уже сложились, чтобы ответить нечто вроде «да катись ты», такой ответ назревал, но я перебил ее:

— Около четырнадцати часов мы пересекаем орбиту Чарры, а около двадцати — ляжем на круговую орбиту. Работа найдется всем.

— Да-а, — протянул Алексей, — я готов заняться проверкой десантной экипировки, если мадемуазель поможет мне в вещевом отсеке. К-хгм, там...

— Можешь не продолжать, — перебила Елена, — там все в порядке. Я только что оттуда.

— Опять не повезло, — пробормотал Алексей, разворачиваясь к пульту.

И в этот момент над центральным экраном вспыхнул ярко-красный зрачок. Пеленгаторы «С. В.» засекали на поверхности Чарры аварийный радиомаяк земного звездоскафа.

Около двадцати пяти лет назад, после того как был открыт способ путешествовать к звездам, не проламываясь сквозь пространство, а проникая в него по неевклидовым законам, и на смену звездолетам пришли звездоскафы, в систему Ахернара, альфы Эридана, была направлена экспедиция. Она благополучно возвратилась на Землю, привезя с собой кипы отчетов, видеоматериалов, контейнеры образцов, и могла бы считаться вполне удавшейся, если бы не одна странность: у всех шести астронавтов обнаружили провалы в памяти с того момента, как звездоскаф опустился на внутреннюю планету системы. То есть по отчетам и видеоматериалам было все в порядке, но ни капитан, ни члены экипажа не могли полностью вспомнить свои действия за те четыре недели, пока находились на Чарре.

В период бурного развития звездоплавания ни на планету, ни на связанные с ней странности никто не обратил внимания. Звездная экспансия шла в других направлениях, и планета оказалась вдали от трасс земных кораблей. Некоторое время подумывали о том, чтобы устроить на планете базу: небольшое тяготение $0,8\text{ g}$, кислородная атмосфера, но потом затею бросили. Тот злополучный экипаж прошел лечение в Клинике Амнезий, и пятеро возвратились к полетам. А шестой, штурман, слегка тронулся умом и остаток своих дней коротал в пансионате для вышедших в тираж звездолетчиков где-то на побережье Атлантики. Семьи у него не было. Он почти ни с кем не общался. Хотя здоровье его вскоре поправилось, два раза в год он летал на обследование в Клинику Амнезий.

И вот, полгода назад в стратоплане с ним познакомился выпускник Днепропетровской Астрошколы пилот-стажер звездоскафа «Тритон» Гриша Чумаков. Как у них завязался разговор, я могу представить без особого труда. Гриша, имевший в Астрошколе прозвище Швейцарец за внешность белокурого ландскнехта и изысканные манеры в сочетании с поразительным чутьем на тайны, сумел разговорить отставного штурмана. Был ли тот рассказ правдой до конца, результатом восстановленной памяти — неизвестно. Например, штурман уверял, что Чарра поляя изнутри — идея совершенно безумная для человека с высшим специальным образованием. Или что у капитана той экспедиции через пять лет после возвращения родилась девочка-оборотень.

Когда Гриша за неделю до старта пересказывал мне эти бредни, я старался уловить хоть искру иронии в его глазах. Но нет. Все излагалось с неровным придыханием средневекового алхимика, поверяющего секрет эликсира молодости.

Мы сидели в липовой аллее, спускавшейся к Днепру. Было начало октября. Солнце без труда пробивалось сквозь редеющие кроны. Узоры из бликов падали на пустые скамейки. Неподалеку от нас пяти- или шестилетний малыш подбрасывал желтые листья, пританцовывал и выкрикивал: «Осень при-исла!» Его мама устроилась на скамейке напротив с книжкой в руках. Судя по пестрой суперобложке, это был последний бестселлер Кетрин Култер-младшей-младшей-младшей «Возвращение неистой Лакки-IX» или что-то в этом роде.

Лицо Гриши оставалось абсолютно серьезным. Было похоже, что сумасшествие штурмана передалось ему не иначе, как воздушно-капельным путем.

— Наши звездоскафы пойдут в паре, — проникновенно вещал Гриша...

Это я знал и без него. Это стало известно вчера после оглашения списков.

— ...За двухмесячный тренировочный полет можно сэкономить три-четыре дня, чтобы

провести разведку на Чарре. Отклонение от курса минимальное. Философ и Заяц — не против. Мне нужна твоя поддержка.

Что скажешь?

Секунду я колебался.

— Т-хм... я не врач, но, по-моему, ты заразился от штурмана несварением мозгов.

— Это почему? — Глаза Гриши превратились в щелочки. Было похоже, что он сейчас без обиняков выложит все, что думает обо мне. И не только обо мне, но и обо всех моих родственниках.

— Гриша, извини меня еще раз. Давай лучше поговорим о твоём дедушке или о девочках.

Гриша откинулся на спинку скамейки и два раза глубоко вдохнул и выдохнул.

— Ну, хорошо. Я расскажу тебе все. Я надеюсь на твою поддержку, потому что Чарра не так безопасна.

— Ты же уверял, что первая экспедиция возвратилась вся в целости и сохранности и...

— Да, но потом четверо из шестерых членов экспедиции — погибли.

— Потом?

— Да.

— Ну и что? Не понимаю.

— Со слов штурмана, эти смерти связаны с Чаррой.

— Инфекция?

— Нет. Нечто более загадочное. Есть на этой планете такие трехглазые птицы. Я и лечу туда, чтобы поймать хоть одну.

— Я что-то не пойму связи...

Гриша перебил меня:

— Первая экспедиция несколько раз сталкивалась с ними и поначалу не обратила никакого внимания на них. А потом...

— Что?

— Потом через несколько лет капитан, который на Чарре первым обнаружил птиц, начал оглядываться, не мог спокойно работать, ходить, спать. Ему все чудились сзади три горящих глаза. Так продолжалось около месяца, а потом он умер. В своем доме. На Земле. С остальными тремя повторилось примерно то же.

Рядом с нами опустилась пара голубков-космачей. Я пошарил в кармане, нащупал несколько семечек и бросил им.

— Слушай, а как зовут твоего штурмана? Часом, не Николай Васильевич Гоголь или Говард Лавкрафт?

Гриша чертыхнулся сквозь зубы.

— Шут ты гороховый, Васич. Подумай вот о чем. Альфа Эридана почти в сорока парсеках от Земли. За двадцать пять лет космическая разведка ушла неизмеримо дальше, а на Чарре побывала всего одна экспедиция.

— Ну и что?

— Почему?

— Почему? — переспросил я.

— Я наводил справки в информатории. Восемнадцать лет назад зону альфы Эридана объявили закрытой! — Гриша сделал выразительную паузу. — Что ты теперь скажешь? — прищуренные глаза буравили мое лицо.

Я оторопел.

— Закрытой? — переспросил я.

— Закрытой, — повторил Гриша, в душе, наверное, наслаждаясь полученным эффектом.

— Погоди, может, я чего-то не понял. Ты на «Тритоне» хочешь проникнуть в закрытую зону и сесть...

— Да. Только не надо прикидываться пай-мальчиком.

— Стоп. Что-то здесь не так. Экспедиция на Чарру была двадцать пять лет назад?

— Ну?

— А закрытой зона альфы Эридана стала восемнадцать лет назад?

— Да.

— Значит, что-то произошло между этими датами? Если система не исследовалась, почему изменилось к ней отношение?

— Не знаю.

— Возможно, проводились запуски роботозондов, которые не вошли в информаторий под код-графу «общие исследования»?

Гриша пожал плечами:

— Я это и хочу выяснить.

Я посмотрел вверх. Сквозь желтые редеющие кроны проглядывало голубое небо. Я представил себе, как за этими кронами, за осенним небом, облаками, за Сатурном, Плутоном, за тридевять парсеков, откуда Солнце едва видно, как золотую песчинку, гой еси добрый молодец Григорий Чумаков со товарищи Валентином Иваненко да Юрием Вергуновым на звездоскафе «Тритон» садятся на планету, усеянную обломками роботозондов и закрытую Косморазведкой восемнадцать лет назад, и попадают прямо в лапы инспектору, который...

— Нет, — сказал я. — Послушай доброго совета, Гриша. Есть программы исследований, которые не идут через информаторий. Вполне возможно, что на подлете к Чарре барражирует такой буй, бык... бак, автономный или полуавтономный, и, пока мы будем искать место для посадки, нагрянет патрульный рейдер, какой-нибудь «Малюта Скуратов» или «Эль Торквемада»...

— «Папа Мюллер», — подсказал Гриша с невыразимым сарказмом.

— Или «Папа Мюллер», — кивнул я, стараясь не замечать яда в Гришином голосе.

— «Железный Феликс»...

Я вздохнул.

— И возьмет вас... нас за жабры.

— Мне кажется, ты усложняешь.

— Не надо. Не очень я усложняю. Ну, хорошо, пусть не так. Зона свободна. Без осложнений мы садимся на Чарру. Но стоит ли рисковать? Если даже половина из того, что сказал штурман — правда, этим должны заниматься косморазведчики. У нас до выпуска остался год. Еще два зачетных полета и все.

Гриша что-то возразил, но мне в голову пришла совершенно другая мысль.

— Ладно, Гриша, допустим, ты благополучно садишься на Чарру, и все проходит как нельзя лучше, и ты улетаешь оттуда с птицей в грузовом отсеке.

Гриша насторожился:

— И что?

— И возвращаешься на Землю. Как ты объяснишь самовольное отклонение от курса? Случайностью? Таких случайностей не бывает. За это по головке не погладят.

— Победителей не судят, — сказал Гриша.

Мы проговорили с ним в общей сложности часа три. Молодая мама с ребенком давным-давно ушла. Солнце склонилось за шпиль летнего театра. Мне показалось, что я убедил Швейцарца.

На учебном маршруте «С. В.» отстал от «Тритона» на неделю. Двенадцатого декабря наши звездоскафы должны были встретиться, чтобы вместе возвратиться на Базу. Но мы не нашли никого в секторе встречи. До контрольного срока оставалось еще десять дней, и мы не придумали ничего лучше, как повернуть «С. В.» к Чарре. В тот момент, когда пеленгаторы засекли аварийный радиомаяк на поверхности планеты, я почти не сомневался, что это звездоскаф Швейцарца.

После того как попытка связаться с ними оказалась безуспешной, Алексей неожиданно спросил:

— А вдруг это не «Тритон»?

Хотел бы я, чтобы это было так, а сам «Тритон» был бы где-то на подлете к Базе.

— Тут некому сигналить, кроме них, — сказал я. — Зона закрыта восемнадцать лет назад.

— Да, действительно, — согласился Алексей. — Попали ребята. Край света. Сколько они уже здесь?

— А что?

— Если зона закрыта, она вполне может патрулироваться, тогда через несколько дней тут должен быть спасательный рейдер. Через три-четыре дня.

— Значит...

— Значит, зона либо не патрулируется, либо они только включили «SOS».

Вспоминая этот диалог, я сейчас не могу не подивиться нашей тогдашней самоуверенности. Ну как же, все разложено по полочкам: вот неизвестная планета (какое восхитительное словосочетание — неизвестная планета! — есть в этом словосочетании какая-то неизбывная ностальгическая прелесть), но для нас это была тогда планета под кодовым номером таким-то с примечанием в графе «название» — Чарра; вот потерпевший аварию звездоскаф, вот расстояние, угол сближения, данные телеметрии, расчет времен... Ну как же — герои зачета по выживаемости, чуть ли не убеленные сединами ветераны, что вышли невредимыми из воды и огня, без пяти минут волки Косморазведки, да что там — сам Юрий Алексеевич и Константин Эдуардович^[1] стоят в одном ряду с нами, слегка потеснившись, дальше, скромненько так, — Сергей Павлович, Николай Иванович, Фридрих Артурович^[2] и еще с десятков фигур помельче. Ну как же — дранг унд анстурм! Да почему бы и нет, в конце концов? Ну, неизвестная планета, ну, даже сигнал «SOS», да если мы четыре дня будем ждать спасательный рейдер, выйдя на орбиту, в то время как там, внизу неизвестно что происходит, — грош нам цена.

— Ребята, надо сообщать на Базу, — Лена нервно теребила кончики волос. Даже в полутьме рубки было заметно, как она побледнела.

— Турнут их из стажеров, — прищурился Алексей, — как пить дать, если мы сообщим на Базу. А может, справимся сами? Вдруг там ничего серьезного?

— А если не справимся? — спросил я.

— Боишься?

Я промолчал.

— Мы не спасатели, — сказала Лена.

— Да, скандал будет ба-альшой, — Алексей потер подбородок. — Надо приземляться, Васич. Все-таки мы ж не чужие. «Тритон» — там же Юра Заяц, Валик, Гриша. Может, они кровью истекают... — добавил он, подвигав бровью.

— Типун тебе на язык! — вспыхнула Лена. К ее лицу возвратились нормальные краски, щеки порозовели.

Я мельком глянул на Лену. Лена была неотразима.

Алексей тоже отвернулся от экрана и, окинув Елену задумчивым взглядом,

констатировал:

— Вы неотразимы, мадемуазель, однако...

— Приземляться будем и так, и так, — сказал я. — Что решаем: сообщаем на Базу? Нет?

— Да, — сказала Лена.

— Нет, — сказал Алексей.

— Так да или нет?

Алексей прочистил горло.

— Самовольное отклонение от курса — за это по головке не погладят. Объясняться ребятам придется долго. Да ведь и мы тоже... отклонились от трассы.

На шкале дальномера под аварийным сигналом на мгновение вспыхнула единица с восемью нулями, тут же сменившись на девятки, вслед за которыми начал плясать разнобой меньших цифр. До Чарры оставалось сто миллионов километров, и каждые две секунды это расстояние сокращалась еще на пять тысяч.

— На Базу мы сообщить всегда успеем, — Алексей посмотрел на меня.

— Ладно, — сказал я, — сутки ничего не решают. Примерно через пятнадцать часов мы будем над Чаррой. Если к концу суток мы не найдем ребят живых и здоровых или решим, что поднять «Тритон» мы не в силах, будем вызывать аварийную.

На исходе торможения с высоты двенадцать тысяч километров можно было рассмотреть на поверхности Чарры серебристую каплю звездоскафа. «Тритон» стоял на широком песчаном выступе океанского побережья, который гигантским ятаганом врезался в белоголубые накаты волн. Спутника у Чарры не было, а значит, благодаря отсутствию приливов, можно было приземляться прямо на пляже.

— Не понимаю, почему эту планетку не сделали курортом? — протянул Алексей, вглядываясь в слегка размытое атмосферой Чарры изображение морского побережья.

— Радиоактивный спектр альфы Эридана слишком широк, — ответил я, — поэтому здесь не построили ни курорта, ни базы.

— Да-а? — Алексей оторвался от окуляров телескопа. — Какой умный! Сам догадался?

— Справочники полистал.

— Приземляться как будем? — спросила Лена. — Антигравы барахлят.

— На парашютах, наверное. — Алексей посмотрел на меня.

— На парашютах.

Мы решили не совершать контрольный облет планеты, дабы сэкономить несколько часов. За то время, пока «Северный Ветер» нес нашу команду к «Тритону», можно было полностью составить представление о Чарре. Внизу разворачивались панорамы, словно из рекламных проспектов. Три океана с густо разбросанными островами между материками. Прозрачная облачность почти не скрывала яркой зелени лесов, голубизны рек и озер, серебра горных вершин около полюсов. Слишком уж мирной выглядела планета. Не вписывался в эту идиллию только мигающий аварийный сигнал.

Никаких признаков барражирования зоны детекторы поиска не обнаружили. «Тритон» по-прежнему не отвечал. Мы выбрали место рядом с ним на широкой песчаной косе и пошли на снижение.

Спустившись до десяти километров, мы смогли рассмотреть то, что сначала приняли за высокую, как шпиль, скалу в океане, метрах в ста от берега, где стоял «Тритон». Это был исполинский тотемный столб с высеченными по восходящей спирали фигурами зверолодей или зверобогов. Напоминал он грозный, указующий в небо перст высотой метров

шестьдесят, и, чем ниже мы опускались, тем больше поражал он своей грандиозностью.

После того как над «С. В.» раскрылся ярко-желтый бутон из шести парашютов, полет перешел в скольжение. За три секунды до контакта с поверхностью автопилот включил двигатели, погасив скорость до нуля, и мы, как в мягкую подушку, уткнулись посадочными опорами в песок.

Утро только начиналось над этим побережьем, но воздух уже успел прогреться и пах солью, водорослями и чем-то еще, топким и незнакомым. Небо здесь было изумительного голубого цвета. Невозможно было представить его пасмурным или зимним.

«Тритон» стоял в полукилометре дальше по косе и выглядел совсем необитаемым. Над ним безбоязненно кружились зеленоватые птицы, издавая резкие крики, садились на открытый люк, антенны, снова взлетали. Зияющая чернота открытого люка напоминала пустую глазницу черепа. Одноглазого гигантского черепа циклопа, рухнувшего среди дюн под напором местного Руслана лет этак тысячу назад.

Алексей молча спрыгнул на песок, держа в каждой руке по лучемету. Он протянул мне оружие и, защищаясь ладонью от солнца, долго разглядывал «Тритон» и огромный тотемный столб в океане. За спиной Алексея с тихим шуршанием ползли по песку парашюты, втягиваясь в прорези на куполе звездоскафа.

— Тихо как, а? — Алексей посмотрел на меня. — По-моему, никого там нет, в «Тритоне». Как тебе кажется?

— Кажется.

— Куда ж они тогда подевались?

Хороший вопрос. Вон он, «Тритон», полкилометра от нас — пять минут ходу. Сейчас узнаем.

— Не нравится мне все это, — пробормотал Алексей.

Лена остановилась на трапе и, помедлив, тоже спустилась вниз, едва коснувшись протянутой Алексеем руки.

Одеты мы были в десантные комбинезоны, которые Лена нашла в глубинах вещевого отсека. Лена успела подогнать самый маленький комбинезон под свою фигуру с мастерством профессионала, так что сейчас у трапа «С. В.» она смотрелась почти как на обложке журнала «Форчун»: шершавый, как кожа крокодила, бок звездоскафа, тускло отсвечивающий в лучах утреннего солнца, дюны, уходящие к морю, и девушка с серебристым лучеметом, спускающаяся на песок неизвестной планеты.

— Только не говори мне, Васич, что кто-то должен остаться, — заявила Лена, не сводя с меня прищуренных глаз.

— Именно это я и хотел сказать.

— Скажи это Алексею.

— Мы не можем идти втроем.

— Послушай, Лена, — начал медленно Алексей, — я знаю, что у тебя красный пояс дошин-кан, ты быстро ориентируешься в ситуации, но...

Я увидел, как Алексей впился взглядом во что-то за спиной Лены. Но за ее спиной не было ничего кроме барханов и открытого настежь «Тритона». Лена начала поворачивать голову, и вдруг Алексей в падении нанес ей разящий удар носком ботинка сбоку чуть выше лодыжки. Если бы Лена успела увернуться, это стоило бы ей жизни. В темноте открытого тамбура «Тритона» вспыхнул луч бластера. Невидимый в ярком солнечном свете, он бесшумно чиркнул по броне «С. В.» примерно на уровне, где была голова Лены, оставив за собой остывающую багровую запяную.

Хотя прошло столько лет, эта сцена вновь оживает, стоит закрыть глаза. Мы втроем

стоим около трапа. Яркое солнце, резкие тени. Жарко. Вдалеке кричат прибрежные птицы, и вдруг — вспышка в глубине тамбура «Тритона». Время словно останавливается, и мы долго, очень долго падаем в горячий песок.

Алексею повезло меньше всех. Он упал на купол парашюта, который втягивался в звездоскаф, хотел откатиться в сторону, но нога попала в петлю спутанных строп, и Алексея потянуло вверх.

Еще секунду мне казалось, что это ошибка, возможно, залп с «Тритона» вызван атакой какой-то летающей твари, но я ударился плечами о песок, над нами не было никакой твари, а Алексея тянуло на купол звездоскафа.

— Стреляй! — сдавленно вскрикнул Алексей одновременно с тем, как я вскинул лучемет и пережег стропу выше его ботинка.

— Ай, черт! — Алексей упал на руки, швырнул оружие под брюхо корабля и следом за Леной и мной скатился под прикрытие посадочной опоры и трапа.

Никто из нас не был ранен. С минуту мы отплевывались от песка под двигателями звездоскафа. Над «Тритоном», плывущем в мареве нагретого воздуха, по-прежнему безбоязненно кружились птицы, словно ничего не произошло.

Звон, раскалывавший мою голову, немного утих.

— Ты видел это? — Алексей мотнул головой в сторону «Тритона», — Они спятили, не иначе, засранцы. Рехнулись, что ли? Или ослепли?

— Это вы — засранцы, — очень тихо сказала Лена, потирая ушибленную ногу, — Надо было еще вчера передать «SOS» на Базу. А теперь... Герои...

Мы с Алексеем промолчали. Нечего нам было сказать.

Ветер, порывами гнавший песок, колотил лицо и заставлял слезиться глаза. Мне почудилось движение в глубине открытого люка «Тритона», и пальцы, сжимавшие лучемет, дрогнули. Я искренне раскаивался, что вчера послушал Алексея, а не Лену, но что толку от запоздалых раскаяний?

— Что будем делать, Васич? — Алексей чихнул и вытер глаза тыльной стороной ладони.

Не имел я ни малейшего понятия, что мы будем делать. В голове был полный сумбур.

— Шизофреники, — буркнул Алексей, — Это их конец как пилотов. Все, аллес! Мания преследования, острый психоз, кажется, это так называется?

— А может, они действительно ослепли? — спросила Лена. — Какое-то отравление, поражающее глаза, или вирус? Видят размытые тени, а принимают нас за других.

— Других? — усмехнулся Алексей, — Кого это?

— Ну, мало ли... — Лена пожала плечом.

— Как же, жди. Судя по тому, как они стреляли, с глазами у них все в порядке. — Алексей, осторожно приподнявшись, попытался рассмотреть, что делается около «Тритона». Ничего там не делалось. Ветер по-прежнему гнал песок, поднимая пыльные смерчи на вершинах барханов. Было жарко, пусто, только время от времени покрикивали прибрежные птицы. Ощущение заброшенности, края света, ненужности элементарных моральных принципов все это в сочетании с залпом по нам из «Тритона» давало такой коктейль, от которого голова шла кругом.

— Интересно, Васич, как мы попадем внутрь? — через минуту спросил Алексей.

— Внутрь чего, «Тритона»?

— Какого, к черту, «Тритона»? Собственного звездоскафа!

— Ну, наверное, придется ждать темноты.

Да, это называется «влипли». Расскажешь кому-то — не поверят. Я и без Алексея видел, что мы влипли. Трап «С. В.», по которому мы спустились, был обращен в сторону «Тритона», так что при первой же попытке выйти из-под укрытия, чтоб вернуться назад в свой корабль, мы автоматически превращались в живую мишень для неизвестного стрелка. Кроме того, в нашем положении была еще одна сторона, которая нас ставила вообще в безвыходное положение и о которой я пока не решался никому сказать.

— Однако здесь не слишком уютно коротать день, — Алексей обвел глазами спекшийся от посадочного выхлопа песок под брюхом корабля, — Слегка фонит.

— На солнце примерно столько же.

— Шизофреники, — снова буркнул Алексей.

Я промолчал.

— И да поможет им бог, — добавил Алексей, — потому что дедушка красавчика Гриши Чумакова им уже точно не поможет.

— Если они попытаются нас атаковать, — наконец решился сказать я, — на нашей карьере тоже можно ставить крест.

— Это почему?

Я перевел взгляд с открытого люка «Тритона» на свою команду.

— Потому, что в перестрелке обязательно кто-то погибнет, — по глазам Алексея и Лены я видел, что они все еще не понимают. — Потому что нам, может, придется... убить их.

Алексей вытаращился на меня.

— Убить?! — воскликнула Лена.

— Или же... они убьют нас.

— Ты соображаешь, Васич, о чем говоришь? Или ты тоже спятил? — Алексей неуверенно хохотнул, но получилось это у него как-то неестественно и фальшиво. Алексей сглотнул.

— Если они бросятся сюда... — сказал я.

— Когда они бросятся сюда, — перебил Алексей, — я буду стрелять по ногам.

— Ты никогда не слышал, что сумасшедшие нечувствительны к боли?

— А?

— Луч не прожжет тетраволокно комбинезонов, а только больно ударит по ногам. Так что придется целиться... в открытые части тела... «В лицо, например», — добавил я про себя.

— Да с какой стати они будут атаковать нас? — чуть не закричал Алексей. — По моему, они сами боятся, потому и стреляют. Дождемся темноты и рванем отсюда. Пусть разбирается База, спасатели, угодник Николай, черт с рогами, кто угодно! Только не мы! Эта работенка не для нас, — Алексей покусал губу, — Или вы думаете по-другому?

Я промолчал.

— А вдруг это стреляли не ребята? — спросила Лена.

— Значит, они тогда наверняка мертвы, — Алексей облизал губы. — А из лучемета палит какая-нибудь обезьяна. А, Васич?

— Слушай, Лена, а у тебя нет чувства, что стреляли именно по тебе? — спросил я.

Лена удивленно глянула на меня и снова пожала плечом.

— Есть идея? — спросил Алексей.

— Не знаю. Просто на тотемном столбе изображены одни женщины. Смотрите! Да не туда! На «Тритон»!

Меня прошиб холодный пот. На трапе «Тритона» стоял, опираясь на четыре мягкие гусеницы, геологический робот класса «Тролль». Приплюснутая, как башня старинного танка, голова его медленно поворачивалась над широким цилиндрическим корпусом из броневой стали. В манипуляторах легко, подобно игрушке, лежала вороненая труба тяжелого скального бластера — чудовищное оружие, предназначенное для вскрытия особо твердых горных пород, которое могли удержать одновременно разве что три человека. Против такой пушки наши лучеметы выглядели просто детскими водяными пистолетиками.

— Если Васич прав, — Алексей шумно сглотнул, — это за тобой, Елена.

«Тролль» в учебном полете служил в основном для расчистки площадок на планетах под установку сигнальных маяков, координаты и позывные которых проверял идущий следом «С. В.».

— Только этого нам не хватало, — пробормотал Алексей, — сумасшедший робот. Сейчас он спустится с трапа и как пить дать двинет сюда.

Голова «Тролля» замерла. Безжизненные глаза впились в наши скрюченные фигурки под брюхом «С. В.». Очевидно, угол прицела был неудобным: мешал наш трап, потому что робот дрогнул и, осторожно переставляя гусеницы по ступенькам, начал спускаться на песок.

— Скорее назад, к воде! За дюнами нас не будет видно! — Я подтолкнул Лену и следом за Алексеем на четвереньках выбрался из-под корабля.

И в этот момент робот выстрелил. Эффект получился ужасным. Луч тяжелого бластера, не в силах достать нас, полоснул по опоре звездоскафа. Какое-то мгновение казалось, что ничего не произойдет, но тут звездоскаф начал заваливаться назад, как огромная серая стена, подминая ломающуюся опору, и со скрежетом рухнул боком на песок, взметнув мутную тучу пыли.

Мы скатились к воде.

— Дальше, назад! — крикнул я.

— А ты? — задохнулся Алексей.

— Бегите назад, за изгиб косы!

— А что же ты? — Лена остановилась.

— Быстрее! Если он охотится, то только за тобой! И ты, Алексей, быстрее!

— Ну уж нет, — Алексей сбросил лучемет с плеча. — Лена, мотай отсюда. Мы тебя догоним.

— А как же вы?

— Хватит, беги!

— Но вы же не...

— Быстрее!!! — крикнули мы с Алексеем почти одновременно.

Лена оглянулась последний раз и, пригнувшись, помчалась вдоль линии прибоя. Мы с Алексеем побежали в другую сторону, туда, где за откосом виднелся купол «Тритона».

Робота пока не было видно, но каждую секунду я ждал, что он появится над нами на гребне песчаного склона, и тогда мы точно узнаем, охотится эта сумасшедшая машина за женщиной или за мужчинами тоже. Правда, такое знание могло стоить нам жизни, потому что бронированный «Тролль» был практически неуязвим для наших легких лучеметов. Единственная надежда — остановить железного монстра, выпалив ему в глаза, таяла при

мысли о том, что целиться придется лицом к лицу, и, если мы промахнемся, десантные комбинезоны не спасут нас от луча, разрезающего посадочные опоры.

— Стой! — Алексей схватил меня за плечо, — Куда мы бежим? Он все равно догонит нас. Что ты придумал?

И тут мы увидели его. Одновременно. Гусеницы вынесли его на гребень дюны, и он замер, оглядывая линию берега. Глаза наши встретились. Сердце мое сделало тошнотворный сбой и снова забилося ровно и сильно. Не дрогнул скальный бластер в его манипуляторах, не поползло дуло в нашу сторону. Несколько долгих секунд его бесстрастные глаза рассматривали нас, потом скользнули дальше по береговой линии, пока не зацепились за цепочку следов Елены, смываемых ленивыми накатами волн. Глухо взвыли моторы, и робот рванулся вниз, поднимая песчаную пыль.

Я вдруг понял, что надо делать. Шестое чувство упрямо гнало меня сюда, словно заставляя вспомнить давно забытый кошмарный сон. Вентиляционная решетка охлаждения двигателя!

Я упал на колени и, плохо соображая, что делается вокруг, поймал в прицельную рамку сетку вентиляционного отверстия в нижней части бронированного корпуса. Я никогда не думал, что у геологических роботов такая быстрая реакция. «Тролль» увидел мою попытку, что называется, краем глаза, и начал на ходу разворачиваться, одновременно поднимая смертоносный ствол.

Он опоздал на долю секунды. Вернее, я его опередил на эту долю. Вернее, мне просто повезло. Мой луч срезал ажурную вентиляционную решетку, следом полыхнул второй луч — Алексея. Металлический скрежет, что-то оглушительно треснуло в бронированном брюхе «Тролля». Его на полном ходу развернуло на паре гусениц, так что он едва не опрокинулся, из вентиляционного отверстия повалил сизый дым... Все? Силы небесные! Я вдруг с ужасом увидел, как остановившийся «Тролль» продолжает мелкими рывками разворачиваться на гусеничной платформе, поднимая в нашу сторону раструб. Я даже не попятился — спрятаться нам с Алексеем было решительно негде. В голове все окончательно смешалось. Конец? На плече «Тролля» на мгновение вспыхнул аварийный маяк и тут же погас, манипуляторы его последний раз дрогнули и нажали гашетку бластера. Толстый, как канат, луч врезался в бархан у наших ног.

Алексей сел прямо на песок и облизал пересохшие губы.

— Фу ты, леший, — сказал он, не отрывая глаз от истекающей расплавленными каплями стеклянной лужи, в центр которой бил бластерный луч. — Такого еще не было. Я думал, что нам крышка. Кретин железный. Как же это его так угораздило?.. Дай руку, Васич.

Алексей поднялся.

— Век тебя не забуду, — сказал он, не глядя на меня, и было непонятно, что он имеет в виду.

Например, напрашивалось такое продолжение: «Век тебя не забуду, Васич, что ты затащил нас на эту планету», хотя это вовсе не я затащил их сюда. Не стал я уточнять. Алексей вздохнул и, не добавив больше ничего, направился к «Троллю».

Мы так и не смогли вырвать бластер из манипуляторов робота. Луч погас только после того, как я вынул обе обоймы из корпуса бластера.

Лены нигде не было видно. Мы несколько раз позвали ее и, не дождавшись ответа, двинулись к «Тритону», утопая по щиколотку в песке. Скорее всего, «Тритон» был пуст, и все же я пережил неприятные секунды на трапе корабля, невольно представив, как из

темноты открытого люка чьи-то безумные глаза ловят мою грудь в перекрестие прицела.

Осмотр корабля занял минут двадцать. «Тритон» был братом-близнецом «С. В.» это были звездоскафы одной серии «Зенит», не отличавшиеся ни конструкцией ходовой части, ни расположением палуб и кают. Когда-то их «выпекали» по несколько сот за год на сборочных верфях Ганимеда и Европы. Предназначались они для Косморазведки и были рассчитаны на экипаж из двух-трех человек.

«Тритон» был пуст. Ребят там не было уже по крайней мере несколько дней. Бортовая навигационная система «Тритона» оказалась в полной исправности — маленькая удача в цепи неудач и промахов.

Алексей вытащил из пульта незаконченную кассету полетного дневника.

— Сначала найдем Лену, — сказал Алексей, — Здесь нам делать больше нечего.

Спускаясь из рубки управления звездоскафом, Алексей мотнул головой. Раньше такой привычки я за ним не замечал.

Да, как это не ужасно, ребята наверняка погибли, и разбираться с этим ЧП будет База. Это не уровень стажеров.

— Да, — сказал я, — не повезло. Забираем Лену и будем взлетать на «Тритоне».

Мы вышли на загаженный птицами трап и загерметизировали за собой входной люк.

— фу, жарко, — Алексей вытер пот.

— Пекло.

Алексей остановился.

— Искупаться бы. Как ты думаешь, в заливе глубоко? — Черный юмор, единственная цель которого — просто поддержать нас немного. Я благодарен за это Алексею. Качество, которое встречается, кстати, не так часто: умение пошутить в почти безвыходном положении. Странно, но то же качество в Грише Чумакове меня раздражает. То же самое! Непостижимо. Вот и говори после этого, что психологическая совместимость — чушь и досужие выдумки.

Я оглянулся.

— Жить надоело? Под душем искупаешься. В «Тритоне».

Было бы здорово написать: «Алексей в ответ ослабился». Как бы такой диалог двух суперменов. Но Алексей в ответ не ослабился. (Ну, может быть, не суперменов, скорее, людей, знающих себе цену и встречающих опасность мужественным прищуром и скупой шуткой.) Алексей даже не улыбнулся.

«Тритона» за изгибом косы уже не видно. Волны жара поднимаются от дюн. Видимый сквозь это полуденное марево накрененный «С. В.» дрожит и словно плывет над песчаным откосом, похожий издавлека на наполненный гелием огромный метеозонд.

По мере того как возбуждение покидало нас, мне становилось все яснее, какую глупость мы совершили. Поломанная опора звездоскафа, подбитый «Троль», а теперь мы еще и потеряли Лену... До выхода на связь с Базой сутки. По крайней мере, сутки о нас никто не будет беспокоиться. Ну а потом? Никто ни сном ни духом не ведает, где нас искать. Я теперь уже ни в чем не был уверен. И много ли для этого потребовалось? Несколько часов, на протяжении которых мы сделали всего-то две ошибки.

Солнце пекло нещадно, у меня разболелась голова (застарелые боли от прошлогодней травмы, даже за ухом начало слегка дергать), а Лены все еще нигде не было видно. Прибой давно смыл ее следы. Мы прошли вдоль берега километра два, когда наконец увидели ее. Она брела нам навстречу, шатаясь как пьяная.

— Лена!

Она словно не видела и не слышала нас.

— Ленка!

Комбинезон ее был в каких-то грязных потеках, и, подбежав ближе, я понял, что это рвота.

— Лена, что с тобой?

— Там, — Лена слабо махнула рукой назад, где у кромки прибоя над чем-то дрались птицы. — Там... — и опустилась прямо в воду.

Мы пробежали метров двести, птицы с шумом и криком поднялись в воздух, и мы увидели ее. Она была убита шесть-восемь часов назад. Луч бластера разрезал ее напополам, но умерла она не мгновенно. Поразительная живучесть была в этом теле. Она вряд ли сразу даже почувствовала боль — просто сильный удар. Кровь быстро свернулась в пережженных сосудах. Минуту или две верхняя часть туловища, цепляясь за мокрый песок, ползла по берегу, пока силы не иссякли и не пришла смерть.

Молча опустившись на корточки, Алексей перевернул ее на спину, и мы увидели лицо двадцатилетней девушки. Открытые глаза, сведенный судорогой рот забит песком, русые волосы в беспорядке рассыпались, и накатывавшие волны старались раз за разом достать и расчесать их. Над переносицей алела татуировка в виде третьего глаза.

— Боже мой, — запнулся Алексей.

Я почувствовал, как от запаха паленого мяса у меня в горле застрял комок.

Члены ее успели окоченеть, но разлагаться она еще не начала. Ее, наверное, убили этой ночью, когда мы подлетали к Чарре.

К левому боку девушки на тонкой кожаной перевязи был прикреплен колчан и изящное подобие арбалета.

— Здесь шла настоящая война, — пробормотал Алексей.

«Да, — подумал я, — война. Арбалеты против огненного луча толщиной в канат».

Ни малейшего сомнения о причине столь ужасной смерти у нас не возникло. Такое мог сделать только тяжелый скальный бластер.

В жизни нередко встречаются вещи, о которых лучше не знать. Не знать и не видеть или постараться скорее забыть.

Через полчаса мы добрались до «Тритона». Часть дороги Алексей поддерживал Лену под руку. Лену тошнило, через каждые пять минут она останавливалась, чтоб обмыть лицо прохладной морской водой. Потом ей стало немного легче.

Я заставил себя подняться на песчаному откосу и пошел параллельно берегу по дюнам, проваливаясь в сухом песке. У меня все еще тлела надежда найти хоть какие-то следы ребят. Глупая затея! Мысли все время возвращались к разрезанной девушке, сумасшедшему роботу, аварийному сигналу, поданному «Тритоном». Я волочил ноги и думал о том, что вот мы дойдем до «Тритона», и это будут наши последние минуты на Чарре.

Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. За полтора часа после посадки, не отойдя и двадцати шагов от своего корабля, мы хлебнули достаточно приключений, дабы представить бесперспективность и риск дальнейших поисков. Мне совсем не улыбалось загубить собственную команду. Ну, отклонились от курса, не сообщил на Базу о приземлении — это еще туда-сюда. Уже проехали, все. Но если будут трупы — тут уж я не оправдаюсь никак.

Что еще осталось сделать? Почти ничего: взлететь и вызвать по гиперпространственному каналу Базу с околопланетной орбиты. Гиперсигнал, переданный с поверхности планеты, настолько сильно искажается в ее гравитационном поле, что для связи необходимо достаточное удаление от планеты. Спасательная бригада доберется сюда через три дня. Боюсь, это все, чем мы в состоянии помочь ребятам. Что им самим помешало вызвать Базу, я понять пока не мог, ведь ходовые механизмы «Тритона» были в полной исправности.

Я представил, как в случае поломки «Тритона» мы могли бы оказаться в ловушке, и никто и понятия не имел бы, где нас искать. Сумасшедший робот сломал посадочную опору «С. В.», завалив тысячетонную тушу звездоскафа под таким углом, что о старте нечего было и помышлять. Ремонт? Пожалуйста — две недели, не меньше, в полевых условиях. И то в лучшем случае. А в худшем... Ребятам хватило нескольких дней, чтобы исчезнуть без следа, а тут две недели...

— Васич!

Я оглянулся. Мы проходили мимо подбитого накренившегося «Тролля». Теперь он вовсе не казался каким-то исчадием ада, а, скорее, вызывал жалость. Глаза его потухли. Сколько

лет он верой и правдой служил космофлоту, а его за это — в мягкое подбрюшье. Бластером! Эж его угораздило. Один бок его был закопчен, и из отверстия вентиляционной решетки тянуло горелой пластмассой.

— Глянь!

Алексей показывал куда-то назад за дюны.

Расправив над водой огромные перепончатые крылья, две странные птицы спланировали за изгиб песчаной косы в то место, где осталась лежать разрезанная девушка. Больше всего они казались похожими на исполинских летучих мышей, только голова у них была маленькая и совсем... человеческая. За секунду до того как они канули за песчаный склон, одна из птиц глянула в нашу сторону, и на солнце блеснули... три глаза! Трехглазые птицы! Те, о которых рассказывал Грише Чумакову штурман!

— Вернемся? — Алексей вопросительно посмотрел на меня.

Я был сыт Чаррой по горло.

— С какой стати?

Алексей смахнул пот со лба.

— Это те самые трехглазые твари, из-за которых «Тритон» оказался здесь.

— А она? — я кивнул на Лену.

Алексей не успел ответить, как из-за песчаной косы, едва не задевая волны тяжело хлопающими крыльями, взлетела пара тех же птиц. В лапах они держали останки

несчастной девушки. Поднимались они тяжело, разгоняясь над водой, как земные лебеди. Мы с Алексеем проводили их взглядами. Летели они в сторону тотемного столба и, сделав вокруг него несколько восходящих кругов, сели на верхушке.

Я посмотрел на Алексея.

— Хватит отдыхать. Пошли.

В «Тритоне» я помог Елене устроиться в перегрузочном ложе и заставил выпить таблетку транквилизатора.

— Через полчаса взлетаем. Постарайся поспать. На вахте тебя заменит Алексей.

Когда я спустился в рубку управления, Алексей стоял около выключенных экранов и барабанил пальцами по краю пульта. Он даже не обернулся ко мне.

— Алексей!

— Я.

— Что случилось? Сейчас стартуем.

— Кажется, старт откладывается.

— То есть, что значит?..

— Мы не сможем вызвать Базу с «Тритона».

— Ну, не тяни!

— Разбит блок гиперсвязи.

— Как разбит?

— Маленькой аккуратной стрелой. Она пробила пластиковую панель блока. Пойдем, посмотрим.

Трудно было себе представить, что стрела, выпущенная почти игрушечным арбалетом, может с такой силой вонзиться в панель блока. В звездчатой пробойне торчал только оперенный кончик.

Алексей мотнул головой.

— Я проверил: стрела замкнула несколько плат связи. И нельзя быть уверенным за работу блока координации.

— Значит...

— Значит, надо все менять на блоки «С. В.».

— Это как минимум день, — прикинул я.

— Да. И хорошо, если потом не случится еще что-нибудь.

Я посмотрел на Алексея. Алексей поймал мой взгляд. По-моему, мы подумали об одном и том же.

— Я поставил кассету с полетным дневником на прослушивание, — сказал Алексей, — Пошли в рубку.

Странно, но мне кажется, что человек разумный, *homo sapiens*, назвал себя так в минуту не просто самолюбования, а легкого умопомрачения, вознесшись на крыльях гордыни под самые небеса и возомнив себя равным... кому? Богу? На самом деле, в критических случаях спасает нас не ум, а рефлекс, животные рефлекс, что роднят нас с братьями нашими меньшими, спасает не дар предвидения, дарованный богом, а способность мгновенно реагировать на опасность и боль, виновником коей мы же, как правило, и являемся. А еще нас спасает интуиция, которая, как известно (известно седовласым и седобородым мудрецам, вещающим нетерпеливым выюношам со взором горящим), является производной накопленного, но неосознанного опыта. А еще нас спасает Ангел-хранитель, который у каждого, как известно, свой.

Я хотел бы увидеть его хоть краем глаза, хоть один раз. Зачем? Чтобы посмотреть ему в глаза, пожалть руку, извиниться, что доставлял ему столько хлопот? Он наверняка даже не понял бы меня. «Это моя работа, ответил бы он (если бы вообще что-то ответил), — не стоит благодарить». Мы вряд ли поняли бы друг друга. Его логика с моей точки зрения была бы так же непонятна, как бег облаков в поднебесье. Защищать, но зачем? Потому что это работа, обязанность? С какой стати? Какая польза мирозданию, если я не исчезну в одночасье, а буду дышать, говорить, любить? Испытывать боль и радость? Неужели от этого пошатнется равновесие в мире, если завтра мое место займет кто-то другой?

Я хотел бы увидеть его. Я уверен, что он где-то рядом со мной, совсем недалеко, стоит только оглянуться. Да и разве можно отходить далеко от ребенка, который поминутно ищет неприятностей? Впрочем, понятие «далеко», «близко» в той реальности, где он находится, наверняка неоднозначно. Возможно, я и увижу его когда-нибудь, перед смертью, за мгновение до того как покину землю. А сейчас я могу его только представить...

Конечно, никаких крыльев. Строгий темный костюм, ворот белоснежной рубашки расстегнут (по случаю жары), безукоризненные туфли (конечно, у того, кто ходит по облакам!). На вид лет сорок пять, хотя в действительности, кто их, ангелов, поймет. Может ему тысяча лет, может десять тысяч, и я не то что не первый у него, а... даже и помыслить страшно какой по счету. В глазах ничего от профи, которых, как известно, выдает цепкий оценивающий взгляд и постоянная настороженность. Взгляд его безмятежно спокоен, как может быть спокоен взгляд у человека (существа?), которому все события в этом мире известны на много лет вперед. Такой взгляд мог бы быть у взрослого, что присел на край песочницы и рассеянно наблюдает за игрой малышкой. Безусловно, немногословен. Да и о чем можно говорить взрослому с теми же игроками в песочнице, даже самыми азартными? И еще, я знаю, он слегка брезглив. В какие-то ключевые, поворотные моменты моей жизни, он стоит у меня за спиной, чтобы вовремя одернуть, подсказать нужное слово. А потом... исчезает.

Конечно, он был на той памятной встрече с Женевиевой в мае восемьдесят девятого. Мне кажется, я даже помню его. Он сидел за соседним столиком кафе, когда мы пришли, вполоборота к нам, мужчина сорока пяти лет в безукоризненном темном костюме, ворот рубашки по случаю жары расстегнут. Коктейль в запотевшем бокале и раскрытая на спортивной странице газета. (Вот кому бы улыбнулась удача, попытай он счастья в тотализаторе!) Все свое внимание он, казалось, распределял между спортивной хроникой и

изумительным видом на противоположный берег Днепра. Еще дальше, ближе к террасе, помню, сидела девчонка, наверное, со своим младшим братом лет пяти. И все время пока мы разговаривали с Женеьевой, он никуда не уходил.

А вот день тот памятный я уже закончил без него. Да и не было необходимости в его присутствии тем вечером, все было уже понятно и так, обратной дороги не было, хотя не последнюю роль, что он потом встал и сразу ушел, сыграла его почти сверхъестественная (ангельская?) брезгливость.

Любопытно, где он был, когда в октябре я встречался с Гришей Чумаковым в парке? Никаких мужчин сорока пяти лет я не запомнил в тот день среди редких прохожих. Недалеко от нас сидела молодая мама с ребенком, еще я запомнил школьника, что выгуливал спаниеля... Присутствовал незримо? Проспал? Решил, что после зачета можно взять небольшой отпуск и слегка передохнуть? Или был какой-то смысл в таком повороте событий, недоступный пониманию играющих в песочнице? Какой-то столь далекий расчет, о котором думай не думай — не поймешь, как не поймешь, наблюдая за бегом облаков на рассвете, что к вечеру разразится страшная буря или, наоборот, никакой бури не будет, будет тихий, ясный, пасторальный закат.

Можно жизнь потратить в умозрительных размышлениях на подобные темы. Толку от них — чуть. Как потратил жизнь Фауст, пока к нему не явился деловой и конкретный Мефистофель. Некоторое время меня занимает идея, а может ли ангел-хранитель быть послан с той, другой стороны? И какая тогда разница, под чьей защитой мы находимся, когда результат будет тот же. Тот же? Я чувствую, что мысли мои начинают путаться. «Ангел-хранитель, — думаю я, — если ты есть, подай какой-нибудь знак, поговори со мной». Минуту или две не происходит ничего. Алексей молчит. Небо за иллюминатором темнеет от грозных облаков, ветер на дюнах поднимает песчаные смерчи.

— Осень присла, — неожиданно говорит Алексей, глядя в иллюминатор, в который начали бить первые тяжелые дождевые капли.

— Что? — переспрашиваю я.

— Пришла, — поправляется Алексей. — Извини, — он морщит лоб. — Наверное, устал Просто в голове вдруг всплыло, не знаю откуда.

Ночь. Прошел дождь. Ледяной бриз сдувает с иллюминаторов последние капли. Температура воздуха упала до плюс восьми градусов. Это обычные перепады для миров меньше Земли с более тонким слоем атмосферы. На морском побережье Чарры разрежение воздуха почти такое же, как в высокогорных районах Памира.

Небо затянуто низкими облаками. Прожектор на куполе «Тритона» освещает мокрые дюны, застывшего «Тролля» на берегу, упавший на бок «Северный Ветер», едва различимый из-за волн тумана, поднимающихся с моря.

На границе темноты вспыхивают и гаснут фосфорические точки. Время от времени сквозь освещенный коридор проползает местная тварь, подставляя под луч прожектора лоснящийся пятнистый бок, тяжело вздувающийся и опадающий в такт дыханию. Твари напоминают королевских щитозубов с Проциона-4, с двойным пилообразным гребнем вдоль позвоночника. Микрофоны доносят шипение, отрывистый клетот, скрип песка под тяжелыми телами.

Настроение под стать погоде. Монтаж блока гиперсвязи закончен, но взлететь мы по-прежнему не можем. Еще днем, когда мы перетаскивали блок связи из «С. В.», у Лены начался озноб. Под вечер она уже металась в бреду. Это могла быть инфекционная лихорадка, если бы на Чарре существовала микрофлора, совместимая с человеческим обменом веществ. Анализ крови подтвердил отсутствие антигена в плазме.

Нервная реакция на потрясение? Вздор. Лена Галактионова, умирающая оттого, что за ней погнался сумасшедший «Троль»? Чепуха. Ну, была еще мертвая девушка. И что? Был здесь что-то не так. Словно какая-то сила задалась целью во что бы то ни стало задержать нас на планете.

После консультации с диагностером Алексей ввел Елене какие-то лекарства.

— Будет жить, — с апломбом матерого реаниматолога заявил он, бросая инструменты в стерилизатор.

— Тебе бы все шутки шутить, Леша.

— Какие шутки... — Алексей опустил на край выдвижной панели рядом с диагностером. Помолчали. Алексей вздохнул, — Честно говоря, после того как мы сдали зачет, я думал, что ни с чем подобным в ближайшее время уже не столкнемся.

Я покусал губу.

— Что ты об этом думаешь?

— Ничего я не думаю. Глупейшая история, и влипли мы совершенно бездарно.

К счастью, в конце дня состояние у Лены улучшилось: жар спал, но давление еще оставалось низким. Было неясно, как Лена справится со стартовой перегрузкой. В подобных случаях инструкция разрешает взлет лишь при крайней угрозе для экипажа. И, поскольку крайней угрозы в поле зрения нет, мы пока ждем.

На единственном включенном экране в рубке полоса побережья, освещенная прожектором.

Алексей задумчиво смотрит на перематывающийся полетный дневник. В третий или четвертый раз мы прослушиваем запись. К сожалению, на главный вопрос, что же произошло с экипажем «Тритона» и где искать ребят, здесь нет ответа.

Они приземлились десятого декабря. И приземление, и первые три дня прошли без

осложнений. Планета как планета, один из кислородных миров, так похожих на Землю. Голубое небо над головой, прохладный океан, закаты и звезды, видимые сквозь облака, — это все действует в высшей степени расслабляюще, особенно после двухмесячного рейса — курорт. Нетрудно представить себе Гришу Чумакова со товарищи в шортах и теннисках, омывающих сандалии в пене прибоя. Ну как же, земля обетованная, агнцы почивают в ногах у льва. Впрочем, может быть, все было и не так, даже наверняка не так. Сколько раз я уже замечал, как логика во мне начинает отступать перед волной раздражения.

В первые два дня они совершили несколько радиальных экспедиций. Гришу Чумакова особенно интересовал тотемный столб в океане. Перед рассветом над столбом кружили огромные трехглазые птицы, но, как добраться до них, Гриша еще не решил. А на третий день они впервые увидели амазонок.

Это было что-то вроде гонок в океане. Около десятка амазонок, оседлавших пятнистых щитозубов, мчались вдоль побережья. Происходило это на закате, быстро темнело, кавалькада мчалась метрах в ста от берега, но было видно, что целью их является тотемный столб. Так это или нет — пока вернулись в «Тритон» и включили прожектор, океан был пуст. Только одинокий душераздирающий визг прокатился над побережьем, когда прожектор начал шарить по скальным барельефам.

А ночью они впервые не смогли нормально заснуть. Даже тяжело это было назвать кошмарами. Это были какие-то полубредовые видения — полуявь-полусон. Причем видели они приблизительно одно и то же: «Тритон» и побережье с высоты птичьего полета, самих себя, идущих вдоль берега, почему-то ночью, хотя ночью они ни разу не выходили из корабля. И совершенно непонятно, почему Гриша Чумаков и Валентин видели только двух человек, идущих от корабля, а Юра Заяц — четырех, возвращающихся назад. Кто был четвертым — Юра не смог определить, хотя видение было настолько реальным, что Гришу и Валентина он узнал без труда.

Отчета за четырнадцатое декабря на кассете не было. К утру пятнадцатого декабря на корабле оставался один Юра Вергунов. Именно он включил аварийный радиомаяк и продиктовал последнюю запись.

«П-пятнадцатое декабря д-девяностого года», — Юра слегка заикался. Это случилось с ним редко, при сильном волнении.

«Гриша Ч-чумаков и Валентин Иваненко исчезли. П-полагаю вызвать Б-базу через два часа... Вчера в сумерках они с-столкнулись на (невнятно)... с амазонками. Ребята не успели... Стрелами их ранило. На н-наконечниках анализатор не обнаружил н-никакого яда, т-только почвенное загрязнение, но, возможно, там б-было еще нечто, не поддающееся индикации.

Они исчезли н-ночью. Из закрытого корабля».

Некоторое время кассета перематывалась беззвучно.

«Сейчас утро, п-пять сорок. Я включаю аварийный маяк. (Пауза.) Мы пойдем вместе с «Троллем». На з-запястье я надену н-нейтринный браслет. Возможно, ребята где-то рядом. П-полагаю, что вернусь ч-через два часа».

— Ему надо было сначала подняться на орбиту и послать «SOS» по каналу гиперсвязи, — заметил Алексей, — а потом уже спускаться сюда и заниматься частным расследованием, если ему так хотелось совать голову в петлю.

— Кстати, утром мы это сделаем, — сказал я.

— Что, сунем голову в петлю?

— Нет, пошлем «SOS» в сторону Базы.

— А Лена? — спросил Алексей.

— Если она не поправится, я оставлю вас вдвоем на «С. В.» на пару часов.

— Утром?

Я кивнул.

— А если с Леной будет все в порядке?

— Мы не спустимся сюда. Подождем инспекторский рейдер на орбите, — сказал я.

— Между прочим, аварийный маяк до сих пор работает, — заметил Алексей.

— Я и не собираюсь его выключать.

Алексей поднялся и подошел к стойке связи.

— Пеленг браслета по-прежнему не меняется.

— Юго-юго-восток?

— Да, направление на столб в океане.

Я промолчал.

То, что пеленг нейтринного сигнала не менялся, могло означать одно из двух: Юра недвижим, потому что... мертв; либо нейтринный браслет, сорванный у него с руки, валяется где-то в песке или на дне залива.

— Будем спать по очереди? — спросил Алексей.

К ночным звукам, доносимым внешними микрофонами, присоединился какой-то посторонний звук.

— Погоди.

В наступившей тишине раздалось отчетливое постукивание снаружи звездоскафа. Неожиданно мы с Алексеем слышали в глубине корабля характерный чмокающий хлопок — так открывается шлюзовая диафрагма.

— Что это?

Со значительным опозданием вспыхнуло табло разгерметизации корабля.

— Ребята? — Алексей посмотрел на меня. — Это ребята вернулись!

Он вскочил с кресла.

— Стой! — Я схватил его за руку. Даже тяжело назвать это предчувствием. — Стой, наши лучеметы остались внизу.

— Ч-черт! Это уже слишком, Васич. Это кто-то из ребят! Не сходи с ума.

Я метнул взгляд на подсвеченный зеленым дисплей пеленгатора. Позывной нейтринного браслета застыл на азимуте юго-юго-восток как и три часа назад. Мы встретились с Алексеем глазами. Вход в рубку был открыт. Мы слышали, как поднялась и открылась на нашей палубе кабина лифта, и кольцевой коридор наполнился негромким эхом шагов.

Вы обращали внимание на то, как ходят ваши знакомые? Думаю, вряд ли. И тем не менее любой из вас по звуку может различить, торопится человек, волочит ноги от усталости или, наоборот, шаг его тверд и упруг. Да и по каким-то мельчайшим, трудноуловимым особенностям шага можно определить, кто именно идет. Не всегда, но с определенной долей уверенности. А тут — звук шагов был незнакомый. Так не ходил никто из ребят. Было что-то неестественное в их механической ритмичности.

Автоматически должно было включиться освещение в коридоре, но почему-то зажглись только аварийные лампы, едва-едва рассеивающие темноту.

Ближе шаги. Краем глаза я заметил, как изменилось выражение лица Алексея. Было

что-то жуткое в этих шагах. Не улыбайтесь: ночь, край света, наши лучеметы остались на нижней палубе...

И в этот момент мы увидели его. Никакого браслета не было у него на запястье. Лицо его отливало мертвенной синевой, и вряд ли в этом было повинно аварийное освещение. Несколько секунд Юра стоял в дверном проеме, осматривая рубку, и двинулся дальше, как сомнамбула.

— Юра!

Нет ответа, только удаляющиеся шаги.

— Он идет к каютам, — пробормотал Алексей.

Я вдруг понял, куда он идет, и мне стало не по себе от той механической целенаправленности, с которой неведомая сила преследовала Лену. За что?

Мы выскочили в коридор.

— Юра!

Словно оживший манекен он медленно поднимался по ступенькам на верхнюю палубу.

— Юра! Заяц!

В несколько прыжков я догнал его и схватил за локоть. Очнулся я через несколько секунд на полу с дикой болью в затылке...

Юра в совершенстве владел мастерством рукопашного боя. То, что я увидел, напоминало короткий ролик по обучению приемам единоборства. Алексей перегородил ему дорогу на верхнюю палубу, и сейчас они стояли друг против друга. Алексей выставил руку, и в тусклом освещении аварийных ламп холодный отблеск пробежал вдоль стального полуметрового щупа из аварийного комплекта рубки. Юра вдруг подпрыгнул (именно за такие прыжки его прозвали Зайцем), щуп скользнул вдоль ткани комбинезона и проткнул Юре кисть, но его пятка уже со страшной силой врезалась Алексею в грудь.

Это был классический «взмах крыла», удар, от которого лопаются ребра и останавливается дыхание. Если бы Алексей не успел частично уйти от удара, так бы и произошло. Это все равно, что попасть под камень, сорвавшийся со скалы. Алексей издал какой-то хрип (или это был хруст?) и отлетел в глубь коридора.

Некоторое время Юра поочередно рассматривал нас, и становилось не по себе от этого мертвого взгляда. Я обратил внимание, что из раненой кисти не скатилось ни единой капли крови. Рана вообще не кровоточила, словно сердце больше не толкало кровь по сосудам.

— Не-до-нос-ки, — сказал он по слогам. Губы его почти не шевелились, будто замерзли, онемели на морозе. Голос чужой, надтреснутый, вырывался из горла с каким-то присвистом. — Где она?

Я подумал, что, если б у этого оборотня оказался лучемет, он бы, без сомнения, колебаться не стал. Это был не Юра, а только его оболочка, мумия, движимая неведомой злой силой.

— Зачем тебе она? — Я с трудом приподнялся на локте и сел. Моя многострадальная голова тут же с готовностью отозвалась глухим звоном, а перед глазами заплясала мелкая огненная пыль.

В ответ он издал горлом какой-то нечленораздельный звук, лицо его исказилось — тяжело описать это выражение — на мгновение мне даже показалось, что он сейчас свалится в обморок.

— Где она?

— Юра! Заяц!

— Где она?

— Слышишь, ну ты достал всех, скотина, — Алексей держался за грудь, — Да очнись ты, в конце концов! Человек ты или... — Алексей закашлялся.

— Че-ло-век? Я — оошишгхх! — словно ледяной крошкой сыпнуло за пазуху. Невозможно доподлинно описать этот звук. Был он, скорее, похож на шипение стартующего метеозонда, чем на человеческий голос — ничего в нем не было от живого существа, как, скажем, в шуме ветра. Мы с Алексеем онемели.

— Где она?

— Ты ведь был человеком, даже если сейчас ты... зомби! — Алексей снова закашлялся. — Остановись!

— Я должен найти ее, — будто электрический озноб пробежал по его телу. Волосы на голове наэлектризовались и зашевелились с сухим треском.

— Да, — сказал он после небольшой паузы, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. По лицу его прошла смена выражений, черты вновь исказились. — Я чувствую ее. Я иду.

Я подождал ровно столько, чтобы он повернулся ко мне спиной. Головная боль моя немного прошла, по крайней мере перед глазами немного прояснилось, и я бросился... нет, не на верхнюю палубу, а назад к десантному отсеку, где висели лучеметы. Я выхватил из стойки ближайшее оружие.

Обойма, щелкнув, скользнула в ребристый корпус.

Я ясно отдавал себе отчет в своих действиях. Это был тот самый поворот событий, после которого на моей карьере можно было смело ставить крест. Я ясно понимал, что, если сейчас убью Юру Зайца — это неизбежный трибунал. Да трибунал — это даже и не все. После таких психологических ударов уже не восстанавливаются. Смерть Юрки отправила бы меня в безвозвратный нокаут.

Я не успел. Перескакывая через две ступеньки, споткнулся и услышал, как Алексей крикнул: «Лена!»

В коридоре сверкнула вспышка. Воздух пронзил какой-то звериный визг.

«Лучемет, — только теперь вспомнил я, — свой лучемет я забыл в каюте у Лены. Надо было стрелять по ногам. По ногам!»

Лучевая очередь прошла Юре поперек груди. Обугленный след на комбинезоне слегка дымился, источая вонь горелой термоизоляции, но даже с близкого расстояния, в упор, луч не смог полностью разрезать термоизоляционный слой. Юра, получив сильнейший ожог, потерял сознание, но это было не смертельно.

Лена неловким движением отшвырнула оружие, пальцы ее дрожали.

— Я убила его.

Алексей, опустившись на одно колено, рванул замок комбинезона Юры. Поперек груди на глазах вздувался багровый рубец.

— Нет. Он в обмороке от боли, — Алексей закашлялся, в уголках губ выступила розовая пена. — Его надо перетащить в медицинский изолятор.

— М-м-м... — кадык Юры дрогнул, словно он хотел что-то сказать. Скрюченные пальцы вдруг вцепились в пол. Глаза закатились. Тело его изогнулось так, что несколько секунд опиралось только на затылок и пятки и вдруг обмякло. Из раненой кисти буквально хлынула кровь.

Я дважды рассказывал эту историю в Большом Арбитраже, но не решился упомянуть об одной подробности. Собственно, она может быть и не так важна, просто очень необычная деталь. Дело вот в чем: через несколько секунд тело Юры начало корчиться, словно стараясь освободиться от какой-то невидимой оболочки, все сильнее и сильнее, и вдруг из горла его вырвалось шипение, и каюту будто обдало морозным дыханием. Это почувствовали все. Позже Алексей и Лена тоже меня спрашивали об этом. Что-то большое и холодное, как ледяная струя сквозняка, и в то же время тяжелое заметалось по каюте, прошелестело в воздухе и вылетело в кольцевой коридор.

— Скорее каталку! — первым опомнился Алексей.

Через минуту мы уложили Юру в медицинском изоляторе. Тело его снова обмякло. Веки бессильно закрылись. Губы шевельнулись.

— Мне холодно... Кто здесь? — это был его нормальный голос с нормальными человеческими интонациями. — Я не хочу. Свет.

— Где ребята, Заяц? — вдруг гаркнул Алексей у него над ухом.

— Там. Они... рядом. В крови... барьер. За барьером.

— Они испачканы кровью? — переспросил я.

Юра застонал.

— Нет, — Алексей мотнул головой, — Здесь что-то другое.

— Она испор... тила мне кровь, чтобы пройти... — Юра снова застонал, — чтобы пройти барьер. Она назвала... это — сквозь... проклятье. Туда возвраща...

— Куда?

— Обелиск. Каменный... урод.

— Ему надо обработать рану, — спохватилась Лена.

— Давай я, — я нашел противоожоговый гель. — Я, кажется, понял. Что-то содержится у него в крови.

Я густо намазал гелем след от ожога на груди. Гель тут же впитался, багровый рубец начал бледнеть на глазах.

— Он говорит о барьере, — сказал Алексей.

— У него в крови нечто, позволяющее преодолеть барьер.

— Надо сделать срочный анализ, — Лена открыла бикс с насадками для медицинских инструментов. — Возможно, тогда мы пойдем, о чем идет речь. Отойдите.

— У них не осталось времени, — глаза Юры были по-прежнему закрыты. — Если я не вернусь, если я не вернусь...

— То что? Что? — закричал Алексей.

— Они там за барьером... погибнут, — губы Юры едва шевелились. — Им конец...

— Как конец? Что ты мелешь? — взорвался Алексей.

Юра вдруг захрипел. Дыхание остановилось. По лицу поползла синева. Зрачки расширились.

Укол тетралобелина в шею вернул ему способность дышать, но это была хоть и кратковременная, но самая настоящая клиническая смерть.

Это мгновенно отрезвило нас.

— Что вы делаете! — крикнула Лена. — Оставьте его в покое! Отойдите! — На лбу ее

выступили капельки пота.

Путаясь из-за спешки в проводах, мы подключили дыхательную и диагностическую аппаратуру к бортовому компьютеру. Юра оставался без сознания. Алексей и Лена продолжали возиться с полифункциональным диагностером, а я вышел, чтобы проверить герметичность «Тритона» и заодно убедиться, все ли спокойно на побережье.

За наружной диафрагмой мне в лицо пахнул промозглый холод. Голубоватый луч прожектора по-прежнему упирался в накренившийся «С. В.», и сквозь этот освещенный коридор лениво ползли клочья тумана. Не знаю, что я ожидал увидеть. Честно говоря, мне было просто страшно. Я не решался сойти с трапа и несколько минут простоял, сжимая в руке лучемет и затылком чувствуя спасительный тамбур за спиной. В луче прожектора был виден броневой колпак «Тролля», застывшего на склоне дюны. Рядом с ним я различил какое-то движение, блеснул отраженный оранжевым цветом глаз, и на бархан выполз пятнистый щитозуб.

Вернулся я минут через пять. Юра глубоко и ровно дышал в паутине датчиков. Диагностический комплекс только начал печатать результаты, и на снимках анализа крови под четырехсоткратным увеличением мы сразу увидели нечто необычное. Каждый десятый эритроцит был фиолетовым и имел крестообразную форму. Испорченная кровь?

«НЕТ АНАЛОГОВ», — вспыхнуло на дисплее.

— Нет аналогов, — повторил Алексей, — Дьявольская планета.

«УТРАТА СТЕРИЛЬНОСТИ ПЛАЗМЫ. ПОДКЛЮЧИТЬ ГЕМОРАДИОСОРБЕР».

Автоматически включилось реле. В правом верхнем углу дисплея начался обратный счет. Это означало, что началось выведение примесей из плазмы.

«МУТАЦИЯ ЭРИТРОЦИТОВ... — побежали крупные строчки выводов на экране, — ВОЗМОЖНО, ВЫЗВАНА РАДИОАКТИВНЫМ ПОЧВЕННЫМ ЗАГРЯЗНЕНИЕМ КР ЛИТИЕМ-7».

— Нет аналогов, — хмыкнул Алексей и вдруг осекся.

«НАЛИЧИЕ АНАЛОГОВ», — вспыхнуло на дисплее.

«РЕЗУЛЬТАТ АНАЛИЗА ОТ 14.12.2190 ГОДА».

— Тогда, когда Заяц проверял, нет ли яда на кончике стрел, а нашел только...

— Почвенное загрязнение, — закончил я за Алексея.

— Здесь что-то не сходится, — перебила Лена, — радиоактивен только изотоп лития-8.

— Это на Земле, — возразил Алексей и, поймав недоверчивый взгляд Елены, кивнул еще раз, — Это старые разработки Института Мерности Пространства. В других частях Галактики, где возрастает мерность пространства более «плюс три», например плюс 3,001, вещества приобретают новые свойства. Нерадиоактивные элементы могут становиться радиоактивными из-за более тесного взаимодействия внутри ядер.

— Ты хочешь сказать, что мы... — я посмотрел на Алексея.

— Да, очевидно, на краю такой зоны, — Алексей обвел взглядом медицинский отсек. — Нерадиоактивные элементы здесь начинают фонить. Достаточно вспомнить спектр излучения альфы Эридана.

Наступила какая-то ватная тишина. Счетчик геморадиосорбера успел несколько раз щелкнуть.

— Как нелепо, — прошептала Лена.

— Что?

— Я никогда не верила снам.

Я озадаченно глянул на Лену.

— Снам?

— Да. Перед самым стартом в октябре мне приснился один сон. Далеко-далеко сквозь темноту меня высматривают чьи-то глаза. Не человеческие, а три холодных светящихся глаза.

Мы с Алексеем переглянулись.

— А когда я лежала здесь в забытьи, я разглядела эти глаза совсем близко над собой в разрывах туч. Во сне я хотела спрятаться, убежать, но только теряла силы. Я знала, что, если глаза найдут меня, сон станет кошмарной реальностью. Случится ужасное. Я бежала, задыхалась, оглянулась... и они встретились со мной взглядом. Меня охватил такой страх, что я проснулась и услышала приближающиеся шаги. Сон преследовал меня наяву. В каюте было темно, и когда в дверях остановилась чья-то фигура, я увидела у нее на лице три фосфорических... Я сама не понимаю, как произошло все остальное. Лучемерт лежал рядом, и я выстрелила прежде чем успела сообразить, что это может быть галлюцинация. Если Юрка не выживет, я себе этого не прощу.

— Ты просто очень устала, Лена, — чувствовалось, что Алексей старается подобрать простые слова. — Мы все устали. Но все уже позади.

Мы возвращаемся.

— Нет, — я покачал головой. — Мы не возвращаемся, Леша.

— Нет никакого смысла здесь оставаться. Мы стартуем, как только будем уверены, что Юра выдержит перегрузку.

— Нет, — я покачал головой, — Теперь мы не улетим отсюда.

— Это почему?

Я посмотрел на Алексея.

— Они ведь погибнут, если мы улетим. Заяц сказал, что, если он не вернется, ребята...

— Это бред!

— А если нет?

— Возможно. Но, оставаясь на планете, мы рискуем погибнуть все, а так четверо из шести спасутся.

— Да? И ты спокойно сможешь посмотреть в глаза... других курсантов?

— Ты хочешь услышать?

— Хочу.

— Смогу. Потому что этот шаг спасет тебя, его и вот ее! — он не глядя ткнул пальцем в сторону Лены. — И через три дня над планетой будет кружить аварийно-спасательный рейдер! А так — ни черта не будет! Ясно?

— Не надо за меня расписываться, — вдруг очень тихо сказала Елена. — Васич прав.

— Хорошо, — Алексей мотнул головой. — Чего ты хочешь, Васич?

— Пройти по Юриным следам.

— Я надеюсь, утром?

Я промолчал.

— Ты свихнулся, — сказал Алексей.

Я все еще колебался.

— Ну, скажи ему, скажи! — не выдержала Лена. — Чего ты молчишь?

Я вдруг ясно почувствовал, что это та самая минута, которая сейчас разделит нас. Я метнул взгляд на лучемерт, который бросил в медицинском отсеке. Алексей перехватил мой

взгляд и горько усмехнулся.

Алексей был отнюдь не трус. Спасать свою шкуру во что бы то ни стало было не в его правилах. За это я мог поручиться чем угодно.

Просто я знал его очень давно. Однако и «благородное сумасшествие» было не в его природе. Алексей всегда оставался рационалистом до мозга костей, из-за чего кругом ставился в пример моей мамой, постоянно испытывавшей тревогу за мои непредсказуемые порывы.

Я уже решил предложить Алексею взлетать на «Тритоне» самому, как неожиданно услышал тихое всхлипывание. Я глянул на Лену, но она уже выбегала из медицинского отсека.

— Ладно, — сказал Алексей. — Давай замнем. Разберемся потом. Потом, когда вернемся.

«Если вернемся», — поправил я про себя.

Алексей мотнул головой.

— Леша, и перестань мотать головой! Еще вчера у тебя такой привычки не было.

До рассвета осталось два часа. На побережье сеет дождь. Сполохи далеких молний освещают песчаную косу и океан. На фоне сполохов каменный обелиск на побережье выглядит особенно зловеще и, кажется, шевелится в темноте, словно пытаюсь сойти с пьедестала.

Наш путь освещен прожектором «Тритона», и там, где склоны дюн не попадают в тень, ясно видны на влажном от дождя песке рубчатые отпечатки ботинок, идущие вдоль пляжа.

Мы вооружены лучеметами, поставленными на максимальное рассеивание. То есть, если нам придется сражаться с амазонками, луч не разрежет тело, а лишь отпугнет нестерпимым жаром. В крайнем случае вспыхнут волосы. Приятного мало, но это не смертельно.

В кармане комбинезона лежат еще шесть термических мин, но чувствую я себя весьма неуверенно.

Алексей остановился.

— Смотри.

Над коридором, проложенным прожекторным лучом, сводом нависает темнота, и под этими сводами ясно видно, как метрах в тридцати от нас Юрины следы обрываются, словно бы стертые невидимым ластиком. А дальше ничего, кроме песчаных склонов, на которых ломаются наши невероятно длинные тени.

Пришли?

Алексей прищурился.

— Это не зыбучие пески.

Какой-то невыразительный шум накатывался с того места, где обрывались рубчатые следы на песке, вернее гам, где они возникали от невидимой границы, как будто Юра шагнул прямо из воздуха на склон дюны. Первые следы казались странно деформированными, почти круглыми, словно то, что шагнуло через невидимую черту, еще не было человеком.

Я не мог отделаться от чувства, будто я что-то забыл. Нечто важное, связанное с болью, перед тем как мы покинули «Тритон».

По мере того как мы подходили к следам, шум нарастал. Уши заложило, как в кессоне... Я вдруг вспомнил. Перед выходом мы ввели себе в вену фильтрат из Юриной плазмы, чтобы пройти какой-то барьер, о котором он говорил. Я понял, что у меня начался размыв памяти, что идти дальше нельзя, что с нами повторяется то же, что с первой экспедицией на Чарру. А может, так превращаются в зомби?

Я хотел сказать об этом Алексею, но пространство вдруг странно искривилось, шаг вперед пришелся в пустоту, последним сознательным усилием я попытался удержать равновесие и провалился в темноту, как в могилу.

Дальше... А вот что случилось дальше? Кажется, это называется псевдореминисценцией — искаженным воспоминанием. То есть было ли *это* на самом деле, доподлинно не может сказать никто. Описание последних часов, пережитых на Чарре, как их запомнил Алексей, совпадает с моими воспоминаниями только в отдельных деталях. Например, со слов Алексея, никакой барьер мы не проходили, а были атакованы на побережье перед рассветом стаей трехглазых птиц.

Добрый-доктор, который возился со мной после возвращения, на мой прямой вопрос о реальности событий отвел глаза, долго молчал, а потом сказал, что веских оснований настаивать на диагнозе «парамнезия» нет, однако...

...Дождь прекратился. Песок под ногами был сухой. Ни я, ни Алексей не отбрасывали больше тени. Проектор сзади погас. Это было то и в то же время другое побережье. Я видел все в каком-то странном освещении. Небо на востоке начало заметно светлеть. Над океаном, будто исполинские пальцы, протянулись облачные муаровые полосы. Каменный обелиск стал словно бы ближе к берегу. Или это только иллюзия?

Я оглянулся. «Тритон» сзади приобрел какую-то нереальность, будто я смотрел в перевернутый бинокль, зато впереди к самой воде спускались следы рубчатых ботинок.

К сожалению, остальное я запомнил урывками. Каждый раз, когда я стараюсь восстановить в памяти подробности, у меня начинает раскалываться голова. Воспоминания же Алексея...

Огромная птица с крыльями летучей мыши сорвалась с вершины обелиска и пролетела у нас над головой. Я мог бы поклясться, что у этой птицы было человеческое лицо. Лицо с тремя глазами!

— Не стреляй! — крикнул Алексей.

В сильных чешуйчатых когтях она сжимала черный лучемер. Такие выпускались когда-то для оснащения теневых отрядов. Среди нас такое оружие имел только Валентин Иваненко. Обычные лучемеры имели белое или серебристое покрытие.

Полпути к обелиску мы прошли вброд. Над самой водой, где было высечено подобие огромной девы-сирены, нависавшей позеленевшими каменными выпуклостями над прибоем, прямо из распахнутого в немом призыве рта начинался винтовой подъем на вершину. Со стен, потолка густыми перистыми гроздьями свешивались бледные листья, источавшие в темноте слабое свечение.

— Помоги! — Алексей забросил лучемер на камень, покрытый плотным ковром водорослей, и протянул руку.

Помню, как я нагнулся, помогая Алексею выбраться по скользкому камню из воды, и в этот момент сирена вдруг... закричала. Из темноты распахнутой каменной глотки вдруг плотной волной ударил визг нечеловеческой силы. Через секунду мне показалось, что лопнули барабанные перепонки. Я уже ничего не слышал, только в голове бился и не находил выхода невыносимо тяжелый медный звон. Я оглянулся и едва успел закрыть лицо сгибом локтя. Над головой просвистела стрела. Толчок в грудь, бедро. Стрелы не пробивали комбинезона, однако наносили удары такой силы, что сбивали дыхание. Позже я насчитал у себя на теле двадцать три синяка. Мы отстреливались рассеянным лучом. После каждого залпа пещеру заволакивало удушливым дымом от сожженных листьев.

Они лежали на вершине, Валентин и Гриша, опутанные короткопалыми шевелящимися лианами. Помню, как я сфокусировал луч, чтобы освободить ребят от их осклизлых объятий.

Как мы спускались, я не помню. Когда мы вышли на берег, взошло солнце. На два часа раньше времени. У меня была странная уверенность, что если Юра прошел, то мы тоже сможем вернуться к «Тритону». Помню, как словно из тумана, возник «Тритон». На трапе стояла Лена. Остатки сил я потратил, чтобы помочь Грише Чумакову, который едва переставлял ноги, подняться в тамбур. Все мышцы ломало, как после экстремальных перегрузок. Последнее, что застряло в памяти: Лена в проеме незакрытого люка с лучемером в руке на фоне изумительного голубого цвета неба, которое невозможно представить

пасмурным или зимним.

Мне мало что остается добавить. Помните окончание «Острова сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона? «Мне мало что остается добавить. Мы благополучно вернулись в Англию, но плаванье наше было тяжелым. Нас было так мало, что приходилось работать сверх сил... Каждый из нас получил свою долю».

Каждый из нас получил свою долю. Григорий Чумаков — он же в миру Швейцарец, Валентин Иваненко — он же Философ, диверсант, внук диверсанта, Юрий Вергунов — он же Заяц, Елена Галактионова — она же Красотка, Василий Дробич — он же Васич, Алексей Гопак — он же Длинный на год были отстранены от полетов за самовольное нарушение маршрута. Нами занялась специальная медицинская комиссия, но, насколько я слышал, выводы ее достаточно противоречивы. Дело в том, что сразу после старта с Чарры мы удалили геморадиосорбером у всех из плазмы остатки лития-7. Очевидно, попадание лития-7 в кровь в зоне уплотненной мерности привело к способности, как сказал Алексей, проникнуть в параллельный мир Чарры. Впрочем, я не уверен, что вообще было какое-то проникновение. Позже Алексей выдвинул еще одну идею (я бы сказал, «суперидею») о переселении душ, но она уж слишком фантастична.

Из всех нас шестерых у Юры оказалось наиболее глубокое поражение памяти. Его так долго и безуспешно мучили специальными процедурами, что я начал опасаться, как бы свою карьеру он не закончил где-то на побережье Атлантики в пансионате для вышедших в тираж звездолетчиков. Но все обошлось. По крайней мере, нам тогда так показалось. Еще долго мне потом снились странные сны по ночам. Но и они в конце концов прекратились.

Через год мы снова возвратились к тренировкам и пятого февраля 2192 года стартовали с Базы на двух звездоскафах в сторону Спики. Но об этом другой рассказ.

На Чарру была направлена специальная исследовательская экспедиция. К сожалению, о ее результатах я ничего не знаю.

Наследники терраторнисов

Страшно представить, сколько загадок таит в себе Извечный Океан Познания! Мы — не более чем дети на его берегу, подбирающие обломки раковин, которые выбрасывает к нашим ногам прилив.

Исаак Ньютон

Нет — нет, не возражайте. Человек — Удивительное существо с уникальными чертами. Из всех миллионов видов, что вымерли в процессе эволюции, мы единственный, который знает, *что* нас погубит. Наша собственная ненасытная любознательность! Мы можем этим гордиться.

Рекс Стаут

— у тебя была девушка до меня?

— Была.

— И ты ее тоже любил, как... — Ружена невольно запнулась, — как и меня?

— Да.

— Почему?

— Мне казалось, что мы будем счастливы вместе.

— А со мной? Тебе тоже только *кажется*, что мы будем счастливы?..

Я молча притянул к себе Ружену и поцеловал.

— Как ее звали?

— Наташа.

— Что, русская?

— Ната Полянски.

— Русская?

— Нет, француженка.

— А почему имя русское?

— Давняя история. Что-то связанное с ее прадедом.

— Что же, она тебе так и не рассказала?

Я пожал плечами.

За распахнутым окном на фоне предрассветного неба темнеют кроны сосен. Ветер мнет их сырыми пальцами, сплетая в фантастические силуэты. Дыхание его такое же сырое и холодит кожу, залетая в спальню, шевелит волосы Ружены на краю подушки. Апрель.

— Что с ней потом случилось?

— С кем?

— Ну... — Ружена снова запнулась, — с Наташей, — Женщины так неохотно произносят имена соперниц.

— Ничего.

— Ничего?

— Просто когда я окончил Академию и подписал контракт, мы начали с ней реже встречаться, а в длительных полетах я понял, что почти не думаю о ней.

— А о чем ты думал?

— Так...

— Ты ее совсем забыл?

Секунду я колебался.

— Нет, вспоминаю иногда.

— Я тебя никуда не отпущу от себя. Ты больше не будешь летать и забывать девушек. Хочешь, я попрошу дядю, чтобы он перевел тебя на Землю? — Она наклонилась надо мной. — Хочешь быть диспетчером космопорта, Нерт?

Я покачал головой.

— Не хочу.

— Почему?

Я промолчал.

— Скажи, Нерт. Я пойму.

— Я пилот, Ружена. Кроме того...

— Что?

— Помнишь легенду об Одиссее?

— Да. Он был царем Итаки.

— Он проплавал двадцать лет, хотя мог бы вернуться домой за один сезон. В оправдание он потом плел жене небылицы о циклопах, драконах, царстве мертвых. Не без некоторого вдохновения даже.

— Ты ведь можешь погибнуть.

— Пилоты гибнут не так часто.

Ружена задумалась.

— Расскажи мне, Нерт.

— О чем?

— О полетах, неизвестных планетах, звездоскафах...

— Как Одиссей?

— Как Одиссей, — улыбнулась Ружена.

— Что бы ты хотела услышать, моя царица?

— У тебя зрачки стали совсем круглыми, — прошептала Ружена, отрывая губы от моих ресниц, — Зимой, когда мы с тобой встретились, они были крестообразными.

— Да.

— Если бы ты не отпугивал своими страшными зрачками девушек...

Я закрыл Ружене рот ладонью.

— Откуда это было у тебя?

— Это след Купола.

— Купола?

— Да.

— Расскажи.

— Представь себе маленькую планету без названия в созвездии Кита. Скалистое безвоздушное плато под звездным небом, а посередине него словно застывший на фазе полусферы ядерный взрыв — Купол диаметром пятьдесят шесть метров. Со стороны даже красиво: по его поверхности струятся переливы света, на скалах разноцветные блики, пляшущие тени вокруг... Тебе не холодно?

— Нет.

— Раз в несколько суток по ночам он возникает на одном месте и через десять часов пропадает, только с каждым появлением уменьшается на несколько миллиметров, словно тает постепенно. Когда его открыли, подсчитали, что просуществует он еще лет девяносто. Физики утверждают, что 2200 лет назад, когда Купол возник, из его чрева в наш мир вышло некое тело. О том, вернулось оно назад или нет, с уверенностью сказать нельзя. Прежде чем Купол исчезнет...

Я замолчал.

— Оно может еще вернуться? — спросила Ружена.

— Я знаю человека, который отдал бы правую руку, чтобы увидеть это возвращение. Сейчас там работает постоянная наблюдательная станция. Дело в том, что 2200 лет тому назад на Земле... родился Иисус Христос, и, как утверждают, в это же время вспыхнула яркая звезда. В созвездии Кита.

Некоторое время мы молчали.

— А ты? — спросила Ружена.

— Под Куполом время течет наоборот. Возможно, это попытка пробиться к нам из другого мира, закончившаяся вполне успешно.

— А ты?

— Я? Под Купол попал земной звездоскаф. Они приземлились на оплавленное плато, чтобы взять образцы пород, а через час их накрыло. А мы с Дэвидом были вроде спасательной команды.

— А потом?

— Потом? Ничего. Пришлось Дэвида тащить на себе восемь километров. В общем-то при силе притяжения 0,33 g это не так и тяжело.

— А что с ним сейчас? Он жив?

— Дэвид? Да, с ним все нормально. Работает около Альдебарана.

— Я не хочу с тобой расставаться, Нерт.

— Зачем твой дядя хотел встретиться со мной?

— Я сказала ему, что мы скоро поженимся.

— Ну и что?

— Он мне единственный близкий человек. Он мне заменил моих родителей.

— Он против нашего брака?

— Нет. Дядя хочет с тобой побеседовать. Он прилетит сегодня утром, часов в девять-десять.

Небо за окном постепенно светлеет. Серые силуэты сосен начинают приобретать зеленые оттенки.

— Слушай, Нерт, пошли купаться.

— Что за выдумки? Полпятого утра.

— Ну и что? Пошли.

— Холодно.

— Вода в бассейне подогревается.

Ружена вскакивает и тянет меня за руку. Надевать купальник просто в голову ей не приходит — в доме кроме нас никого нет. Океанский загар делает ее почти невидимой в полутьме спальни. Хорошо видны только мягкие треугольники незагорелой кожи вокруг сосков и внизу живота. Ружена тянет сильнее, и я поддаюсь.

Над бассейном стелется пар. Холодный ветер дует в спину. Ружена молча идет рядом, стараясь, чтобы мы оба поместились на посыпанной галькой дорожке.

Я оглядываюсь. Коттедж едва угадывается сзади, наполовину закрытый темными стволами сосен. Мы прилетели сюда поздно ночью с карнавала. Вертолет вела Ружена, ориентируясь по радиопеленгу, вдоль сплошных лесов, покрывающих берега Миссисаги к северу от озера Гурон. Я сейчас хотел бы рассмотреть, где оказался, но еще недостаточно светло.

По узким ступенькам Ружена заходит в бассейн, не отпуская моей руки. Вода действительно теплая, намного теплее воздуха. Срабатывает сенсор, и из глубины бассейн подсвечивается синими лампами. Ружена погружается по грудь в прозрачное свечение и смотрит на меня. Она очень красива. Безусловно, бог создал ее в минуту вдохновения.

Прикосновения рук, брызги в лицо, смех, губы мягкие, как пена, сплетенные ноги, дыхание, которое можно пить. Толчок, укол ногтями в плечо... Очень скоро наша возня в бассейне превращается в игру под названием «кто кого утопит». Причем Ружена, кажется, играет в нее всерьез. Я выныриваю на другом конце бассейна и имею возможность чуть-чуть отдышаться. Играть с Руженой вполсилы в такие игры нельзя: реакция ее намного быстрее моей. Если задуматься над этим, становится немного не по себе. Реакция двадцатилетней девушки-студентки опережает реакцию пилота экстра-класса. Я чувствовал себя в

прекрасной форме, скорость реакции у меня очень высокая: одна десятая секунды, и тем не менее Ружена ускользала из моих захватов, как тень. Любопытно было бы замерить быстроту ее мышечных рефлексов, боюсь, что все каноны полетели бы к черту, вышло бы три сотые секунды, а то и одна сотая. Надо как-нибудь показать ее нашим физиологам.

— Плыви ко мне!

Я качаю головой.

Родись Ружена на пару тысячелетий раньше, она стала бы амазонкой, женщиной-воином. Ее легко представить на спине бешено несущегося мустанга, обнаженную, с развевающимися волосами и луком за плечом. Или на спине дельфина с трезубцем в руке. Или танцующую с кобрами в кольце костров. Да... А в наше время с такой фантастической реакцией Ружена — чемпион Универсиады по теннису, и ей пророчат скорую блестящую карьеру в профессиональном спорте.

Из воды я выношу Ружену на руках. От ее волос исходит тонкий русалочий запах. Лампы в глубине бассейна гаснут.

С востока небо над лесом заметно посветлело.

Я поднялся на веранду и поставил Ружену на теплый пол.

В комнате она нашла полотенца и халаты, и мы снова поднялись в спальню.

Я вышел на балкон.

— Не закрывай двери, Нерт.

Ружена обнимает меня сзади.

— Сейчас солнце взойдет, — говорит она.

Угол балкона врежется в разлапистую крону вековой сосны. Ветки топорщатся иголками, стараясь достать нас с Руженой, и царапают рядом в окно. Терпкий запах живицы щекочет ноздри. Ружена тянется у меня из-за спины, срывает несколько иголок, грызет кончики.

Небо между кронами сосен розовеет, появляются тени, и, наконец, прорвавшись сквозь частокоричневых стволов и веток, солнечный луч падает нам на лица.

День начался.

Едва вибролет коснулся полозками края посадочной площадки рядом с вертолетом Ружены, высокий сухопарый пилот, бросив шлем на сиденье, выпрыгнул из кабины и уверенно зашагал к центральному входу в коттедж.

Я глянул на часы. Без четверти десять.

Это, не иначе, дядя Ружены. В безукоризненном вечернем костюме, наверняка чисто выбрит, выскоблен до синевы. Не удивлюсь, если узнаю, что он прилетел сюда прямо с затянувшегося под утро дипломатического приема. Было что-то странное в его лице, но с такого расстояния я не мог понять, что именно.

Погода, обещавшая быть такой хорошей, начала портиться. Еще когда мы с Руженой завтракали, небо обложило слоистыми облаками, и теперь накрапывал дождик. Погода в середине весны неустойчивая, а сегодня тринадцатое апреля.

Я отошел от окна и возвратился в кресло напротив камина. Огонь разгорался в огромном черепе динозавра, вмурованном в стену, наполняя асимметричные глазницы пляшущими отблесками. Можно представить, что это не огонь, а многократный язык дрожит в пасти между рядами серповидных зубов. В такт вспышкам пламени тени вокруг черепа колышутся, словно чудовище из провалов Макферсона старается ожить. Наверняка еще более эффектно это выглядит вечером или ночью.

Потянувшись за кочергой, я пошевелил угли в зияющей пасти. Пламя, вспыхнув ярче, осветило дальний угол гостиной, где на диване после бессонной ночи дремала Ружена.

Роскошный палевый ковер на стене увешан самым разнообразным оружием: бластерами, игольными парализаторами, ракетными карабинами, скорчерами, станнерами, аннигиляторами. А это — именное оружие, очень редкая модификация — черный лучемет облегченного типа «Каракурт», такие выпускались когда-то для оснащения теневых отрядов, как и неуклюжие плазменные отражатели «Везувий». Подобных уродов сейчас нет. С решением проблемы трансформации движущихся частей оружия на смену им пришли невесомые универсальные «Мутанты».

Этот арсенал, со слов Ружены, остался у дяди как воспоминание о его бывшей профессии терраторниса — звездопроходца-одиночки. Терраторнис с греческого — «посланец Земли». Теперь их никто не готовит. Идея не оправдала себя. Пятнадцать лет назад, в 2176 году был создан Центр Дальней Косморазведки, и все полномочия перешли к нему. Те представители старого племени, кто не взорвался, не сторел, не задохнулся, вернулись на Землю и заняли самые разнообразные должности, как дядя Ружены, например: советник отдела психофизической подготовки Сил Межзвездного Десанта.

Дверь распахнулась, и в гостиную вошел... Меня поразило его лицо, я вдруг понял, что было в нем необычного, сверху вниз по оси симметрии оно было словно разделено невидимой линией. Левая половина лица принадлежала человеку лет тридцати, моему ровеснику, а правая, если смотреть на его профиль справа, — это был старик семидесяти лет. Волосы, уложенные в аккуратную прическу, имели однородный пепельный оттенок, но я мог бы поспорить с кем угодно, что это — ухищрения косметики. Волосы у него должны быть седые справа и темные слева, как и его брови. Теперь я вспомнил: этого человека за глаза звали Двудикий Янус!

Я встал с кресла.

Ружена проснулась и вскочила с дивана. Я сказал — вскочила, хотя движение это тяжело описать: она только что лежала и вдруг словно перелилась в другую форму.

Двуликий Янус подошел к ней, Ружена обняла его за шею и поцеловала в щеку:

— Здравствуй, дядя. Как ты добрался?

— Спасибо, хорошо. Зачем вскочила? Спи, — он повернулся ко мне.

— Знакомься, дядя, — Ружена смущенно улыбнулась.

Я кивнул, не отрывая взгляда от его лица.

— Нерт Линдей.

— Очень приятно. Меня зовут Рой Спаргинс.

Он протянул правую руку. Это была ладонь старика со вздутыми венами и мелкими пигментными пятнами на тыльной стороне. Однако пожал он мне кисть довольно сильно. Я невольно перевел взгляд на его левую руку. Ею мог обладать мужчина не старше сорока лет.

— Завтракать будешь? — спросила Ружена.

— Нет, благодарю. Прощу в мой кабинет, — это мне. — Отдыхай, Ружена. Мы не будем тебе мешать.

— Я приготовлю вам кофе.

Кабинет, скорее, напоминает музей или библиотеку, так здесь много книг. Шторы открыты, но в комнате сумрак из-за нависающих хвойных ветвей. Кажется, что сам воздух тут потемнел от времени, как и мореный дуб множества книжных полок.

Под светильником, свешивающимся с потолка, массивный стол, два кресла. Угол стола занимает модель старинного звездоскафа одного из первых выпусков. По периметру между миниатюрными иллюминаторами тусклым золотом блеснули буквы «Св. Мария». Наверняка еще одна такая копия стоит в приемной Спаргинса. Можно было из вежливости задать банальный вопрос, чтобы завязать разговор, но и так ясно, что это модель того самого корабля, на котором дядя Ружены начинал свою карьеру терраторниса. Кроме того, не я приглашал его на беседу.

— Садитесь, пожалуйста. Курите?

Я покачал головой.

— Ружена мне рассказывала о вас.

Он замолчал и некоторое время сидел, собираясь с мыслями, сложив перед собой руки, правую — с морщинистой кожей и седыми волосками и левую — сильную кисть регбиста-профессионала.

Часы па запястье пропели «десять».

Он глянул на циферблат и, отключив сигнал, заметил:

— Вчера и сегодня Земля празднует День Звездопроходца. Вы не присутствовали на Ассамблее?

— Нет, — я покачал головой намертво подавляя в себе желание ответить «не имел чести». Было в голосе, движениях Двуликого Януса, повороте двуликой головы (аура, что ли какая-то исходила от него) что-то такое, от чего хотелось рядом с ним подтянуться, смотреть прямо в глаза, отвечать, по возможности, ясно и лаконично и вообще держать себя, как на великосветском приеме за пять минут до представления королеве.

— Не знаю ничего утомительнее официальных церемоний. Вам можно только позавидовать.

Я промолчал, раздумывая над двусмысленностью фразы.

Голос у него тоже был не совсем обычный, с какими-то посторонними обертонами, так

что, закрыв глаза, можно было без труда представить, что говорят синхронно два человека: один — молодым звонким голосом, а другой — глуховатым, на полтона ниже.

Вошла Ружена с двумя чашками дымящегося кофе на старинном подносе и поставила на стол.

— Можно мне послушать, Рой?

— Тебе будет скучно, девочка.

— Ну, всегда ты так, — Ружена надула губки. — Пыли у тебя здесь... Ладно, оставляю вас.

— Спасибо за кофе.

Ружена обернулась в дверях.

— Не за что.

Спаргинс отпил глоток кофе.

— Ваш отпуск уже закончился?

— Да, — ответил я.

— Ваш экипаж инструктировал Мартин Шейхман?

Я глянул на Спаргинса. Спокойно смотреть на его лицо без привычки нельзя, хотя, кроме асимметрии, в нем нет ничего отталкивающего: прямой нос, крепкий подбородок, ясные внимательные глаза. Обычные черты хорошего уравновешенного человека, и сейчас правая и левая половины его лица не выражают ничего, кроме усталости.

Нас действительно инструктировал Мартин Шейхман, куратор отдела ксенологии Дальней Космической Разведки, хотя речь шла об экспедиции не в такой уж дальний космос, а в систему звезды Ахернар, альфы Эридана. Необычным было и то, что для таких рейсов обычно не привлекают пилотов экстра-класса.

Я кивнул, ожидая продолжения. Длинноватая пауза все-таки получилась, но Спаргинс продолжил, словно ничего не заметил.

— Я разговаривал с Мартином на прошлой неделе. Он зачитал мне список экипажа. Вы верите в совпадения?

— Во что?

— В случайные совпадения.

— Никогда не думал об этом.

Спаргинс соглашается после небольшой паузы.

— Я тоже стал задумываться об этом относительно недавно. С возрастом накапливается информация к размышлению.

Я молчу, и Спаргинс продолжает.

— Как вы, например, отнесетесь к такому совпадению? Не успев жениться на девушке, вы получаете задание — полет к планете, на которую впервые ступил ее дядя много лет назад?

— По-моему, такое совпадение не так уж невозможно. Звездолетчики вращаются в узком кругу... — я спохватился, что говорю что-то не то. — Так это ваш отчет я читал? Рой Аллан Спаргинс. Я решил, что это однофамилец Ружены. А Эрарт Спаргинс кто?

— Мой брат, отец Ружены. Вы читали все отчеты?

— Не успел. Только ваши два.

— Что ж, — Спаргинс улыбнулся молодой половиной лица. Старая смотрела строго и даже как-то осуждающе. — Вас ожидает увлекательное чтение. Почти бестселлер. Особенно прошлогодние приключения стажеров. Они чудом остались живы. Впрочем, наверное,

ненадолго. В управлении обсуждается вопрос об их бессрочном отстранении от полетов.

— Что значит ненадолго?

— Это тот самый вопрос о совпадениях.

— ?!

— На Чарре за двадцать пять лет побывали лишь две экспедиции, — сказал Спаргинс. — В первой принимали участие шесть человек. Четверо из них, которые после этого продолжали работать в космосе, сейчас мертвы. Я уверен, что из шести ребят, по собственной глупости оказавшихся на Чарре полгода назад, в ближайшие несколько лет погибнут все шестеро, если Управление не запрет их на Земле.

— Но...

— Насколько я понял Мартина, вы не приземляетесь на планету, только сбрасываете со звездоскафа разведывательные зонды?

— Да. Подготовлено десять зондов, но, по всей видимости, хватит пяти: по одному над тотемными обелисками (около одного из обелисков зонд подберет остатки геологического робота) и последний зонд в океаническую воронку.

Спаргинс кивает.

— Пейте кофе, остынет.

— Простите, но я не совсем понял связи между смертями и посещением планеты.

И тогда Дзуликий Янус начал рассказывать. (Бойтесь голоса богов. Их молчание завораживает, а шепот сбивает с ног!)

На протяжении почти часа мне ничего не оставалось, как только молча слушать. Часть из этого я уже знал, но чем дальше он говорил, тем все более удивительными сторонами открывались передо мной уже известные факты.

Система звезды альфы Эридана, согласно каталогу Генри Дрепера, расположена в одной из редких зон, вкраплениями встречающихся в Галактике. В таких зонах мерность Континуума равна не трем, как в остальном мире, а стабильно может быть немного меньше или немного больше. Около Чарры мерность составляет три целых семнадцать десятитысячных. Это вызывает ряд физических аномалий, связанных с более тесным взаимодействием ядер элементов: смещается спектр звезды в сторону более жесткого излучения, некоторые нерадиоактивные изотопы приобретают радиоактивность.

Ближайшая к звезде планета — Чарра, окружена поясом астероидов. На восемьдесят процентов она покрыта океаном. Материки и острова заросли густыми лесами. На планете нет никаких построек, кроме четырех шестидесятиметровых тотемных столбов, расположенных с удивительной точностью как бы в вершинах пирамиды, вписанной в планету. Два из них стоят на материке, один около большого острова, последний далеко в океане на склоне потухшего подводного вулкана. Как при отсутствии техногенной цивилизации огромная базальтовая скала оказалась за сотни километров от берега, совершенно непонятно. Кому служили или служат эти исполинские тотемы? Но более удивительно то, что на обратной стороне планеты, куда проецируются основания тотемов, вращаются постоянные воздушные смерчи, трое из них висят над океаном, и под ними пенятся воздушные воронки.

Чарру населяют две расы: так называемые амазонки и трехглазые женщины-птицы. Взаимоотношение между ними не ясно. Известно только, что женщины-птицы обладают сверхсильными парапсихологическими способностями. Кое-какие факты можно, например, объяснить гипнотическим воздействием на мозг человека. Но не все.

Ни одна из экспедиций не видела на планете мужчин. Как происходит смена поколений тоже непонятно, возможно, путем партеногенеза.

Первой экспедиции посчастливилось вступить, что называется, в непосредственный контакт с местной цивилизацией. Огромная трехглазая птица задела кончиком крыла левую половину лица Роя Аллана Спаргинса. Результат стал заметен через несколько лет. Левая половина лица перестала стареть. Причем это относилось не только к лицу. Физиологические параметры сердца соответствовали молодому спортсмену, в то время как работа печени и правой почки прогрессивно ухудшалась. Более того, казалось, правая половина Двуликого Януса стареет как бы за двоих. Правое колено не годилось ни к черту, доставляя Спаргинсу массу хлопот. Ходил он, не хромя, только через силу.

После 2170 года он не участвовал в групповых экспедициях, став настоящим терраторнисом. На его счету было несколько смелых полетов, казалось, ничто не предвещает беды, когда через несколько лет до него дошел слух, что четверо из пяти товарищей, с которыми он работал на Чарре, погибли. Обстоятельства смерти были сходны друг с другом одним странным совпадением. Все четверо умерли, когда были с женщиной. Нет-нет, это были совершенно разные женщины, никак не связанные между собой, как правило, коллеги. Термин «быть с женщиной» вовсе не означает, что они умерли во время полового акта, хотя первый из них, капитан, брат Роя Спаргинса, действительно умер от инфаркта в постели с женой. Вот уж правда можно сказать — сладкая смерть.

Следующий погиб через год от того, что в его скафандре замерз кислородный клапан.

Это был исключительно надежный клапан. Ни до, ни после такого ни с кем не случилось. Работал он на орбите с женщиной-инженером над наладкой гиперпространственной антенны. Задохнувшегося, уже посиневшего, его успели дотащить до шлюза. Как назло, заклинило запорные механизмы люка. Эти секунды стали роковыми. И все равно в девяноста девяти процентах реанимация возвращает таких людей к жизни. Но он попал именно в тот, один процент.

Третий погиб оттого, что отказали тормозные двигатели во время стыковки мезонатора со звездоскафом. Совсем нелишне добавить, что женщина, которая летела с ним, тоже погибла.

Последний случай вообще уникален: прямое попадание микрометеорита в шлем скафандра. Женщина, находившаяся рядом, рассказывала, что это был плотный метеоритный поток, почему-то с большим опозданием замеченный радаром противометеоритной защиты. Саму ее спасло только то, что она была на обратной, теневой стороне орбитальной станции. Она заметила частые яркие вспышки в атмосфере, затем в наушниках раздался звук удара...

Вероятно, Рой Аллан Спаргинс остался жив лишь благодаря тому, что работал всегда один, исключительно один. Даже возвращаясь на Землю в отпуск, он мало с кем общался, стараясь проводить время на своей любимой яхте «Нинья» вдали от оживленных океанских трасс. Не то чтобы он страдал мизантропией, просто было в его характере самодовлеющее чувство цельности, законченности. Ему никогда не было скучно одному. Возможно, ему хватало впечатлений, принесенных из дальнего космоса, и он медленно переваривал их, причалив к какому-нибудь заброшенному атоллу посреди Тихого океана, размышляя о самых разных вещах: о жизни и смерти, о предназначении бытия. Согласитесь, есть что-то в океанских рассветах и закатах, неизменных вот уже миллионы лет, навевающее подобные мысли.

В большие порты он заходил редко, стараясь дозаправить аккумуляторы и набрать пресной воды где-нибудь в совершенном захолустье. Не то чтобы он был чужд невинных портовых развлечений, знаете, этих туземных береговых красоток, но дважды во время своих скитаний он пережил страшные ураганы, один раз — после проведенной в местном борделе ночи, когда едва не взял на яхту юную попутчицу, а второй раз...

Это был один из тех редких случаев, которым дотошные журналисты в светской хронике обязательно посвящают несколько абзацев. По возможности, с фотографией.

Он догнал ее на семнадцатой параллели восточнее Муреа посреди океана. За сутки до этого, во время сильнейшей грозы у нее вышли из строя все навигационные приборы и радиосвязь, и, вместо того, чтобы, ориентируясь по солнцу, продолжать идти в сторону островов Таити или Муреа, она положила яхту в дрейф в ожидании помощи, благо, место было довольно оживленное. Звали ее леди Диана Рочестер, урожденная Раевская, и была она вдовой Генри Рочестера, графа Нортемберлендского.

По мере того как Спаргинс рассказывал обо всех этих событиях, перед моим изумленным воображением рисовались совершенно фантастические картины. Например, о переселении душ. Некая мистическая сила, оставшаяся на Чарре, продолжает преследовать экипаж «Пацифика», направляя и сталкивая случайности за десятки парсеков от альфы Эридана, причем женщины используются ею, как живой катализатор, провоцирующий смерть.

Весь день Рой Спаргинс вместе с Дианой пытались исправить навигационную

аппаратуру, зря только убили время, а вечером он предложил ей перейти к нему на яхту, дабы, взяв ее «Летучую Рыбу» на буксир, доставить в ближайший порт, где смогут произвести надлежащий ремонт. Диана согласилась. Оба восприняли это как романтическое приключение. Спаргинсу в то время исполнилось сорок пять, если не приглядываться, асимметрия в лице была почти незаметна. За штурвалом «Ниньи» выглядел он, как настоящий морской волк: загоревшие плечи, выцветшие на солнце волосы, короче, было в нем что-то, вселяющее уверенность в то, что, несмотря на неудачу с навигационной аппаратурой, он сможет реабилитироваться в другом отношении. И Диана благосклонно кивнула.

Дальнейшее представить несложно. Вечер. В кают-компании «Ниньи» звучит негромкая музыка. Свет приглушен, освещен только бар изнутри. Открыты все иллюминаторы. Душно. Боже, как душно. Ни ветерка. Никакого движения, даже океанская зыбь улеглась.

— Душно, — говорит Диана, расстегивая ворот платья.

— Душно, — повторяет Спаргинс, и пальцы ее соскальзывают с украшенной черной жемчужиной пуговицы прямо в его ладонь. И уже ничего не видно вокруг, только его лицо. Глаза. Зеленоватый омут. И нет ни желания, ни сил отвести взгляд, а лишь тонуть в этой непроглядной зеленой топи. И уже ничего не видно вокруг, ни то, как падает барометр, не слышно, как начинает свистеть ветер в снастях, только вдруг перестает быть душно и становится хорошо и сладко.

Такого урагана, который разразился над архипелагом Туамоту, не помнят старожилы. Казалось, небо и океан решили поменяться местами. Шторм свирепствовал пять дней, принесся неисчислимые бедствия. Спаргинс потерял свою яхту, которая разбилась около атолла Марокау. Вместе с «Ниньей» погибла и «Летучая Рыба». Диана... В таких случаях в сводках обычно пишут — пассажир пропал без вести. Очевидно, Диана утонула через несколько минут после того, как яхта раскололась на рифах. Сам Спаргинс спасся чудом. Слепшего и оглохшего в реве прибоя его вынесло на берег, снова утащило в море, снова выбросило на прибрежный песок и камни, пока он не смог зацепиться за что-то на берегу и отползти подальше от беснующегося океана.

Спаргинс не вернулся больше к полетам. Никто не смог бы обвинить его в трусости. Он бросил свою профессию терраторниса и остался на Земле, чтобы растить племянницу, оставшуюся сиротой. Мать Ружены не надолго пережила мужа и скончалась через два года от какой-то тривиальной инфекции. Врачом ее по чистой случайности тоже оказалась женщина, кстати, очень хороший добросовестный доктор.

Ружена родилась через пять лет после экспедиции на Чарру. Неизвестно, какую роль сыграло то, что ее отец был космонавтом. Она ничем не отличалась от своих сверстниц, если бы не одна особенность: у нее была феноменальная, просто нечеловечески быстрая реакция. В детстве она бесконечно ввязывалась в мальчишеские драки, но вот чудо — с какой бы частотой не сыпались удары, никто не мог по ней попасть! Никто в жизни не видел ее с синяком или царапиной! За это она пользовалась огромным авторитетом в кругу сверстников и даже в одно время верховодила небольшой компанией подростков.

По-настоящему она ни с кем не дружила, но расположение ее бесконечно ценилось. Что там говорить, Ружену уважали. Ее постоянно приглашали на какие-то междоусобные разборки. Как правило, само присутствие Ружены переводило любую разборку в

чрезвычайно мирное русло. Исключений практически не наблюдалось. Вид тоненькой девчонки-подростка с безмятежно-голубыми глазами и ангельскими ямочками на щеках наводил мертвый штиль на самых шумных буянов. Голос у нее был тихий и бесцветный, как и положено примерной девочке-отличнице. Она никогда никому не угрожала. Говорила негромко и все всматривалась насмешливыми голубыми глазами в лицо собеседника. От этого взгляда у самых толстокожих буянов ладони покрывались потом, а со щек сходили остатки живых красок.

Но исключение все-таки однажды случилось.

Спаргинс отставил пустую кофейную чашку, закурил и некоторое время смотрел в окно, позабыв о дымящейся сигарете.

Парень называл себя Шер-Ханом. Ему недавно исполнилось четырнадцать лет. Был он на голову выше Ружены и раза в полтора шире в плечах. Был он нездешний. Приехал на каникулы к родственникам. Кое о чем он был наслышан, но наотрез отказывался верить хотя бы десятой доле рассказов. В довершение ко всему, он имел глупость в присутствии нескольких свидетелей презрительно отозваться о боевых качествах «сопливой девчонки» и похвастать собственными успехами в секции рукопашного единоборства с каким-то мудреным восточным названием.

Что и говорить, парень выглядел внушительно для своих четырнадцати лет: твердокаменный подбородок, античная литая шея, серо-стальные глаза — классика. На одной руке он мог подтянуться три раза подряд. Не учел он только одного: больше всего Ружена не любила хвастунов.

Они встретились вечером на стадионе. Ружена заговорила первой. Голос у нее был тихий, как и положено пай-девочке, а глаза холодные, цвета прозрачных зимних сумерек. Надо отдать должное парню, он оказался крепким орешком. Ружена говорила, а он все улыбался. Улыбка его была смесью насмешливого превосходства и снисходительности. Возможно, этот разговор так и кончился бы ничем. Ружена в последнее время дралась все реже и реже — просто не было достойных противников, да, кажется, это ей и самой порядком надоело — из девочки Ружена начала превращаться в девушку... Старые интересы начали вытесняться новыми.

Но тут парень сделал непростительную ошибку. Возможно, он хотел погладить Ружену по волосам, «хорошая девочка», или потрепать по щеке. Он только успел поднять руку.

Ружена ненавидела, когда к ней притрагивались. Что произошло в следующее мгновение, никто не мог толком объяснить, хотя встреча проходила при десяти свидетелях. Два десятка глаз следили за ними со всех сторон. Ружена сделала неувлимый выпад и тут же отступила назад. Кроссовки парня мелькнули в воздухе, и он упал на траву. По лицу его словно прошла судорога. Он тряхнул головой и с удивлением глянул на Ружену. Он больше не улыбался. Ружена продолжала стоять над ним, беззлобно наблюдая за сменой выражений на его румяной физиономии.

— Я не хотела тебе сделать ничего плохого.

Но парень уже не слушал ее. Он вскочил... Нет, он не дрался, как обычно дерутся пацаны, безоглядно бросаясь вперед и совершенно бессистемно нанося удары. Да и не вскочил он вовсе, а скользнул над землей, чтобы повергнуть своего противника искусным приемом бойца с тенью. Это был тот единственный случай, когда Ружену застали врасплох. Вообще ничего толком он не успел сделать, только царапнул кончиком ногтя по ее лицу, но этого было достаточно, чтобы привести Ружену в бешенство. Он отлетел метров на пять,

причем снова никто не мог толком объяснить, как это произошло, хотя наблюдали это, повторяю, два десятка глаз, зорких мальчишеских глаз.

Во второй раз он пролежал на земле немного дольше.

— Лучше не подходи, — предупредила Ружена. Голос ее утратил тихую прелесть обаяния девочки-отличницы и звенел от еле скрываемой ярости.

Но парень уже не мог остановиться. Он поднялся с травы, словно в нем распрямилась пружина. Надо отдать ему должное, он был отличным бойцом, пожалуй, самым многообещающим в своем стиле, любимым учеником престарелого сенсея, упрямым и сильным. Он, наконец, понял, что имеет дело с противником, с каким ему еще не приходилось встречаться, что во всех рассказах о Ружене нет ни капли преувеличения.

Безусловно, в его арсенале был какой-то прием, тот единственный, который передается престарелым сенсеем только любимому ученику. Один раз в жизни. Запрещенный прием с тысячелетней историей, о котором не прочтешь ни в каких книгах и о котором не могут рассказать никакие очевидцы, тем более противник. Бывший противник.

Ружена это поняла. Возможно, по дьявольскому блеску, вспыхнувшему в его глазах.

— Лучше не подходи, — она отступила на шаг назад. — Лучше не подходи, — повторила она, — а то закричу.

Парень ухмыльнулся бледной тенью улыбки, что в начале встречи кривила его губы. Вот она — суть этой девчонки, которой никто не хотел видеть и которую удалось вскрыть только ему одному. Посреди стадиона стояла обыкновенная растерянная маменькина дочка, напуганная до полусмерти и готовая закричать. Весь ее ореол непобедимого бойца слетел, как дым от порыва ветра, стоило посмотреть на нее попристальной.

— Остановись, — повторила Ружена. — Давай не будем больше.

Собственно, это было все, чего он добивался. Он просто хотел ее развенчать, эту неуязвимую полупегендарную-полуреальную девчонку, которую боялись самые свирепые драчуны.

Борьба любого стиля учит быстро переключаться. Парень понял, что, несмотря на два падения, выходит победителем из этой более чем странной схватки. В его планы не входило бить девчонку, ставить ей синяк или ломать запястье, просто он хотел одержать моральную победу, показать, что местные ребята поклонялись пустому кумиру, что девчонка никогда не превзойдет мальчишку в чем бы то ни было.

Улыбка его стала шире, и он уже хотел остановиться, чтобы, уперев ладони в бока и насмешливо оглядывая присутствующих, произнести маленькую назидательную речь, но вдруг забыл обо всем и как замороженный, уставившись в глаза Ружены, сделал еще один шаг. Последний. Он увидел, как в лучах вспыхнувших по периферии стадиона прожекторов зрачки Ружены отсвечивают красным безжизненным отблеском, чистым спектральным красным цветом, как у кобры. То ли он хотел подойти поближе, чтобы рассеять наваждение, но последний шаг стал его последней ошибкой. Ружена закричала.

Об этом крике знали считанные единицы. Передавали из уст в уста, но этому мало кто верил, что, будучи однажды в детском лесном лагере, Ружена сбивала этим криком летучих мышей, не насмерть, а так, чтобы потом поиграть с ними. Только тогда в лагере она кричала в четверть силы, да и была она на пять лет младше.

Тех десяти свидетелей, что пришли на стадион, спасло лишь то, что они стояли на более или менее значительном расстоянии. Все услышали только начало крика, похожего на вопль раненой чайки, остальная часть ушла за грань ультразвука, болевую грань, за которой голова

начинает раскалываться, как под давлением десятитонного пресса. Парень же не услышал ничего. Он тут же упал как подкошенный — Ружена кричала ему прямо в лицо — из ушей и носа его пошла кровь.

Парня увезли в больницу. Через полчаса он пришел в себя, а еще через день уехал к родителям. Больше о нем никто никогда не слышал.

Заинтересовавшись необычайными способностями Ружены, Спаргинс проконсультировал ее в Институте Физиологии Человека. При поверхностном осмотре у Ружены ничего не нашли, кроме повышенного содержания микроэлементов в нервных волокнах, в основном солей лития. Однако был намечен целый комплекс обследований, который не преминул дать любопытные результаты. Так, у Ружены выявили гемофилию — синдром несворачиваемости крови — крайне редкое заболевание у женщин. Вероятно, молниеносная реакция предохраняла Ружену от всевозможных травм, которые у гемофиликов приводят к серьезным осложнениям.

Была у Ружены еще одна особенность, тоже прямо связанная с защитой от кровопотери.

Спаргинс сначала замялся, а потом посмотрел мне в глаза:

— Может оказаться так, что у вас с Руженой не будет детей. Ружене уже исполнилось двадцать лет, а у нее еще ни разу не было... месячных.

Странный это был монолог. Если отвлечься от деталей — чудовище рассказывало о другом чудовище. И ситуация совершенно не менялась от того, что оба эти существа были рождены на Земле от земных женщин, носили человеческие имена, были похожи на миллиарды других людей (что касается Роя Спаргинса, то лишь отчасти, так сказать, — наполовину), имели человеческие эмоции и считали себя землянами. Они уже давно перестали быть частью Земли, а были... Кем? Оборотнями? (Помилуйте, не во времена же средневековья мы живем!). А были частью Космоса, вторгшегося в пределы Земли.

Если существует равновесие в мире, то вторжение человечества в глубины пространства должно вызывать ответную реакцию — вторжение пространства в глубины человечества, и глубины человеческого микрокосма, в глубины генетических основ. Нетрудно себе представить, что дальнейшая экспансия землян приведет к возникновению в самом их сердце некой «пятой колонны», которая, превысив какую-то критическую массу, превратит человечество... в скопище монстров, которых уже не будут интересовать общечеловеческие ценности, они будут заняты только собой, не будут понимать друг друга, и, вообще, ситуация повторится, как уже было со строителями Вавилонской башни продвижение к небу приостановится в очередной раз. Никакой катастрофы не случится — просто небо станет недостижимым.

Я с трудом обуздал разыгравшееся воображение. Куда это меня занесло? Ну, Двуликий Янус, ну, девушка-боец, но ничто не указывает на то, что на Земле есть еще, подобные им. Какая-то часть моего существа с готовностью, как чертик из коробочки, тут же пискнула, что есть, должны быть, что это только верхушка айсберга, просто ты о них ничего не знаешь, но я уже взял себя в руки. В конце концов, нет мне дела до всего человечества, меньше всего меня интересует, что с ним будет через сто, а тем более двести лет, пока что никакой приостановки волны звездной дисперсии незаметно: по-прежнему сходят со стапелей огромные спейсфаги, и сверхсовременные звездоскафы Дальней Косморазведки расширяют границы периферии — короче, на мою жизнь работы хватит, а что будет потом... Не слишком ли много мы на себя берем — наряду с господом богом печься о мировых проблемах? Грех гордыни это называется. Нет уж, увольте, это не для меня.

Я не философ, а пилот. Рейс, в котором я начну мудрствовать, а не действовать, станет для меня последним. Меньше всего меня привлекают умозрительные размышления о равновесии добра и зла, времени и пространства и тому подобные сентенции. Все это хорошо для застольных парадоксов. Помню, как Девид поразил меня идеей о том, что количество добра и зла в мире было задано изначально раз и навсегда. И равновесие это невозможно нарушить, как бы мы не старались, превознося технический и моральный прогресс. Поразило меня, в первую очередь, само существование подобных идей, очень далеких от повседневного круга. Трудно представить себе людей, голова которых всерьез занята их решением. Это не для меня. А вот как дальше быть с Руженой?

Проводив Спаргинса, я еще с полчаса побродил по парку. Накрапывал легкий дождик. Собственно, парк — это громко сказано. Так — слегка облагороженный лес с дорожками, посыпанными мелким гравием, и альпинариями на лужайках. Любопытно, кто ухаживает за всем этим? Кроме нас с Руженой здесь больше не было ни души. Или прислуга отпущена по случаю праздников? В глубине парка я нашел скамейку и, смахнув с сиденья водяную пыль,

решил, что спешить мне пока некуда. Некоторое время я сидел, рассматривая сквозь просветы в соснах фасад коттеджа. Темнели распахнутые окна на втором этаже. Ружены нигде не было видно. Заснула?

Зачем Спаргинс мне все это рассказал? Чтобы облегчить душу? Приступ откровения? Не похоже. Меньше всего Спаргинс напоминал человека, облегчающего душу первому встречному. Тогда зачем? Можно рассуждать от обратного, что изменилось бы, не получи я этой информации? Некоторое время мысли мои кружили по замкнутому кругу. Дождик прекратился.

Я еще раз перебрал в памяти весь разговор. Сорок парсеков, альфа Эридана, две расы, населяющие Чарру, судьба первой экспедиции на Чарру, вторая экспедиция на Чарру, Рой Аллан Спаргинс и Ружена, и снова Ружена — Институт Физиологии Человека. Что самое существенное было в том, что я услышал? Что? У меня вдруг возникло ощущение, какое бывает перед самым приземлением: вот-вот сейчас посадочные опоры коснутся космодрома, ощущение, когда последняя секунда неопределенности переходит в твердую уверенность. Я еще ничего не понял, но был на правильном пути.

Большую часть времени Спаргинс говорил о Ружене. Те же сведения я мог бы получить и от других людей. Но какой *тон* был бы у этих сведений? Ведьма, выродок, да стоит ли продолжать? И что бы произошло? А вот что произошло бы по логике Роя Спаргинса, я могу сейчас сказать абсолютно точно. Именно по логике Спаргинса. Я поднялся и не спеша зашагал к дому.

А произошло бы вот что. Конечно, это оттолкнуло бы меня от Ружены. А дальше, очевидно, Спаргинс рассуждал приблизительно так. Если первая экспедиция па Чарру повлекла за собой целый ряд необъяснимых несчастных случаев, каким-то фантастическим образом связанных с земными женщинами, то не может ли женщина, рождение которой связано с этой непостижимой планетой, обратным образом повлиять на судьбу людей, близких к ней? Ведь Спаргинс воспитывал Ружену, жил рядом с ней, и за все эти долгие годы с ним не то что не произошло никакого несчастного случая, по-моему, вообще Рой Спаргинс надеется пережить всех, по крайней мере, левая его половина.

Я почувствовал, что угадал. Если бы я порвал с Руженой, а к этому могла подтолкнуть любая случайно оброненная фраза (чего только не случается, пока бог спит!), завтра или послезавтра кто-то мог бы ляпнуть походя: «А, Ружена Спаргинс, как же, как же...» и дело было бы сделано. Ведь космолетчики вращаются в довольно тесном кругу, где каждый о каждом знает такое, о чем в порядочном обществе стараются не то что не вспоминать, даже не намекать. Космолетчики — народ простой. Ох уж эта святая простота!

Конечно, меня не так просто сбить с толку. И какое мне дело в конце концов до эпитетов, которыми могут наградить Ружену, да я, в общем-то, и сомневаюсь, чтобы в моем присутствии кто-то осмелился назвать Ружену не то что выродком... Но, вот именно, но! Уж очень причудливым образом в этой истории переплетаются нити событий.

Я подошел к коттеджу и взялся за ручку двери. То есть, если я не ошибся, Спаргинс сейчас серьезно озабочен тем, чтобы всеми возможными и невозможными способами помочь очередной экспедиции на Чарру вернуться в целостности и сохранности. Ну что же, я не против.

— Он говорил тебе? — Ружена уткнулась лицом в мое плечо.

— Что?

— Ну-у...

— Да.

— Ты не будешь меня из-за этого меньше любить?

— Нет.

— Скажи мне.

— Что?

— Что ты любишь меня. Ты никогда не говорил мне этого, Нерт.

— Я люблю тебя, Ружена, — сказал я, стараясь разобраться в своих чувствах.

Углубленное исследование, со слов Спаргинса, выявило у Ружены двойной генотип: человека и пребывающий в латентном состоянии генотип птицы.

Есть такое понятие — атавизм, когда в хромосомах человека присутствуют гены далеких предков. В большинстве случаев эти гены пребывают на рецессивных аллеях, забытые и не востребуемые до конца жизни, но иногда, в редких случаях, начинают работать, и тогда внешность человека может неузнаваемо измениться: ребенок рождается с трехкамерным сердцем лягушки, или с хвостом, или обростает шерстью с ног до головы, как далекие пращуры.

Но история медицины не помнит, чтобы хромосомы человека содержали законченный набор генов одного из предков. Как это отразится на здоровье Ружены в дальнейшем, никто из специалистов не брался предсказать. Ружена ежегодно проходила обследование в Институте Физиологии Человека, и почти все там относились к ней, как к мутанту, с некоторым недоверием и опаской. А кое-кто и с брезгливостью.

— Скажи мне, Нерт.

— Я люблю тебя.

— Еще.

Вечер. За короткими ресницами света, падающего из окна, темнота сгущается и становится плотной, осязаемой.

— Возьми меня с собой, Нерт.

— С собой?

— Да. Ты улетаешь двадцатого? Возьми меня с собой, Нерт. — Ружена ищет мой взгляд. — Хочешь, я попрошу дядю...

— Нет.

— Нет?

— Это работа, Ружена.

— Да, — Ружена склонила голову. — Ты так и ответил.

— Что?

— Знаешь, Нерт, я помнила тебя раньше, еще до того как мы с тобой встретились. Я тебе этого никогда не рассказывала. Иногда мне снятся очень странные сны. Полеты среди звезд или охота на ночных хищников, похожих на волков. А ты, как полузабытое воспоминание детства. Я знала твое лицо и твои руки еще до того, как впервые увидела тебя и прикоснулась к тебе. Я помню тебя до этого вечера. И все. Дальше чернота.

Ружена замолчала и прикоснулась губами к моей переносице.

— У меня такое чувство, Нерт, что мы не встретимся больше в этом мире. Никогда.

— Через месяц я вернусь.

— Мне было хорошо с тобой, Нерт. — Ружена снова поцеловала меня между бровей. —

Как в сказке. Но все сказки... когда-нибудь кончаются.

— Все будет в порядке, — сказал я.

— Я буду сердцем с тобой, Нерт. Не смейся. Я знаю, где альфа Эридана. Мой отец был там. Я нашла ее среди других звезд еще в детстве. Мне часто снилось, что я лечу туда. Но сама. Сама. Рядом никого нет. Лечу, потому что меня зовут...

Необычная это была ночь. Не было еще у меня таких ночей, когда любовь — это не только любовь... слова, касание рук, ласки — все это словно имело еще какое-то двойное и тройное значение, обрело еще какую-то глубину, в которую вглядывайся не вглядывайся — все равно ничего не видно, только голова начинает кружиться и оторопь берет. Словно ты не просто произносишь слова, двигаешь губами, вдыхаешь воздух, касаешься пальцами теплой кожи, а еще и наблюдаешь за собой со стороны, а какая-то третья твоя часть пытается осмыслить все с тобой происходящее и еще получить при этом непротиворечивую картину, которая упорно не желает складываться.

Опьянение? Нет, пожалуй. Возможно, профессиональный психолог и подобрал бы более подходящий термин: расщепление, вытеснение, да мало ли у профессионалов терминов, за которые можно спрятаться, как за каменной стеной, и с многозначительным видом пуститься в рассуждения, сквозь которые прodrаться нормальному человеку — все равно что верблюду пройти сквозь игольное ушко.

И даже непонятно, чем вызвано это состояние. Любовь к девушке, которая на самом деле то ли монстр, то ли ангел? Нет, пожалуй. А впрочем... Не мог я в себе разобраться, а потому, в конце концов, бросил вслушиваться и вглядываться в теневые глубины сознания, нечего ломать голову — себе же дороже.

Под утро Ружена заснула. А мне не спалось. И снова, рассматривая ее лицо, почувствовал я, как оживают и поднимаются во мне противоречивые чувства, как варево в ведьмином горшке. «Бог создал ее в минуту вдохновения», — вспомнил я. Это я мог бы повторить и сейчас. Так в чем же дело? Что же изменилось? Она прекрасна — так люби ее! Вот она вся перед тобой, более чем совершенство. Более чем... Действительно, что такое совершенство, я знаю, но более чем... Так все-таки ангел?

После завтрака мы простились с Руженой. Последнее слово, которое она произнесла, было «никогда».

На высоте сорока пяти тысяч метров над Атлантикой стратоплан достиг наивысшей точки подъема, полет его перешел в пологий спуск, который через два часа должен был завершиться в Южной Европе. В иллюминаторе — небо цвета густого ультрамарина с единичными звездами над горизонтом, маленькое полуночное солнце в зените, в невероятной глубине — мучнистый саван облаков над невидимым океаном.

Час пополудни. Стюардессы закончили разносить обед. Впрочем, сегодня у них работы не очень много. Пассажирский салон стратоплана полупустой. До начала туристского сезона еще, по крайней мере, месяц. Три кресла рядом со мной в моем ряду вообще пустуют, дальше — несколько семейных пар, одна из них с детьми, компания молодых ребят с девчонками — слышен оживленный разговор, приглушенный смех (разговаривают по-русски или по-польски), за ними — кажется какая-то делегация, от меня их почти полностью скрывают спинки кресел — мужчины в однообразных костюмах и женщины в сари — индусы. Сосед, который сидел рядом со мной, пожилой немногословный бизнесмен, вышел покурить и, наверное, пересел, оставив на кресле толстый финансовый журнал, открытый на странице с какими-то разноцветными графиками.

Если очень захотеть, то в иллюминаторе на фоне стратосферного неба можно различить едва заметное отражение лица Ружены — так что я почти рад, что сижу один. Глаза ее закрыты, на губах — полуулыбка, ветер шевелит кончики волос. «Нерт, — говорит она, не открывая глаз, Нерт...»

После суток, проведенных без сна, веки мои тяжелеют и слипаются. Лицо Ружены наплывает, занимая все видимое пространство. «Нерт», — повторяет она...

Над морским горизонтом зависло низкое солнце. Свежо. Недалеко от берега высится ровная, как тотемный столб, скала, опоясанная по восходящей спирали барельефами. Ружена стоит у самой кромки прибоя. За спиной безлюдные дюны отбрасывают длинные тени. Прибрежные птицы, похожие на чаек, кружат над отмелью. А это что? В полумиле дальше по косе — звездоскаф Косморазведки, одна опора поломана, корпус накренен под углом градусов сорок. Авария при посадке? Я поворачиваюсь к Ружене.

— Где это мы с тобой?

Она улыбается и прикладывает палец к губам. Что за вздор? Возможно, в звездоскафе есть раненые, но я не успеваю сделать и двух шагов в его направлении.

— Постой, куда ты? Там никого нет!

— С чего ты взяла?

— Уже много месяцев. Он пуст.

— Я должен сам убедиться.

— Смотри, как безбоязненно кружат над ним птицы. Там никого нет.

Только теперь до меня доходит все, что сказала Ружена.

— Много месяцев? Откуда ты знаешь?

— Разве это так важно?

Неожиданная догадка озарила меня.

— Это, наверное, сон?

Ружена подходит ко мне и кладет руки мне на плечи, заглядывает в глаза. Касание теплых ладоней слишком живое для сновидения.

— Это сон, — повторяю я утвердительно, — Мы спим.

— Ты хочешь, чтобы это был сон?

Вопрос Ружены совершенно сбивает меня с толку. Я с трудом собираю разбежавшиеся мысли. Что это со мной?

Ружена грустно улыбается:

— Чего ты хочешь?

— А ты?

— Мужчины всегда хотят определенности. Это у них в крови. Сон — явь, черное — белое, да — нет... Странно. Секунды, метры, тысячи понятий выдуманы только для того, дабы во что бы то ни стало очертить границы известного мира и узнать пределы собственных сил. И сопоставить и то и другое. Парсеки, километры в секунду... И даже слова, как проявление определенности, словесные определения, речь — это все выдумки мужчин. Богатство, долг, ложь, свет — все это детская боязнь потерять ориентировку в этом мире. Желание обо что-то опереться, оттолкнуться от чего-то определенного, чтобы достичь... чего? Границ своих желаний? Возможностей? Так чего ты хочешь?

Я совершенно ошарашен.

— Ружена, — говорю я.

— Нерт, — отвечает Ружена, — Имена. Слова.

— Так мы спим?

— Хочешь проснуться? — Ружена коротким взмахом отбрасывает с лица волосы. — Разве тебе плохо со мной? Не уходи.

— Куда? Из твоего сна?

— То, что ты называешь явью, может оказаться просто сном другого мира.

— Но наяву мы живем, рождаемся, умираем. События там необратимы.

— И это хорошо?

— По крайней мере определенно, — я нахожу в себе силы пошутить, хотя, чем дальше говорит Ружена, тем больше мне становится не по себе.

— Глупости, — говорит Ружена. — Просто слова. Чего ты хочешь?

— Ты можешь исполнять желания?

Ружена улыбается.

— Кто ты? — Я стараюсь поймать ее взгляд. — Мой ангел-хранитель?

— Слова, — повторяет Ружена, почти касаясь губами моих губ, — маленькие определенности. Когда слова произнесены, что-то теряется в них, увядает, как в сорванном цветке. Он еще красивый и пахнет, но мертвый. Его дарят кому-то, он становится чьим-то, но он уже обречен. А несказанные слова — как несорванные цветы. Они ничьи, но живые, — Ружена смотрит на меня. — Разве может быть имя у любви?

— Что с тобой сегодня?

— Ничего.

— Ты не похожа на себя.

— Зачем мы встретились, Нерт?

Я опешил. У меня даже холодок пробежал между лопатками.

— Где встретились?

Ружена не отвечает. Глаза ее полуприкрыты веками. Может быть, она снова думает о маленьких определенностях, за которые цепляются мужчины, чтобы не потерять себя в этом мире. Где встретились? На этом берегу или вообще на Земле?

Солнце между тем скрывается за горизонтом. С запада через зенит начинает наползать ночная тень. Скала в океане еще некоторое время выделяется на фоне тускнеющих облаков, но темнеет удивительно быстро. Зажигаются звезды. Прохладный бриз сменяется порывами холодного ветра.

— Холодно, — говорит Ружена.

Да, действительно, что-то уж слишком холодно для сна.

— Пошли, — говорит Ружена.

— Куда?

Ружена снова не отвечает, делает шаг назад и отпускает мои руки. Потом поворачивается и, не оглядываясь, идет вдоль линии прибоя в сторону скалы у побережья, едва выделяющейся на фоне заката. Порывы ветра сминают и разглаживают ее волосы, снова спутывают, отбрасывают со щеки, облепливают платьем ноги. Через несколько шагов тоненькая фигурка Ружены начинает сливаться с темнотой. Еще одна или две минуты — и она исчезнет, растворится в густеющих сумерках, и я ее больше не увижу... Никогда?

— Ружена!

Она на мгновение останавливается. Слова. Маленькие определенности. Однако они все еще имеют силу. Ветер дует ей в спину, словно подгоняет ее туда дальше, в темноту.

— Ружена, — я в несколько шагов догоняю ее, поворачиваю к себе, стараюсь заглянуть в лицо. Веки ее полуприкрыты.

— Ружена...

Она поднимает глаза. Уже так темно, что я не могу различить ее зрачков. Или они распахнуты настолько, что полностью закрывают радужку?

— Чего ты хочешь, Нерт?

Я молчу. Слова...

— Неужели тебе нечего сказать?

Ветер спутывает и поднимает ее волосы, они щекочут мне лицо.

— Ты пойдешь со мной, Нерт?

Я все еще не решаюсь произнести ни слова.

— Или ты хочешь вернуться? — Она словно старается заглянуть мне в душу. — Это еще возможно. Мы с... тобой не так далеко ушли. Это только берег. Хочешь?

В порывы холодеющего ветра начинают вплетаться совершенно ледяные струи. Ружена опускает глаза.

— Прощай, Нерт. Возвращайся... назад.

Она отступает на шаг, потом еще на один.

— Ружена.

Она отрицательно качает головой. Потом поворачивается (ее можно еще окликнуть, задержать) и, больше не оглядываясь, идет по песку, быстро сливаясь с темнотой. Несколько шагов — и ее тоненькая фигурка растворяется в ночи, где ее больше уже не различить. Никогда.

Старт, назначенный на двадцатое, пришлось отложить на сутки. Было странно видеть звездоскаф «Лидохасс», корабль последнего поколения, класса 9-9-9 (три девятки, на сленге звездолетчиков — «Василиск»), с усовершенствованными системами защиты и энергообеспечения, вооруженный аннигиляционными боеголовками, подготавливаемый для исследования планеты с нулевой градацией недоступности. Нулевой, то есть — никакой. Планета полностью доступна для посадки и взлета. Например, Венера с ее плотной облачностью и высокой температурой на поверхности относится к первой градации недоступности. Эмморан — к третьей из-за трехкратной силы тяжести и сокрушительных ледяных ураганов. Я приземлялся и на планеты с пятой градацией недоступности, напоминающие гипертрофированный Юпитер. Они расположены, как правило, в сложных навигационных зонах в системах двойных звезд. Черная Дыра относится к седьмой! градации недоступности, но здесь вопрос посложней. Попасты туда очень просто, однако назад еще не вернулся никто.

Планета, к которой отправлялся «Лидохасс», ничем не напоминала монстра. Прозрачная теплая атмосфера, обилие кислорода, хлорофилловые леса, песчаные пляжи. В стереоизображении это все выглядело просто великолепно. И тем не менее...

«Лидохасс» должен был сбросить над Чаррой в местах аномалий пять исследовательских зондов. В подвалах центра Дальразведки, где с помощью «Малыша», гигантского компьютера с совершенно фантастической скоростью быстрогодействия, можно было получить голографическую модель любой планеты или планетной системы, к которой когда-либо подходили корабли Земли, я в ночь с шестнадцатого на семнадцатое апреля «прокрутил» несколько вариантов бомбозондирования Чарры. На тренажере все прошло идеально, как по маслу. Но...

Над Чаррой мы использовали зонды повышенной выживаемости с разделяющимися информационными головками. Все они были настроены на автоматическое возвращение через десять часов работы. Успели мы запустить три зонда. На борт «Лидохасса» поднялся один. Лишь один.

К альфе Эридана на «Лидохассе» я должен был доставить еще трех человек: сорокадвухлетнего Горана Горовица, серба, шефа темпоральной лаборатории Института Мерности Пространства, престарелого профессора метабиологии Пекинского университета Рен Си и одного из лучших контактеров Дальразведки Майкла Мора.

Однако неожиданности начались еще до старта.

Взлет задержался из-за того, что Майкл Мор внезапно заболел. Шейхман особо не вдавался в подробности, но с его слов я понял, что до Найроби Майкл не долетел. На промежуточной посадке в Каире прямо с аэродрома он был доставлен с сердечным приступом в госпиталь Святого Августина, где вынужден будет провести, по крайней мере, две недели на строгом постельном режиме.

— Счастливчик, — прокомментировал эту новость Горан Горовиц. — Вместо того чтобы лететь за тридевять земель к черту на кулички, две недели в обществе хороших сиделок на фоне каирских пальм. Свежий воздух, отличное питание и никакой работы, если не считать необременительных медицинских осмотров.

Горовиц улыбнулся и проводил взглядом молодую секретаршу Шейхмана.

Если бы меня в нескольких словах попросили набросать портрет Горовица, я бы, пожалуй, сравнил его с падшим ангелом кисти Дюваля. Блестящий эрудит, неутомимый рассказчик. Я подозреваю, что он был еще и неутомимым половым партнером, потому что его постоянно провожали и встречали какие-то длинноногие яркоглазые девицы, разные чуть ли не каждый день.

Когда я спросил его об этом, он рассмеялся. Смех у него был раскатистый, как у ангела-громовержца.

— Ах, Нерт, вам можно только позавидовать, — и было непонятно, говорит он серьезно или шутит. — Вы уже нашли свой идеал.

За сутки до старта состоялась небольшая пресс-конференция, отчет о которой должен был занять место (четверть полосы, не больше) на одной из последних страниц «Дейли Миррор». Каково же было мое удивление, когда я прямо вначале пресс-конференции узнал, что вместо Майкла Мора на борт «Лидохасса» поднимется женщина-контактер Сара Безансон. Ее тут же представили присутствующим: невысокая, с правильными чертами лица мулатка, она довольно холодно кивнула после представления Шейхмана и тут же села, не проронив ни слова до самого окончания конференции.

Я хорошо запомнил заключительное слово Шейхмана. Резкий голос с немецким акцентом больше похож на карканье.

— На Земле «Лидохасс» ожидают только с информацией, — каркает Шейхман, — Даже если случится маловероятное, и планетарные зонды погибнут, сломается грузовой зонд, капитану Линдею запрещено сходить с околопланетной орбиты и приземляться. Никаких попыток спуститься над планетой ниже тысячи километров. Если же через месяц «Лидохасс» не вернется... — тут Шейхман сделал паузу. Человеку, мало-мальски наделенному воображением, в этой паузе могло послышаться все, что угодно: от криков о помощи до хруста ломающихся костей.

— ...К Чарре отправятся еще два звездоскафа. Один из них — спасательный рейдер, а второй — беспилотный гиперпространственный зонд, запрограммированный на полет к альфе Эридана и съемку Чарры с расстояния сорок тысяч километров, после чего он ляжет на обратный курс к Земле.

Последним выступил заместитель директора Дальней Космической Разведки Игорь Лазарев, «мистер нет», фигура, скорее, легендарная, чем реальная: седой как лунь, старик лет под девяносто, отнюдь не согбенный, как я представлял, с юношеским изгибом спины и прозрачными, почти бесцветными глазами. Всю пресс-конференцию он отмалчивался, а в конце поднялся и сказал примерно следующее:

— Первая экспедиция на Чарру поставила перед Центром вопрос: достаточно ли мы компетентны для исследования подобного мира? За двадцать шесть лет несколько раз принимались проекты повторных экспедиций и отклонялись. Мною. Как считают некоторые, без особых на то причин.

Мартин Шейхман сделал движение, словно хотел возразить, но в последнюю секунду сдержался.

— Изучение подобной планеты для отдела ксенологии было бы сущим раем, но... Мы, наверное, преждевременно встретились с этим миром. Об этом можно судить лишь по косвенным признакам. Например, побочные эффекты контакта с Чаррой мы не можем удержать под контролем, более того, не можем выяснить, откуда исходят эти артефакты и в

чем причина. У всех людей, приземлявшихся на Чарру, обнаружены необъяснимые провалы в памяти. Это касается и первой экспедиции и стажеров, которые об официальном запрете на исследование ничего не знали. При углубленном ментоскопировании немых зон мозга выяснилось, что ни на какой планете они не были, а все время провели в полете вне пределов известного космоса.

Надеюсь, возвращение «Лидохасса» принесет ответы на часть вопросов. Одним словом, я хочу пожелать экипажу удачи.

После пресс-конференции Игорь Лазарев пригласил меня к себе.

Наступил уже довольно поздний вечер. Кабинет Лазарева был освещен лишь настольной лампой. За широким окном в полстены открывались огни космодрома: зеленые и алые вспышки на фоне звездного неба. С пронзительным свистом прошел на посадку лунный транспорт.

Некоторое время прозрачные глаза «мистера нет» изучали мое лицо почти с детским любопытством. А потом он сказал:

— Я смотрел ваше личное дело... Можно я вас буду называть просто Нерт? Капитан — звучит слишком официально. Ведь вы мне годитесь в сыновья, даже во внуки, — сухая протокольная улыбка, — Вам тридцать лет, Нерт, и вы уже пилот экстра-класса. К пятидесяти годам вы можете сделать отличную карьеру в Косморазведке. — Говорил он с длинными паузами, словно раздумывал по ходу, а стоит ли продолжать?

Я постарался придать лицу неопределенное выражение. Не нравится мне, когда высокое начальство вдруг приглашает к себе в кабинет, начинает называть тебя по имени и делать неопределенные намеки относительно карьеры.

— Я кое о чем умолчал на пресс-конференции. Зачем журналистам знать все? Может возникнуть нездоровый ажиотаж... Это не наш стиль работы. — Лазарев подошел к бару и, достав бутылку минеральной воды и два стакана, налил, не спрашивая, мне и себе. — Джомолунгма, — пояснил он, отхлебывая из своего стакана. — Пейте, Нерт, вам понравится.

Я кивком поблагодарил.

Лазарев снова замолчал, потом в конце концов, наверное, решил, что не стоит останавливаться на полпути, перестал ощупывать глазами мое лицо и, откинувшись в кресле, вытащил из ящика стола несколько тонких листов бумаги.

— За двадцать шесть лет к Чарре было направлено семнадцать роботозондов. Можете представить себе примерную стоимость программы. Семнадцать гиперпространственных роботозондов, — Лазарев пожевал губами. — А результат... Вот он, на этих нескольких листочках. Все зонды сгорели в атмосфере Чарры. Если бы это была одна или две аварии, можно было списать на случайность. Честно говоря, я думал, что приземлиться на Чарру больше не удастся ни одному кораблю. И вот, в прошлом году эти стажеры... — Лазарев снова замолчал.

Вранье, оказывается, это было про преждевременные проекты. Вполне может статься, что и сейчас «мистер Нет» кое-чего не договаривает. Например, действительно ли все эти семнадцать гиперпространственных зондов были беспилотными?

Очевидно, некоторое сомнение отразилось на моем лице, потому что Лазарев протянул мне через стол листки с отчетами.

— Пожалуйста, ознакомьтесь, Нерт.

Пока я ознакамливался, Лазарев встал и, повернувшись ко мне спиной, подошел к окну.

Да, крепкий старик. Непоседа. Если я доживу до его лет, вряд ли у меня возникнет

желание во время бесед вскакивать, идти через весь огромный кабинет к окну, чтобы полюбоваться на огни космодрома, которые я уже видел тысячи раз. Лежмя я буду лежать, вот что я буду делать. В колумбарии, по всей видимости. В виде пепла.

Ничего особенного не было в этих листочках. Даже грифа никакого особенного не было: «отпечатано в одном экземпляре» или там «только для членов координационного совета». Статистические таблицы там были. Годы, количество запущенных зондов, тип, порядковый номер... стоимость программы... Общая сумма... ну ничего себе. Да, действительно.

Судя по всему, это правда были все беспилотные зонды. В графе «Результаты исследований» стояли прочерки. В графе «Причины катастрофы» — аварии в атмосфере. Присмотревшись, я заметил в левом верхнем углу необычный значок: две сплетенные полупрозрачные изумрудные змейки. Никогда раньше такого значка я на официальных бумагах не видел. Даже и не слышал никогда о таком. Впрочем, нет. Я вспомнил, как в прошлом году перед приземлением на ту самую безымянную планету в созвездии Кита Девид рассказал мне об одной древней программе по поиску высокоразвитых нетехногенных цивилизаций. Помнится, он упомянул об особой эмблеме-грифе на документах: две сплетенные полупрозрачные змейки, причем цвет змеек означал степень допуска к бумагам причастных лиц. Вот так. Высокоразвитая нетехногенная цивилизация и Чарра. И что же дальше.

Я положил листочки на стол и негромко покашлял.

— Просмотрели? — Лазарев вернулся на свое место. — Очень необычная планета.

Я промолчал.

Снова его прозрачные глаза впились в мое лицо, а губы сжались в тонкую ниточку.

— Может случиться так, — медленно начал он, — что около Чарры возникнет ситуация, очень неприятная ситуация... Безысходная ситуация, когда дальнейшее развитие событий повлечет угрозу для Земли. Потенциальную угрозу. Возможно, чтобы донести до Земли сообщение об этой угрозе, вам понадобится пожертвовать экипажем. Я обещаю, что этот случай не пройдет через трибунал, а будет рассмотрен... лично мною.

Я был не в силах сдержаться:

— А экипаж об этом знает?

Взгляд его сделался каким-то рыбьим, словно глаза подернулись инеем, даже холодом пахло. Наверное, именно таким взглядом он замораживал «преждевременные проекты».

— У вас отличный послужной список, капитан, но по сути своей вы еще мальчишка. Идите.

«Лидохасс» стартовал ранним майским утром с космодрома в Найроби.

Со слов Спаргинса, существует некая зависимость между эманацией зла от Чарры и присутствием женщины. Первое впечатление от Сары Безансон складывалось, скорее, неприятное. Ей было тридцать шесть лет, хотя выглядела она моложе, но холодный взгляд, лицо без улыбки, безукоризненно вежливое обращение, от которого веяло приветливостью арктического ветра, округлые фразы почти без интонаций... Никогда она не запинаясь, словно знала наперед, что сказать, что ей ответят, и когда пристально смотрела в глаза, невольно возникало ощущение, что она читает мысли. Впрочем, контактеры все немного странные.

Я помню лишь один случай, когда она улыбнулась. Нет, два.

На исходе четвертых суток полета «Лидохасс» вынырнул из гиперпространства со скоростью тысячу километров в секунду за пятьдесят миллионов километров от Чарры. Предстояли еще сутки торможения и весь экипаж собрался в рубке.

Горан Горовиц: Мой друг Майкл Мор признался, что задатки контактера должны проявляться уже в детстве.

Сара Безансон: Да. Контактерами рождаются.

Горан Горовиц: В таком случае, у вас наибольший профессиональный стаж среди нас. Больше даже, чем у шестидесятилетнего профессора метабиологии.

Закончено предисловие и скоро уже кульминация. Между «Лидохассом» и Чаррой осталось меньше миллиона километров. Через несколько страниц события начнут развиваться так стремительно, вырвавшись из оков литературных периодов, что мне, автору, не удастся втиснуть хотя бы пару лишних абзацев комментария. А между тем, мой читатель, мне с тобой хотелось бы продолжить разговор о любви. И, поскольку любовь — это такой предмет, которому противопоказана всякая поспешность, я позволю себе небольшое авторское отступление. О любви. Не земной.

Она была влюблена и была любима. Она никогда не слышала Песни песней, потому что была рождена под созвездиями, лишь отдаленно напоминающими созвездия Земли. Но если бы кто-нибудь смог перевести на ее язык, звучащий как шум ветра в скалах и крик чаек над прибоем, слова, от которых хочется смеяться и плакать одновременно, ибо скоротечна человеческая жизнь... «О, ты прекрасна, моя возлюбленная, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими и волосы твои, как стада коз, сходящих с горы. Как лента алые губы твои, и уста твои любезны, как половинки гранатового яблока — ланиты под кудрями твоими».

— Ах да! — воскликнула бы она, — Да!

Она не может слышать меня, но вздрагивает во сне и садится. Одно неувимое движение, и она сидит. Обнаженный стан ее выпрямлен, одна нога подвернута под себя, вторая согнута в колене и упирается в землю. Голову она положила щекой на колено и смотрит в темноту. Ноздри ее подрагивают, жадно втягивая в себя запахи ночи, губы полуоткрыты. Она напряжена и расслаблена одновременно. Она не может ни видеть, ни слышать меня через миллионы миллионов километров, что разделяют нас. Зато я ее вижу отлично. Грива волос ее свешивается вниз, закрывая голень до половины. Глаза ее кажутся огромными в темноте и, если присмотреться, можно заметить в них отражение созвездий, что лишь отдаленно похожи на созвездия Земли.

«О, как любезны ласки твои, сестра моя, о, как много ласки твои лучше вина, и благовония мастей твоих лучше всяких ароматов! Сотовый мед каплет из уст твоих, молоко и мед под языком твоим».

— О да, — прошептала бы она, — о да. — Это все о моей возлюбленной. Это так, потому что... в ней целый мир.

— Целый мир?

— Да! Говори еще. Еще!

Еще? «Прекрасна ты, возлюбленная моя, любезна. Единственная, голубица моя, чистая моя. Шея твоя, как из слоновой кости; глаза твои — озерки Есевонские. Стан твой похож на пальму и груди твои на виноградные кисти. Уста твои, как отличное вино».

— Да. Еще!

«Пленила ты сердце мое, сестра моя, пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе. Как привлекательна ты своей миловидностью. О, как прекрасны ноги твои! Округление бедер твоих, дело рук искусного художника! Заклинаю вас: не будите и не тревожьте моей возлюбленной, доколе ей угодно».

— Не будите...

— Конечно.

— Не тревожьте ее...

— Нет.

— Это ее последняя охота.

— Последняя охота?

— Да. Кто ты?

Кто я? Секунду я колеблюсь.

— Расскажи мне об охоте.

— Уже зажигаются костры.

Она легко вскакивает, подхватив перевязь с арбалетом, оглядывается последний раз; несколько шагов, и за ней смыкаются ветви деревьев. И теперь, когда она ушла, видно, что рядом с тем местом, где она только что сидела, на подстилке из шкуры скалистого волка свернулась во сне вторая девушка. Ее почти незаметно в тени огромного древовидного

папоротника, нависающего широкими листьями над землей. Да и не папоротник это вовсе. Девушка спит, как животное, которое, свернувшись, прячет нос в теплую шерсть. Лицо ее закрыто темными волосами цвета ночных орхидей, но фигура ее прекрасна. Округление бедер ее, как дело рук искусного художника, стан ее... Да стоит ли повторять?

Она проснулась оттого, что тело начало зябнуть. (Мы будем ее называть просто *она*. Есть неизъяснимая прелесть в этом личном местоимении.) Итак, она проснулась. С наступлением осеннего равноденствия земля начинает быстро остывать по ночам. Студеный ветер, налетающий с залива, доносил запах моря, к которому начал примешиваться дымный запах костров. Подруга ее ушла, оставив на подстилке из шкур едва ощутимый невыветрившийся аромат юного тела.

Она перевернулась па спину и на минуту замерла, вытянувшись, прислушиваясь к ночным звукам и пытаясь определить, долго ли еще так можно полежать. Нет, слишком холодно. Сквозь нависающие ветви деревьев она отыскала созвездие Лебедя.

— Тааор, — прошептала она, то ли молилась, то ли просила удачи, — Тааор...

С каждым выдохом над ее губами таяло облачко пара.

Бесчисленное множество раз, поднимая глаза к ночному небу и проваливаясь взглядом в бездонную черноту, она испытывала одно и то же чувство, от которого холодок пробегал по спине, и хотелось покрепче вцепиться в траву, — что в детстве ее нарочно обманули, объясняя, где верх, где низ, и что вот сейчас, постигнув до конца этот обман, она оторвется от земли и начнет стремительно падать в ночной зенит и будет так падать тысячи и тысячи лет между туманностями, кометами и метеорами.

Она на секунду прикрыла глаза, чтобы стряхнуть наваждение.

Это был ее последний сезон охоты. Каждая амазонка переживает его четырежды за свою жизнь, прежде чем отправляется в большое путешествие. Четыре напряженных опасных сезона, что наступают в конце года, когда убывающий день становится примерно равен ночи, и яркая звезда Тааор — Небесное Око Бога — поднимается так высоко над горизонтом, что входит в созвездие Лебедя, дабы образовать с парой других звезд, глазами Лебедя, правильный треугольник, знак расставания и смерти.

В это время морские бизоны, вспенивая волны северного течения, начинают спускаться от Арктического Архипелага, где они рождали детенышей вдали от вездесущих стай чешуйчатых крыс, к южным пастбищам. Стадо бизонов в тысячу голов, идущее на закате вдоль побережья, — зрелище, которое одновременно завораживает и наводит страх. Морские бизоны — самые крупные животные на планете, настоящие короли океанов. Старые самцы достигают поистине чудовищных размеров. Спящие в ночи, они больше похожи на черные полузатопленные острова. Несколько молодых бизонов, убитых за сезон охоты, разделанных и затянутых в гроты под прибрежными скалами, куда выходили ледяные ключи мертвой воды, обеспечивали амазонок мясом до следующего года.

В черных лабиринтах гротов никто не жил: ни крабы, ни моллюски, ни рыбы — все живое ггло в мертвых струях. Рыбы, случайно заплывшие сюда, как бы засыпали и медленно опускались на песок. Они, наверное, лежали бы тут много веков, если бы течение не выносило их в море, где их поедали более удачливые сородичи. Несмотря на то, что воду эту пить было нельзя, мясо, вымоченное в ней, прекрасно годилось в пищу, только от долгого пребывания в гротах приобретало приторный вкус.

Ходили легенды, что в фосфоресцирующей глубине подводных лабиринтов застряли останки чудовищ, которые жили в океане тысячи тысяч лет назад, настолько ужасные, что

описать их не было никакой возможности. Течение шевелит их мохнатые члены, от чего чудовища кажутся живыми.

Она не видела чудовищ ни разу, хотя три года уже вместе с другими амазонками ныряла в прибрежные пещеры, чтобы закрепить добычу в сетях на дне гротов или чтобы достать части разделанной туши. Сегодня она, возможно, нырнет туда в последний раз.

Она снова на секунду прикрыла веки. Над ее переносицей алой тушью был вытатуирован третий глаз — символ недремлющего Ока Бога, знак того, что ей предстоит скорое расставание и... Око Бога будет вести ее.

Все. Она потянулась, с удовольствием ощущая, как напрягаются тугие мышцы спины и бедер и одним рывком вскочила на ноги. Темные волосы ее рассыпались по плечам. Свое оружие она проверила еще вчера: метательный багор с короткой, отполированной от бесконечных бросков ручкой и бронзовый трехлистник на тонком шнуре из бизоньих жил, удобный как для броска, так и в ближнем бою. Годился он также и для разделки туш: острые грани трехлистника наточены, как когти у горной кошки. Сегодня у нее не будет арбалета. Отряд загонщиц вооружен только дротиками, трехлистниками и факелами, а еще трубами, от пронзительного воя которых если и не лопаются барабанные перепонки, то потом полдня звенит в ушах.

Она подхватила правой рукой оружие и, раздвинув крупные листья папоротника, шагнула навстречу пробивающемуся со стороны побережья свету костров.

Их можно было принять за сестер, эти полторы сотни амазонок, что собрались около медных чанов, на которых разогревался жир морских бизонов. От чанов поднимался терпкий солоноватый дух морских водорослей, дымными слоями тянулся над поляной. Приливы и отливы пламени подсвечивали нависающие кроны бородастых лиственниц, разбрасывая тени и полутени среди скользких между кострами тел.

Никто не обратил на нее внимания. Амазонки были заняты кто чем: проверяли оружие, охотничьи трубы, готовили факелы, подгоняли покороче перевязи арбалетов, расчесывались, связывали волосы в тяжелые пучки, натирали тело жиром морских бизонов.

Они были похожи на сестер: правильные черты лица, матовая от загара кожа, под которой перекачивались бугорки мышц, а глаза... Когда на лица под определенным углом падал отблеск пламени было видно, как зрачки в глубине отсвечивают красным.

Красным! Она стремительно оглянулась и успела перехватить этот красный отблеск в глазах своей соперницы, сидевшей около соседнего костра. Соперница не спеша отвела взгляд, не опуская головы, и снова занялась наточкой метательного трехлистника; губы ее тронула едва заметная улыбка. Когда-то они были подругами и любили друг друга, и украшали волосы одна другой озерным лотосом, и клялись друг другу в верности. «Я не могу жить без тебя, я не могу дышать без тебя», — шептали они в ночи, и дыхание их сливалось в одно, а тела сплетались все крепче и крепче. Их поссорила та, что стала ее новой подругой, и бывшие любовницы превратились в смертельных врагов. Они уже дрались трижды, страшно, до крови, последний раз перед охотой на скалистых волков, в окружении двухсот свидетельниц, полукольцом оцепивших ристалище. Тогда сопернице едва не удалось столкнуть ее в пропасть, еще чуть-чуть, и она полетела бы вниз, если бы не поистине звериная цепкость ее пальцев. Она знала, что им еще предстоит драться, очевидно, на том же ристалище, после того как сезон охоты закончится. Но она не боялась. Она одна из самых сильных и ловких охотниц в своем клане. Во время боевых игр она нередко занимала первые места. Она не боялась схватки. Она могла бы убить свою бывшую подругу, если бы не

чувство вины. Ведь это она ушла к другой. И потому каждый раз дралась вполсилы. Она знала, что так не может продолжаться вечно. Кто-то должен был победить, из них должен был остаться в живых один. Впрочем, может быть, они и не успеют больше подраться насмерть. Очень скоро ей и ее одноклассникам предстоит большое путешествие. А пока...

Она отыскала взглядом свою юную подругу.

Та, опустившись на колени около одного из чанов, натирала грудь и руки теплым жиром. Рядом лежала ее арбалетная перевязь, украшенная хвостом скалистого волка. Лицо и шея ее уже лоснились в оранжевых отблесках пламени, над пригоршней слизи, которую она вынула из котла, поднимался пар. Сегодня ей впервые разрешили участвовать в охоте, ей недавно исполнилось шестнадцать. До этого ей позволялось только подкармливать морских псов и несколько раз со старшими нырнуть в Черные Гроты. Они заметили друг друга. Глаза их встретились и разошлись. Проявление подругами чувств перед охотой не поощряется кланом.

Она присела, скрестив под собой ноги по другую сторону того же костра, чтобы быть поближе к любимой, и стала тоже натирать тело жиром. Делалось это не только для того, чтобы защитить кожу от долгого пребывания в холодной соленой воде, но и чтобы перебить запах человека. В темноте подслеповатые гиганты видят плохо, зато прекрасно чувствуют запах человеческого пота, а еще лучше запах крови.

...Ладони с теплым невесомым жиром скользят по тугой коже груди и живота, оставляя блестящую дорожку. Жир выдавливается между пальцами, капает на сомкнутые бедра. Терпкий запах морских водорослей щекочет ноздри.

За прибрежным откосом, невидимые в темноте, свистят и щелкают клювами морские псы, шестилапые ящеры с зубчатым гребнем от середины спины до кончика хвоста. Дней за десять до начала охоты амазонки начинают подкармливать этих тварей мясом бизонов из Черных Пещер. Мясо за год хранения в мертвой воде приобретает настолько сильный привкус, что без тошноты его жевать невозможно, однако морские псы глотают его с удовольствием. Последний раз амазонки кормили псов вчера ночью, а перед этим позавчера ночью, а перед этим поза-позавчера и так из ночи в ночь десять дней подряд. Сегодня не будет кормежки. Сегодня голодные и злые морские псы понесут их в темноте в сторону стада, от которого исходит теплый запах бизоньего мяса, запах молока и детенышей, и будут драться вместе с ними против сторожевых самцов стада и будут загонять бизоний молодежь на отмель, и те из псов, которым повезет, наедятся к утру до отвала.

Когда все тело ее начало блестеть, а ноздри настолько привыкли к запаху жира, что почти перестали воспринимать его, она вытерла сальные ладони о волосы и, перевязав их на лбу кожаным шнурком, последний раз проверила свое оружие.

Много лет назад, девчонкой, она была поражена, насколько просто убить морского бизона, эту пугающе огромную тушу со страшными всеядными челюстями, невероятно сильного — короля океанов, — достаточно трех-четырёх попаданий отравленных стрел. Однако просто убить его мало. Яд парализует дыхательные мышцы, и морской бизон очень скоро тонет. И вот когда эта туша, этот живой остров начнет слабеть, не сможет плыть, но будет еще в состоянии держаться на воде, вот тогда амазонки вонзят ему в бока бронзовые трехлистники с растопыренными жалами и начнут буксировать его к Черным Пещерам. Но если не успеть, и морской бизон затонет на глубине — достать его практически невозможно. Бизон становится легкой добычей морских псов и песчаных присосок. Поэтому главное искусство охоты заключается в том, чтобы отбить нескольких молодых бизонов от стада,

загнать их на отмель, чем ближе к Черным Пещерам, тем лучше, и только там прикончить. Сделать все это отнюдь не просто. Морские бизоны отличные ныряльщики. В их легких помещается столько воздуха, что за два-три вдоха они могут достичь горизонта. И если охота разворачивается на поверхности, то только потому, что бизоны защищают своих детенышей, которые еще ныряют неважно, а ночью совсем скверно из-за страха и полной дезориентации в темноте, что кишит охотничьими факелами и исторгает страшный вой боевых труб. Поэтому амазонки и нападают по ночам.

...Она одна из первых запрыгнула на спину морскому псу и оглянулась. Прибой холодной пеной ударил по щиколоткам, неверный отсвет ближнего факела выхватил из темноты женский торс на фоне скользкой бугристой чешуи, перепончатую лапу и тонкие руки, продевающие под брюхом морского пса упряжь из медных колец и кожаных ремней. Псы щелкают клювами, шипят. На отмели встал на дыбы огромный самец, испугавшийся огня. Кто-то выкрикнул ее имя в темноте. Она приподнялась в седле и еще раз оглянулась. Нет, ничего не разобрать. Справа и слева оседланные наездниками твари тяжело плюхаются в волны. Или показалось?

Неясное предчувствие шевельнулось у нее в груди.

— Тааор, — прошептала она, стараясь избавиться от тупой занозы в сердце, — Тааор.

Море спокойное и, несмотря на обилие звезд, кажется совсем черным. Если прислушаться, оттуда, из глянцевого на изломах волн черноты, доносятся далекие вздохи. Это вздыхают спящие на поверхности залива бизоны.

Неправда, что море вечно в движении. Море тоже спит. Как по артериям мчатся воды холодных и теплых течений, а море спит. Мчатся амазонки, охватывая полукольцом стадо бизонов, а море спит. Вода омывает чешуйчатые бока, холодит ноги. Далекие вздохи становятся все ближе. Охотницы, рассеянные по глади залива, скоро достигают края стада, и морские псы опять начинают нервничать. Мимо них скользят и фыркают огромные, как острова, черные тела самцов. Самки находятся ближе к середине, а в самом центре — детеныши.

Она знала, что самцы сейчас будят остальных неслышным для нее криком. Но слишком поздно. Стадо окружено кольцом охотниц. Взвыли трубы, вспыхнули факелы, и факельщицы начинают носиться вдоль края стада, стараясь отеснить бизонов к берегу.

Морские бизоны — отличные пловцы, и каждый из них в скорости превосходит морских собак, но стадо движется медленно из-за детенышей и неизбежной неразберихи. В кольце факельного освещения кажется, что море кишит черными лоснящимися спинами. И вдруг фонтан брызг взметнулся над заливом чуть ли не к самым звездам. Вой труб, рев бизонов, свист морских псов — все смешивается в страшную какофонию. Три, нет, четыре, огромных, как айсберг, тела атаковали оцепление. Кольцо амазонок распалось, но одной повезло меньше других. Ее морской пес не успел увернуться, и страшный боковой удар подбросил вместе с факелом два тела: беспорядочно извивающуюся шестипалую ящерицу и крохотную издали, похожую на ледяную речную звезду амазонку. Парный шлепок об воду рядом с хвостом разворачивающегося бизона. Но, пока тот успел развернуться, ближайшие загонщицы, бросившись наперерез, подобрали оглушенную о поверхность воды напарницу и убрались с дороги возвращающегося чудовища. Удар челюстей, и перекушенная половина морского пса с двумя лапами и дергающимся хвостом снова взлетает в воздух.

Сила против хитрости, инерция против увертливости, и если в силе морской бизон в тысячу раз превосходит всех загонщиц вместе взятых, то выигрыш в маневренности дает

амазонкам минимальный перевес перед атакующими самцами. А атака накатывается за атакой, и в конце концов три огромных морских бизона, свирепея от ударов багров, оставляют стадо и бросаются вдогонку за факельщицами. И тут снова надо уворачиваться, успеть не подставить бок морского пса под сокрушительный лобовой удар, успеть подобрать сбитых наездниц и загонять, загонять теряющих контроль самцов все ближе и ближе к берегу.

Один из них сегодня погибнет, а двоих надо отвлечь, не справиться со всеми тремя. Оставить одного, вот этого, самого крупного.

Загонщицы разделились, и к тому времени, как небо начинает сереть, отвлекают и уводят одного, а потом еще одного самца дальше в море. Остался последний огромный морской бизон с пятнами наростов на боках. И уж этого последнего никак нельзя упустить. А он мог бы просто нырнуть и уйти, если бы вспомнил о стаде. Но он силен, разъярен бесконечными ударами дротиков и помышляет сейчас только о мести.

Они мчались параллельными курсами: огромный одноглазый самец, с боками, заросшими моллюсками, и два отряда амазонок на морских псах справа и слева. В призрачном свете занимающегося утра вся картина приобретала жуткую ирреальность. Ей показалось, что она уже видела такую сцену, не подобную, а именно такую, и вдруг вспомнила: тот самец был тоже одноглазый. Четыре года назад, когда она впервые приняла участие в охоте, они напали на стадо с одноглазым вожаком!

Морской бизон обладает цепкой памятью и никому не прощает обид. Столкнуться среди десятков и десятков стад, идущих к югу, со старым знакомым — это редкостная неудача. Обычно в таких случаях не удается избежать жертв. Но такие случаи повторяются, обычно раз в поколение, и пояснить это можно отчасти одним и тем же маршрутом стад, отчасти тем, что охота ведется ночью и рассмотреть загнанных самцов удастся лишь под утро, а отчасти тем, что морские бизоны никогда не забывают обид и, раз подвергшись унижительному нападению, через многие-многие годы горят желанием отомстить.

Огромное, как черная скала, тело вдруг встало на дыбы и в фонтане брызг рухнуло на параллельную группу загонщиц прямо в центр пронзительных криков, которые на секунду перекрыли шум всплеска и вой труб. И с этого момента погоня утратила стремительность, собственно, это была уже не погоня, а бойня. В брызгах и пене самец кружил на одном месте, стараясь подмять под себя амазонок, которые спасали оглушенных подруг. И если до сих пор не было жертв, то это объяснялось лишь тем, что в тот самый момент, когда разъяренный бизон вздыбился, несколько арбалетчиц всадили ему в спину стрелы с отравленными наконечниками. Да, в общем-то, и до берега уже было недалеко. Морской бизон метался по кругу, но раз от разу его выпады становились все более и более вялыми.

Озлобленные долгой бесполезной погоней морские псы, утратившие наездниц, уже не давали себя оседлать, а с остервенением вцеплялись в бока, хвост и исполинские плавники одноглазого вожака. Амазонки подбирали из воды неудачниц и, образовав широкий круг, внутри которого метался бизон, ждали, когда он окончательно ослабеет. На спине у многих морских псов сидели по две-три лишние наездницы. Некоторые из них уже начали метать трехлистники, подбадривая друг друга криками, которые сливались в шуме охоты в один невообразимый гам.

Внезапно что-то случилось там, на противоположном конце кругового оцепления. Слабеющий морской бизон, весь обвешанный псами, рванулся к кольцу амазонок. И то ли кто-то посчитал, что огромная туша уже безопасна и подплыл слишком близко, то ли кого-то

нарочно оттеснили... Бизон рванулся к кольцу оцепления, а навстречу ему рванулся пронзительный визг, оборвавшимся вместе с ударом челюстей. Вой труб смолк, и амазонки начали беспорядочно кричать. Кто-то погиб.

И вдруг она поняла, кто погиб. По внутренней стороне круга между затихшими охотницами и одноглазым вожаком мчалась навстречу ей соперница. Злорадный оскал искажил ее лицо. Мокрые волосы прилипли к щекам, правая рука ее от плеча до локтя была распорота глубокой кровоточащей раной. Небо на востоке рассвело, и в розовом отблеске зари страшным хищным светом горели ее глаза. А на лбу волосы были охвачены поверх собственной кожаной ленты плетеной перевязью ее юной подруги с развевающимся хвостом скалистого волка!

Жуткий, нечеловеческий крик вырвался у нее из груди навстречу сопернице; ударом локтя она скосила позади себя со спины морского пса наездницу, вытащенную только что из волн, и бросила своего пса наперерез сопернице, раскручивая над головой шнур с трехлистником. Бронзовой молнией метнулись растопыренные когти трехлистника, но соперница успела пригнуться, их морские псы на встречном движении столкнулись, перепутались упряжью, и амазонки, сцепившись, полетели в воду. И тут ни сила, ни ловкость уже не могли сыграть никакой роли, потому что упали они рядом с единственным глазом умирающего бизона...

«Я не могу жить без тебя, я не могу дышать без тебя», — говорили они когда-то друг другу.

Морской бизон, почуявший рядом запах человеческой крови, стряхнул предсмертное оцепенение и начал разворачиваться; краем глаза она увидела, как исполинские челюсти медленно, словно в кошмарном сне, поднимаются над ними, но не разжали сцепившихся пальцев.

«Я не могу дышать без тебя...»

Последний вдох они сделали вместе, сжимая друг друга в объятьях.

...Третье утро я, Нерт Линдей, просыпаюсь оттого, что мне снится один и тот же сон, где плывут в высоте грифы, медленно снижаясь и сжимая кольцо. Третьи сутки «Лидохасс» скользит над атмосферой Чарры, иногда зависая неподвижно, чтобы рассеять лазерным лучом облака под собой. Диоптрические сканеры позволяют видеть даже сквозь кроны деревьев в сумерках, и мы рассматриваем близко, как с высоты роста, поверхность планеты.

Никаких следов цивилизации. Девственные равнины и леса. Хрустальные водопады. Изумрудный без единой капли нефти океан. В это время года на Чарре сезон миграций. Огромные стаи птиц перелетают с континента на континент. Датчики фиксируют плывущие к экватору тучные стада морских гигантов, напоминающие многоластных китов, точнее, древних земных зевлодонов.

Днем, разглядывая Чарру с высоты тысячи километров под палубой «Лидохасса», я чувствовал себя чуть ли не господом богом, взирающим с небесной тверди на только что сотворенный мир, полный молодой дикой жизни. В голову лезло нечто вроде «...и решил Он, что это хорошо. Живите и размножайтесь». Да, в таком прелестном уголке только жить и... ну, сами понимаете.

В первую же ночь, зависнув над поверхностью одного из северных морей, мы увидели охоту амазонок за китообразными. Сотни полторы-две девушек на спинах тритонов, с длинными трубами, издававшими, очевидно, иерихонский глас, с факелами, разбрасывая по черной глади залива алые отблески, отбили от стада огромного самца, загнали его на отмель в брызгах и в пене, и перед рассветом прикончили из своих игрушечных арбалетов.

— Отравленные наконечники, — коротко прокомментировал Рен Си. — Яд, очевидно, быстро разлагается, иначе мясо не годилось бы в пищу.

— Любопытно, куда они денут такую гору мяса? — сказал Горовиц.

Рен Си пожал плечами:

— Близко отсюда ледники. А впрочем... возможно, у них есть какой-то другой способ хранения пищи.

Охота амазонок меньше всего напоминала развлечение. Две или три девушки погибли в схватке с огромным вожаком. Утром мы видели погребальную процессию, лентой поднимающуюся в горы. Несли только одно тело, обезображенное ударом гигантских челюстей.

На следующее утро Горовиц, уединившись в нижней лаборатории «Лидохасса», попытался просканировать океанические воронки и получил сюрприз. Воронки оказались в полном смысле бездонными. Сканер, рассчитанный для исследования звезд-гигантов на глубину до нескольких миллионов километров, дна не достал — буквально провалился сквозь планету диаметром двадцать две тысячи километров. Более того, место на материке, над которым вращался четвертый смерч, тоже обладало подобной аномалией.

В ответ на мой вопрос Горовиц улыбнулся:

— Вход в другое измерение? Не знаю. Стационарные гиперпространственные каналы существуют только в теории. Попытайся мы такой создать на Земле, он бы высосал содержимое планеты в считанные секунды. Не знаю... Ответ может дать только зонд, запущенный туда. Подождем до завтра. — Он кивнул на экран, где, пронизанная кривыми линиями изомерности, входящими через воронки в глубь планеты и выходящими через

обелиски, едва заметно для глаз вращалась Чарра, в компьютерной обработке напоминающая прозрачную каплю, оплетенную паутиной.

— А что скажет по этому поводу Сара? — поинтересовался Рен Сии.

Безансон задумчиво обвела взглядом экраны рубки:

— По поводу чего?

— По поводу туннелей в параллельное измерение на поверхности планеты, — сказал Рен Сии.

Явно не спешила отвечать Сара Безансон на этот вопрос.

— У вас есть какое-то мнение? — повторил Рен Сии.

Теперь, все смотрели на нее.

— Мое мнение вам вряд ли понравится.

— Почему? — быстро спросил Горовиц. — Очень даже любопытно.

По лицу Сары пробежала тень.

Я вдруг ни с того ни с сего вспомнил английскую пословицу о том, что любопытство стубило кошку.

— Хорошо. Только, чтобы вы поняли, я должна кое-что объяснить.

— Мы слушаем вас, Сара, — сказал Рен Сии.

— В двадцатом веке жил человек по имени Анжей Камиллов, человек выдающихся парапсихологических способностей. Однажды, стоя в коридоре высотного здания, он ждал лифт. Лифт подошел. Открылись створки, и он увидел, что ни у одного из людей в кабине лифта нет ауры. Более того, когда внутрь кабины зашел еще один мужчина, у него тоже исчезла аура. Анжей ничего не понял, но в лифт войти воздержался. А через десять секунд у кабины оборвался трос, и все, кто находились в ней, погибли.

— И какова же мораль? — спросил Горовиц.

— В то время, когда вы обсуждаете программу запуска зонда сквозь поверхность планеты, у вас тускнеет аура. Неужели никто из вас ничего не чувствует?

— Нет, — сказал Рен Сии. — А что мы должны чувствовать?

Небольшая могила на склоне, насыпанная из камней, была украшена увядшими цветами.

— Вы уверены, что поблизости никого нет? спросил Рен Сии, взглядываясь в обзорные экраны геологического робота, опустившегося на склон горы.

— Уверен, — ответил я.

Вряд ли в этот серый предрассветный час кто-то из амазонок мог увидеть приземление зонда. До восхода солнца еще сорок минут. Должно хватить.

Осторожно, очень осторожно, чтобы не потревожить насыпь камней, робот вонзил свои рабочие манипуляторы рядом с могилой и начал медленно продвигать их вглубь под углом шестьдесят градусов. Неожиданно ровный шум буров сменился тихим скрежетом. Робот начал раскачиваться.

— Что? — спросил Рен Сии.

— Нащупал, — ответил я. — Сейчас вытянет.

— Г-гробокопатели, — сказал Горовиц.

Сара Безансон молчала. Насколько я помню, за все время этой операции она не проронила ни слова.

Через минуту из норы, вырытой клешнями робота, показалось измазанное землей мертвое лицо в обрамлении грязных темных волос, и я поразился, насколько эта девушка была похожа на Ружену.

— Гробокопатели, — повторил Горовиц.

— Осторожней, если можно, — пробормотал Рен Сии. — Он ее может разорвать напополам.

Я уменьшил нагрузку на манипуляторы.

Тело девушки было почти перерублено ударом исполинских челюстей. Нижняя часть держалась на каких-то ниточках, обрывках сухожилий.

— Осторожней...

— Все уже.

Робот уложил тело в грузовой отсек модуля и дал сигнал готовности к взлету.

— Все. Через десять минут он будет на «Лидохассе».

Вскрытие проводил Рен Сии совместно с Сарой Безансон. Я заглянул в медпункт, часть которого была переоборудована под прозекторскую, когда вскрытие подходило к концу. То, что я увидел с орбиты, глядя на изуродованную девушку в манипуляторах геологического робота, ни в какое сравнение не шло с тем, что лежало на секционном столе, залитое холодным ярким светом бестеневых ламп.

Рен Сии проводил вскрытие с изнуряющей методичностью. Была разрезана не только грудная клетка и брюшная полость, но и череп, распилены трубчатые кости рук и ног. Несмотря на надрывную работу кондиционеров, в ноздри бил тошнотворный запах мертвечины. Я пробыл там всего несколько минут, но еще целый день меня преследовал блеск хирургических инструментов и тихий хруст разрезаемых сухожилий.

На следующее утро Рен Сии обещал познакомить нас с результатами вскрытия. Запись этого доклада почти без изменений была транслирована на Землю после окончания совещания, потому что результаты были ошеломляющие.

День двадцать восьмого мая на борту «Лидохасса» начался как обычно. Кроме наблюдений мы запланировали спуск двух зондов. Первый из них, грузовой, должен был поднять на «Лидохасс» остатки геологического робота; второй, класса «Феникс», с разделяющимися информационными головками, — погрузиться в океаническую воронку восточного полушария.

Девять часов утра по средневропейскому времени Земли. «Лидохасс» меняет курс, и в нижних перископах видно, как глубоко под кормой корабля разворачивается серп Чарры — сонный необжитый галактический курорт. От звездоскафа отделяются два зонда и через несколько секунд теряются на ночной стороне Чарры. Спуск должен занять минут тридцать-сорок.

Верхнее освещение в рубке потушено, пульт подсвечивается неяркими огнями навигационных приборов, и в их свечении наши с Горовицем лица со стороны кажутся, наверное, масками из потустороннего мира, выброшенными волнами Стикса с того, другого берега.

Мы обмениваемся с Горовицем несколькими фразами в том смысле, что Харон, перевозя мертвых на другой берег Стикса, должен был бы вместе с воспоминаниями отбирать у них и лица, поскольку наши лица есть не что иное, как отражение нашей памяти, прожитой нами жизни грешной или, наоборот, праведной. И что, по идее, спускаясь к берегу Вечной Реки, первое, что видит путник, заканчивающий свой последний путь, это тысячи и тысячи, миллионы, миллиарды масок, усеивающих песок за многие километры от берега. Подземный ветер гонит их, как опавшие листья, и бросает под ноги. Искаженное мукой лицо Джордано Бруно лежит рядом с лицами Нефертити и Торквемады... И только, пройдя еще многие-многие километры, усталый путник видит наконец берег Стикса, Звездной Реки, омывающей пределы известного мира.

9:08. Двигатели зондов отключены. Зонды продолжают снижаться в инерционном режиме по касательной к планете. Высота семьсот пятьдесят километров. Дистанция между ними чуть меньше двух тысяч километров.

«Лидохасс» догоняет рассвет, скользя над темным еще океаном южного полушария. Далеко впереди нас пламенеют облака, рваным серпом очерчивая линию восхода.

— Что-то долго нет нашего профессора и прелестной Сары с результатами вскрытия, — Горовиц откидывается в кресле, вопросительно смотрит на меня, — Сколько еще займет спуск?

— Минут двадцать.

Это была последняя фраза, произнесенная спокойно на борту «Лидохасса». В рубку вошли Рен Сии и Сара Безансон. После этого события понеслись вскачь.

Если вкратце изложить выводы Рен Сии по вскрытию погибшей девушки, то выглядели они так: погибшая амазонка переживала период трансмутации и, очевидно, через несколько недель, если бы не умерла, превратилась бы в трехглазую женщину-птицу. Рен Сии предложил термин «ведьму». (Юная длинноногая амазонка стала бы безобразной трехглазой ведьмой.) Об этом свидетельствовало не только строение тела: кости, например, были полые, как у птицы, под мышками натягивался маленький треугольник кожаной перепонки, и в лобной доле мозга формировался третий глаз, но, главное, — у девушки был двойной генотип, расшифрованный компьютером как *homo sapiens* и *avis*.

Но это не самое поразительное в изложении Рен Си. Самое поразительное заключалось в следующем. Внутренние половые органы девушки содержали зародыш формирующегося яйца, которое полностью развилось бы в теле ведьмы. Так вот, в этом протояйце содержался многомиллионный набор различных клонов: амфибий, рыб, цветов, насекомых, голосеменных, млекопитающих и еще множество каких-то, не поддающихся классификации видов типа двоякодышащих иглокожих папоротников или чешуйчатокрылых панцирных змей. Набор, который мог бы составить законченный биоценоз целого мира, обсеменить и заселить планету, подобную Земле.

К сожалению, как сказал Рен Си, вскрытие поставило больше вопросов, чем дало ответов. Например, для чего, для каких миров предназначена эта масса клонов? Чарра экологически уравновешена. За двадцать шесть лет наблюдений, отрывочных, правда, наблюдений, на ней не выявлено сколь-нибудь существенного изменения растительного и животного мира. Тогда куда девается масса генетической информации в тысячах и тысячах женщин-птиц? Попадает в другие миры? Но как? Кто прилетает за ней? Было бы наивно предполагать, что птицы сами переносят ее через космос. И заметьте, генетическая информация должна регулярно уходить с Чарры, иначе произошла бы экологическая катастрофа...

Совсем несложно понять мое смятение, когда в середине доклада Рен Си я вспомнил о двойном генотипе Ружены. Неделю назад я воспринял рассказ Спаргинса почти как сказку, не подозревая, какое страшное продолжение он может иметь. Для того, чтобы установить, что Ружена чуть ли не единоутробная сестра мутанток Чарры, нужен пустяк: всего-навсего биопсия ее яйцеклетки. Дальше я слушал вполуха, следя за снижением зондов, и только последняя фраза об экологической катастрофе вывела меня из оцепенения.

Воображение вдруг вышло из-под контроля, и я представил ярко, словно видел собственными глазами, картину экологической гибели Земли. Коттедж Спаргинса на Миссисаги. Вокруг на сотни километров хвойные леса, кроме Ружены — ни души. Еще не время каникул, Ружена готовится к летней сессии. Окно распахнуто, сеет мелкий дождь за окном (уже заканчивается, вот-вот должно выглянуть солнце), пахнет прелой хвоей, грибами. И вдруг... что это? Боли внизу живота, как родовые схватки, резкие до крика. До потери сознания. Ружена приходит в себя на полу, а когда открывает глаза, изменить что-либо поздно. Рядом с ней валяется измазанное кровью расколотое яйцо, и пол вокруг, как пылью, усыпан разноцветными спорами. Ветер подхватывает их, метет по комнате, легким облаком кружит над подоконником...

Не знаю, сыграл ли я какую-то роль в созревании яйца. За несколько часов тысячи спор обсеменяют всю Южную Канаду — бассейн Миссисаги и Великих Озер — совершенно неведомыми, хотя очень похожими на земные организмами. Распространение чужеродной, быстро приспособляющейся к новым условиям жизни происходит столь стремительно, что ничего нельзя сделать. В результате вытесняются, а затем полностью исчезают с планеты известные виды, изменяется состав почвы, воды, атмосферы...

Перед глазами всплыло лицо мертвой девушки в прозекторской. Бывшая еще вчера атласной кожа в кровоподтеках, один глаз вытек, туловище рассечено почти напополам ударом чудовищных клыков. Сколько ей было? Лет двадцать, как и Ружене. Рен Си сказал, что до превращения в ведьму ей осталось несколько недель. А Ружене? Следующее обследование в Институте Физиологии Человека планировалось только осенью. Безусловно, Спаргинс начнет действовать, получив наше сообщение, а потом подоспеет и «Лидохасс» с

банкой уникальных генетических данных. Возможно, для Земли наступают последние спокойные дни, и скоро будет дорог каждый час.

Все это пронеслось в моем воображении за несколько секунд.

Зонды начали тормозить в атмосфере... Грузовой зонд спускается быстрее. Он уже на дневной стороне. Небо под ним безоблачно, и ясно видно не только брошенный звездоскаф посередине песчаной косы, но даже дно океанической отмели, что просвечивается сквозь неглубокий слой прибрежных вод. Недалеко от линии прибоя накренился робот, полузанесенный песком.

Я понял, что после возвращения зондов нам придется свернуть программу и стартовать домой. Возможно, Ружена и не несет в себе никакой реальной опасности для Земли. И все же... Не мог я доверить гиперпространственной связи параноидное сообщение (какое сообщение? — вопль!) о том, что Земля на грани экологической катастрофы, и далее около тысячи слов, невнятно объясняющих, как родилась Ружена, мои с ней отношения и рассказ Спаргинса.

Да, положение...

— Мне не совсем понятно, — неожиданно сказал Горовиц. — Девушка, которая погибла, несла в себе зародыш целого мира?

Рен Си кивнул:

— Да, она могла бы полностью обсеменить планету кислородного типа. Создать экологически уравновешенную систему в ее лесах, океанах, атмосфере. Ни с чем подобным современная биология до сих пор не сталкивалась.

— Центр мироздания? — быстро спросил Горовиц.

Рен Си задумался.

— Слишком много неясного. Понадобится целая программа исследований...

— Да, конечно, — соглашается Горовиц.

— ...Но кое-какие соображения можно высказать уже теперь. Например, у Сары возникла любопытная гипотеза.

— Может быть, несколько неожиданная, — кивнула Безансон, — но ведь и открытие источника миров, если оно подтвердится, перевернет наши представления о Вселенной. Гипотеза о том, как совместить эти фантастические свернутые миры с первобытной жизнью амазонок, какими-то дикими охотами и постоянным риском погибнуть. Единственное разумное объяснение — отбор. Миллионы различных клонов в протояйце несут в себе отражение физических и психических особенностей девушек. И жизнеспособность, ум, ловкость амазонки будут определять способность выжить будущему миру.

Зонды идут на бреющем полете. «Феникс» снижается медленнее, обходя место посадки по огромной спирали, в центре которой находится смерч. С расстояния в несколько километров смерч выглядит как живой тонкий хобот, ощупывающий пену утренних облаков. Примерно через две минуты наступает такой момент, когда косо наплывающий на экранах «Феникса» смерч пересек восходящее солнце, образовав над горизонтом букву Ф.

Грузовой зонд приземлился, подняв тучу песка и распугав чаек, мирно дремавших па плечах подбитого геологического робота. Я посмотрел на часы. 9:25. Погрузка и подготовка к старту займут около получаса, плюс еще немного времени на пробы грунта с разных глубин.

«Феникс» входит под потолок из облаков, собранных смерчем и подсвеченных снизу восходящим солнцем, картина, скорее, мрачная, чем красивая. Подсвеченные облака похожи

на перевернутый горный ландшафт, нависший над морем. Некоторое время зонд несется над океанской зыбью навстречу на глазах распухающему смерчу, продолжая сбавлять высоту и замедляя скорость. За секунду до погружения экраны занял огромный, как стадион, скос водяной воронки. Высота — ноль, минус шесть метров... Всплеск, и на экранах начинает быстро сгущаться темнота.

Страж спал. Сон его был глубок и продолжался много веков. Бодрствовали всего несколько анализаторов, ощупывающих пространство в поисках цели. Последний раз его потревожили около двадцати тысячи лет назад. Какое-то тело пыталось проникнуть извне в запретное пространство. Страж уничтожил его и использовал для укрепления структуры собственного панциря. Потом он поднялся над планетой, чтобы проверить, откуда явился пришелец, и уничтожил огромный автоматический корабль, в несколько раз крупнее его самого.

Страж не помнил своих создателей, оставивших его миллиарды лет тому назад у истоков времен. Он не нуждался в такого рода воспоминаниях, не уточнявших боевой задачи. Его снабдили всем необходимым (энергией, автономным и поисковыми анализаторами, боезапасом) из расчета срока жизни Вселенной для того, чтобы он мог различать и убивать тех, кто не принадлежит этому миру. Страж был своего рода совершенством. Он был неуязвим и знал это. Его можно было повредить, на какое-то время вывести из строя, но убить его было практически невозможно. От него невозможно было уйти, спрятаться. Раз наметив цель, он уже не останавливался, пока не уничтожил ее.

Страж спал и видел сны. То были не совсем сны, но нет в человеческом языке эквивалента этому понятию. Транс? Страж спал, и перед внутренним взором его протекал обратный ток времени. Страж видел то, что с ним должно будет произойти. Во сне он видел будущее.

9:42. На экранах «Феникса» темнота, скрывающая стремительное падение вниз. Скорость падения нарастает с каждой секундой. Автоматически включились прожекторы. Вокруг брызги, плотный водяной туман. Зонд пронзительно пищит, как живое существо, стараясь эхолотом нащупать стены. Но ни ультразвук, ни детекторы массы, ни инфракрасные сканеры не регистрируют никаких стен. Приборы будто сошли с ума. Вопреки всяким законам движения внутрь планеты температура и давление падают. В какое-то неуловимое мгновение брызги превратились в снегопад. Некоторое время зонд летит в снежной метели, зарядами налетающей из тьмы, и вдруг словно еще раз проваливается. Вокруг него звезды. «Феникс» от нас на расстоянии десяти тысяч километров, там, где по всем разумным меркам должно находиться ядро Чарры.

Ввод компьютеру звездоскафа: идентификация звездного рисунка.

— Где это мы? — Рен Сии повернулся ко мне.

Горовиц крикнул.

Я глянул на бешено мелькающие цифры в окошке анализатора. Со скоростью несколько тысяч вариантов в секунду компьютер перебирал ракурсы звездного неба с разных точек Галактики.

— Смотрите, — Сара кивнула на оживший детектор массы.

— Вижу.

— Что это? — снова спросил Рен Сии.

Я развернул прожектор «Феникса» в зенит звездного неба. Внизу, откуда вывалился зонд в этот странный перевернутый мир, как круги расходилась зыбь, в которой ломалось, двоилось и троилось отражение бездонной звездной черноты. Судя по всему, то, что

приближалось к зонду, не намного превосходило размерами теннисный мяч. Заметить его с расстояния чуть больше километра, если оно не имеет светоотражающей поверхности, практически невозможно. Однако что-то блеснуло в невообразимой дали — искорка, слабый проблеск...

— Приближается к нам, — пробормотал Горовиц.

Я коротко поясняю Рен Си данные телеметрии. Тело диаметром десять сантиметров, вес, температура, альбеда, скорость сближения. Рен Си кивает.

— Что это может быть?

— Через минуту узнаем.

Такие маневры разведывательный зонд выполняет обычно автоматически: захват образцов в метеоритный контейнер, кусочки кометного льда или пробы верхних слоев атмосферы. На встречном движении «Феникс» делает стремительный разворот, срабатывает магнитная ловушка. Есть! «Феникс» продолжает движение по инерции, унося в чреве добычу...

Вблизи она больше всего похожа на фасеточный глаз насекомого. Крупный фасеточный глаз, полупрозрачный, в центре него переливается чистыми спектральными оттенками приглушенный свет, то ли же это просто преломляются лучи ламп внутри контейнера. В невесомости «глаз» медленно дрейфует из угла в угол, словно принохивается внутри «Феникса», словно не мы его изучаем, а он нас. И вдруг исчезает. Из закрытого зонда.

— Ч-черт, куда оно делось? — вырвалось у Горовица.

«Феникс» испытал толчок. Звездное небо на экранах зонда покачнулось.

— Что это было? — спросил Рен Си.

— Чей-то глаз, — сказала Сара, — Анализатор.

Я метнул взгляд на детектор массы. Судя по всему, «Феникс» приближался к какому-то огромному телу. Раз в триста больше «Лидохасса». Или это были несколько тел. Расстояние около ста километров — считанные минуты полета... Пожалуй, несколько тел. На передних экранах зонда видно, как на созвездия по курсу наплывает цепочка бесформенных теней. Уродливые асимметричные силуэты. Космические корабли? Непохоже. Какие странные очертания.

— Проектор, — говорит Горовиц.

Только сейчас я замечаю, что в рубке мертвая тишина. Абсолютно неестественная, будто глубоко под водой. И сам я не дышу, губы у меня плотно сжаты, как у ныряльщика. Я перевожу дух. «Феникс» начинает тормозить. Расстояние? Да, пожалуй, проектор, и я нажимаю сенсор.

Зрелище настолько же неестественное, как и уродливое. Паноптикум. Кладбище подбитых звездолетов. Именно подбитых. Внутренности их разворочены крестообразными пробоинами, совершенно одинаковыми, как печать, тавро. Они проплывают мимо тормозящего «Феникса», не выказывая ни малейших признаков жизни. Мертвые. В проекторном свете видны палубные надстройки, некоторые почти неповрежденные, совершенно фантастических очертаний. От них тянутся длинные тени, закрывая другие корабли. Ничего общего с земными звездоскафами. На земные корабли они похожи так же, как муха на ящерицу. Сколько же они здесь лет? Сто? Тысячу? Миллион? По Земле, возможно, еще бродили динозавры, когда первый из них потерпел здесь крушение.

— Мы можем зондом исследовать один из кораблей? — спрашивает Горовиц.

— Как именно?

— Попытаться проникнуть внутрь. По-моему, зонд достаточно мал для этого.

— Да, конечно.

— Вы хотите найти там останки экипажей? — спрашивает Рен Си, не без сожаления, как мне показалось, подавляя в себе желание немедленно приступить к вскрытию.

Кровожадный старик. Вампир-стервятник. Неправда, что все люди произошли от обезьян. Некоторые вот, например, от вампиров. А мой род, я знаю это совершенно точно, ведет свое начало от ядовитых грибов. Особенно хорошо это заметно по женской линии. И матушка моя была ядовитой, особенно в молодости, и бабушка, и обе прабабки. И я такой.

— Мне кажется, они все были подбиты, — говорит Горовиц, — причем совершенно необычным оружием.

«Феникс» завис над крестообразной пробоиной ближайшего корабля. Края ее не то чтобы оплавлены, а изъедены, как кусок сахара горячей водой. Это-то сверхпрочная бортовая броня! Невероятно. С чем же они встретились здесь?

Краем глаза я неожиданно увидел какое-то движение на одном из кормовых экранов зонда. Наплывающую из глубины паноптикума тень.

Панцирь Стража был холодный и абсолютно черный. Ни одной своей частью он не отражал даже фотона света, как черная дыра. И только за несколько секунд до выстрела его

боевое жало становилось видимым.

Никто не успел попятить, что произошло. В центре поднимающейся навстречу «Фениксу» тени вдруг налилось бледным светом крестообразное пятно, полыхнула ослепительная вспышка, и позывные зонда исчезли со всех экранов.

Я увидел, как внезапно страшно и неузнаваемо изменилось лицо Сары Безансон.

— Пр-роклятъе, — выдохнул Горовиц.

— Вы поняли, что произошло? — спросил Рен Си.

— Уничтожен, — прошептал я.

— Кажется, нас просто не пустили дальше, — сказал Горовиц.

— Кто?

— Проклятье, Нерт, можно повторить запись? Самый конец?

— Надо уходить отсюда, — вдруг тихо сказала Сара Безансон.

— Что? — обернулся Горовиц.

— Он чувствует нас, — все так же тихо повторила Сара. Лицо ее страшно побледнело.

Она обвела глазами рубку, но вряд ли она видела нас. Можно было только догадываться, что встало перед ее мысленным взором. Например, горящий «Лидохасс», падающий сквозь атмосферу Чарры в океан, катапультирующийся экипаж, расстреливаемый в воздухе циклопической черной тенью, висящей в зените вместо солнца... — очередная авария в атмосфере.

— Вам плохо, Сара? — встревожился Рен Си.

Во мне вдруг возникла леденящая уверенность, что ни с чем более опасным я в жизни никогда не сталкивался, чем около этой богом забытой планеты с нулевой степенью доступности. И вряд ли столкнусь. Просто такой возможности мне в жизни уже больше не представится.

— Он чувствует нас, — повторила Безансон. — Точнее, он вспомнил о нас, — по лицу ее прошла судорога. — Это не робот, — она говорила все медленней и медленней. — Негуманоидный разум. Эмоции не поддаются анализу. Мы разбудили его. Это Страж.

— Страж? — переспросил Рен Си.

— Смотрите, — Горовиц показал на сейсмический сканер.

Грузовой зонд на поверхности планеты зафиксировал серию нарастающих подземных толчков. От океанической воронки, куда полчаса тому погрузился «Феникс», покатались цунами, хорошо видимые на стереоэкранах.

— Он двинулся навстречу нам, — прошептала Безансон. Губы ее почти не двигались, словно онемели от холода. — Надо немедленно уходить.

...Страж медленно поднимался туннелем. Он не спешил, тем более что подъем был связан с изменением конфигурации корпуса, уникальная структура которого позволяла проходить сквозь отверстия в десятки раз меньше неактивированного размера Стража. Ему некуда было спешить. Он прекрасно помнил, чем кончится короткая погоня над Слезой Жизни. Только один эпизод неясным пятном закрывал картину в его памяти. Но это не беспокоило Стража. Отражение потока времени иногда может замутироваться воронкой турбулентности, однако сам поток, его русло всегда остаются неизменными. От него еще никто не уходил.

Тяжело выбрать правильное решение в ситуации, когда у тебя вдруг появляется неизвестный противник, о силе и быстроте которого можно только догадываться.

Чертыхаясь сквозь зубы, я катапультировал на орбиту Чарры все разведывательные

зонды, что были в грузовом отсеке «Лидохасса», не решаясь признаться себе, что какой-нибудь из них может остаться единственным свидетелем трагедии около альфы Эридана. Во всяком случае, зонды облегчили звездоскаф на лишние двадцать тонн и увеличили его маневренность. Была еще одна причина сбросить зонды. Я надеялся, что они задержат преследование Стража. Пока он успеет уничтожить их, «Лидохасс» покроет лишний миллион километров.

Для того, чтобы достичь скорости гиперпространственного перехода, тысячи километров в секунду, необходимо более суток разгона с ускорением $1g$ или почти тринадцать часов с ускорением $2g$. О больших перегрузках не могло быть и речи из-за нетренированности экипажа.

Траекторию разгона я направил так, чтобы как можно скорее оказаться над полушарием планеты, противоположным океанической воронке, от которой через каждые несколько минут с пугающей регулярностью родовых конвульсий продолжали расходиться кольца цунами. Однако минуты истекали за минутами, а Страж все не появлялся из адской утробы. С каждым мгновением увеличивалось расстояние между нами и Чаррой. Может, мы зря запаниковали? Но тут грузовой зонд, продолжавший возиться на песчаной косе за семь тысяч километров от эпицентра, зафиксировал особенно сильную серию сейсмических ударов, океаническая воронка замедлила свое вращение, словно снизу что-то начало перекрывать отток воде, после чего я окончательно поверил в нашу лихую долю, отменил старт грузовика и отключил с ним связь, дабы не облегчать Стражу поиск звездоскафа.

Он появился из океанической, воронки, когда мы были на расстоянии пятьдесят тысяч километров от планеты, неправдоподобно огромный, абсолютно черный в муаровых переливах защитного поля. Вода пенными струями стекала с его бортов. Чудовище. Динозавр. Монстр. С транслировавших эту картину зондов его и так было плохо видно из-за наслоения туч, а тут облака еще сгустились, полыхнули несколько молний и попали в него. Начинался ураган.

Страж заскользил над самой водой к восточному побережью, где среди песчаных дюн замер грузовой зонд. Страж несся над океаном как огромный болид, совершенно не обращая внимания на сопротивление атмосферы, с грохотом рассекая воздух и оставляя после себя мутный инверсионный след. Семь тысяч километров он прошел за двадцать минут, подняв под собой в океане огромную расходящуюся волну.

11:10. Расстояние от Чарры девяносто пять тысяч километров, ускорение $2g$ в течение пятидесяти минут. Я с тревогой слежу за контрольным дисплеем самочувствия экипажа, особенно за данными Рен Сии. Ничего, крепкий старик. Пока все идет хорошо, но предстоят еще двенадцать часов разгона. Собственно, контроль за самочувствием двойной. Вначале информация проходит через анализаторы кибермозга корабля, и при первых признаках ухудшения состояния кого-то из экипажа можно быть уверенным, что кибермозг сам сбросит ускорение. Хотя, конечно, в критической ситуации, когда судьбу будут решать секунды и метры, эту функцию можно и отключить.

Перед глазами всплыло лицо Лазарева. «У вас отличный послужной список, капитан, однако по сути своей вы еще...» Да.

Он затормозил над прибрежными дюнами, обдав волной горячего воздуха грузовой зонд с поломанным геологическим роботом в чреве и брошенный стажерами звездоскаф. Брошенный Землей звездоскаф. За год никто не рискнул направить сюда ремонтный корабль, чтобы поднять «Северный Ветер» с планеты.

Страж не обладал эмоциями в обычном человеческом смысле слова. Любопытство, удивление, ненависть, страх одиночества — все это было незнакомо ему. Все это осложнило бы выполнение боевой задачи. Секунд десять или меньше, он изучал незнакомые механизмы, замершие на песчаной косе, сравнивая их с воспоминаниями из своих снов. Казалось, огромная черная голова, едва заметно покачиваясь, разглядывает наглых букашек, заползших сюда. Вспышка! Видимая даже при ярком солнце и искажившая тени от дюн. Еще какое-то мгновение грузовой зонд и звездоскаф держали свою форму и вдруг распались, как сухой песок. Неуловимо быстрым движением он скользнул к их останкам и всосал в себя. Теперь эти материалы, богатые редкой неорганикой, пойдут на восстановление и строительство внутренней структуры Стража.

Огромная стая трехглазых женщин-птиц, круживших над Стражем, отпрянула ввысь, когда полыхнула вспышка, и снова спланировала чуть ли не к самым его анализаторам. Эти птицы были знакомы Стражу. Раз в году, когда в северном полушарии начинался сезон дождей, он пропускал их стаи мимо себя. Стаи уходили к звездам и, как правило, не возвращались.

С началом разгона «Лидохасса» мы почти не разговаривали. Придавленный двойным ускорением экипаж лежал в перегрузочных ложах. Горовиц, кажется, вообще задремал — вот образчик хладнокровия! Правда, за сутки до этого он почти не спал, готовя эксперимент с «Фениксом».

— Он преследует нас? — спросил Рен Си.

— Нет. Пока... нет. — Я перевел взгляд с экранов слежения на биолога. Лицо его слегка побледнело, но и только. Дыхание ровное. Глаза полуприкрыты. Губы слегка шевелятся.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Хорошо. Пока... хорошо, — усмехнулся он.

— Там рядом с вашей правой рукой кислородная маска.

— Я помню. Вы уже говорили. Не хочу привыкать. Насколько я понял Сару, главные испытания у нас впереди.

Губы его снова беззвучно зашевелились. Молится?

На экранах нижних перископов зондов, оставленных над Чаррой, я неожиданно увидел, что Страж начал стремительный подъем в атмосфере по касательной. Я метнул взгляд на информационный монитор и выругался про себя. Ускорение Стража было взрывоподобным, совершенно невероятным для его массы. Он летел с десятикратной перегрузкой! Я послал запрос на трактометр и через доли секунды получил ответ.

«ПРИ НЕИЗМЕННЫХ ВЕКТОРАХ УСКОРЕНИЯ ОБЪЕКТ «С» ПЕРЕСЕЧЕТ С Н. КУРС ЧЕРЕЗ СОРОК ВОСЕМЬ МИНУТ, ДВАДЦАТЬ И ДВЕ ДЕСЯТЫЕ СЕКУНДЫ».

Последняя двойка в окошке монитора несколько раз помигала, прежде чем превратиться в тройку. Жалкое утешение! О том, чтобы достичь скорости гиперпространственного перехода, не могло быть и речи. Не хватало еще одиннадцати часов! Я почувствовал, как холодеют пальцы и в них появляется противная дрожь.

Это был критический момент. Я набрал еще один запрос компьютеру, чтобы рассчитать новую траекторию. На расстоянии двести девяносто тысяч километров от Чарры вращался пояс астероидов — то ли обломки несформировавшегося спутника, то ли случайно захваченные на протяжении миллионов лет гравитационным полем планеты. Единственный выход — попытаться скрыться среди этого скального лабиринта или, что более вероятно, попытаться там принять бой, возможно, первыми атаковать под прикрытием одного из астероидов, как из-за щита. Такой призрачный шанс на спасение... Успеем или нет? Теперь это определяли разность скоростей, мощность двигателей и тренированность экипажа. Успеем?

Ответ пришел через секунду:

«ПРИ РАЗНИЦЕ УСКОРЕНИЙ 14g ВОЗМОЖНО ДВИЖЕНИЕ КОРАБЛЯ В ГРАНИ Метеорного потока до встречи с объектом «С». НАЧАЛО МАНЕВРА ЧИ ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ ДЕСЯТЬ СЕКУНД... ДЕВЯТЬ СЕКУНД... ВОСЕМЬ... СЕМЬ ШЕСТЬ...»

Это означало, что нам предстоит тормозить с четырехкратной перегрузкой против десятикратного ускорения Стража, дабы уравнять скорость звездоскафа и метеорного потока. Если преследующий нас монстр не начнет тормозить, то проскочит над нами за миллионные доли секунды, ничтожные даже для самого совершенного автомата, чтобы

нанести прицельный удар. А мы сможем послать ему вдогонку торпеды с аннигиляционными боеголовками... Выдержит ли экипаж? Рен Сии? Горовиц? Сара Безансон? «У вас отличный послужной список, капитан, однако по сути своей вы еще...» Да. Или нет?

Страж пролетел мимо дрейфующих над планетой зондов, едва-едва отклонившись от курса, только чтобы избежать риска столкновения и, выйдя из-за серпа Чарры, начал смещаться к центру задних экранов «Лидохасса», неумолимо сокращая между нами расстояние. Он отставал от нас на двести тысяч километров, когда за минуту до торможения кибермозг перевел «Лидохасс» в инерционный полет и начал разворачивать звездоскаф. Перегрузка исчезла.

— Что случилось? — спросил Горовиц, открыв глаза и увидев, как поплыли против вращения корабля звезды на экранах.

— Через минуту начинаем тормозить.

— Тормозить?

— Да. Будут четырехкратные перегрузки около получаса.

— Что произошло со Стражем? Мы не возвращаемся к Земле?

Земля! Господи, неужели уже не дотянуться до нее. Не дотронуться никогда? Я вспомнил, как пятилетним пацаном тонул в море. В какой-то момент я открыл глаза и увидел поверхность воды над собой. А за ней небо, облака. До поверхности можно было дотянуться рукой, но не губами, не ртом.

— Он преследует нас, — сказал я.

— Тогда почему мы тормозим?

Я глянул на Сару Безансон. Губы сжаты в тонкую ниточку. Глаза не выражают ничего, словно остекленели.

— Мы не успеем уйти в гиперпространство, я сверился с хронометром. До начала маневра осталось тридцать секунд. Он разгоняется в пять раз быстрее нас. Единственное, что мы успеем, — попытаемся затеряться в потоке астероидов около Чарры. И для того, чтобы уравнивать нашу скорость с потоком, мы и тормозим.

— Вы думаете, это удастся? — спросил Рен Сии.

Затормозить? Затеряться? Не стал я уточнять.

— У нас нет выбора. Все. Нет времени. Наденьте кислородные маски.

— Мне кажется, надо послать на Землю предупреждение о Страже, — сказал Рен Сии, очевидно, не очень надеясь на благополучный исход.

— Я уже сделал это, как только понял... — четырехкратный вес вдавил меня в перегрузочное ложе. — «Что без боя нам не уйти», — закончил я про себя.

Страж был лишен эмоций в обычном человеческом смысле этого слова. Он не мог по достоинству оценить безмолвную погоню во тьме среди небесных тел. Ему не был знаком восторг хищника, настигающего добычу.

Его не мучил выбор. Он был идеальной машиной преследования и уничтожения. На файлах цели он прекрасно видел, как объект изменил курс, стараясь спрятаться в потоке астероидов. Он тут же считал с анализаторов координаты, время и угол изменения курса, скорость торможения объекта для корректировки собственного курса.

Звезды на экранах медленно смещаются. Мы меняем курс и одновременно тормозим с четырехкратной перегрузкой. Тающий серп Чарры уходит с центра задней панорамы. Одновременно темная точка, периодически перекрывающая звезды на экранах за сто тысяч

километров от нас (если дать еще большее увеличение — миниатюрный непрозрачный диск — Страж), смещается на слегка опалесцирующий фон ночной стороны Чарры, проходит по его краю и снова сливается с чернотой межзвездного пространства, оставшись лишь в виде точки на мониторе слежения.

Все произошло очень просто. Как проста, в сущности, жизнь и смерть. Просто и быстро.

Вспыхнул контрольный дисплей самочувствия Рен Си. «Лидохасс» словно споткнулся. Двигатели перешли в режим инерционного полета, и Горовиц с Сарой Безансон начали расстегивать на себе перегрузочные ремни, чтобы помочь бледному задыхающемуся биологу. Только Сара вдруг на полудвижении остановилась и закрыла глаза. По сжатым губам ее скользнула странная улыбка... Краем глаза я заметил в перекрестии кормовых перископов, как Страж внезапно выплюнул змеящийся сполох, и только успел крикнуть: «Нет! Не трогайте его!» (А может быть, я только хотел крикнуть?), как залп накрыл «Лидохасс», и в голове словно взорвалось маленькое солнце.

Залп был особенно ужасен не только из-за неожиданности. Это был первый залп за многие сотни лет. И всю энергию, которую Страж копил эти сотни и сотни лет, он вложил в выстрел. Оружие это было незнакомо Земле — ударная волна, разрушающая внутриядерные связи в атомах. Страж не промахнулся. Но расстояние было слишком велико, оно хоть и не ослабило залп, но за ту лишнюю миллисекунду, пока ударная волна дошла до «Лидохасса», успело сработать защитное поле, охватив звездоскаф непроницаемым экраном. Однако залп был обвальная силы. Он подтолкнул нас на сотни километров. Полет «Лидохасса» перешел в беспорядочное вращение.

Перегрузка убила их. Всех трех одновременно. 30 или 40g в течение считанных секунд. Рен Си, потому что у него и так было слабое сердце, а Горовица и Безансон... Толчок вырвал их из полурасстегнутых лямок и сбросил на пол. Когда у меня прояснилось перед глазами, я увидел, что осталось от них: рваное окровавленное тряпье. Они лежали рядом. Законы инерции одинаково швыряли их по рубке. Они умерли несколько секунд назад, но кровь, выдавленная нечеловеческой перегрузкой, уже успела пропитать их комбинезоны.

Я старался как можно меньше касаться их, когда переносил их обратно в перегрузочные лежа. Собственно, я решил, что это конец. На обзорных экранах — сплошной серебристый туман из-за свечения защитного поля, принявшего на себя большую часть ударной энергии. Автоматика не работала. «Лидохасс» двигался какими-то рывками, ничего не видя и не слыша: ни преследующего нас Стража, ни надвигающегося метеорного потока по курсу. Температура в рубке подскочила градусов на тридцать. Тянуло какой-то гарью. И вдруг... экраны прояснились.

Страж больше не стрелял. Отчасти потому, что накопители все медленней наполнялись энергией (следствие не возраста и усталости, а сражения тысячу лет назад, когда не обошлось без повреждений), а отчасти потому, что Страж понял: пришельцу уже не уйти. Расстояние между ними быстро сокращалось. Преследуемый корабль начал двигаться беспорядочными зигзагами, так что, наверное, взять его будет легко.

«Лидохасс» вписался в движущийся поток астероидов в последнюю секунду. Глупости это были про маневрирование в метеорном рое. Не смогу я маневрировать с нарушенной магнитной балансировкой двигателей. Компьютер выдавал какие-то отрывочные цифры скоростей и дистанций, но они только сбивали с толку, так как поступали с огромным опозданием. На нижние экраны наплывал огромный иссеченный тенями бок астероида. Я буквально кожей чувствовал холод шершавых ледяных склонов у себя под ногами. Удар! «Лидохасс» врезался опорой в верхушку скалы. Стой! Я метнул взгляд на альтиметр. Что ж ты врешь так, однако? К счастью, скорости уже уравнились. Стоп. Все.

«Лидохасс» замер на ночной стороне огромной каменной глыбы весом миллиарды тонн. Осталось ждать несколько минут. Попытка у меня будет только одна.

Я старался не смотреть в сторону инерционных кресел, где, стянутые перегрузочными лямками, скалились в полутьму рубки кровавые ошметки. Тусклые влажные блики, не лица — маски. С берегов Стикса.

Сейчас... Сейчас. Надо подготовиться.

Я положил ладонь поверх считывающего сенсора, который должен был открыть бронестекло над гашетками аннигиляционных торпед. Четыре гашетки — четыре самонаводящиеся боеголовки, страшный заряд, способный уничтожить планету в два раза больше Земли.

Сейчас. Сейчас, ребята. По торпед за каждого из вас и одну за меня. Сейчас. Ну! Ну же. Бронестекло не двигалось с места. От невероятной догадки вдруг перехватило дыхание, словно из рубки исчез весь кислород. Я покрылся холодным потом. Автоматика не работала. Все. Конец.

Я уже видел в своем воображении: вот между этих скал он вспухает над близким горизонтом подобно черному грибовидному облаку. Проклятье! В десантном мезонаторе есть «мутант», чтобы вскрыть бронестекло, но я наверняка не успею. Будь оно все проклято! — Я обхватил голову руками, — Ничего хорошего не могло выйти из этой экспедиции. Ни-че-го! И этот Шейхман — сволочь! Ублюдок! Он ведь знал, что нельзя посылать с нами женщину. Знал! Чего он хотел добиться? Случайных смертей? Будь ты проклят, Шейхман! Из-за тебя мы все погибнем. Все погибли!

Я ударил кулаком по бронестеклу. Кулак спружинил, а бронестекло вдруг скользнуло в сторону. В мгновение ока я будто протрезвел. Все остальное произошло так быстро, что я едва успел нажать на «пуск». Только что на инфракрасных экранах горизонт был чист, и вот над силуэтами скал стремительно несется, обходя меня по спирали и продолжая тормозить, крохотный непрозрачный диск.

Он успел увернуться от трех из четырех торпед, хотя летели они не намного медленней луча света. Кроме того, произошло еще что-то. Даже единственная боеголовка разнесла бы

его в пыль. Нет, не в пыль, превратила бы его в поток фотонов.

Вспышка на секунду ослепила экраны, а когда снова появилось изображение, огромная темная чечевица, утратив целеустремленность хищника, беспорядочно вращаясь, приближалась к астероиду. В центре нее остывала багровая воронка от взрыва, так что чечевица была похожа на черный вырванный глаз.

— Мы подбили его, ребята, — прохрипел я. Горло пересохло. — Мы подбили его!
Вдали полыхнули три вспышки. Это самоуничтожились остальные три торпеды.

Страж медленно приходил в себя. Для того, кто прожил миллионы лет, сорок часов не имеют значения, как мгновенье, как вздох. Одновременно с тем, как включились поверхностные анализаторы, его мозг очнулся, и Страж вспомнил. Его оглушили. Одна из четырех торпед попала в панцирь. Несмотря на фантастическую крепость внешней эмали, защищенной полем отталкивания, взрыв разрушил кристаллическую структуру внешних слоев, а ударная волна частично порвала полициклические связи нервной системы.

Страж попытался разобраться в своих ощущениях. Дублирующие системы работали удовлетворительно. Страж обшарил анализаторами пространство. Он по-прежнему находился в поясе астероидов. Корабль, который он преследовал, завис над ночной стороной Чарры на высоте тысячи километров. Страж чувствовал внутри него движение живой органической субстанции, с бессмысленным упрямством цеплявшейся за жизнь. Что двигало ею? Страх смерти? Стражу было все равно. Страх смерти был для него отвлеченной математической абстракцией. Как и любопытство.

Что ж. Двигатели отозвались на приказ нарастающей тягой, и глухая боль прокатилась внутри Стража — ранее неизвестное ему ощущение. Однако, если взрыв как-то и сказался на ходовых качествах, внешне это было не заметно. Что ж. Через час все будет кончено...

Я заметил его, как только он вышел из пояса астероидов: тусклая точка, похожая на сошедший с ума метеор, рванувший против общего потока. Летел он, как и прежде, с взрывоподобным ускорением.

У меня больше не было сил ни бояться, ни проклинать. Я уже перешагнул барьер обычных человеческих эмоций. К этому времени мной владела только безмерная усталость. Я похоронил свой экипаж в поясе астероидов и с трудом дотянул «Лидохасс» до стационарной орбиты вокруг Чарры в надежде, что меня подберет следующая экспедиция, обещанная Шейхманом. Больше «Лидохасс» ни на что не годился. Ни защищаться, ни подать сигнал о помощи, ни тем более разогнаться до сколь-нибудь приличной скорости он не мог. Осталось только ждать. Помощи. И вот и эту возможность у меня отбирали. Мой последний шаг был плодом отупевшего от безысходности контуженого мозга. Безусловно, если бы я был в состоянии трезво проанализировать свою идею, я бы отбросил ее, как совершенно безумную и через час умер наверняка даже не почувствовав боли. Или какое-то гипнотическое наваждение гнало меня вперед?

Идея заключалась в следующем. Оставить звездоскаф (не для того, чтобы обмануть Стража, его такими фокусами не проймешь, а чтобы хоть чуть-чуть задержать его) и на мезонаторе погрузиться в океаническую воронку, пока она никем не охраняется. В какую часть Вселенной меня вынесет — неизвестно. Если Страж оставит преследование, у меня будет время сориентироваться с помощью кибермозга мезонатора.

Дальнейшее я представлял себе смутно. Возможно: а) попытаться активизировать один из наименее поврежденных кораблей из паноптикума Стража и уйти на нем дальше к известным обитаемым мирам (план мой основывался на том, что на корабли эти Страж уже давно не обращает никакого внимания), б) попытаться еще раз «атаковать Стража и подняться навстречу спасательному звездоскафу, в) закончить свою жизнь Робинзоном, при невозможности осуществить пункты а и б, питаюсь консервами из мезонатора.

Я покинул «Лидохасс» без сожаления. Когда я входил на мезонаторе в океаническую

воронку, он был уничтожен.

Мой мезонатор провалился под звездное небо, оставив за собой расходящиеся, дробящиеся волны призрачного отражения, как круги на поверхности невидимой воды. На миллионы километров вокруг — никаких признаков подбитых инопланетных кораблей. Вообще ничего, даже малейшего обломка! А сзади уже напирал, протискивался в адскую нору Страж.

Я ясно понимал, что это конец, но остановиться уже не мог. Я начал разгон мезонатора с максимальным ускорением к ближайшей звездной системе, к границам которой я смог бы добраться лет так через триста при благоприятном стечении обстоятельств.

Стражу не составило труда понять, что произошло. Простой расчет показал: нет смысла бросаться в погоню за крошечным кораблем. Энергозащищенность его такова, что хватит залпа минимальной силы.

Последнее, что я запомнил — наливающееся зловецим светом крестообразное пятно на панцире Стража, а впереди... Господи! А впереди совсем близко — знакомый треугольный силуэт с металлическим отливом несущейся навстречу женщины-птицы!

Я до сих пор не могу отделаться от чувства, что она хотела защитить меня. Почему?

Воскрешая раз за разом эту картину, мне начинают чудиться знакомые черты в ее лице, хотя я знаю, это чепуха. Лицо ее с такого расстояния я не мог рассмотреть никак.

Очнулся я от яркого света, бьющего сквозь сомкнутые веки. Голова раскалывалась от боли. Я лежал в траве. Где-то рядом накатывался на берег прибой. Жарко. Пахло летом: солью, озоном, нагретой землей и еще чем-то незнакомым, запахом незнакомой планеты, к которому обычно позднее привыкаешь.

Высоко-высоко в небе кружат грифы. Их четыре — серебристо-голубых креста, почти неразличимых на фоне выгоревшей синевы неба. Если долго вглядываться, их силуэты кажутся совсем прозрачными, как намек. Намек на неизбежность смерти.

Нас тоже было четверо.

Двигаться я не мог. Я не мог даже повернуть голову, чтобы увидеть море. Когда солнце зависло над самым горизонтом, рядом приземлился спасательный модуль, и два человека, склонившись надо мной, так и не добившись от меня ни единого слова, осторожно подняли и занесли меня внутрь мезонатора, над которым все так же высоко в зените продолжали кружить серебристо-голубоватые силуэты.

Кажется, весь обратный полет я проспал. В короткие минуты пробуждений, когда сон путался с явью, я вновь и вновь старался воскресить в памяти странное трехглазое лицо ведьмы, падающее навстречу из темноты. И еще я размышлял о том, почему меня не достал

выстрел Стража, и еще о том, был ли у этих ребят, которые подобрали меня с Чарры, строжайший приказ Шейхмана «не приземляться ни при каких обстоятельствах», и еще о многом другом. Например, о том, погибну ли я в ближайшие несколько лет, если останусь пилотом, и о том, что надо предупредить об опасности ребят, спасших меня; о Спаргинсе, о Ружене и о Земле. И об эманации смерти...

Если исходить из того, что все в природе сбалансировано, то огромный заряд жизни, сконцентрированный в женщинах-птицах, должен был бы уравниваться избирательной способностью убивать на огромных расстояниях. Совершенно непостижимым образом. Не потому ли погибли почти все участники первой экспедиции на Чарру? Мысль о равновесии жизни и смерти, безусловно, не нова. Я помню, как поразился, узнав однажды, что знаменитые убийцы и насильники, совершив очередное преступление, тут же спешили зачать в женщинах новую жизнь. И вообще, судя по всему, имели необъяснимо высокую потенцию. И, если минус на минус дает плюс, то, может быть, именно потому меня не достал последний выстрел Стража, рассеявшись о встречную волну смертельной эманации от налетающей ведьмы?

В Медицинском Центре Дальразведки меня быстро поставили на ноги. Через несколько дней я уже мог самостоятельно передвигаться по палате, а еще через неделю меня выписали.

Отчет я сдавал своему непосредственному шефу Георгию Давиташвили.

Я шел по коридорам Управления Дальней Косморазведки, со смешанным чувством недоумения и опаски вглядываясь в лица. Никто не бежал навстречу, не бил тревогу, не объявлял готовности номер один в связи с катастрофическим распространением неведомой жизни в западном полушарии, и события около Чарры, угроза Земле, исходившая от чужой экологической системы, показались мне не более чем страшным сном.

Я смотрел в темные прищуренные глаза шефа, откинувшегося в кресле по другую сторону необъятного письменного стола, и постепенно ощущение пережитой смертельной угрозы вытеснялось в моем сознании обстановкой официоза и субординации, а также той несложной мыслью, что до конца света, по всей видимости, не так уж близко, по крайней мере, на наш век хватит.

Шеф слушал меня молча, почти не перебивая, а в конце, не сводя с меня внимательных глаз, спросил, хорошо ли я знаю Ружену Спаргинс, племянницу Роя Аллана Спаргинса.

— Да, хорошо.

Шеф покивал.

— Ружены Спаргинс сейчас нет на Земле. Если вам станет что-либо известно о ее местопребывании... Это телефон отдела ксенологии, а это... В общем, если вы вдруг что-либо узнаете...

— Ясно.

Ни черта мне не было ясно. Оба телефонных номера я засунул в нагрудный карман. Некоторое время мы с шефом смотрели друг на друга.

Невооруженным глазом было видно, что он собирается меня еще о чем-то спросить, то ли ждет, что я сам ему расскажу, но из чувства деликатности не хочет пока меня торопить.

Мы немного помолчали, потом я спросил.

— Кто меня спас?

— Команда Лимма Биесбардиса. Вы встретитесь через две недели на итоговом совещании.

Я поднялся, чтобы уйти.

— Погоди, сынок. Не спеши. Сядь. Такие полеты, как у тебя, выпадают на нашу долю один, редко два раза в жизни. Я хочу, чтобы ты знал, что справился с работой отлично. Не вини себя ни в чем. Ни себя, ни кого-либо другого. Ты сделал все, что мог. Ну а теперь, — он протянул мне руку, — до встречи.

Две недели я мог располагать собой как угодно и решил во что бы то ни стало найти Роя Спаргинса. Код его личного видеоканала не отвечал, что само по себе уже было странно, поэтому после недолгого колебания я отправился к коттеджу «Утренняя Роса» на берегу Миссисаги, где мы расстались с Руженой немногим больше трех недель назад.

Однако сейчас я полагаю, что вряд ли мы уже с ней встретимся в этом мире. Предчувствие не обмануло ее.

Меня никто не успел предупредить, и на подлете к коттеджу я был остановлен оцеплением. Думаю, что доступ к этому уголку на берегах озера Гурон будет закрыт для непосвященных еще многие годы.

Рой Спаргинс, единственный человек, который оставался с Руженой последние часы, рассказывает удивительную историю.

Ружена заболела сразу после старта «Лидохасса». У нее начался озноб, температура подскочила до сорока. На коже появилась какая-то бледная сыпь. В течение нескольких ночей (обострения наступали по ночам) она непостижимым образом изменилась: пальцы рук скрючились и словно усохли, от предплечий к бедрам натянулась полупрозрачная кожаная складка, пронизанная сосудами. Начал странно деформироваться череп — над переносицей появилось кровоточащее вдавление размером, как глазница, заполнившееся за несколько часов вздрагивающей желеобразной массой. Ружена кричала от боли, когда Спаргинс пытался дотрагиваться до нее.

Не понимаю, почему Спаргинс медлил. Когда прилетела медицинская бригада, вызванная им, Ружену не нашли ни в самом коттедже, ни в окрестностях. Предположили, что в состоянии дезориентации, вызванной болезнью, она попыталась неведомо куда уйти из дома, и несколько дней безрезультатно искали в лесах по берегам Миссисаги.

На кровати, где Спаргинс оставил задыхающуюся Ружену, человек в защитном комбинезоне и перчатках подобрал ее одежду во влажных еще разводах. Совершенно излишне описывать, с какими предосторожностями все предметы, к которым прикасалась Ружена за последние часы, были доставлены в специальные закрытые лаборатории Института Физиологии Человека.

Спаргинс узнал о нашей радиограмме с результатами вскрытия туземной девушки-амазонки на следующее утро, после того как ее получили в Центре. Внезапная догадка поразила его. Была развернута еще одна программа по поиску незнакомых, не поддающихся идентификации животных, насекомых, растений на площади около ста шестидесяти тысяч квадратных километров к северу от озера Гурон, но никаких признаков внедрения чужой экологической системы в этом огромном ареале не было найдено.

Косвенным результатом нашей радиограммы было то, что следующая экспедиция к Чарре, планировавшаяся через месяц, стартовала на три недели раньше, оснащенная медицинской генетической лабораторией и усиленная несколькими ксенологами.

Вот, собственно, и все.

Что дальше произошло с Руженой в одну из последних майских ночей, когда ее никто не видел, мне нетрудно представить.

У меня не осталось ни одной ее фотографии, ни одной записи с голосом. И тем не

менее, вспоминая ее, я ясно вижу лицо, склоненное надо мной в темноте, и слышу ее горячий шепот:

— У тебя была девушка до меня?

— У тебя была...

— У тебя...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Гриневич Василий Михайлович, врач, в 1982 году закончил Днепропетровский мединститут. До 1993 года работал в Кривом Роге в кардиологии, инфарктном отделении, отделении гипербарической оксигенации, врачом-гомеопатом. В настоящее время преподаватель Днепропетровского мединститута народной медицины.

В 1980–1982 годах участвовал в работе Днепропетровского клуба фантастов вместе с В. В. Головачевым.

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА!
Остросюжетная
Юмористическая
Приключенческая
Дебютанты и Мастера

ЗАЧЕТ ПО ВЫЖИВАЕМОСТИ.
Последний — сложнейший — экзамен для курсантов
любой Астрошколы!

...Тридцать лет назад количество аварий и катастроф в
космосе внезапно — и неизвестно почему — приняло чу-
довищные размеры. С тех пор «выживаемость» стала обя-
зательной дисциплиной в курсе обучения будущих звездо-
летчиков.

Зачет по выживаемости...
Чтобы сдать его, надо быть **ГОТОВЫМ КО ВСЕМУ.**
Но наконец он **СДАН.**
Конец тревогам компании новоиспеченных звездо-
летчиков?
Нет!
Просто — **НАЧАЛО** их новых приключений!

ISBN 5-17-020912-6

9 785170 209125

notes

Ю.А. Гагарин, К.Э. Циолковский

С.П.Королев, Н.И.Кибальчич, Ф.А.Цандер